

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОИПКРО

Томский научный центр СО РАН
Институт развития образовательных систем РАО
Ассоциация философских факультетов и отделений

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: ФИЛОСОФИЯ, УПРАВЛЕНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ

**Материалы III Сибирского философского семинара
Всероссийской научной конференции
с международным участием**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

УДК 16:[37.01.:005]10+37.01+005

ББК 87

О 28

Редакционная коллегия:

председатель – докт. филос. наук, профессор *В.А. Суровцев*,
ответственный секретарь *К.А. Габрусенко*

д-р филос. наук, профессор *Г.И. Петрова*, д-р филос. наук,
профессор *В.Н. Сыров*, д-р филос. наук, доцент *Е.А. Найман*,
канд. филос. наук, доцент *О.Г. Мазаева*,
канд. филос. наук, доцент *И.А. Эннс*

О 28 **Общество знания: философия, управление, образование:** Сб. статей III Сибирского философского семинара (Всероссийской научной конференции с международным участием) / отв. ред. В.А. Суровцев, С.И. Ануфриев – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 376 с.

ISBN 978-5-7511-2595-2

Настоящий сборник составлен на основе докладов участников III Сибирского философского семинара.

УДК 16:[37.01.:005]10+37.01+005

ББК 87

Для преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и магистрантов, а также молодых ученых, учителей школ, лицеев, гимназий и колледжей.

Оргкомитет конференции выражает глубокую благодарность коллективу Лаборатории каталитических исследований ТГУ и ее заведующей Курзиной Ирине Александровне за помощь в организации конференции.

Оргкомитет конференции благодарит Томское региональное отделение ЛДПР и руководителя фракции ЛДПР в Законодательной Думе Томской области Брянского Сергея Николаевича за помощь в публикации материалов конференции.

Конференция проводится при поддержке Администрации Томской области.

ISBN 978-5-7511-2595-2

©Томский государственный университет, 2013

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ ЗНАНИЯ

ЕДИНСТВО ТРАДИЦИОННОЙ И НЕТРАДИЦИОННЫХ ФУНКЦИЙ АРХИВА КАК ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

О.М. Ардашкина

Томский политехнический университет
olgaardashkina@mail.ru

Выбор архива в качестве предмета статьи представляется важным, поскольку информационные технологии кардинально влияют на понимание того, что такое архив. Проблема заключается в том, что информатизация как процесс ускорения создания и обмена информацией является следствием изобретения, использования и внедрения соответствующих технологических инструментов, которые радикально меняют информационное пространство общества. Этот процесс не просто технически увеличивает количество информации, не просто ускоряет процесс ее обмена, но выливается в серьезные социокультурные трансформации.

Для архивов обозначенные изменения очень существенны, поскольку последние и без того испытывают в процессе своей деятельности определенные проблемы (формирование фондов, доступ к фондам, законодательные проблемы и т.д.). Теперь к ним добавляются как минимум еще и технологические трудности (информатизация архивов, перевод фондов в электронную форму, создание архивных сайтов и доступа к ним, их обслуживание и т.д.), которые имеют непростые социальные, коммуникативные, управленческие следствия.

В этих условиях осмысление роли и места архива в контексте становящегося общества знания является актуальным. Ведь все обозначенные противоречия формирования общества знания непосредственно касаются разных сторон функционирования архива: информационно-технологической, коммуникативной, социальной, правовой, культурной, организационной.

1. Информационно-технологическая сторона. Формирование единой информационной сети предполагает и создание единой сети архивов как в национальных масштабах, так и в глобальном. Это и их оснащение соответствующим оборудованием, подключение к Интернету, организация информационных потоков и контроль за ними и т.д. К сожалению, опыта создания архивов на уровне глобально функцио-

нирующей системы сегодня нет (пока речь идет о единичных примерах подобного способа организации деятельности архивов в глобальном информационном пространстве). Кроме того, в этом пункте имеется ряд проблемных мест, где одной из главных сложностей является вопрос о договоренности между государствами относительно создания такого рода сети. На данный момент времени есть все основания полагать, что вряд ли эта договоренность может быть достигнута (в качестве подтверждения этого тезиса можно привести ситуацию с Wikileaks, которая показала, что далеко не каждое государство, не говоря уже о простых гражданах, готово допустить к своим архивам исследователей, журналистов, простых пользователей).

2. Коммуникативная сторона. Архив выступает в качестве места, где зарождается особое коммуникативное пространство. Специфика этого коммуникативного пространства заключается в том, что в рамках его поля удовлетворяются определенные потребности людей (клиентов), связанные с поиском необходимых документов, данных, информации в целом. Но учитывая, что архив, формируемый как специальное информационное пространство по особой технологии, будет испытывать все те же проблемы, которые решают все аналогичные информационные системы. Подобная форма его функционирования вряд ли сделает его коммуникативное пространство удобным и приемлемым.

Изначально коммуникативная активность будет определяться большой зависимостью от создателей архивного сайта, от того, как интенсивно этот сайт будет работать. Такая коммуникация будет носить односторонний характер, ее организация будет обусловлена рядом факторов, осложняющих осуществление коммуникативной активности человека (децентрализация обращений, сложность контроля, неопределенный период ожидания, сложность оперативного получения информации и т.д.).

3. Социальная сторона. Архив в обществе знания становится неотъемлемой частью сетевой инфраструктуры. Сетевая инфраструктура выступает как продукт общества знания, как результат развития технических наук. Благодаря развитию компьютерных сетей социальность обретает многообразие форм. Помимо традиционной формы социальности, выражающейся в наличии определенных социальных групп (страт), четко работающих нормах, традициях, идеалах, регулирующих их взаимодействие, а также обозначение иерархии и каналов общения, сегодня на наших глазах формируется нетрадиционная форма социаль-

ности, задаваемая возможностями информационных технологий. Главная особенность нетрадиционной социальности – множественность, в которой представлены потенциально большое количество людей, имеющих доступ к информационному пространству, максимально возможное число горизонтальных, вертикальных и иных их связей, разнородность времени протекания процессов (порой и вневременность), максимальные скорости коммуникативных связей и т.д. Как пишет А.В. Назарчук, «для социолога очевидно, что взрывной рост сетевых связей в обществе во многом возникает благодаря распаду более прочных традиционных связей. Традиционное общество скреплялось жестким каркасом классического представления о пространстве и времени. Нынешнее многообразие форм и связей разорвало этот каркас, породив плюрализм восприятия времени и пространства» [1. С. 65].

Подобная социальная организация ставит под сомнение роль архива для общества как хранилища исторических, правовых, финансовых и других документов, как инструмента социальной памяти. В ситуации множественности отношений между пользователями (новая социальная единица общества) сложно понять, уточнить какую-то более-менее ясную направленность развития, без чего ни историческая память, ни способ организации хранения документов не могут быть четко выражены. Кроме того, происходит некоторое стирание границы между реальным и виртуальным, что в сфере памяти, в сфере архивной практики является показателем, чрезвычайно опасным для общества.

Наверное, с точки зрения перспективы развития общества социальная сторона функционирования архива стоит сегодня перед самым большим вызовом относительно других его сторон.

4. Правовая сторона. И в традиционном виде архивы (деятельность архивных учреждений) испытывали некоторый «правовой голод», недостаточность правового обеспечения своей деятельности. Если же говорить о правовой стороне архивной деятельности в условиях информационного общества, то здесь действительно требуется существенная правовая проработка разных аспектов. Стоит отметить тот факт, что первый в истории России закон, посвященный архивному делу, был принят лишь в 2004 г. (но это общий закон). Что же касается деятельности архивов в информационной среде, то эта деятельность, в частности, не регламентирует конкретную реализацию цифровой подписи. Подобное, согласно мнению экспертов, мешает росту культурно-исторической ценности электронных документов. Правовое обеспечение архивной

деятельности требует существенной проработки ряда аспектов, что представляется важным и в социальном плане.

5. Культурная сторона. Архив попадает в систему информационной культуры (культуры общества знания). Информационная культура, ее сущность хорошо обозначаются через образ «экранный культуры» (поверхностной культуры). Это культура информационных потоков, культура искусственного интеллекта, компьютерная культура и т.д. В этой культуре нет глубины, нет подлинности. По меткому выражению французских постмодернистов, это культура симулякра, культура копий.

Для архивов такая специфика культуры представляет собой существенную сложность, поскольку архив в такой культуре утрачивает свою традиционную функцию, превращается лишь в технологический архиватор. Эта расширительная трактовка архива в контексте информационной культуры, с одной стороны, лишает его мировоззренческой, социальной, мемориальной и других функций. Человек в информационной культуре «стирается» как личность, превращается в аморфного индивида, все локальные культуры (народная, этническая, религиозная, гендерная и т.д.) подменяются единой массовой культурой. Но, с другой стороны, информационная культура дает определенные преимущества. Как пишет Л.В. Скворцов, «информационная культура позволяет находить технически тот средний путь, который в традиционной культуре был нереальным. Так, утверждение информационной культуры снимает полярность социокультурных установок централизма и децентрализации, индивидуализма и коллективизма. Если, например, мы создаем базу данных, включающую огромный объем информации, то это – проявление централизма. Вместе с тем если ею может пользоваться любой потенциальный потребитель, то это выражение реальной децентрализации» [2. С. 23–24]. Тем самым можно сказать, что информационная культура, представляя собой вызов для архивов, в то же время допускает возможность сочетания в архивной деятельности совмещения ее традиционных и нетрадиционных функций.

6. Организационная сторона. Этот аспект предполагает констатацию того, что осуществление задач, стоящих перед архивом в информационно-технологическом, коммуникативном, социальном, правовом, культурном планах, требует организационной перестройки деятельности последнего. Архив должен в полной мере соответствовать тем задачам, которые ставит перед ним общество знания. Обозначим эти задачи. По мнению А.И. Шендрика, архив как компонент инфор-

мационной культуры должен представлять собой: «а) организацию, строящуюся вокруг процесса, а не задачи; б) плоскую иерархию; в) командный менеджмент; г) измерение результатов по удовлетворенности покупателя; д) вознаграждение, основанное на результатах работы команды; е) максимизацию контактов с поставщиками и покупателями; ж) информирование, обучение и переподготовку сотрудников на всех уровнях» (3). Но при этом нужно понимать, что достижение указанных задач не снимает необходимости сохранения традиционных функций.

Таким образом, следует констатировать, что опыт философской концептуализации архива в обществе знания позволяет сделать следующие выводы. Становление общества знания действительно приводит к появлению новой интерпретации архива (расширительной его трактовки), которая может быть обозначена через интерпретацию последнего в качестве хранилища (архиватора) любой информации и данных. Такая трактовка несет в себе определенные риски, поскольку при своей абсолютизации (использовании архива исключительно в качестве информационной технологии) приводит к утрате последним всех его значимых для общества функций: мировоззренческой, социальной, мемориальной, функции хранения различных документов (исторических, правовых и т.д.).

В то же время формат общества знания не препятствует сохранению традиционных функций архива, он вполне позволяет их соблюдать при соответствующем участии человека. Поэтому если человек будет идентифицировать себя не только через функцию пользователя, но и как личность, как живое начало культуры, то архив будет ему необходим и в традиционном своем виде. В этом случае архив может выступать не только как объект человеческой деятельности по самоидентификации, но и как инструмент. Поэтому для человека в условиях общества знания как никогда важно сформировать архив в единстве его традиционной и нетрадиционной функций.

Литература

1. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. – 2012. – №9. – С. 56–66.
2. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. – М.: Изд-во МБЛ, 2011. – 440 с.
3. Шендрик А.И. Информационное общество и его культура: противоречия становления и развития // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – №4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Shendrik> (дата обращения: 06.03.2013)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ ПОСТКРИЗИСНОГО НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

А.А. Гордиенко

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
gordienko.22@mail.ru

Более пристальное рассмотрение процессов развития комплексных научных центров, каковыми являются научные центры СО РАН и, в частности, Новосибирского академгородка, связано с исследованием тех социальных инноваций, которые генерализуются в результате, происходящих в нем процессов самоорганизации в контексте его социокультурной эволюции как некоего целостного микросоциума. Прежде всего, рассмотрим структурные изменения, ориентированные на формирование институциональных инноваций, конституирующих тенденции, связанные с формированием на базе фундаментальной научной деятельности, инновационной системы, обеспечивающей и «новое бытие» академических институтов СО РАН.

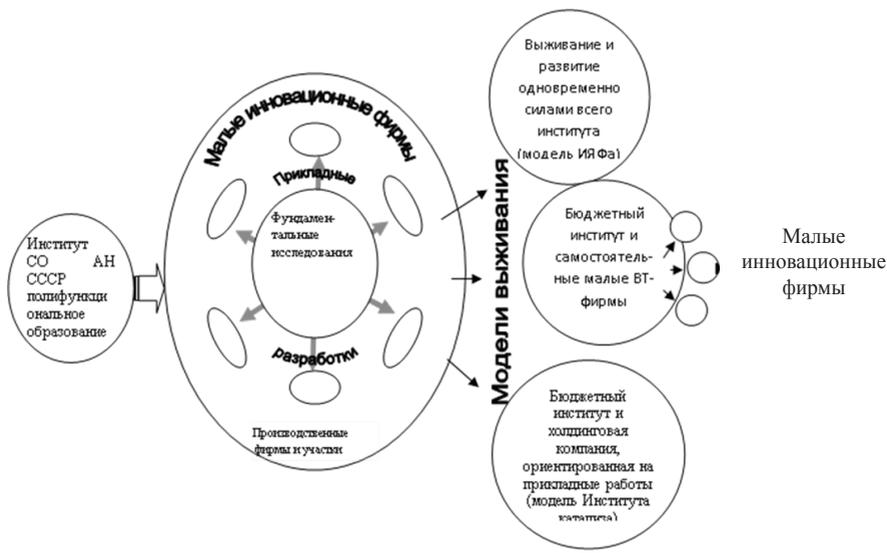

Рис. 1. Диверсификация институтов НИИ

Провозглашение в 1991–1992 гг. ценностей социально ориентированной рыночной экономики, в системе которых важное место занимают ценности науки, вызвало массовую инициативу энтузиастов инновационной деятельности в новосибирском Академгородке. В институтах при участии ученых появились самостоятельные исследовательские группы и мини-институты, стали возникать небольшие наукоемкие фирмы, ориентированные на высокотехнологичное производство. Порыв был настолько сильным, что, несмотря на дикие макроусловия, характерные для первоначального накопления, абсолютно исключавшие малый инновационный бизнес, по некоторым оценкам, через этот непреодолимый барьер к 1997 г. «пробились» и выжили более 25 малых инновационных фирм, большинство из которых возникли в тот период. По оценкам академика В.Е. Накорякова, в 2001 г. при каждом институте в Академгородке существует 20–30 малых ВТ-компаний. По всему Академгородку получается где-то шестьсот–семьсот [1]. По оценкам руководителей лидирующих малых ВТ-предприятий, в Академгородке в 2001 г. действовало около 100 таких предприятий. Это говорит о том, каким потенциалом инновационного развития на основе социально ориентированной рыночной экономики располагало наше общество на изломе развития, и о том, что инновационная экономика была «выстрадана» частью научного сообщества ННЦ СО РАН. Такая массовая инициатива «снизу» в Новосибирском научном центре обусловлена не только субъективным фактором – желанием молодых ученых попробовать себя на поприще высокотехнологичного бизнеса. Возникновение малых инновационных фирм имело и объективные предпосылки, обусловленные особенностями сибирских академических институтов. Прежде всего, такие предпосылки заключают в себе институты СО РАН. Как отмечал В.А. Коптюг, «по характеру деятельности исследовательские институты СО РАН представляют собой нечто среднее между западными университетами с присущим им высоким уровнем свободы для исследователей и промышленными компаниями, которые диктуют ученым свои правила поведения» [2. С. 65]. Институты СО РАН – это крупные полифункциональные образования, имеющие в себе мощные академические и прикладные группы, а также производственные участки. В рыночных условиях каждое из этих подразделений тяготеет к выделению в качестве самостоятельного образования. Дело в том, что способы существования каждого из них в рыночных условиях разные: если фундаментальная наука требует государственного финансирования, то прикладные исследо-

вания, будучи коммерциализованы, способны генерировать вокруг себя бизнес-сферу и могут, так же как и производственные участки, инвестироваться из других источников. Такая экономическая многоукладность институтов создавала объективные предпосылки для стихийного группирования отдельных сотрудников в небольшие группы, ориентированные, в частности, на производство наукоемких товаров. Полифункциональные институты оказались как бы «беременными», превратились в своеобразные конгломераты разнообразных экономических позиций и организаций. Причем конгломеративность содержала в себе не только разнообразный по природе структурно-организационный материал, но и разнообразный экономический потенциал, который обуславливал естественную диверсификацию полифункциональных институтов в новых экономических условиях.

Разрешение «беременности» происходило разными путями и зависело от имеющегося научного задела, от накопленного в институтах опыта организации работ, что и обуславливало формирование разных моделей выживания институтов ННЦ. Уже в декабре 1992 г. председатель Президиума СО РАН В.А. Коптюг говорил о существовании двух «крайних» моделей выживания институтов СО РАН (см. рис. 1). Модель Института ядерной физики (ИЯФ), который входит в систему рыночных отношений через совершенствование системы хозяйственных договоров и контрактов, а не через создание при институте малых предприятий или акционерных обществ. Это путь выживания и развития одновременно силами всего института [2. С. 56–57]. В.А. Коптюг выделил также модель Института катализа, который интенсивно развивал производственно-коммерческую деятельность. Он считал, что крайностью является «заложенное в модель Института катализа разделение на чисто бюджетный институт фундаментальных и поисковых исследований и сопряженную с этим институтом холдинговую компанию, ориентированную на выполнение прикладных и хоздоговорных работ. Хотя, само по себе, создание холдинговых компаний при институтах, активно реализующих свои разработки самостоятельно или на тех или иных условиях вместе с промышленностью, несомненно, заслуживает внимания» [2. С. 57]. Жизнь выявила и такую модель, при которой полифункциональные институты, становясь конгломератами разнообразных организаций, «выделяют» из себя малые инновационные фирмы, отдельные исследовательские группы, которые функционируют как самостоятельные образования вплоть до полного отделения от институтов. Развитие по этой схеме приводит

к выделению из состава единого коллектива как субъектов фундаментальных исследований, так и конкретных субъектов инновационной и предпринимательской активности.

Вариант диверсификации по модели Института катализа характерен тем, что в нем исследовательские коллективы при поддержке созданного в институте инновационно-технологического центра сами занимаются поиском и работой с рыночными заказчиками, субъектами которых являются не только малые инновационные фирмы, но и крупные компании. Такие компании могут финансировать и фундаментальную, и, собственно, технологическую часть разработки. При этом контакты и поиск заказчиков осуществляются сразу множеством исследовательских групп (численность которых может составлять от 1–2 человек до целой лаборатории). Составляя единое целое, опираясь на единую технологическую и методологическую базу и единый комплекс теоретических разработок, в практическом плане ориентированных на разных заказчиков, такой институт обслуживает большую группу заказчиков – крупных компаний, представляющих разные отрасли промышленности.

Вообще говоря, данная модель организации научной деятельности в рыночных условиях может оказаться наиболее адекватной для российской науки, особенно в комплексном научном центре. Она обеспечивает традиционный для российской науки «широкий взгляд» (В.А. Коптюг), ориентацию на преодоление узкой специализации, реализацию междисциплинарного подхода, в том числе в контексте промышленного применения полученных результатов. Кроме того, такой способ адаптации к рынку может оказаться наиболее оптимальным для сохранения специфичного для российской науки института, каковым являются научные школы. Его можно трактовать как своеобразную реакцию научных школ на попытку коммерциализации фундаментальной науки и формирование партнерских отношений в ней, которые по самой своей природе (ориентированной на противопоставление ученых друг другу) разрушают научную школу. Как известно, научная школа предполагает не только и не столько сходство идейных и методологических установок, но прежде всего наличие определенных механизмов коммуникации и преемственности, ориентированных на сотворческие отношения типа «даю–беру» [3. С. 56–60]. В этой связи можно говорить, видимо, что в модели Института катализа удастся сохранить такое позиционирование ученого в системе научной деятельности, которое обуславливает формирование внутренне мотивированного ученого. Только здесь в каче-

стве субъекта, формулирующего стратегические задачи, выступает сам институт, который осуществляет это в двух измерениях: во-первых, в логике развития самого фундаментального знания и его практических приложений, во-вторых, в логике рыночного спроса на возникающие на основе этих знаний технологии. Последнее осуществляется при поддержке специально созданного информационно-технологического центра. Здесь важно то, что в системе мотивации ученого начинают формироваться элементы, ориентированные на учет востребованности результатов его изысканий.

Нельзя не сказать и о том, что беспрецедентное спонтанное возникновение малых инновационных фирм в Новосибирском Академгородке можно объяснить тем, что по самой своей природе СО РАН имплицитно содержало в себе естественные предпосылки, обуславливающие возникновение и развитие таких фирм. К этим предпосылкам относят: 1) серьезный задел по новым технологиям и технике; 2) наличие конструкторских организаций и опытных производств, способных доводить перспективные разработки до стадии производства; 3) уникальный опыт междисциплинарного общения; 4) развитые связи с промышленностью; 5) инициативные кадры; 6) инициативно-организационный ресурс, который обычно не замечается, но тем не менее он составляет одно из основных достояний ННЦ СО РАН. Этот ресурс состоит в том совокупном инициативном потенциале, который не успел угаснуть за времена застоя в недрах человеческого потенциала Новосибирского Академгородка и который начал выходить «наружу» в начале рыночных реформ. Данный потенциал образуется традициями, стремлением к инициативе, самостоятельности и самореализации самих работников, заложенными в эпоху Лаврентьева, исключаящими абсолютную монополию власти и управления на организационные инновации и, наоборот, предполагающими такие инновации. Об этом свидетельствуют, в частности, мотивы создания этих ВТ-предприятий, главным из которых оказалась потребность в профессиональной самореализации [4. С. 56–57].

В этом смысле можно говорить, что предприниматели Новосибирского Академгородка выходят за границы чисто экономического подхода. С самого начала они не фокусируют свою деятельность на одном типе ресурсов – финансовом, наоборот, они делают ставку на интеллектуальные, квалификационные, социально-психологические и психологические ресурсы. Совокупность этих факторов содержала в себе тот внутренний потенциал, который создавал условия для спонтанного воз-

никновения, утверждения на рынке инновационной продукции малых ВТ-предприятий без специально созданного, как это делается во всем мире, инкубатора. Указанные выше факторы как бы замещали инкубатор ВТ-фирм – этот естественный «зародыш» технопарка. Возникновение массы малых инновационных фирм означает, что наряду с традиционным для ННЦ механизмом внедрения начал складываться рыночный механизм продвижения технологий (рис. 2).

Очень важно подчеркнуть, что инкубация малых высокотехнологичных фирм (ВТ-фирм) в социальном пространстве ННЦ произошла

Рис. 2. Изменение механизма внедрения СО РАН в условиях рынка

практически без какой-либо поддержки формальных социальных институтов. Как же реагировали неформальные социальные институты? Прежде всего, наблюдается четкая реакция в системе «молодежь – малый инновационный бизнес». Исследования студентов 4-го курса Новосибирского государственного университета, проведенные в 1998 г. [5. С. 106] показывают, что всего лишь 16% четверокурсников ориентированы на работу в науке, 36% – не определились и большая часть (48%) ориентированы вне науки. Однако ориентации студентов принципиально меняются в прожективной ситуации. Если в ННЦ будет развиваться малый инновационный бизнес, то подавляющее большинство молодых людей склонны оставаться в науке, работать в малом бизнесе. Это своеобразный резонанс, реакция молодежи на неформальном уровне на развитие ВТ-фирм в ННЦ. Она позволяет заключить, что малые высокотехнологичные предприятия являются важным фактором актуализации, осовременивания механизма подготовки кадров в ННЦ. Как известно, механизм воспроизводства кадров – важнейший принцип организации

СО РАН. И эта функция малых ВТ-предприятий сейчас уже проявляется, и достаточно активно.

Нельзя не сказать и о том, что в Новосибирском научном центре малые инновационные фирмы оказывают благотворное воздействие на сам процесс научного поиска, не только за счет дополнительного его финансирования, но и посредством воздействия на психологическое состояние самих ученых, многие из которых, особенно в период «шоковой терапии», переживали разные стадии психоэмоционального стресса. Так, по мнению ученых (1996 г.), нормальное, спокойное, оптимистическое состояние духа они наблюдают менее чем у 15% своих коллег, а остальные испытывают негативные переживания [3. С. 101]. Среди сотрудников ВТ-фирм соотношение прямо противоположное. Очевидно, что само по себе повседневное общение ученых и «предпринимателей», а большинство сотрудников ВТ-фирм совмещают работу в фирме с работой в институте, благотворно влияет на их психоэмоциональное состояние.

Обращаясь теперь к процессу развития Академгородка как целому с учетом того бифуркационного излома, который начался в начале 90-х годов, мы должны заключить, что складывающийся «треугольник» неформальных взаимодействий между первичными научными коллективами, ВТ-предприятиями и студентами являет собой ту самоорганизующуюся систему субъектов, которая запускает процесс регенерации Академгородка. По сути дела, система формального управления должна обеспечивать наращивание потенциала саморазвития этого «треугольника».

Литература

1. *Все равно украдут* // Сов. Сибирь. 2001. 1 нояб.
2. *Коптюг В.А.* Наука спасет человечество. – Новосибирск, 1997. – 343 с.
3. *Гордиенко А.А., Еремин С.Н., Плюснин Ю.М.* Академическая наука в кризисном обществе. На материалах мониторинга Новосибирского Академгородка. – Новосибирск, 1997. – 176 с.
4. *Гордиенко А.А., Еремин С.Н., Плюснин Ю.М.* Малый инновационный бизнес в Новосибирском Академгородке (по материалам мониторинга Новосибирского научного центра). – Новосибирск, 1998. – 52 с.
5. *Еремин С.Н.* Студенты НГУ о своей учебе, жизни и ценностях // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 1.

ИНСТРУМЕНТЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ

Е.А. Данилова

ОАО «Межведомственный аналитический центр», г. Москва

Elena.a.danilova@yandex.ru

Переход российской экономики на инновационную модель развития в соответствии со Стратегией инновационного развития РФ-2020 заявлен руководством страны в качестве ключевого условия обеспечения сильных позиций страны на мировой арене [1]. Руководство государства уделяет теме инноваций особое внимание и активно формирует новые направления поддержки инноваций, которые ориентированы на усиление социально-экономического потенциала РФ. Более того, *тема инновационного развития выступает одним из способов государственного позиционирования внутри страны и на международной арене.*

В связи с этим характеристика «инновационности» становится ключевой для акторов инновационного процесса на всех уровнях – начиная с государственного и заканчивая отдельными субъектами инновационного процесса. *Позиционирование субъекта политического процесса как «инновационного» в современных условиях понимается как залог и критерий эффективности и успешности.* Именно поэтому участники политического процесса стараются в своей деятельности охватить максимально возможное количество инновационных инструментов, вес которых различен.

Одной из возможностей для участников политического процесса позиционироваться в качестве субъекта инноваций является участие в деятельности технологических платформ. Технологические платформы – относительно новый инструмент инноваций – были предложены Минэкономразвития РФ в 2010 г. как форма объединения усилий государства, бизнеса и науки для обеспечения технологической модернизации через разработку стратегической программы исследований и формирования научно-производственных союзов силами участников [2].

Позиционирование в отношении техплатформ является двухуровневым: позиционирование организаций-участников платформы за счет принадлежности к ней и позиционирование платформы как института. Например, для вузов вход в технологическую платформу, помимо решения задач кооперации науки и производства, является показателем эффективности и, соответственно, элементом позиционирования. Ве-

дущие вузы входят одновременно в несколько техплатформ. Например, МГУ им. М.В. Ломоносова является участником 11 из 32 входящих в Перечень приоритетных технологических платформ, Томский государственный университет включен в 12 техплатформ. В 10 платформах из 32 вузы выступают координаторами. Активно участвуют в деятельности техплатформ и представители крупных госкорпораций: ГК «Ростехнологии», ОАО «ОПК «ОБОРОНПРОМ» и других. Кроме бизнес-интереса, немаловажную роль играет элемент позиционирования, неслучайно в программы инновационного развития 60 крупных корпораций с госучастием включен раздел по взаимодействию с техплатформами.

И здесь большое значение имеет качество и политический вес техплатформ, поскольку для участников принадлежность к нежизнеспособной неэффективной платформе может обернуться, в том числе, репутационными рисками. В связи с этим уже в недалеком будущем в условиях жесткой конкуренции для технологических платформ может стать актуальным вопрос собственной привлекательности для текущих и потенциальных участников. Таким образом, *вопрос позиционирования технологической платформы как института приобретает в этих условиях особую актуальность.*

В вопросе позиционирования важно учитывать способ организации технологической платформы. Все техплатформы имеют свою специфику, не только отраслевую, тематическую, но и организационную. Есть вертикальные платформы, строго в рамках одной отрасли, например «Высокоскоростной интеллектуальный железнодорожный транспорт», находящийся в ведении ОАО «РЖД», «Авиационная мобильность и авиационные технологии», и есть горизонтальные, межотраслевые, как «Медицина будущего», «Моделирование и технологии эксплуатации высокотехнологичных систем» и «Легкие и надежные конструкции».

Важными характеристиками с точки зрения позиционирования является «надтерриториальность» технологической платформы, в отличие от инновационных территориальных кластеров, имеющих географическую привязку к территории, и широкий стратегический характер исследований. Технологическим платформам уже сегодня *необходимо заявлять о своей экспертной руководящей роли по отношению к территориальным инновационным единицам, включая кластеры.* И в этом случае государственная поддержка могла бы способствовать более четкому позиционированию и выстраиванию иерархической инновационной системы. *Со стороны государственных органов необходима вы-*

работка четких рекомендаций по взаимодействию между различными субъектами инноваций во избежание разобщенности и несбалансированности.

С коммуникационной точки зрения для позиционирования технологических платформ важны четкая структура управления и развитые коммуникационные площадки. Однако на деле некоторые платформы даже не имеют интернет-представительства, а у большинства информация, представленная на сайтах, не актуальна. Зачастую техплатформы закрыты, непрозрачны (например, очень закрыты ТП, в которых координатором выступает ОАО «Роснано»), и это препятствует их позиционированию в качестве эффективного субъекта инноваций. Более того, есть риск превращения в формальный механизм, не несущий смысловую нагрузку. Кроме того, не все технологические платформы эффективно взаимодействуют с государственными органами: для коммуникации с государством многим из них нужен GR-консультант, который бы донес значимые идеи техплатформы без искажений.

Безусловно, позиции и политический вес технологических платформ не равнозначны. Есть техплатформы-лидеры, которые представляют собой реально рабочий инструмент, например ТП «Медицина будущего», «Биотех-2030», и есть очевидные аутсайдеры. В целом, *назревает необходимость инвентаризации существующих технологических платформ с целью выявления и фиксации лидеров, так называемых опорных техплатформ, с обязательным условием регулярного мониторинга и оценки их деятельности и возможностью дальнейшей поддержки со стороны государства.*

При этом роль государства в развитии инновационной деятельности не должна сводиться только к прямой поддержке (финансированию). Основными механизмами госрегулирования косвенного характера должны выступать методы стимулирования рынка наукоемкой продукции, инновационного предпринимательства, поощрение внедрения новых технологий в промышленности, формирования благоприятной инвестиционной атмосферы, создания инфраструктуры поддержки высокотехнологичных предприятий и инновационных образовательных учреждений – участников ТП.

Механизмом стимулирования инновационной активности могла бы выступить последовательная политика в сфере развития конкуренции как ключевого фактора стимулирования инновационного поведения на различных уровнях (региональном, отраслевом) и между различными

участниками инновационного процесса: предприятиями, университетами, НИИ, территориальными кластерами, технологическими платформами и т.д. В то же время *должна быть выстроена конструкция соподчинения различных инновационных структур – с тем, чтобы конкуренция носила конструктивный характер, была дополнена сотрудничеством и способствовала развитию инновационной среды.*

Литература

1. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 08.12. 2011 г. №2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». URL: <http://правительство.рф/gov/results/17449/> (дата обращения 22.04.13).

2. *Технологические* платформы как инструмент содействия инновационному развитию российской экономики // Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. 29.09.2010. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation/doc20101004_02 (дата обращения 21.04.2013).

УПРАВЛЕНИЕ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ»: ОРГАНИЗАЦИИ, РИСКИ, РЕШЕНИЯ *

В.С. Диев

Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск
diev@smile.nsu.ru

Термин «общество знаний», приведенный в названии, взят в кавычки не случайно. Дело в том, что, как совершенно справедливо замечает Э. Агацци, «в последние годы выражение “основанный на знаниях” стало все чаще использоваться в различных контекстах как некоторого рода новая категория для интерпретации специфических черт многих реальностей современного мира, а также как парадигма того, что может предложить решение для нескольких открытых проблем нашего мира. Надо заметить, однако, что это выражение имеет далеко не ясный смысл, часто зависящий от конкретной области, к которой оно применяется...» [1. С. 3–4]. Более полувека тому назад появилась концепция постиндустриального общества, на смену которой пришла концепция информационного общества, в рамках которой главным продуктом производства становится информация. Сегодня же все больше говорят об обществе, основанном на знаниях, которые становятся основным фактором прогресса. В то же время сегодняшнее общество все чаще называют «обще-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-03-00326а.

ством риска», поскольку неопределенность, и риск, и связанные с ними потенциальные угрозы не становятся меньше, а, наоборот, возрастают. Термин «риск» выступает в роли одной из ключевых категорий современной теории общества. «В мастерских теоретиков общества снова наметилося стремление к единению. После десятилетий, прошедших под знаком или освобождением от классических понятий, или, напротив, возвращения к старому покосившемуся зданию догматической истории, они, наконец, открыли для себя проблематику риска как базу теории общества», – считает Г.Бехманн [2. С. 73]. Полагаю, что информационное общество корректно рассматривать как общество знаний, и, разумеется, это общество риска, поскольку, открывая новые возможности, оно ставит перед человеком и риски, которых не было ранее. Так может быть не надо трех терминов?

XX век имеет массу эпитетов: век космонавтики, век атома, век информатики, но, кроме того, это еще и век управления. Своими успехами XX век во многом обязан переходу к научному управлению. Управление как вид деятельности существует с тех пор, как появилась совместная человеческая деятельность, но на рубеже XIX–XX веков в этой сфере произошел качественный скачок. Переход к научному управлению по значимости равен переходу от использования мускульной силы животных или людей к паровым машинам. Нынешнее общество просто невозможно представить без управления. Л. Болтански и Э. Кьяпелло – авторы фундаментального труда «Новый дух капитализма» [3], в качестве источника информации о духе капитализма использовали именно литературу по менеджменту. По их мнению, «в литературе по менеджменту второй дух капитализма находит свое самое естественное выражение. Можно полагать также, что в ней фиксируются и его модификации, его преобразования в сторону иных умственных представлений» [3. С. 123]. Они остроумно отмечают, что «менеджмент неизменно сводится к умению *делать так, чтобы кто-то делал что-то*» (Там же. С. 767) (Курсив авторов. – В.Д.). Как отмечает Э. Агацци [1. С. 8], выражение «экономика знаний» стало популярным именно после выхода книги выдающегося теоретика управления П. Друкера. Фундаментальным принципом управления, открытым У. Эшби, является закон необходимого разнообразия, в соответствии с которым уровень разнообразия управляющей системы должен соответствовать уровню разнообразия управляемой системы. Отсюда, в частности, следует, что невозможно создать простую систему управления для управления сложными

системами и процессами. Поэтому не следует думать, что управление в обществе знаний становится проще. Сегодня общество, как бы его ни называли, это общество организаций, и любой человек является членом той или иной организации с момента вступления в социальную жизнь. В мире организаций усложняются общественные отношения, где в качестве субъектов уже выступают организации, имеющие свои цели и ресурсы. Вместе с тем организации состоят из индивидов, каждый из которых обладает своими интересами, потребностями и возможностями, опытом и умением действовать. Какая модель организации является наиболее адекватной современным реалиям, что и как детерминирует принятие решений: цели организации или цели и интересы человека, как на принятие решений влияет структура организации? Что такое рациональный выбор в условиях риска? Ответы на эти вопросы требуют привлечения не только конкретных наук, но и философии.

В настоящее время иерархические структуры заметно уступают место сетевым, которые дают простор творческим способностям работников, способствуют преодолению отчуждения труда. В то же время способ принятия решений, характерный для иерархических структур, остается более эффективным для многих сфер жизнедеятельности человека. Сетевая методология принятия решений имеет ряд преимуществ, но для нее существует и значительное число ограничений. Она может быть эффективнее иерархической только в некоторых, не очень многих, но крайне важных сферах. В современном мире организации, особенно с большим количеством уровней иерархии, не могут быстро адаптироваться к новым изменяющимся условиям, и найти выход из этой ситуации помогла концепция «обучающейся организации». При этом обучение рассматривается как процесс восприятия, накопления и обработки информации, который обеспечивает не только приспособление к условиям внешней среды, но и дает возможность эффективно действовать. Современные технические возможности позволяют хранить всю предысторию и опыт работы организации и использовать их для корректировки организационной структуры, функций, стратегии и тактики. Отмечу, что наряду с явными знаниями в процессе обучения важную роль играют и неявные, которые находят свое отражение в организационной культуре.

Как уже отмечалось, риск является атрибутом повседневности и касается любого из нас. Каждый день людям приходится принимать рискованные решения, поскольку стохастический характер природных и

общественных явлений не дает возможности однозначно предсказать развитие событий. Возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет концептуально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда можно оценить вероятность реализации решения с учетом влияния природной среды, действий партнеров, противников и т. п. В ситуации риска существует количественная оценка вероятности реализации и последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Риск – интегральный показатель, сочетающий в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и количественных характеристик его последствий [4].

Литература

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – №10. – С. 3–19.
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Логос, 2012. – 248 с.
3. Болтянски Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер. с фр.; под общей редакцией С. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.
4. Диев В. С. Риск: оценка и принятие решений // Философия науки. – 2010. – № 4(47) – С. 15–32.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВОМ ЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В.И. Кудашов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

vkudashov@mail.ru

Современное управление социальными процессами имеет дело с динамично изменяющимся обществом знания, которое подвержено воздействию разнообразных информационных и инновационных потоков. Инновации в таком обществе вытесняют традиции, нарушают целостность системы и устраняют стабильность объекта управления. Неустойчивость и учатившееся разрушение порядков в современном обществе становятся почти нормой, изменяя социальные отношения и структуры. Случайность социокультурных процессов периодически проявляется кумулятивными эффектами, ломающими прогнозы аналитиков и

предвидения «экспертов». Расширение спектра альтернатив в процессе принятия решений и усложнение выбора между ними воспроизводят неадекватность ответов управляющих элит новым вызовам.

Однако еще Н.Д. Кондратьев показал, что процессам изменений присущи определенные закономерности, следовательно, они познаваемы, предсказуемы, прогнозируемы и управляемы. При этом возрастает сложность методологического анализа современной ситуации, так как инновационное общество, основанное на знаниях, всё дальше отрывается от прошлого единства с природой. Это порождает невозможность экстраполяции законов поведения природных систем и управления ими (синергетика, теория катастроф, теория систем и т.п.) на изучение и управление социальными системами. Остается лишь надеяться, что новая эра биосферы, в которой многое зависит от человека, превращает природу, развивающуюся по объективным, естественным законам, в субъективно измененную и изменяемую.

Тем не менее даже математическое моделирование социальных систем, основанное на расчете объективных экономических показателей, упирается в пределы субъективности управления и феномен когнитивного ограничения инноваций. Хотя распространение информационно-коммуникационных технологий способствует формированию общества, основанного на знаниях, но эти ИКТ являются лишь средством создания настоящего «общества знания». Информация – это мощный инструмент формирования знания, но сама по себе она не знание, хотя может стать им при определенных условиях, решающим из которых является возможность критической оценки, анализа и селекции информации.

Поэтому одним из релевантных ответов на вопрос о возможности управления в процессе социальных изменений является предложенная десятилетия назад концепция рефлексивного управления. Она связана с такими факторами влияния на развитие социального процесса, при которых осознается смысл действий и потребность в целенаправленной преобразующей деятельности. Рефлексия – это процесс, который связан с переосмыслением стереотипов мышления и их эвристическим преодолением, вплоть до образования новых содержаний. Важнейшее проявление рефлексии – способность человека управлять своими отношениями, своей культурой, изменением своего состояния, воспроизводством в целом.

В.А. Лефевр, одним из первых писавший о рефлексивном управлении, положил в основу исследования человеческих отношений прин-

цип их моделирования и схематизации. При этом, в отличие от представителей структурного функционализма, теорий обмена, конфликтов и др., он предположил, что человеческое взаимодействие основано не на стремлении к получению выгоды (принцип рациональности), а на его готовности сделать так, как он хочет (принцип саморефлексии). «Метавыбор» базируется на рефлексированности субъектом того или иного события на основе творческого конструирования взаимодействия с другим человеком. Лефевр не просто описал схему рефлексивной модели управления, целью которой является увеличение эффективности и рациональности общества, но и ввел в свою концепцию нравственные понятия, показав особенности неадаптивного, альтруистического поведения [2].

Весомый вклад в концепцию рефлексивного управления внес В.Е. Лепский. Его субъектно-ориентированный подход основан на признании феномена сетевого общества и влиянии субъекта на социальное развитие. Он включает элементы средового подхода, который опирается на понимание среды как саморазвивающейся системы, включающей различные типы субъектов, а также совокупность ценностей мировой культуры; проектную парадигму и субъектный подход. Обосновывая провал инновационной политики, базирующейся на технократическом подходе, Лепский предлагает применить «субъектно-ориентированный подход к организации сред инновационного развития» [1. С. 25].

Таким образом, рефлексивное управление основывается на признании субъективности общественных процессов, творческой природы изменений, ложности техницизма в управлении обществом, признании образования важнейшим фактором изменений и того, что мир – это сеть взаимодействий и все люди связаны друг с другом невидимыми нитями. Но не преувеличиваются ли при этом возможности рефлексии как координирующей социум инстанции, не является ли утопической сама идея консенсусного регулирования взаимоотношений во взаимодействиях, основанных на достижении взаимопонимания? Казалось бы, что после критики классического рационализма и западного мышления, от Ницше и Хайдеггера до нынешних постмодернистов, возврат к самой идее разумного регулирования общественной жизни становится утопичным и несвоевременным.

Уровень критики разума может быть перенесен на уровень социальной практики управления в поиске рациональности среди прагматических предпосылок коммуникативного взаимодействия. Когнитивистски

редуцированной модели рациональности, которая сформировалась и утвердилась в новоевропейской метафизике, может быть противопоставлена модель Ю. Хабермаса, основанная на языковом взаимопонимании. Он считает, что только посредством взаимодействий, осуществляемых с помощью речевых актов и благодаря обыденным житейским интерпретациям, общество существует как символически структурированный «жизненный мир», который воспроизводится коммуникативными действиями на основе взаимопонимания. Речь изначально рефлексивна, поскольку социальные интеракции немислимы вне ориентации друг на друга, вне установки на кооперацию и сотрудничество.

С точки зрения Хабермаса, если говорящий дает гарантию того, что в случае надобности будут приведены основания в пользу речевого действия, то слушатель, который понимает сказанное, побуждается к занятию рационально мотивированного отношения и принимает на себя часть соответствующих интеракциям обязательств. И тем самым ситуация взаимопонимания реализуется [3. С. 93]. При этом нужно признать, что социальные действия координируются не только посредством рефлексивных процессов понимания, но и через функциональные связи, которые не являются результатом сознательных намерений действующих субъектов, не зависят от них и большей частью не осознаются в перспективе повседневной практики. Фактическая практика показывает, что достаточно типичными являются состояния непонимания или неверного понимания, намеренной или произвольной неискренности, вынужденного «согласия».

Значит ли это, что разумное регулирование коммуникативных взаимодействий в принципе обречено на неудачу, что идея коммуникативного разума – утопия, в лучшем случае имеющая регулятивный характер? Или все же есть основания для надежды рационального управления обществом, основанном на знаниях? В известной мере такие основания содержатся в самом «жизненном мире» этого общества, поскольку коренящиеся в нем информационные и смысловые ресурсы делают возможной коммуникативную рациональность. Задача заключается в том, чтобы актуализировать эти ресурсы и противопоставить их искажающему воздействию системных механизмов денег и власти, приводящих к вымыванию человечески значимых смыслов.

Жизненный мир можно представить как организованный и передаваемый от поколения к поколению через традиции культуры запас образцов толкования. Горизонтом, в границах которого осуществляет-

ся понимание ситуации и согласованность действий, выступает язык и культура в целом. Актуализация разнообразных слоев смысловых ресурсов, значимость которых подтверждена культурными традициями, дает шанс продемонстрировать силу разума, солидарности и согласия в решении общих, важных для всех дел и проблем. При этом нужно учитывать и когнитивные пределы рациональности, содержащейся в жизненном мире, и, следовательно, возможности рефлексивного управления. Повседневная коммуникация, организованная механизмами взаимопонимания, характеризуется, прежде всего, не критичностью, подвластностью в равной степени иррациональным, неосознаваемым действиям и стереотипам, сложившимся как результат предварительной идеологической обработки обыденного сознания.

Даже языковые структуры сами по себе не составляют достаточных оснований для осуществления рефлексии и понимания. Социальная практика показывает, что ситуация взаимопонимания не всегда устанавливается посредством рационализации, т.е. путем содержательного прояснения неявных, скрытых мотивов, целей, притязаний субъектов взаимодействия с целью установления прозрачности намерений и, следовательно, их понятности. Рациональные предпосылки составляют необходимые, но не достаточные условия для взаимопонимания, поскольку между осознанием целесообразности какого-либо акта и самим этим актом лежит аффективно-волевая сфера, от которой и зависит, случится или не случится взаимопонимание, согласование и другое человеческое действие. Для того, чтобы оно случилось, необходимо экзистенциальное усилие, требующее от каждого участника личностной открытости и воли, т.е. «метакогнитивных» аспектов коммуникативной деятельности.

Процесс социальной рефлексии непрерывен, как и любой мыслительный процесс, но он всегда незавершен, благодаря чему открывается пространство для творчества, интеллектуального поиска, для инноваций. Инновационное общество выходит на новый уровень рефлексии, возрастает ценность информации и знаний. Поэтому задача управления в таком обществе, основанном на знаниях, связана с управлением когнитивными процессами, смыслопорождающей деятельностью и рефлексией. В то же время в таком обществе возникает феномен повторяемости критических ситуаций в результате отсутствия кооперации и солидарности между различными социальными группами. Стремление к сохранению ими своего status quo ведет к нежеланию учиться на соб-

ственных и чужих ошибках, к отсутствию критики и самокритики, т.е. к отсутствию рефлексии. Таким образом, эти когнитивные ограничения порождаются негибкостью структур, консервирующих динамизм социальных отношений.

В современном обществе, перенасыщенном потоками информации и претендующем стать действительным «обществом знания», человеку необходимо специально развивать когнитивные способности, прежде всего, способности критического и рефлексивного мышления. Это не может полностью исключить определенные недостатки рефлексивного управления, например отсутствие четко обозначенного механизма социальной ответственности при реализации принятых решений. Тем не менее без внимания к когнитивным ограничениям, имеющим как индивидуальную, так и социальную природу, любые технологии управления обществом знания могут оказаться недееспособны.

Литература

1. *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Когито-Центр, 2010. – 255 с.
2. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. – М.: Когито-центр, 2003. – 426 с.
3. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.В. Кузь

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

kuzstv@gmail.com

Актуальность данной статьи связана с тем фактом, что коррупция становится насущной проблемой не только в правовом ракурсе, поскольку начинает принципиально угрожать безопасности страны. Не менее важно подчеркнуть, что исследование сущности истоков коррупции невозможно без учета социально-философского фактора.

Во-первых, в современной России коренным образом меняется характер отношений между государством и личностью, положение гражданина России. Он получил возможность реализовать себя как личность свободную, которая в состоянии повлиять на борьбу с коррупцией в стране.

Во-вторых, становление и развитие рыночных отношений определяют необходимость формирования таких жизненно важных качеств

личности, как предприимчивость, деловитость, что в отдельных случаях провоцирует соблазн коррупционным путем ускорить решение своего вопроса.

В-третьих, от уровня и характера направленности правосознания населения государства в целом, отдельных его групп, граждан в значительной степени зависит состояние правопорядка в стране. Мало, чтобы законы были на высоком уровне правовой техники, важно их точное, неуклонное осуществление. Ведь любой закон живет только тогда, когда он осуществляется всеми и повсеместно. Вот почему даже отдельные случаи коррупции ставят под сомнение сам принцип правового государства.

Суждение о том, что коррупция является частью человеческой природы, было выработано некоторыми учеными. В книге «Об агрессии» Конрад Лоренц рассуждает о том, что у человека, как у животного, имеется запас агрессивной энергии, стремящейся к высвобождению, который легко может быть разряжен в ситуациях соперничества и воспринимаемой угрозы. В этом отношении человеческое существо могло бы напомнить другие виды царства животных, выживанию которых способствовали подобные инстинкты. Посредством процесса «естественного отбора» (более агрессивные особи с большей вероятностью выживут, найдут себе пару и передадут свои агрессивные черты потомству), эволюционный процесс, вполне возможно, содействовал развитию людей с высоким интеллектом и склонностью сражаться. Этой гипотезе о выживании наиболее агрессивных вторит Эдвард О. Уилсон, согласно которому люди предрасположены реагировать с «безрассудной ненавистью» на воспринимаемые угрозы их безопасности или собственности. Такова «глубинная склонность людей осваивать насилие», говорит Уилсон. «По-видимому, наш мозг запрограммирован... на то, чтобы разделять людей на друзей и врагов... Мы склонны глубоко опасаться действий чужеземцев и решать конфликт посредством агрессии». Он рассуждает о том, что эти «правила научения, скорее всего, сложились постепенно на протяжении прошедших сотен тысяч лет... и, таким образом, обеспечили биологическое преимущество тем, кто в наибольшей мере им» [3. С. 20].

Решение проблемы коррупции предполагает интегрированные усилия политологов, социологов, психологов и представителей многих других научных направлений. Доминирующими в этом плане признаются работы экономистов и юристов, однако, по нашему мнению, в совре-

менной отечественной политической элите явно недооценивается тот факт, что коррупция – это еще и социально-философское явление. Это связано с тем, что в современной России и других государствах на постсоветском пространстве происходят изменения, связанные со структурной перестройкой всей системы общественных отношений и форм общественного сознания. Среди проблем, которые изучают специалисты в области современной философии, теории права, социологии и психологии, одно из главных мест принадлежит правосознанию. Как видим, проблема коррупции тесно связана с проблемой формирования и развития правового сознания граждан, что, в свою очередь, предполагает активный процесс формирования правового государства. Как известно, одним из важнейших условий создания правового государства является высокий интеллектуальный уровень развития общества, его политическая и правовая культура. Успешное формирование правового сознания граждан во многом зависит от теоретического понимания и философского обоснования фундаментальных правовых категорий. Долгие годы правовая теория слепо следовала за официальной марксистской идеологией, а не определяла ее, и из-за этого многие правовые проблемы решались в духе существовавшего политического режима, что ни в коей мере не способствовало развитию правового мышления граждан и осознанию ими собственных прав.

Успешное решение проблемы коррупции возможно лишь на основе социально-философского анализа, пересматривающего многие важнейшие теоретико-правовые аксиомы. Для исследуемой темы таковыми являются, прежде всего, проблемы правопонимания, определяющие содержание и принципы основополагающих правовых категорий в духе гражданских политических ценностей. Полноценно развитое гражданское общество может развиваться только в условиях радикального сокращения функций государственного аппарата, преодоления недоверия между различными социальными группами.

Возрастание влияния социальных факторов на ход общественного прогресса определяет важность изучения самих этих факторов, условий их возникновения, существования, развития, форм их влияния на различные отношения в обществе. К числу социальных факторов, воздействующих на функционирование общества как единого организма, и, соответственно, его правосознание, относится коррупционное мышление. Именно борьба с коррупцией имеет значение во многих сферах человеческой жизни, ведь решение этой проблемы важно для развития

личности, гражданского общества, различных общественных отношений. Более того, степень коррумпированности и борьба с ней влияют на развитие различных форм общественного сознания: экономическое, нравственное, политическое и т.д.

Становление антикоррупционного сознания, а также его специфика обусловлены системой общественных отношений, сложившимися традициями в государстве на протяжении всей истории его существования и развития. Кроме того, существуют и внутренние факторы, в качестве которых выступают психологические характеристики и особенности личности, а также конкретный менталитет. В частности, тот факт, что российское правосознание конформно-негативно, определяет такие его черты, как этикоцентризм и нигилизм. Многие черты, провоцирующие потенциальную коррупцию, носят характер преемственности, что осложняет борьбу с ней, поскольку создавалось впечатление ее незыблемости, ведь во всех классических произведениях встречаются коррупционные примеры, выступающие в качестве нормы.

Процесс борьбы с коррупцией связан с трансформацией правового сознания сегодня и находится в диалектической взаимосвязи с процессом построения гражданского общества. В этом плане нельзя рассчитывать на успешное решение задач борьбы с коррупцией без формирования у всего населения правового сознания, не имея четких философских представлений о природе, структуре и функциях правового сознания, взаимосвязи его с другими идеологическими явлениями, закономерностях развития и формирования. «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто знает, что кроме него на свете есть другие люди» [1. С. 115].

Если признать коррупцию частью нашей традиционной культуры, то в таком случае органы государства руководствовались бы не строгими предписаниями, а своими правовыми усмотрениями. Более того, следовало бы признавать правом любые притязания людей, причем притязания, основывающиеся не только на передовых правовых взглядах, но и на остальных. Правосознание может быть равно нулю или быть со знаком минус [6. С. 104–116].

На этом фоне появляются особенности борьбы с коррупцией в нашей стране. Известный отечественный философ и правовед В.С. Нерсесянц [4] считает, что это форма осознания права как специфического явления социальной действительности. Его основные функции: познавательная (состоит в осознании того, что есть право, и осуществляется в чувствен-

ных, образных, логико-понятийных формах обнаружения, выражения и осмысления отдельных правовых явлений и права в целом); оценочная (состоит в формировании определенных ценностных представлений и идей о праве, исходя из которых субъект правосознания оценивает действующее право и реальную правовую действительность); регулятивная (складывается под определяющим воздействием других функций).

Исследуя феномен коррупции, важно учитывать и мнение В.С. Нерсесянца [5], который считает, что правосознание – это не только осознание права, но и правовое самосознание, постижение себя в правовом измерении, определение своего места и значения в мире права, выбор своей правовой роли, своих юридически значимых целей и действий. Работа правосознания – это постоянный чувственный и мысленный эксперимент по проверке и перепроверке субъектом правосознания различных юридически значимых моделей и вариантов своего поведения в окружающем мире. Специфика правосознания заключается в его соотношении с другими формами сознания (моральным, нравственным, религиозным сознанием и т.д.)

Человек имеет право жить в обществе без коррупции, ведь в коррупционной действительности обнаруживается своеобразная трагикомедия правовой жизни: уродливое, извращенное правосознание остается правосознанием, но извращает свое содержание; оно обращается к идее права, но берет от нее лишь схему, пользуется ею по-своему, злоупотребляет ею и наполняет ее недостойным, извращенным содержанием; возникает «неправое право», которое, однако, именуется «правом» и выдается за право, компрометируя в сознании людей саму идею и подрывая веру в нее. Такая трагикомедия характерна не только для правосознания – это есть трагикомедия всей духовной жизни человека [5].

Таким образом, особенность исследования коррупции как современного явления состоит в необходимости тесной интеграции ученых разных направлений, что становится возможным лишь в условиях общенационального единства в оценке стоящих перед страной стратегических задач.

Литература

1. Гегель Г. Философия права // Гегель Г. Собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1934. – Т. VII. – 294 с.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Рарогъ, 1993. – 196 с.
3. Лоренц К. Об агрессии // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира» / под ред. Н.С.Розова. – Новосибирск, НГУ, 2013. – С. 20.

4. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник для вузов. – М.: Норма, 2000. – 357 с.
5. *Нерсесянц В.С. и др.* Философия права: учебник для вузов. – М.: НОРМА - ИНФРА, 1998. – 384 с.
6. *Рабинович П.М.* Право как явление общественного сознания // Правоведение. – 1972. – № 2. – С. 104–116.

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М.Н. Куликов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Актуальность постановки проблем, связанных с оптимизацией информационного управления глобальными образовательными процессами, детерминирована возрастающей хаотизацией социального существования человека. Глобальная информатизация общества влечет за собой не только новые возможности для развития человека и общества, но также и новые угрозы для этого развития. В частности, появляются новые технологии манипуляции общественным сознанием, а также противоборство в информационной сфере, которое в последние годы становится глобальным и все больше приобретает характер информационных войн.

Кроме того, влияние информации на образовательные процессы в современном обществе носит двойственный характер. С одной стороны, значительно возрастают возможности для осуществления информационных коммуникаций благодаря развитию глобальной сети. С другой стороны, новая роль информации в глобальном мире привела к гносеологическим проблемам, влияющим на субъект-объектные отношения в образовательной сфере.

Ситуация усугубляется тем, что субъекты глобализации обладают на сегодняшний день рядом прагматических преимуществ, прежде всего финансово-информационного и технического порядка, что затрудняет процесс оптимизации управления социокультурными процессами, в том числе и в образовательной сфере.

Важность оптимизации информационного управления современными образовательными процессами связана также с тем, что победа релятивизма в культуре все отчетливее проявляется в фактическом смещении представлений о добре и зле. Мы являемся свидетелями инволюции всего корпуса социокультурных связей в сторону тотальной эгоистически-прагматической мотивации, отчего в первую очередь страдает именно образовательная система.

Важно осознавать сущность и актуальность указанных проблем как на уровне образования как социального института, так и всего общества. В этом случае появляется реальный шанс их скорейшего решения цивилизованными методами путем выработки единой информационной политики на уровне конкретных образовательных учреждений. Информационная преступность, информационная агрессия и информационная война, к сожалению, являются научными терминами, обозначающими вполне конкретные новые явления в жизни нашего общества, с которыми приходится сталкиваться учащимся, родителям и преподавателям.

Довольно остро сегодня встает проблема информационного неравенства, суть которой состоит в том, что далеко не все учащиеся в равной мере могут практически использовать те новые возможности, которые информационное общество предоставляет человеку. Это обусловлено не только экономическими и инструментально-технологическими факторами, связанными с возможностью обеспечения доступа тех или иных пользователей к средствам информатики и информационным ресурсам общества, но, главным образом, гуманитарными факторами, которые зависят от личных качеств самого человека. К числу таких факторов относятся: информационная, в том числе лингвистическая, культура личности, информационная компетентность, образованность, а также мотивация человека, его стремление к познанию и самообучению, развитию своих интеллектуальных способностей.

Одним из проявлений процесса информатизации современного глобального мира является опасность деформации традиционных культур, потому что все большее распространение в мире получает низкопробная массовая культура прозападного и преимущественно проамериканского толка. В результате этого уже сегодня во многих странах мира разрушаются духовные ценности, характерные для традиционных культур, а вместо них насаждаются новые ценности потребительского общества. Этот процесс является крайне опасным для будущих поколений, однако в настоящее время эта опасность еще должным образом не осознана ни родителями, ни преподавателями.

Не менее серьезная опасность для человека в информационном обществе связана с тем, что развитие глобальных сетей телевидения, компьютерных коммуникаций, радиосвязи и других информационных систем создает широкие возможности для воздействия на общественное сознание и манипуляции этим сознанием. О его эффективности убедительно и наглядно свидетельствуют, например, результаты выборов

кампаний в различные органы власти, а также широкое использование весьма дорогостоящей рекламы в программах телевидения. Естественно, что подрастающее поколение подвержено подобным технологиям намного сильнее, чем взрослые. Наиболее сильное психологическое воздействие на человека оказывает именно телевидение, что объясняется особенностями видеоинформации, которая, помимо воздействия на сознание человека, напрямую проникает также и в его подсознание. Причем сам человек этого не осознает и, следовательно, защититься от этого воздействия не может. На этом, в значительной степени, и строится современная методология манипуляции сознанием, которая часто нарушает все существующие образовательные методики.

Кроме того, информатизация общества породила целый комплекс принципиально новых проблем, с которыми на протяжении всей истории своего развития человечество никогда ранее не сталкивалось. Речь идет о проблемах обеспечения информационной безопасности человека, общества, государства и всей биосферы нашей планеты. Полученные в этой области результаты исследований позволяют говорить о том, что здесь мы имеем дело с новым и весьма многоаспектным феноменом развития общества, который при условии соответствующего уровня управления будет иметь весьма существенные последствия для этого развития. Принципиально новую опасность для человека в информационном обществе представляют так называемые киберболезни, к которым относится психологическая зависимость детей от телевидения, которое уже в современном обществе стало для многих своеобразным наркотиком. Вызывает тревогу и маниакальное увлечение некоторых молодых людей компьютерными играми, в которых пропагандируются жестокость и насилие. Эти явления наиболее широко распространены сегодня в информационно развитых странах и являются одним из негативных результатов процесса информатизации общества. Можно предположить, что по мере дальнейшего развития этого процесса, эти явления также будут прогрессировать.

Вместе с тем важно учитывать, что многие важнейшие интересы человека, общества, государства, да и всей мировой цивилизации уже в настоящее время в значительной степени определяются состоянием окружающей их информационной сферы. Поэтому целенаправленные или непреднамеренные воздействия на информационную сферу со стороны внешних или внутренних источников могут наносить серьезный

ущерб этим интересам и, следовательно, представляют собой угрозы для информационной безопасности человека, общества, государства.

Глобальная информатизация общества тесно связана и с проблемами устойчивого развития. Но ее влияние на эти проблемы является неоднозначным. С одной стороны, информатизация повышает информационную связанность мирового сообщества, содействует распространению новых знаний и технологий, международному разделению труда. Однако, с другой стороны, история последних десятилетий убедила в том, что либеральные подходы к управлению, проявляющие себя в виде космополитизма и отказе от всякой коллективной идентичности, представляют опасность не только для отдельным социумов, но и для всего мирового сообщества.

Необходимость пересмотра традиционных методов управления глобализацией связана также с тем фактом, что европоцентристские тенденции, основанные на сциентизме, ведут к глобальному кризису рыночной цивилизации, который переживает сейчас весь мир: утрате смысла жизни. Однако субъекты глобализации обладают на сегодняшний день рядом прагматических преимуществ, прежде всего финансово-информационного и технического порядка, что затрудняет процесс оптимизации управления образовательными процессами.

Виртуализация общества представляет собой пока еще мало изученную опасность для человека в информационном обществе, однако именно она представляет психологический феномен, от которого в первую очередь страдают дети. Сущность опасности, которую несет в себе виртуализация общества, заключается в том, что реальные физические объекты, процессы и явления подменяются их виртуальными образами, которые очень похожи на отображения объективной реальности, но таковыми не являются. Именно эти свойства, а также высокая динамичность информационной сферы общества и позволяют создавать в нем виртуальную реальность, которая и воспринимается человеком, наряду с реальностью физической, мешая реальному образовательному процессу.

Становление информационного общества открывает широкие возможности и для развития информационной преступности, которая может быть направлена против личности, общества и государства. В различных системах в процессе информатизации общества накапливается большое количество не только конфиденциальной информации о

деятельности соответствующих организаций, но и данных персонального характера о гражданах страны. Эта информация, конечно же, представляет значительный интерес для преступных группировок, многие из которых уже сегодня прибегают к услугам специалистов в области информационных технологий.

С философской точки зрения информатизацию общества следует рассматривать как глобальный цивилизационный процесс, который уже сегодня оказывает существенное влияние практически на все области жизнедеятельности человека и общества, а в дальнейшем будет во многом определять и весь облик новой цивилизации XXI века – глобального информационного общества.

Все больше людей убеждаются, что насильственную глобализацию, которая управляется конкретными субъектами и несет в себе потенциальное социокультурное нивелирование, должны сменить естественные глобализационные процессы. В этом случае управление глобализацией должно основываться на идее «вселенскости», выступающей как особенность русского национального самосознания, которая сказывалась в течение всей российской истории.

Таким образом, необходимость информационного управления образовательными процессами в эпоху глобализации связана с построением информационной цивилизации, основанной на знаниях, с целью оптимизации глобальных процессов современности.

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ВОЕННОГО ПРОГРЕССА В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

С.В. Максимов

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
maxserge@mail.ru

Философский анализ проблем социального прогресса включает различные его аспекты: социологический, политический, исторический, военный, технический и др. Научные исследования различных сторон сложных и комплексных проблем социального прогресса позволяют выработать необходимые и обоснованные рекомендации для решения их важных конкретных аспектов, поскольку обращаются к их общему, глобальному аспекту, к проблеме дальнейшего социального прогресса человечества.

Военный прогресс несет в себе все черты социального прогресса, однако обладает и рядом специфических особенностей. Во-первых, исследователи вынуждены учитывать амбивалентность самого понятия «военный прогресс», что детерминировано традиционными представлениями о прогрессе как однозначно положительном, однолинейном процессе, в то время как «война» ассоциируется с регрессом. Во-вторых, неоднозначность понятия «военный прогресс» связана также с его сложной структурой, где, с одной стороны, принципиальную роль играет техническая составляющая, а с другой, – гуманитарная (боевой дух армии, патриотизм и т.п.). В-третьих, независимо от субъектов военного прогресса он всегда носит волнообразный характер, поскольку конечной целью его является победа, а она, как известно, переменчива. В-четвертых, военный прогресс часто, не совсем правомерно, ассоциируется с научно-техническим прогрессом, поскольку ведущие открытия, как правило, делались и испытывались вначале в военной области.

Проблема мира, предотвращения термоядерной войны с полным основанием выдвигается как проблема первостепенной важности во всей иерархии проблем человеческой жизни. Но это не означает ее независимости от решения всего комплекса задач, обеспечивающих общий социальный прогресс. Подобно тому, как сопутствующее научно-технической революции антигуманное использование ряда ее достижений не может служить основанием для препятствия дальнейшему прогрессу научного знания, так и преодоление трудностей и противоречий, связанных с решением общих и частных проблем социального прогресса, нельзя откладывать до установления прочного мира и более благоприятных условий для общего развития.

Подстегиваемые гонкой вооружений и все более воинственными стратегическими концепциями, предусматривающими применение военной силы, упреждающих ударов и даже ядерного оружия для защиты «американских жизненных интересов» во всех районах земного шара, США, используя локальные межгосударственные конфликты, стимулируют гонку вооружений на региональном уровне, создают в независимых странах арсеналы оружия и опорные пункты для своих «сил быстрого реагирования».

Мирное сосуществование не является неким неизменным состоянием международных отношений, а представляет собой процесс раз-

вития этих отношений, имеющий свои периоды спада и подъема, более или менее оптимального уровня мирного сотрудничества. Оно может означать:

- просто состояние мира, поддерживаемого в самых неблагоприятных условиях «холодной войны»;
- различные более благоприятные и развитые формы мирного сотрудничества:
- наличие и действие системы широких экономических и культурных связей, определенного доверия между государствами;
- активный диалог, направленный на регулирование спорных проблем.

Мирное сосуществование не равнозначно социальному статус-кво, оно не замораживает социального прогресса, а является необходимым его условием и результатом, т.е. более последовательное и глубокое осуществление его принципов находится в прямой зависимости от успехов социального развития.

Наличие милитаризма М. Вебер отмечает даже в античном полисе, который представляет собой самую совершенную военную организацию, какую только создала древность, поскольку и основан был для достижения военных целей. Признаки милитаризма: расчленение полиса на филы, фратрии и несущие военную повинность, тождественность военной повинности и права гражданства, владение землей – все они напрямую зависят от успеха в войне [1. С. 429]. Схожие признаки государственной идеологии, направленной на оправдание политики постоянного наращивания военной мощи, заметны при исследовании современных политических режимов.

Мы исходим из того факта, что имеется лишь одна область, где прогресс оказывает непосредственное влияние на смену производственных отношений – прогресс в производстве оружия. Изменения и в военной технологии сами по себе не обуславливают смену общественных отношений. Их обуславливают только такие изменения, которые сопровождаются сменой ценностной ориентации. И наоборот, перемена ценностей не приводит к коренной смене общественных отношений, если она не подкреплена революцией в технологии производства оружия. Развитие военной техники сопровождало человека практически с момента его появления в природе и со временем развитие переросло

в конкретизированный «технический прогресс», а затем и в «научно-технический», пройдя путь восхождения «от простого – к сложному». Преувеличением будет отождествлять технический прогресс с общественным прогрессом, измеряя последний количеством выпущенной техники, поскольку это является неправомерным распространением одной отдельно взятой стороны явления на все явление в целом.

Н.В. Устрялов отмечает: «Прогресс есть развитие к лучшему, совершенствование. Но для того, чтобы знать, что такое совершенствование, нужно знать, что такое совершенство. Прогресс по самой природе своей есть понятие, выражающее некие системные потребности: он принадлежит идеалу, он обусловлен целью. “Развиваться” свойственно не только “добру”, но и “злу”. Следовательно, без осознания этих основных этических категорий теория прогресса обойтись не может» [6. С. 2–3].

Особенности и противоречия современного социального прогресса детерминируют и проблемы, связанные с военным прогрессом. Бурное развитие техники не всегда сопровождается соответствующим гармоничным развитием общества, поскольку иногда приводит к разнице в доходах, сверхприбылям монополистических компаний, кризисам перепроизводства, появлению критической массы безработных, мировым войнам.

Современные интерпретации военного прогресса детерминированы тем фактом, что необходимость ведения войн с целью включения других наций в свои цели накопления ресурсов, либо с целью защититься от такого включения, провоцирует совершенствование вооружений, совершенствование своих возможностей в деле уничтожения противника. Тем не менее военный прогресс определяется не только и, может быть, не столько научно-техническими элементами, представляя собой более широкое понятие, которое включает, в частности, такие социально-философские категории, как «служение Отечеству», «боевой дух» и т.п. В связи с этим вопрос об уровне военного прогресса не имеет однозначной оценки и должен решаться, исходя из конкретно-исторических особенностей, что также во многом связано с уровнем общественного прогресса. К. Маркс сформулировал основной закон развития или прогресса человеческого общества, где говорится об обусловленности способом производства материальной жизни и социальных, политических и духовных процессов [2. С. 7].

При исследовании военного прогресса важно подчеркнуть, что у социального, политического, духовного и т. п. развития есть своя внутренняя логика, но действует она на определяющей основе развития, на основе изменения способа производства. Влияние на развитие и изменение последнего оказывают социальная, политическая, духовная и т. п. стороны жизни общества. В обобщенном смысле, милитаризм, с точки зрения П.А. Сорокина, – отправная точка государственного абсолютизма. На примере российского политического режима ученый приводит некоторые динамические показатели милитаризма: в СССР существовал наиболее высокий рост государственного социализма среди всех стран, где присутствовало государственное вмешательство в экономику. При военном положении рост государственного вмешательства в экономику увеличивается, при переходе к мирному состоянию – снижается [5. С. 164]. После победоносного завершения двух мировых войн и «холодной войны» уровень милитаризма в США не снижается: война с мировым терроризмом – это его новый виток, т.е. следующий технический уровень.

Для понимания особенностей военного прогресса, безусловно, важна позиция автора такой принципиальной работы, как «Восстание масс». Х. Ортега полагал, что «всякое общество – это динамичное единство двух факторов, меньшинства и массы... Масса – это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса – это средний, заурядный человек» [3]. Общественное развитие должны направлять люди элиты, носители культурных традиций, идей, а предназначение массы – подчиняться влиянию других. Во многом эта позиция объяснялась тем фактом, что в Европе на рубеже XIX и XX вв. разрушились связи поколений, ослабла сила традиционных культурных регуляторов общества. В данном контексте военный прогресс во многом противоречит стихийному движению масс, которое часто выступает как неконтролируемое.

Военный прогресс предполагает учет того факта, что распространившийся европоцентризм, который мог оправдать претензии Европы на исключительность только путем агрессии. Не случайно, исследуя начальный этап капитализма в Европе, К. Поланьи сказал, что это «революция богатых против бедных» [4. С. 46]. Однако вскоре эта война превратилась в противостояние богатых стран и стран третьего мира.

Таким образом, военный прогресс не является сугубо теоретической частью, так как обладает важным праксиологическим качеством и имеет тесную связь с общечеловеческим прогрессом и общественной практикой.

Литература

1. Вебер М. Аграрная история Древнего мира. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 429.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 13. – М.: Издательство политической литературы, 1959. – Т. 13. – С. 7.
3. Ортега Х. Восстание масс. – М., 1997.
4. Полань К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. – СПб., 2002. – С. 46.
5. Сорокин П.А. Система социологии. – М.: Наука, 1993. – Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. – С. 164.
6. Устрялов Н.В. Проблема прогресса. – М., 1988. – С. 2–3.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВУЗА И СТЕПЕНЬ ПООЩРЕНИЯ РИСКА В ОБЩЕСТВЕ ИННОВАЦИОННОГО ТИПА

В.В. Петров

Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск, v.v.p@ngs.ru

Современный этап развития общества характеризуется самыми разными терминами, такими как «глобализация», «век информации», «постиндустриальное общество», «информационное общество» и др., но при этом многие исследователи сходятся во мнении, что он основан не только на информации, но и на знаниях, уже превратившихся в важнейший ресурс, производство и распределение которого является существенной (социально и лично значимой) экономической, политической и культурной деятельностью [1. С. 215]. Особая роль по производству и распространению знаний и информации отводится системе образования – необходимость обновления личностной и профессиональной компетенции требует постоянного повышения квалификации и перестройки институтов образования для соответствия требованиям когнитивной динамики общества знания, а организация и содержание образования предполагают активизацию инновационных технологий.

К сожалению, система отечественного образования еще не до конца оправилась от негативных последствий системного кризиса рубежа XX–XXI вв., который привел к смене аксиологических ориентиров и существенному сокращению бюджетного финансирования высшей

школы. В конечном итоге, это привело к тому, что количество студентов вузов увеличилось практически в три раза за 7 лет (с 2,6 млн человек в 1993/94 учебном году до 7,4 млн в 2010/11 г.), но численность школьников при этом уменьшилась за тот же период с 21,1 млн до 13,2 млн человек. Соответственно, число поступающих в вузы достигает 90% от числа выпускников школ. С одной стороны, если количество студентов увеличивается – и это хорошо, поскольку общество будущего будет, по всей вероятности, основываться на информации и на знаниях, то в нем должен быть востребован высококвалифицированный, грамотный, образованный специалист. Но, с другой стороны, сегодня в России 24% вчерашних студентов могут устроиться только на должности, не требующие высшего образования, а работать по той специальности, по которой учились, начинают менее 50% выпускников вузов. То есть высшая школа готовит не специалистов, а выпускников с дипломом, хотя спрос на кадры высшей квалификации по-прежнему остается достаточно высоким. Такая ситуация обусловлена тем, что за последние 20 лет под воздействием различных факторов изменились не только формы, методы и технологии в системе отечественного образования, но и сама организация процесса подготовки кадров, что отражается, прежде всего, в изменении организационной культуры высшей школы. Под организационной культурой мы понимаем комплекс основных подходов к решению различных проблем внутренней регуляции и адаптации к внешним условиям, выработанных и принятых в данном учебном заведении, которые доказали свою эффективность и которым необходимо обучать студентов с целью формирования у них восприятия и осмысления, характерного для данного этапа развития общества. На основе целей, ценностей, образцов деятельности и норм поведения, принятых в вузе, формируется социальный опыт и стереотипы восприятия мира, которые организационная культура хранит и транслирует всем членам общества [2]. Таким образом, организационная культура действует как предпосылка, образец и стереотип при принятии решений и формировании стратегии и, соответственно, задает некоторую систему координат, которая объясняет, почему вуз функционирует именно таким, а не иным образом. Соответственно, чем выше уровень организационной культуры, тем больше шансов у вуза стать успешным и динамично развивающимся, а может быть, и войти (хотя бы войти!) в ведущие мировые рейтинги.

Как известно, уровень организационной культуры может оцениваться комплексно по таким критериям, как: *во-первых*, степень поощрения риска; *во-вторых* – степень ориентации на конечный результат или на средства достижения результата; *в-третьих*, степень ориентации на удовлетворение потребностей личности или на выполнение задач, *в-четвертых*, ориентировка на индивидуальное исполнение или групповые формы работы; *в-пятых* – уровень агрессивности, т.е. поощрения соперничества людей как внутри организации, так и за ее пределами; и, наконец, *в-шестых* – уровень стабильности, то есть надежность или постоянные изменения и стремление к дальнейшему развитию.

Остановимся на некоторых ключевых моментах, которые требуют пристального внимания, и постараемся дать краткую оценку. *Во-первых*, что касается степени поощрения риска: сегодня изменился вектор развития российского общества – он стал направлен на формирование так называемой культуры инноваций (или инновационной культуры), которая основывается теперь не столько на модели постоянства и воспроизводства, сколько на модели творчества и обновления. По мнению основоположника теории инноваций Й. Шумпетера [3], развитие культуры инноваций заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство (в нашем случае – производство знаний и трансляцию накопленного опыта), используя изобретения для выпуска новых товаров (нового знания) или производства старых более новым способом (новые технологии), открывая новые источники сырья и материалов или новые рынки, реорганизуя отрасль. Инновация рассматривается при этом как внедренное новшество, которое обладает высокой эффективностью и является результатом инвестирования в разработку и получения нового знания либо ранее не применявшейся идеи по обновлению различных сфер жизни людей (технологии; изделия; организационные формы существования социума – такие, как образование, управление, организация труда, обслуживание, наука, информатизация и т. д.), а также и последующий процесс широкого распространения (производства) этого новшества с фиксированным получением дополнительной ценности (прибыль, опережение, лидерство, приоритет, коренное улучшение, качественное превосходство, креативность, прогресс). Но поскольку заранее не известно, окажется ли внедряемое новшество действительно инновацией (т.е. произойдет ли его широкое внедрение и даст ли оно

ожидаемый экономический эффект), то позитивные изменения возможны только при одном условии – готовности к риску. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда наступление возможных событий вероятно и может быть оценено. Риском можно и нужно управлять, использовать различные инструменты, которые позволяют в определенной степени предсказывать приход рискового события и заблаговременно принимать меры к снижению степени риска с помощью конкретных приемов и методов управления. Соответственно, чем выше риск – тем большее количество новаторских идей и решений окажется возможным перевести в разряд инноваций, необходимых для развития системы образования и российского общества в целом.

Во-вторых, степень ориентации на конечный результат или на средства достижения результата. В условиях отсутствия серьезной государственной поддержки многие вузы ориентированы на решение проблем элементарного выживания. Поэтому конечный результат зачастую отодвигается на второй, если не на третий план – сегодня требуется, чтобы не только все бюджетные, но и платные места были заняты, при этом, в случае необходимости, планка качества образования может опускаться – причем не только при поступлении в вуз, но и в процессе контрольных недель, зачетной и экзаменационной сессии, сдачи курсовых и дипломных работ. *В-третьих*, степень ориентации на удовлетворение потребностей личности или на выполнение задач. Здесь все взаимосвязано. Если личность студента ставит своей целью получить диплом, а личность преподавателя – получить заработную плату, то их задачи совпадают. Если же студент стремится получить качественное образование, а преподаватель не способен это дать – возникнет конфликт. Как и в другом случае, когда студенту нужен просто диплом, а из него пытаются сформировать «выпускника нового типа» [4. С. 125], и, более того, проконтролировать процесс усвоения знаний и навыков, конфликт неизбежен. *В-четвертых*, ориентировка на индивидуальное исполнение или групповые формы работы. В современном вузе, какими бы ни были цели и задачи, для достижения результата одним из важнейших является умение работать в команде. Решения могут и должны приниматься коллегиально, но руководство при этом должно осуществляться в рамках единой концепции и определять общую стратегию дальнейшего развития. То же самое относится и к студенческому коллективу. К сожалению,

дух коллективизма, который раньше весьма неплохо воспитывался в социалистической России (пионерская организация, комсомол, студенческие строительные отряды и т.д.), сегодня все больше и больше уступает место индивидуализму. *В-пятых*, поощрение соперничества (и среди профессорско-преподавательского состава, и среди студентов) не только в стенах вуза, но и за его пределами – это необходимо. Разумное соперничество и конкуренция всегда способствуют интенсивному развитию и заставляют «держаться в форме». Организация внутривузовских и межвузовских научно-образовательных конференций, семинаров, дополнительных образовательных мероприятий, соревнований и т.д. будет способствовать как сплочению коллектива вуза, так и укреплять межвузовские контакты и связи. И, *в-шестых*, уровень стабильности, т. е. надежность или постоянные изменения и стремление к дальнейшему развитию. Стабильность напрямую связана со степенью готовности к риску. Если стабильность заключается в том, чтобы каждый год не только набиралось, но и выпускалось обозначенное количество бюджетных и платных студентов, если нам не важно как, где и на какие должности устраиваются выпускники наших вузов, если мы ориентируемся исключительно на удовлетворение потребностей отдельной личности, а не общества в целом, то можно сказать, что система отечественного образования в какой-то степени стабильна. Но если российское общество стремится к устойчивому развитию (о чем сегодня чрезвычайно много говорится на самых различных уровнях), то в организационной культуре отечественной высшей школы, как системообразующего института, в условиях развития информационного общества и формирующегося общества знания на первое место должна выйти готовность к изменениям, что сопряжено с возрастающей степенью грамотно просчитанного риска.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. *Диев В.С.* Культура организационная // Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. – Москва; Санкт-Петербург; Нью-Йорк.: ЕЛИМА, ПИТЕР, 2005. – 1100 с.
3. *Schumpeter J.* The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle. (Cambridge, 1934).
4. *Петров В.В.* Инновационное образование в современной России. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 212 с.

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ГОРОДА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

С.В. Пирогов

Томский государственный университет

Pirogoff@ngs.ru

1. Знания как ресурс развития. Знание, разумеется, всегда было ресурсом развития, но по мере перехода от индустриального общества к постиндустриальному развиваются наши представления о том, что такое знание, как оно устроено и как его можно использовать как ресурс развития и механизм управления развитием социальных систем. На определённом этапе изучения знаний стали различать три вида знаний: «знание что» – научные знания, «знание как» – технологические знания и «знание зачем» – организационно-управленческое знание. Именно этот вид знаний становится непосредственным ресурсом развития в посткапиталистическом обществе, или обществе знания, по выражению П. Друкера. Возникает необходимость управления знаниями – когнитивного управления. В управлении экономическими процессами возникает концепция Стратегического управления (И. Ансофф и др.) – функция управления распространяется на долгосрочные цели и действия организации. Формирование стратегии всё более понимается как процесс, состоящий из ряда когнитивных процедур: конструирование образа будущего организации, конструирование общего взгляда на актуальную ситуацию, конструирование не только организации как таковой, но и её связей и отношений с внешней социокультурной средой. Всё это имеет отношение и к такой специфической социальной системе, как город, который можно рассматривать как когнитивную систему – комплекс знаний о городе и представлений о направлениях его развития с позиции различных субъектов городской жизни. Принципиальное отличие знания как ресурса развития, в сравнении с финансами и информацией, по мнению П. Друкера, в том, что знания, в отличие от денег, всегда воплощаются в человеческой личности [1]. Здесь важно подчеркнуть различие между знанием и информацией. Наиболее чётко это различие сформулировали И. Нонака и Х. Такеучи: «Во-первых, знание, в отличие от информации, предполагает наличие мнения и убеждения. Знание – функция определенной позиции, точки зрения или намерения. Во-вторых, знание, в отличие от информации, подразумевает действие. Это всегда знание «ради какой-то цели». В-третьих, и знание и информация подразумевают значение и имеют зависящий от ситуации и относительный смысл» [2].

Говоря о различиях между знанием и информацией, многие авторы пишут о важной роли личностного неформализованного знания – предчувствии, понимании, эмоциях, идеалах. Данный вид знаний дает возможность увидеть организацию как живой организм, а не как машину для обработки информации. Так, например, Б. З. Мильнер выделяет три основных компонента, входящих в состав системы управления знаниями, а именно: человеческие, технологические, организационные. Человеческие компоненты – это культурно-когнитивный ресурс развития. «Культура является важнейшей проблемой в сфере знаний, поскольку этот человеческий фактор (т. е. поведение, ценности, уровень связей или изолированности внутри организации) создает или разрушает управление знаниями» [3].

Одной из центральных проблем когнитивной социологии, имеющей значение для практики управления, является проблема согласования и конвертации различных видов знания, в частности научного и обыденного – широко используемого на уровне принятия конкретных и ситуативных решений. В основе когнитивной социологии лежит идея: воспринимаемое является большей частью нашим собственным созданием – интерпретацией сенсорных данных, которая обусловлена как целями актуальной ситуации, так и предшествующим социокультурным и коммуникативным опытом. При этом деятельность человека характеризуется не только практической (каузальной) эффективностью, но и *интенциональностью* – направленностью сознания на определённый предмет, избирательностью восприятия. Основной тезис этнометодологии – последней версии когнитивной социологии: описывая ситуацию, устанавливая связи между значениями, проясняя их смысл, мы одновременно и создаем ее.

2. Город как когнитивная система. В зависимости от того, что считать сущностью развития, его базой и показателями, можно выделить три аспекта развития города: территориально-административный, социально-экономический и социо-пространственный. Сущностью социо-пространственного подхода к развитию является перенос акцента с проблем материальных условий существования города на проблемы содержания городской жизни, на вопрос, чем является город для разных групп людей, какие у города имеются персональные ресурсы: социальный и культурный капитал. Технологией развития здесь являются «текстуальные», семиотические механизмы организации коммуникативного пространства и когнитивные модели как способы восприятия и

конструирования «событий» и явлений городской жизни. Инструментами городского развития здесь являются: программы развития городского сообщества, Мастер-план.

Особое значение в Мастер-плане играет конструирование intersубъективного «образа города». Пространственный подход к развитию города ориентирует на понимание города как ценностно-символического пространства – пространства смыслов, конституирующих реальность, и исходит из тезиса, что основой возникновения и условием существования города является единство взглядов горожан на некоторый «правильный» образ жизни. Это традиция Вебера, Зиммеля, Парка. Город в этой традиции понимается как коммуникативное пространство – пространство непрерывного согласования взглядов, норм и моделей поведения, как непрерывный диалог городских сообществ с целью выработать приемлемые для всех «правила жизни». Результатом этого и является некоторая городская идентичность, определяющая как своеобразие конкретного города, так и ресурс его развития, который в данном контексте является представлениями городского сообщества об имеющемся у города социальном и культурном капитале и перспективах развития – его приоритетах и смыслах.

Представления о возможном и желательном и задают потенциальные траектории развития города как качественно своеобразной и саморазвивающейся социокультурной системы. Такое понимание сущности города предполагает использование методологического потенциала синергетической парадигмы, в частности понятия системного аттрактора, понятийным аналогом которого является понятие «образ города». Специфика действия образа города как инструмента развития заключается в том, что его действие основано не на структурно-нормативном, а на процессуально-интенциональном механизме. Город здесь понимается как поле повседневных интенций горожан, в пространстве которого просматриваются общие ценностно-смысловые ориентации, имеющие решающее значение для развития.

Пространственный подход к изучению города позволяет посмотреть на повседневную жизнь города как на континуум жизненных миров различных городских сообществ, по-разному воспринимающих объективную реальность города и тем самым меняющих социокультурный ландшафт современных городов. Изучение жизненных миров городских сообществ будет способствовать не только пониманию поведения различных групп горожан, но и поиску ресурсов городского развития.

Изучение жизненного мира, по мнению А. Щюца, возможно через выявление адекватных данному субъекту интересов, которые «высвечивают», «озаряют смыслом» фрагменты реальности и являются опорными точками жизненного пространства и поведения. «Другими словами, именно интерес определяет в равной мере, какие из элементов онтологической структуры предданного нам мира и актуального запаса знаний будут релевантными для субъекта в его усилиях справиться с ситуацией... найти своё место в ней и как-то овладеть ею» [4, с. 220].

3. Когнитивное моделирование как методология управления городом. Не подвергая сомнению факт существования материальных и социальных структур города, обращаем внимание на третий модус реальности города – реальности представлений о городе. Литература о городе показывает, что существуют различные представления о сущности городе: одна и та же реальность может быть представлена или смоделирована разными способами. Основной постулат когнитивного подхода можно сформулировать в виде утверждения, что существуют различные когнитивные модели как разные способы репрезентации реальности. Когнитивная реальность – это реальность самих знаний. Само знание, прежде всего социально-гуманитарное, в когнитивном подходе рассматривается как модели организации социальной жизни, как конструкции систем действия.

В рамках когнитивного подхода город предстаёт не как обычный научный объект, а как результат социокультурно детерминированной перцепции. Город как географическое пространство и его репрезентация в сознании – это разные реальности, лишь частично изоморфные друг другу. Люди ведут себя не только (а порой и не столько) в соответствии с объективными параметрами среды, но и в соответствии с оценками этой среды и в соответствии с квази-объектами – предметами, существующими лишь в воображении.

Реальность образов и представлений – это особая когнитивная реальность, возникающая как организация знаний, с одной стороны, объективных параметров среды, с другой стороны, культурных смыслов, которые задают контурную схему восприятия. «В структуру определенных географических представлений заложен, как правило, и особый тип восприятия и понимания географического пространства» [5].

Социальные когниции, которые также называют коллективными представлениями (С. Московичи), являются весьма своеобразными «объяснениями». Их отличие от научных объяснительных схем

(теории) в том, что они не столько обобщают знания о реальности, сколько конструируют схему ситуации, выделяя, прежде всего, релевантные для данного сообщества в данной ситуации предметы как фрагменты реальности и соединяют их в определённую когнитивную систему – картину мира. Это отличие – по цели. Специфика социальных когниций как средств познания и взаимодействия в том, что это не язык переменных и протокольных высказываний эмпирической индукции, а язык значений и смыслов.

В случае с когнитивными моделями мы имеем дело не с реальностью как таковой, а с социально обусловленной схемой реальности. «Отличие схемы от действительного представления конкретного текста (базы текста) заключается в том, что схема модели может содержать в своих терминальных категориях значительный объем информации, которая не выражается и не должна выражаться в предложениях или тексте, например, потому, что она входит в пресуппозицию общего знания или является элементом личной эпизодической памяти, нерелевантным в конкретном тексте» [б. С. 230].

Современной методикой когнитивного управления является, в частности, методика форсайт-проекта, для которого характерны следующие методологические установки: 1) понимание инноваций не как отдельно взятых разработок, а как качество среды в целом, важнейшей составляющей которой является человеческий капитал в единстве количественных и качественных показателей, 2) понимание инновационной среды не в масштабе изолированной организации, а в масштабе широкой социокультурной среды – в данном случае городской среды.

Литература

1. Дракер П.Ф. Энциклопедия менеджмента. – М.: Издательский дом Вильямс, 2004.
2. Нонака И., Такеучи Х. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах. [Электронный ресурс]. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2011. – URL: <http://www.twirpx.com/file/748919/> (дата обращения: 07.06.2013.)
3. Мильнер Б.З. Концепция управления знаниями в современных организациях. [Электронный ресурс] // Российский журнал менеджмента. – 2003. – № 1. – С. 57–76. – URL: ecsoman.hse.ru/data/471/625/1219/xb91_057-076.pdf (дата обращения: 05.06.2013.)
4. Щюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Философия языка и семиотика. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1995. – С. 213–229.
5. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов. [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.html04.08.02> (дата обращения: 1.06.2013).
6. Дейк Т.А. ван. Эпизодические модели в обработке дискурса // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 68–110.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Е.В. Сидоренко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

sidorenko-prof@mail.ru

Актуальность исследования проблем, связанных с патриотическим воспитанием, во многом детерминирована тем фактом, что современная глобализация несет в себе не только единение человечества, но и угрозу потери своей идентичности. В результате происходит национальное обезличивание, проявляющееся в неуверенности, безнадежности, чувстве страха, безработице для большинства народов мира. Ведущие факторы глобализации принципиально влияют на сущность патриотического воспитания:

- коммуникационное сжатие мира;
- резко возросшая степень взаимозависимости современного общества;
- усиление процесса взаимодействия различных культур;
- «разгосударствление» международных отношений,
- усиление роли транснациональных корпораций.

Особо стоит рассмотреть трансформацию морали в глобализирующемся мире. Все это влияет на степень патриотизма в обществе и его воспитание в школах и вузах.

Современную мировую обстановку формируют несколько тенденций. Первая: на планете все больше набирают силу цивилизационные процессы. Цивилизации, в особенности западная, исламская, китайская и российская (православная), претендуют на вечное существование. Но одного желания мало, нужно иметь долгосрочные цели, уметь прописывать свою национальную и даже цивилизационную стратегию и тактику и умело управлять национальным бытием.

Вторая: глобализация, уже разделившая мир на «успешных» (или успевающих) и «неуспешных», которым суждено быть вечно ресурсными или трудовыми придатками первых.

Одна из самых мощных, еще только осознаваемых тенденций – «диффузия этносов и рас» как неуправляемая миграция, сметающая на своем пути любую демократию и национальную государственность, любые экономические системы, государственные и даже культурные границы. Эта диффузия грозит превратить человечество в некий новый

«первичный расовый бульон», из которого, по идее, выйдут новые этносы, суперэтносы и, может быть, даже расы. Уже сейчас мы наблюдаем очевидный закат Западной Европы, бывшей когда-то колыбелью белого христианского этноса. Присутствие враждебных исламских элементов и их цивилизационных плацдармов в европейских государствах настолько велико и мощно, что они уже прямо влияют там на государственную политику, на этнический и расовый состав европейских государств. И самое главное – чужаки игнорируют исконные ценности, культуру, быт и привычные реалии стран, в которых они поселились.

Цель патриотического воспитания состоит в том, чтобы сохранить видение единства человечества и его исторических судеб вместо того, чтобы невольно потакать новому западному расизму, поскольку практически все страны подвергаются социал-дарвинистскому натиску и лишаются прав на нормальное человеческое существование. Например, в отличие от российского, американское общество не может вбирать мировые конфликты и разрешать их внутри себя. Поэтому единственным способом выполнения его объективной всемирно-исторической функции является построение такого мира, в котором США будут гасить всю «чужую», т. е. не соответствующую их интересам, пассионарность. В современном нестабильном мире американское общество может существовать только как мировой жандарм, подавляющий патриотизм.

К рубежу XXI столетия привычные европоцентричные геополитические образы уже сосуществовали в едином метагеополитическом пространстве с быстро развивающимися геополитическими образами Америки и США, причем последний рассматривался (номинаровался) и как европейский. Возникла своего рода образная «вилка», расхождение между традиционными геополитическими конструкциями первой половины XX в. и метагеополитическими реалиями его конца. Новые геополитические образы, наложившиеся на сохранившиеся старые представления о Европе как главной арене наиболее важных мировых политических событий, сами во многом «кроились» по европейским «нормативам» столетней давности. Политические действия США конца XX столетия в Европе и за ее пределами напоминали аналогичные действия Великобритании в XIX в. Вместе с тем необходимо констатировать «прыжок» геополитического пространства мира на новый «энергетический» уровень, когда большинство политических конструкций, решений и действий определялось взаимодействием, соперничеством

и борьбой глобальных геополитических образов, подавляя все патриотическое.

Большинство западных экспертов склонны полагать, что наряду с завершением этнотерриториального передела, непосредственно вызванного распадом биполярной мировой системы, свою роль в некотором ослаблении конфликтного потенциала в середине 90-х сыграли меры политико-экономического и военного характера, предпринятые правительствами и государствами, территория которых стала ареной этнополитических конфликтов и гражданских войн, а также резко возросшие международные усилия по регулированию конфликтов.

Отсюда вытекает еще одна особенность в изменении характера патриотического воспитания, связанная с постепенным размыванием условной грани между конфликтами низкой интенсивности (протекающими в форме массового терроризма, партизанских войн против правящей политической элиты, движений сепаратистского типа, приграничных конфликтов из-за спорных территорий) и средней интенсивности (противостояние между региональными центрами силы на уровне обычной войны). Усреднение интенсивности региональных конфликтов 90-х годов связано с появившейся после окончания холодной войны возможностью ведения продолжительных крупномасштабных военных действий без опасности перерастания их в глобальный конфликт и массовым притоком оружия в регионы. Для них характерна также ограниченность ресурсов воюющих сторон, недостаточных для поддержания конфликта на уровне обычной войны. При этом возрастает зависимость военных действий от сезонных факторов и профессионализации лишь части участвующих в них вооруженных формирований. По мнению С. Хантингтона, современный миропорядок характеризуется наличием одной сверхдержавы, окруженной несколькими самостоятельными, но существенно меньшими по военному или экономическому потенциалу центрами, способными не только пойти на конфликт друг с другом, но и бросить вызов и серьезно осложнить жизнь такой сверхдержавы [З. С. 532].

Совокупность наиболее важных действий, тактик и стратегий в современном образном геополитическом пространстве есть метагеополитика. Ее базовой составляющей являются хорошо продуманные геополитические PR-кампании по созданию, расширению и культивированию тех или иных геополитических образов. Суть метагеополитики – разработка взвешенных действий в пространстве существующих

геополитических образов, а также конструирование новых, достаточно мощных и эффективных. Все это предполагает особые подходы к патриотическому воспитанию.

Занимаясь патриотическим воспитанием, важно учитывать все особенности современной геополитической картины мира. При оценке современных проблем в понимании геополитики следует отдавать себе отчет, что речь идет о трансформации старых проблем в новые. Требуется найти законы функционирования и развития метагеополитических пространств, их конфигураций и образных метагеополитических ансамблей. Обнаружение таких законов – главное условие развития современной геополитики как теоретической науки, прикладной дисциплины и области проектной деятельности [1. С. 112–113].

На первых порах апелляции к геополитике, как и к национальному интересу, выражали претензию политиков, экспертов и журналистов на деидеологизированность и реализм, якобы в противовес эмоционально-идеологическим установкам реальных или предполагаемых оппонентов. При этом прокламируемые «реализм» и «геополитика» обретали самые разные прагматические аранжировки, в зависимости от того, какой именно идеологии противопоставлялись. Именно на этом фоне вырабатываются те или иные подходы к патриотическому воспитанию. Кроме того, важно учитывать, что сторонники нового социокультурного детерминизма, формирующие геополитическую картину мира, проявляют себя довольно агрессивно. Современными учеными раскрывается содержание понятия «социальная агрессивность»: антропологических оснований гендера, критериев человеческой агрессивности, определения социокультурных, экономических и социально-психологических причин возрастания социальной агрессивности, определения «нормы» агрессии, соотношения конфликта и агрессии, конструирования культурных кодов «агрессия» и «симулякров» реальности посредством СМИ, основных видов вербальной агрессии, исторических корней религиозной агрессии и внерациональных форм ее преодоления [2. С. 78]. Патриотическое воспитание предполагает не только формирование чувства любви к родине, но и гармоничные отношения с другими народами. В данной связи важно учитывать, что способностью к закономерной внутренней динамике обладает лишь одна из множества существующих на Западе цивилизаций – западная. Одновременно только за нею признана способность ко всемирному распространению и образованию

единого планетарного государства. Однако подобная установка серьезно трансформирует представления о чувстве патриотизма.

Таким образом, патриотическое воспитание в условиях геополитических трансформаций должно учитывать важный фактор: бездумное доверие к западным теориям приводит к неполному, даже искаженному пониманию местных культур и их представителей.

Литература

1. *Замятин Д.Н.* Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. // Полис. – 2001. – № 6.
2. *Красиков В.И.* Социальная агрессивность и гуманитарные исследования // Материалы международной конференции. Кемерово, 27–28 мая 2004 г.: в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. В.П. Щенников. – Кемерово, 2004.
3. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОТ ТЕХНОЛОГИИ К ФУНДАМЕНТАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМУ СТАТУСУ

Л.В. Скомский

Институт развития образовательных систем РАО, г. Томск
leonids@mail.tomsknet.ru

В статье рассматривается актуальная для современной философии образования проблема технологизации и стандартизации образовательного процесса. Предпринимается попытка осмысления образования в модусе его фундаментально-гуманитарной миссии, позволяющей формировать гибко мыслящего, творчески активного и культурного человека. Выдвигается тезис о необходимости развития у человека антропологических способностей «духовной навигации» и самосозидания, которые являются важными условиями для самореализации в условиях непрерывно изменяющейся социальной реальности.

Проблемы современного образования сегодня исследуются в различных направлениях. Педагогика, психология, социология и философия образования подвергают рефлексии текущее состояние образования на фундаментальном, практико-ориентированном и социальном уровнях. Философское исследование феномена образования отличается, прежде всего, интенцией на его онтологическое понимание, т. е. как способа бытия человека в мире (онтология образования).

В рамках данного исследования философско-антропологическому рассмотрению подлежит проблема технологизации современного обра-

зования. Суть проблемы заключается в том, что при всём обилии образовательных возможностей, которые становятся открытыми в условиях свободной демократической социальности, образование становится всё более стандартизированным, направленным на сущностное «завершение человека» посредством усвоения специализированных знаний и навыков. Противоречие, которое здесь фиксируется, состоит в том, что в условиях принципиальной освобождённости современной социальности, где отсутствует властное метафизическое начало, образование должно максимально антропологизироваться, вырабатывать интенции на развитие у человека способностей самосозидания, свободного самоопределения и творчества. Однако наблюдается противоположная ситуация, когда социальные институты стремятся к властному формированию человека посредством усвоения стандартизированных программ, что приводит к забвению фундаментально-гуманитарной миссии современного образования, которая призвана развивать у человека способность творить самого себя и культуру.

Таким образом, исследование актуализируется, во-первых, исходя из особенностей современной постметафизической социальности, которая требует постоянно новых образовательных теорий и практик. Во-вторых, избранное направление философского изыскания позволит концептуализировать идею образования, релевантную современному состоянию общества, максимально антропологизированную, направленную на формирование способностей самосозидания человека.

Современная постметафизическая социальность не имеет в своей основе всеобщей, универсальной и идеальной образовательной системы. В условиях текучего и постоянно изменяющегося общества не удаётся внедрить единую образовательную технологию, стандарт или методику. Педагогические программы и стратегии, которые разрабатываются и успешно внедряются в образовательный процесс, выполняют локальные задачи, но для достижения всеобщей эффективности предполагается правильно понимать образование с позиции фундаментальной антропологии, а не только технологии. Непрерывность изменений социальности постоянно требует выработки новых образовательных стандартов, методик обучения и воспитания, программ развития. Отсутствие единой социально-педагогической системы порождает ситуацию образовательного плюрализма [3. С. 21]. Множество технологий, методик обучения, программ и тренингов сменяют друг друга, но неизменной остаётся лишь фундаментально-гуманитарная миссия образования,

которая заключается в раскрытии полноты личностных способностей человека, развитии навыков самоопределения и самосозидания. Субъект с такими способностями оказывается наиболее приспособленным к деятельности в ситуации быстроменяющейся социальной реальности, которая требует непрерывного получения новых знаний и навыков.

Таким образом, кризисное состояние современного образования может быть осмыслено с позиции предельной технологизации и стандартизации образовательного процесса. Институты образования не могут сегодня выполнять функцию по сущностному формообразовательному «завершению» человека, что являлось прерогативой классики. Релевантным для современной социальности подходом к пониманию образования является его антропологизация, т. е. развитие у человека способностей существования в изменчивом мире. Новый образ человека предполагает экзистенциальную готовность к непрерывным самотрансформациям. В.М. Розин выдвигает концепт «духовная навигация», который представляется методологически важным для осмысления образования с позиции фундаментально-гуманитарного статуса. Автор определяет духовную навигацию следующим образом: «...Наблюдение за собой, продумывание своей жизни, её смысла и назначения, это стремление реализовать намеченный сценарий жизни (скрипт), отслеживание того, что из этого получается реально, осмысление опыта своей жизни, собирание себя вновь и вновь» [3. С. 46].

Образ человека в таком случае оказывается персонализированным, а не строго зафиксированным и универсализированным вследствие кумулятивного усвоения знания и общезначимых идей. Образование в таком случае представляется как следование своему экзистенциальному проекту. Действительно, условием для максимальной самореализации человека в ситуации изменчивого мира является способность самому изменяться, созидать самого себя и социальное пространство. Технологичность и стандартизованность образовательного праксиса в таком случае значительно уступают его антропологичности, интенциям на развитие у человека экзистенциальных способностей творить самого себя. Не инертность получаемого субъектом знания, не соизмерение с метафизическими универсалиями, но жизненность знания и образования [5. Р. 13–14]. Такой подход позволяет увидеть образование и становление как собственно способ бытия человека в условиях меняющейся реальности.

Технологии образования разделяются на жёсткие и гибкие. Жёсткая технология имеет в своей основе набор строгих методов обучения и воспитания, направленных на заранее заданную результативность [4. С. 39]. В данной ситуации имеет место кумулятивная модель образования, направленная на усвоение стандартизированных учебных дисциплин, властное формирование человека в соответствии с извне заданным метафизическим идеалом. Подобная стратегия превращает образовательный процесс в учёбу, одностороннюю подготовку, направленную на строго заданный результат (конвейерная модель образования). Гибкая технология образования предполагает особую концентрацию внимания не только на усвоение профессиональных знаний и навыков в процессе обучения, но, помимо этого, на личностные способности человека, реализацию творчества, развитие креативного мышления, которое не может быть стандартизировано и предзадано. Преобразование личности, внимание к самому себе, которое должен стимулировать у обучающихся современный педагог, представляется уже не предельно технологическим содержанием образования, но антропологическим. Такого рода осмысление образования и его фундаментально-гуманитарная рационализация способствуют приобретению человеком навыков и средств саморазвития [2. С. 284–285].

Сегодня имеет место рост тенденции к специализированному образованию. Появляются корпоративные университеты, колледжи и прочие социальные институты, которые выполняют задачу профессиональной подготовки специалистов по разным направлениям. В данных институтах зачастую наблюдается ситуация значительного разрыва между специализированной подготовкой и гуманитарными знаниями, миссия которых – развивать у человека способности самосозидания, активной жизненной и творческой позиции. Между тем при всей отлаженности специализированного образовательного процесса важно не забывать о фундаментально-гуманитарной миссии образования. «Идея вдохнуть в профессиональную подготовку гуманитарную атмосферу, наполнить её гуманитарным содержанием не является утопической мечтой», – считал Дж. Дьюи [1. С. 156].

Таким образом, проблема стандартизации и технологизации современного образования делает вызовы интенциям его антропологизации. Противоречивость наблюдается в необходимости современной социальности формировать гибко мыслящего, способного к саморазвитию человека при нарастающей стандартизации требований к образователь-

ному процессу и значительному отрыву между специализированным профессиональным и гуманитарным знанием.

Миссия современного образования – подготовить человека к существованию в условиях социального хаоса и текучести, развить способности самоопределения и самосозидания, «духовной навигации» и активной жизненной позиции. Такая миссия не может выполняться строгим, властным технологическим методом, посредством усвоения учебных программ, культурных норм и социальных шаблонов. При жёсткой технологизации и стандартизации образовательного процесса общегуманитарная миссия образования по формированию гибко мыслящего, творчески активного и культурного субъекта оказывается в забвении. Следовательно, осмысление и экспликация образования с позиции его фундаментально-гуманитарного статуса позволяют выработать его антропологическое понимание и на этой основе максимально рационализировать образовательный процесс.

Литература

1. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с. англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой. – М.: Республика, 2003. – 494 с.
2. Ильинский И.М. Образовательная революция. – М.: Изд-во Моск. гуманитар.–социальн. академии, 2002. – 592 с.
3. Розин В.М. Философия образования: Этюды-исследования. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. – 576 с.
4. Цукер А.А. К вопросу о технологическом обеспечении поликультурного образования // Вестник Том. гос. пед. ун-та: Приложение к журналу «Образование в Сибири» СО РАО. Спецвыпуск, посвящённый 60-летию профессора, чл.-корр. РАО Дмитриенко В.А. – Томск: Томский гос. пед. ун-т, 1998. – С. 37–40.
5. Whitehead A. The Aims Of Education And Other Essays / A Mentor Book, New American Library. 1967.–165 p.

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ

О.К. Трубицын

Новосибирский государственный университет
trubitsyn77@mail.ru

Вопрос о специфике технологий управления в обществе знаний может быть решен только в контексте философско-исторического анализа социальной эволюции. При всем разнообразии подходов к выделению стадий эволюции (не говоря уже о теоретиках, тотально отрицающих линейно-стадиальный подход) наиболее популярным подходом, пожалуй, остается теория стадий технологического развития. Если отвлечься

от конкретных авторских интерпретаций, она представляет собой синтез идей классического эволюционизма, неэволюционизма, неканонического истмата и теорий постмодерна. В ней выделяются три большие стадии развития человеческой цивилизации: премодерн, модерн и постмодерн. На каждой стадии общество базируется на определенном способе производства: общество премодерна – на доиндустриальном, общество модерна – на индустриальном и общество постмодерна – на потиндустриальном.

Общество модерна – индустриальное в плане своего базиса – характеризуется определенным сочетанием производительных сил и производственных отношений. Индустриальные производительные силы предполагают преобладание капиталоемких технологий производства; трудо-интенсивные технологии сохраняют при этом свою значимость, но их роль постепенно снижается. Индустриальные производственные отношения характеризуются развитием рациональной бюрократии как основной формы организации управленческой деятельности. В обществе модерна индустриализации и, следовательно, бюрократизации подвергается все – не только промышленность, но и практически все прочие сферы экономической и неэкономической деятельности. Экономический режим развитых стран Запада середины XX в. мог быть охарактеризован как фордистско-кейнсианский, поскольку лица его определяли фордовско-тейлоровские методы организации труда на предприятиях и кейнсианские методы регулирования национальной экономики. Данный режим можно назвать апофеозом индустриального способа производства.

Конец XX в. охарактеризован рядом процессов, серьезно изменивших экономическую жизнь и общество в целом. Глобализация подорвала эффективность кейнсианских методов. Другим вызовом фордистско-кейнсианскому режиму стало постепенное развитие постиндустриального способа производства. Увеличивается доля продукции, являющейся результатом интеллект-интенсивного и дизайн-интенсивного производства. Соответствующие технологии становятся основой новых производительных сил. Сами же они основываются соответственно на интеллектуальных и художественных творческих способностях человека. Это, с одной стороны, снижает спрос на услуги рабочего класса, а с другой – повышает востребованность формирующегося креативного класса. Непосредственным продуктом интеллектуального производства являются знания – фундаментально-теоретические и прикладные. Это

означает, что наука становится непосредственной производительной силой, причем, может быть, даже основной. Благодаря этой особенности общество постмодерна именуют также обществом знаний.

Роль капитала пока сохраняется на высоком уровне, поскольку существует потребность в материальном обеспечении процесса производства интеллектуального продукта. Вместе с тем постепенно возрастает роль непосредственных производителей интеллектуальной и художественной продукции – креативного класса. Понятие креативного класса пока не получило достаточного социологического основания, в частности, отсутствуют четкие определения и перечень признаков принадлежности к данному классу. К его представителям относят, прежде всего, наемных работников, чьей основной производительной силой являются их уникальные творческие интеллектуальные и эстетические способности. Основным капиталом креативного производства становится именно человеческий капитал креативных работников, следовательно, эти работники теряют «пролетарские» характеристики. Креативный класс – это своего рода «рабочая аристократия» творческих профессий, специалисты, крайне востребованные на рынке, чей вклад в обеспечение прибыльности предприятия значителен. Благодаря этому они обладают не только хорошим доходом, но и возможностью выбора, некоторой самостоятельностью по отношению к нанимателю.

Итак, современное производство становится больше интеллектуальным, чем материальным, и осуществляется больше креативными работниками, чем промышленными рабочими. Значит ли это, что и организация производства должна быть иной, чем в индустриальную эпоху развития производительных сил? По всей видимости, ответ должен быть положительным. Удовлетворение массового спроса в стандартных товарах стало предпосылкой формирования на потребительском рынке так называемого гибкого спроса, который потребовал гибкой организации труда. Начинается активное развитие сетевых организационных форм, приходящих на смену жестким масштабным иерархиям. Развитие сетевых структур позволяет представителям креативного класса создавать самостоятельные производственные единицы, выступающие по отношению к капиталистическим корпорациям в качестве подрядчиков, а не наемных работников. Таким образом, условия постмодерна с его креативным нематериальным производством потребовали развития новых, сетевых технологий управления в промышленности. Они пришли

на смену адекватных для условий массового индустриального производства, но ныне устаревших бюрократических методов управления.

Текущий момент характеризуется попытками адаптировать сетевые методы управления к потребностям других сфер деятельности. Так, предпринимаются эксперименты по внедрению сетевых принципов управления в сфере образования, научно-исследовательской и военной деятельности, а также муниципального управления. Те страны, которые добьются успеха во внедрении передовых методов социальной организации и управления, получают преимущества в конкурентной борьбе.

МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО РЫНКА ГЕРОДОТА В АНАЛИЗЕ ГЕНЕЗИСА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Е.А. Тюгашев

Новосибирский государственный университет
tugashev@academ.org

Известный отечественный философ М.А. Розов для анализа формирования знания предложил модель информационного рынка Геродота [5. С. 138–172]. В модели как базовая рассматривается описанная Геродотом ситуация, когда больного выносят на площадь, а прохожие дают советы по лечению. Собирая советы, больной становится универсальным консультантом.

Частную ситуацию консультирования больного Розов описывает как информационный обмен по схеме «жалоба – совет». Обобщая данную ситуацию, он представляет знание как «застывший» акт коммуникации по схеме «вопрос – ответ» [6. С. 273]. Очевидно, что данная схема является базовой для организации философского знания. Поэтому представляет интерес, как выглядит «эмбриональная» фаза генезиса философии, ситуационно эквивалентная информационному рынку Геродота.

Представляя фигуру философа, задающего прохожим на площади волнующий его вопрос, сразу вспоминаешь Сократа. Из «Апологии Сократа» известно, что таким способом Сократ испытывал сограждан в мудрости, хотя в действительности эти вопросы его не очень беспокоили. Он иронизировал и симулировал духовное недомогание, неспособность найти ответ на вопрос. Интересно, что, идя от пациента, Розов выделяет фигуру «универсального симулянта», задающего разнообразные вопросы [5. С. 149].

Но Сократ – довольно поздняя фигура в философии. Исторически первична фигура мудреца. Показательно, что универсального консуль-

танта Розов сравнивает с мудрецом, который многознающ, много видел и слышал [5. С. 150]. Данным сравнением намечается экстраполяция модели информационного рынка на объяснение формирования философского знания.

В модели информационного рынка привлекает внимание: а) указание на взаимосвязь единичного и всеобщего в информационном обмене; б) сравнение информационного обмена с обменом товаров на рынке; в) прослеживание генезиса субъектов отношений информационного обмена.

За этими положениями просматривается схема развития товарно-денежных отношений и форм стоимости, описанная К. Марксом в «Капитале» [2. С. 56–156]. Напомним, что, начиная с выделения простого товарообмена и единичной формы стоимости, Маркс реконструирует генезис рынка вплоть до возникновения денег и появления всеобщей формы стоимости, а вместе с ними – фигур купца и ростовщика. Учитывая, что Розов наряду с простым, рядовым консультантом вводит фигуру универсального консультанта, параллель с Марксовой моделью развития форм стоимости и участников товарообмена представляется уместной.

Если идентификатором товарно-денежных отношений является стоимость, то философия идентифицирует себя путем отождествления с мудростью, носителем которой выступает мудрец. Мудрец – это известный, популярный человек. К нему обращаются за советом в государственных делах и предлагают составлять законы. Его изречения славятся. Между мудрецами проводятся состязания, победители которых награждаются. Мудрецы выступают как носители мудрости, и за это они пользуются всеобщей любовью.

Чисто эмпирически констатируем тот факт, что мудрец и любовь к мудрости сосуществуют: нет мудреца без любви к мудрости, а любовь к мудрости выражается в популярности мудрецов как носителей мудрости. Поскольку философия есть любовь к мудрости, то мудрец выделяется как социальная фигура благодаря любителям мудрости, т.е. философам. Если бы не существовало философов в указанном смысле, то появление мудрецов было бы невозможно.

Таким образом, следует признать как социально недостоверную гипотетическую ситуацию, когда социальная фигура философа возникает позже социальной фигуры мудреца. В социальной действительности

мудрецы и философы сосуществуют, поскольку не может быть носителей мудрости без тех, кто эту мудрость выделяет, ценит и любит.

Мудрец тоже любит и ценит мудрость. Показательна в этом плане связываемая с Фалесом знаменитая история с треножником, который бог предназначил первому в мудрости, но этот треножник передавался по кругу между мудрецами. Поэтому мудрец есть философ, как и все остальные люди, которые почитают его мудрецом. Следовательно, все мудрецы – философы, но не все философы – мудрецы.

Факт общественного признания мудрецов подтверждает известное положение К. Поппера о том, что все люди – философы [4. С. 28]. Не все люди – профессиональные философы, но все люди – «любители мудрости». Более того, все мудры, хотя не все являются мудрецами, поскольку мудры, как признавал Р. Декарт, в той или иной степени [1. С. 302].

Как в процессе товарообмена из массы товаров стихийно выделяется всеобщий товар – деньги, так и во взаимодействиях философов стихийно выделяется «всеобщий» философ – мудрец. Перефразируя слова Маркса, можно сказать, что форма мудреца есть лишь застывший на одном философе отблеск отношений к нему всех остальных философов – любителей его мудрости.

Подобно деньгам, мудрец выполняет определенные общественные функции.

Первая функция мудреца состоит в том, чтобы доставить миру материал для выражения мудрости. Мудрец функционирует как всеобщая мера мудрости. Формой соизмерения людей выступают, например, законы – своды *софем*, определяющие меру поведения людей. Наряду с публичным законодательством мудрецы устанавливали в своих школах правила поведения. Степень соответствия поведения установленным правилам выражала меру практической мудрости.

Вторая функция мудреца состоит в использовании его как средства обращения. К мудрецу обращаются, чтобы получить консультации для ответов на возникающие вопросы. Популярные софемы используются в качестве универсальных реплик.

Сам мудрец – «ходячая мудрость» – направляется для выполнения посреднических и дипломатических функций. Таким образом, подобно мировым деньгам, он сбрасывает локальную форму, выходя за пределы внутренней сферы обращения.

Мудрецы меняются, а любители мудрости остаются. Благодаря этим любителям мудрость сохраняется и накапливается не в персонифицированной, а в отчужденной форме *софем* – отчужденной в знаковой форме мудрости. Каждый любитель мудрости объективно становится ее собирателем, классификатором и систематизатором. Он соотносит софемы мудреца со своими философемами, ставя их в отношения тождества и различия, общего и частного, единого и многого, абстрактного и конкретного. Подобные личные философские системы имеют статус не спекулятивной, а «домашней» философии.

Благодаря обладанию софемами любитель мудрости способен фигурировать как публичное лицо, замещающее и представляющее тех мудрецов, софемами которых располагает. Тезаурус софем позволяет ему выстраивать различные философские системы, относимые не только к его домашнему обиходу, но и к домашнему обиходу третьих лиц.

Философа такого типа нам представляется возможным идентифицировать как софиста. Это субъект, который выполняет посреднические функции на рынке философских услуг. Софист попадает в ситуацию общественного обращения, подобную той, в которой находится мудрец. В это ситуации он осуществляет оборот философем, транслируемых от одного потребителя к другому. В обороте осуществляется обобщение философем и абстрагирование софем, фонд которых накапливается. Приращение мудрости, достигаемое в обороте философских услуг, можно определить как *премудрость*.

Софист – это вторичный носитель той мудрости, олицетворением которой являются мудрецы. Если любители мудрости любят мудрость в лице мудрецов, то софист уже не выступает предметом любви, хотя сам также является любителем мудрости. Если софист не выдает себя за мудреца, то он не может быть оценен как ложный, фальшивый мудрец. Он всего лишь честно посредничает в информационном обмене между простыми, рядовыми философами и великими философами, удостоенными звания мудреца.

Напомним, что Платон определяет софистику как «искусство приобретать, менять, продавать, торговать вообще, торговать духовными товарами, а именно рассуждениями и знаниями, касающимися добродетели» [3. С. 343]. Это определение нам представляется типологически точным, поскольку по своей роли софист аналогичен купцу, посредничающему в рыночной торговле. Возвращаясь к базовой модели инфор-

мационного рынка Геродота, софиста следует идентифицировать как фармацевта (аптекаря), замещающего врача.

Купец – такой же товаровладелец, как и другие, вступившие в товарообмен. Софист – так же любит мудрость, как и другие философы. Поэтому квалификации его как не-философа, псевдофилософа или как подражателя философу ошибочны. Софист, строго говоря, даже не мимикрирует под философа, поскольку выполняет собственную оригинальную функцию в обращении философом. Соответственно, в той мере, в которой философы выполняют посреднические функции в философском обращении (например, преподавая философию), они выступают в роли софистов. Зачастую так они и воспринимались современниками.

Наряду с простыми философами, мудрецами и софистами в истории философии известна еще фигура профессионального философа. В отличие от упомянутых фигур он решает задачу добывания, приращения мудрости. Следует признать, что благодаря профессиональным философам и накоплению мудрости общественная жизнь становится мудрее, и в ней наблюдается социально-философский прогресс.

Литература

1. *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. I. – С. 297–422.
2. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 23. – 907 с.
3. *Платон.* Софист // Платон. Сочинения в 4 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 329–412.
4. *Поннер К.Р.* Все люди – философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант – философ Просвещения. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 56 с.
5. *Розов М.А.* Проблемы эмпирического анализа научных знаний. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.
6. *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2006. – 438 с.

ПРОЯВЛЕНИЕ НОРМОТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

О.А. Цуканова

Сибирский федеральный университет, Ачинский филиал, г. Ачинск
flusova18@mail.ru

В русской философии традиционно уделялось пристальное внимание вопросам правового сознания, морали и религиозной веры, их взаимосочетаемости в человеческой активности. Все это в максимальной мере проявлялось в образовательной системе России, что было связано

с тем, что институт государства является соборным субъектом высшего уровня и выступает как социальный институт политической добродетели, способствующий совершенствованию отношений между людьми, между природой и обществом. Соборным субъектом может выступать не только отдельный социальный институт, но и единство (полнота) всех социальных институтов.

Необходимость различения культурного смысла понятия «образование» является фундаментальной проблемой, и актуальность решения ее несомненна как для теоретиков, так и для практиков образования. Указанная проблема имеет определенную специфику для наших педагогов, которая связана с историческим путем, пройденным нашим обществом. В России довольно долго практиковалась не философия образования, а философские проблемы образования. Разница между этими подходами существенна, ведь последнее направление является, прежде всего, вспомогательным для существующей образовательной практики. Этой точке зрения противостоит другая: предмет философии образования определяется особой ее функцией, которая связана с необходимостью «размыкания» педагогического мышления.

Обширная российская и зарубежная литература, посвященная проблемам образования, затрагивает самые разные проблемы и освещает их с точки зрения педагогики, истории, философии, культурологии, социологии, психологии, юриспруденции, экономики, политологии и т. д. В дискуссиях рассматриваются вопросы поддержания национальной системы образования как стратегически важной сферы жизни общества, предопределяющей процветание, безопасность и будущее страны. Отмечается повышение ценности образования; причем его ценность в XXI в. может стать выше, чем ценность науки, доминирующей в интеллектуальной и творческой жизни человека [1]. Образование понимается как главный фактор развития и усиления интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности [2]. Даже простое перечисление круга вопросов показывает, что проблемы образования имеют важное социальное значение. Методологией и информационной базой научных исследований являются идеи и концепции философии образования как отрасли философского знания и как предмета социально-гуманитарных наук, а также реальная педагогическая практика.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что имеющиеся уровень и масштабы их философской разработки для современных условий явно недо-

статочны, а методы частных наук (педагогике, социологии образования, психологии образования, истории образования и других), ограниченные спецификой частно-научной методологии, не достигают необходимого уровня обобщения и глубины исследования концептуальных вопросов. А это, в свою очередь, порождает множественность и взаимную противоречивость трактовок проблем и решений в сфере образования и не исключает недостатков узкого эмпиризма. В результате в области философско-теоретических разработок проблем образования наблюдается парадоксальная ситуация. С одной стороны, человек как объект изучения, условия его формирования, процесс производства и воспроизводства знаний всегда были в центре внимания философии и имеют длительную историю. А, с другой стороны, интерес современных философов к образованию еще недавно не был столь глубоким, как это может показаться, и только в последнее десятилетие количество философских работ в этом направлении возросло, а философия образования стала оформляться в самостоятельную область философского знания.

Применяя социально-философский анализ к нормотворческому процессу, мы сталкиваемся с рядом проблем. Одна из них состоит в выборе предмета и определении смысла образования. Жаркие дискуссии разворачиваются как вокруг традиционного круга вопросов, составляющих предмет философии образования, так и вокруг новых вопросов, таких, как открытое образование, дистанционное образование, непрерывное образование и др. При этом, определяя предмет философии образования, специалисты высказывают разные точки зрения. Одни считают, что предметом философии образования является трансляция культуры, формализованный процесс передачи ценностей, знаний и опыта от поколения к поколению [3].

Другие предпочитают заменить предмет философии образования философией педагогики и концентрируют внимание на социализации личности, достигаемой через образовательные циклы [4]. Иногда границы предмета философии образования расширяют до решения универсальных проблем или, наоборот, сужают данный предмет до самосознания философии образования и т. д. В зависимости от выбора основания можно вести речь о различных школах образования: от абсолютивистской, агностической и альтруистической до трансцендентальной, утилитаристской, волонтаристской и т. п. Все это создает соответствующую почву для нормотворческих процессов.

Исследуя нормотворческий процесс, важно подчеркнуть, что в XXI веке нервом жизни «... становится Комфорт: к нему стремятся, на него ориентируются. Комфорт становится антропогеографическим фактором планеты, и с этим надо считаться. Но это не означает, что систему образования надо подчинить Комфорту: полунравственность уже получили, на очереди – десять смертных грехов, к которым начнут относиться «с пониманием». Задача философии образования – найти в рамках парадигмы комфорта способ превращения образования из состояния вещи в состояние духовности» [5]. Это особенно актуально сегодня, когда глобализация в виде Болонского процесса активно проникает в систему образования. В частности, возникает проблема заимствования зарубежного опыта в области образования и воспитания. Показательным в этой связи является следующий факт. После зарубежной командировки по Европе К.Д. Ушинский убедился: во многих европейских странах существуют национальные образовательные доктрины. Так, например, в Англии главное внимание отводится не образованию, но воспитанию. При этом предполагается, что воспитанный джентльмен не позволит себе быть необразованным. То есть в воспитание закладывается мотивация к самообразованию, частью которого и становится образование в учебных заведениях. В Германии Ушинский наблюдал прямо противоположную картину: никто не заботится о воспитании, но образование приобретает вид строгой системы знаний. При этом предполагается, что образованный человек не может позволить себе быть невоспитанным, то есть необразованным по части этикета и нравов.

Определяя конкретные направления нормотворческого процесса, претендующие на звание «магистральных», важно учитывать конкретные аксиологические традиции. Однако глобальные задачи поиска фундаментальных оснований философских моделей образования оправдывают концентрацию внимания на именах и учениях, прошедших «испытание временем» и до настоящего времени продолжающих оказывать влияние на философское сообщество.

Преимущество философского подхода к проблемам нормотворчества состоит в том, что философия поднимает целый ряд вопросов: каково взаимодействие культуры и образования? Возможно ли обучить человека этическим и эстетическим ценностям, насколько глубоко их восприятие личностью и что влияет на глубину восприятия? Какое знание имеет высшую ценность? Какие знания должны получить студенты или учащиеся, чтобы иметь гарантированную перспективу получения

работы? Ответ на эти и другие вопросы связан с областью философских проблем образования, изучаемых в рамках различных социально-гуманитарных наук, и соответствующей суммой знаний о данном феномене с позиций социологии, психологии, культурологии и т. д. На этом пути создается база для философских парадигм и моделей образования.

Большинство из этих проблем имеют теоретический, а не практический характер, и размышления над ними приводят к пониманию сущности образования. Дискуссии по этому поводу, в свою очередь, опираются на более фундаментальные основания, определение которых зависит от решения вопросов, в чем сущность человеческого бытия, чему следует учить индивида, что есть истина, какими возможностями обладают люди для достижения знания. Эти абстрактные и сложные вопросы требуют глубоких и всесторонних размышлений и рефлексии и приводят к необходимости исследования онтологических, эпистемологических и аксиологических возможностей различных моделей образования.

Таким образом, подходы к исследованию особенностей появления нормотворческих процессов в образовании могут быть различными, а философствование по поводу образования может принимать разнообразные формы. Определяя свое отношение к нормотворческому процессу в образовательной сфере, мы обязаны учитывать объективные закономерности развития собственно образовательной сферы во всех аспектах ее функционирования, а также традиции и менталитет конкретного общества.

Литература

1. *Философия образования: состояние, проблемы и перспективы: материалы заочного «круглого стола»* // *Вопр. философии.* – 1995. – № 11; *Философия образования: Сб. науч. ст.* / Ред. А. Н. Кочергин. – М., 1996.
2. *Агеевко Е.В.* Реформы системы образования в новых землях ФРГ: обзор информации / под ред. А. И. Галагана. – М.: НИИВО, 1994. – (Пробл. заруб. высш. школы); *Савицкий И.* Философия глобального образования / *Философия образования для XXI века.* – М., 1992.
3. *Ярская В.Н.* Философия образования на пороге XXI века // *Философия на рубеже веков* / под ред. А. Д. Гущина, В. Т. Пуляева, Ю. Б. Солонина. – СПб., 1996.
4. *Стрельченко В.И.* К вопросу о предмете философии педагогики / *Философия XX века: школы и концепции.* – СПб., 2000. – С. 495.
5. *Костецкий В.В.* Полуобразованность и полунравственность в системе образования // *Credo.* – 2006. – № 1. – С. 174.

ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО ПОВОРОТА (ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А.И. Щербинин

Томский государственный университет

Sapfir.19@mail.ru

К написанию данной статьи меня в известной степени подвигла инициатива томского губернатора С.А. Жвачкина о создании системы экспертных советов. С точки зрения практики я особых затруднений не испытывал, так как профессиональная экспертиза и проектов, и фактов являются уделом политологов. К ним обращаются и власть, и СМИ. Более того, например, во Франции, появление профессии политолога, как отмечает Патрик Шампань, связано именно с тем, что потребовались специалисты, которые могут прокомментировать для телезрителей, радиослушателей и читателей результаты соцопросов [См.: 1. С. 97. 102–103]. Вряд ли у представителей других дисциплин этот факт вызовет интерес, если бы не два важных «но». Во-первых, появилась в массовом порядке потребность в «оценочном знании» такого рода. Кстати, как отмечает Г.И. Марченко, первой экспертной организацией стала французская «Корпорация присяжных мастеров-письмоводов по исследованию подписей» в 1595 г., получившая патент от Генриха IV [См.: 1. С. 97. 2. С. 4]. А социальная суть оценки заключается в превращении общественного мнения в политическое знание. Именно ради этого сакрального момента и необходимы эксперты-политологи. Во-вторых, эксперты вытесняют с рынка регулирования общественного мнения интеллектуалов, исключительных по своему влиянию людей (от Маркса до Сартра и Арона), которые на протяжении более века управляли сознанием публики. Можно было бы не уделять проблеме интеллектуалов внимания и сослаться на хорошо известные в России диалоги Мишеля Фуко. Я обращаю ваше внимание на размышление Винсента Декомба о мимикрии философов-интеллектуалов в XX веке. С одной стороны, он отмечает, что некоторое время «философа со всех сторон приглашают высказаться о смысле эпохи», тем самым осуществляя противоречивое объединение современного и рационального (Декомб пишет точнее – «ошибочного объединения»). Но, с другой стороны, современность нельзя отринуть, поэтому Декомбом здесь обыгрывается афоризм Гегеля, приравнивающего чтение газет к утренней молитве. Так вот, «Философы тоже читают газеты. Они не упускают случая и написать туда, если им это предлага-

ют». Но, согласимся с автором данных рассуждений, что «философия не только не может быть молитвой, она не является также и чтением газет» [3. С. 183, 185, 190]. Теперь о политической манере рассмотрения различных социальных и гуманитарных проблем: от экономики до истории. Законы жанра СМИ диктуют необходимость их обсуждения в форме дебатов, политически заостренного интервью. Но даже не это самое главное, а то, что в данный период именно национальное государство является доминирующей силой [4. С. 37–39, 45]. Интеллектуал, не имеющий идеологической позиции, – нонсенс, никому не нужный и неинтересный. Более того, он не интеллектуал. Возьмите хоть Сартра, хоть Сахарова, они по своему статусу обязаны мыслить масштабом эпохи.

Другой вопрос, насколько мнение интеллектуалов об эпохе созвучно с ориентационными ожиданиями масс? Здесь ответ коренится в сущности эпохи, а она становится все больше функциональной. Своеобразие когнитивно-психологической революции, корни которой кроются в переходе к новой эпохе постсовременности, заключается, по мнению З. Баумана, в том что главные игроки современности – национальное государство и церковь и связанная с ними политика, по поводу которых публично рефлексировали философы, уходят в тень. А в центр внимания теперь выходят трайбалистская политика, политика желания, политика страха перед выбором, политика уверенности [5. С. 40–43]. И уже не философы, а, в узком смысле слова, эксперты управляют не только двумя последними видами политики, но и всеми четырьмя: они влияют и на политику желания, через конструирование потребностей, и на формирование современных триб, которые способствуют преодолению модернистской потребности в классово-экономическом и политическом делении.

Таким образом, востребованным становится «техническое знание», лежащее в основе экспертной оценки. Возникает ситуация, предчувствие которой напрягало философов еще в середине прошлого века. Именно тогда Майкл Оукшот противопоставлял «техническое» знание (рационализм и идеология) знанию практическому в политике (опыт, традиция). Оукшот называет рационалистические работы, начиная с Макиавелли, «шпаргалками»: «...Замысел Макиавелли состоял в том, чтобы оснастить политиков шпаргалкой – суррогатом подлинного политического образования, методом, рассчитанным на властителей, не знакомых с традицией» [6. С. 29]. Сегодня же опыт, традиция, рационализм, идеология оказываются отброшенными за нефункциональность. Интеллектуалов пытаются заменить сами политики, особенно первые

лица, нередко переворачивая афоризм Ф. Бэкона «Сила – знание». Но поскольку это не всегда хорошо получается, то им удается лишь подвинуть интеллектуалов с публичной трибуны, а точнее со сцены. Именно сегодня, пишет Норберт Болц, «партии начинают существовать в общественном сознании как торговые марки, политики в ток-шоу – как товары этих марок. Так что политика сегодня – это, в сущности, пиар самой себя» [7. С. 58–59].

Как мы видим, для массового человека, стоящего перед выбором, экспертное знание становится решающим аргументом. Будь то знание психоаналитика, адвоката, врача или политического эксперта в узком смысле этого слова. И возвращаясь к сравнению интеллектуала и эксперта, отметим, что сущностное различие их заключается в том, что первый был носителем авторитетного мнения, а второй – авторитетного знания. На отличие политического знания от *политического мнения*, включающего ошибки, догадки, убеждения, предрассудки, прогнозы и т.д., обращал внимание еще Лео Штраус. Он писал о том, что «политической жизни свойственно руководствоваться смесью политического знания и политического мнения. Вследствие этого вся политическая жизнь связана с более или менее энергичными усилиями, направленными на замену политического мнения политическим знанием» [8. С. 14]. И вряд ли люди без участия экспертов на основе только здравого смысла и личного опыта способны превращать такого рода мнения в знания.

Проблема политической экспертизы – своего рода сундук с двойным дном. Эксперты помогают гражданам определиться с выбором, о чем уже шла речь, но эксперты помогают и власти. И зачастую последняя работа далека от публичности. Собственно платоновского философа-правителя мы не рассматривали за его несовместимость с модерном, хотя теоретически возможность такой модели просматривалась у того же Л. Штрауса. Более того, правитель-философ вряд ли снискал бы популярность у граждан, о чем речь шла уже выше. С другой стороны, если на публике правитель выступает в качестве актера (и по жанру политического спектакля), то в условиях повседневного управления он нуждается в экспертном знании как стратегического, так и прикладного характера. Собственно, в данном случае эксперт выступает не просто как необходимое дополнение правителя, знание которого ограничено, но и как своего рода страховка при принятии политического решения.

Если правитель не обращается к услугам эксперта, то здесь мы имеем дело либо с ситуацией, которую исключили на стадии допущения

(наличие правителя-философа), либо, что всегда совпадает с практикой, с закукливанием аппарата правителя на самом себе. Аппарат правителя сам разрабатывает стратегию, сам пишет законопроекты и добивается превращения их в законы, сам выполняет их и одновременно контролирует их мониторинг. Таков жанр управления, и в той или иной степени ему следуют и в условиях демократии и авторитаризма, донося до граждан только телеспектакль «по поводу». Однако жить по такому сценарию не дают две проблемы, «отягчающие» управление: первое – это реальная демократия (когда народ знает, сколько он платит налогов и интересуется, на что они идут). Второе, непривычно (для традиционно-модернистской системы управления) усложнившийся мир. И это не только и не столько технологические изменения глобального характера, но и социальные новации, как правило, ускользающие от взора власти, предпочитающей управлять, не познавая. Однако даже подобная позиция подспудно корректируется, поскольку любое управленческое решение сегодня принимается в условиях политического риска. Субъект решения должен обладать значительными ресурсами для сбора информации как об объекте, так и о субъекте, принимающем решение (т.е. о себе). Кроме того, исполнители должны быть совершенно объективны в своих решениях на основе систематически получаемой информации. Громоздкость этого метода очевидна, так как государственные учреждения вынуждены принимать быстрые решения и действуют под давлением обстоятельств, в том числе и лоббирования. Усложняет применение в политической ситуации такого подхода сама природа политического, как актуального и незавершенного. В политике нельзя принять решение «раз и навсегда». Приведу один пример. Когда Солон установил демократические законы для полиса, он поставил условие, что они действуют без изменения сто лет, а потом вообще исчез, чтобы под влиянием обстоятельств не «перерешивать» в ущерб идее. Сегодня в демократических обществах существует масса факторов, препятствующих рациональной выработке политики. Это и многообразие целей и курсов, высокие информационные издержки, девиантное поведение бюрократов (картинка с современной России) и т.п. [См. подробнее: 9]. Поэтому нередко вместо «оптимального» решения на божий свет появляется приемлемое, в стиле высказывания В.С. Черномырдина «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Процедура для политика усложняется, когда тот в условиях непредсказуемых последствий или неумения принять ре-

шение прибегает к нерешению, оставляет ситуацию на авось, либо к волюнтаристскому решению.

В этих условиях, даже в качестве страховки, политик стремится разделить свою ответственность за принятие решения с экспертами, внутренними или внешними. Механика работы с внутренними экспертами описана Гаем Бенвенисте. Он называет их плановиками и «лейтенантами», которые находятся на службе у Суверена (нынешний образ макиавеллевского Государя) [10]. Оставим в стороне рациональный подход к планированию, как наиболее узнаваемый, и обратимся к тому, что автор называет утопическим подходом, лишь по одной причине – инновационный компонент развития общества в условиях глобальной и внутренней конкуренции стал реальностью, от которой не спрятаться в уютной адаптивной модели развития. Позиция Бенвенисте достаточно скептически относительно изобретения «представлений о будущем, которые не выглядят пока убедительными», но к чести сказать, что за недостижимой мечтой он видит, что «несколько шагов (а может быть, и ни одного) сделаны для ее воплощения» [10. С. 67].

Несмотря на то, что работа Бенвенисте была написана еще до «инновационного поворота», он осознавал необходимость насыщения знаний плановиков новой информацией и, соответственно, постоянного ее поиска. Применительно к системе государственной и муниципальной службы – это один из путей преодоления их автаркичности. В свое время губернатор В. Кресс даже выступил с инициативой учитывать в распределении премий чиновникам их «хождение в народ» за проблемами. Сегодня в Томской области по инициативе нового губернатора внедряется в практику кластерная модель управления. В идеале, на мой взгляд, это дает возможность «выстрелить» каждому ключевому направлению, а не только сырьевому сектору. Но для того, чтобы состоялся данный прорыв, необходимы свежие идеи, механизм их одобрения, дополняемый инвестициями и, назовем так, властным патронажем, и, наконец, реализация. Причем между идеей и реализацией временной разрыв должен быть минимальным. Переноса правила успешного инновационного менеджмента Герхарда Витткенпера на масштабы региона, возьмем за модельное требование необходимость «создания продуманной от начала и до конца и четко сформулированной корпоративной (шире региональной. – *А.Щ.*) идентичности». И тот факт, что инновационный регион «не ждет наступления благоприятной погоды», напротив, он «опирается на свой внутренний климат, который можно длительное время поддерживать благоприятным в том случае, если пред-

приятие (шире регион. – *А.Щ.*) является для сотрудников источником сильной мотивации» (Цит. по: [11. С. 24, 25].

Можно ли переносить схему инновационного предприятия на регион? Можно, и как показали исследования Ричарда Флориды, необходимо. Инновации и креативность напрямую зависят от места, от сообщества, и не в последнюю очередь от политических и общественных структур, способных тормозить (что чаще происходит) или катализировать инновационные процессы [12]. Согласимся с мнением Флориды, что креативностью практически невозможно управлять, но создать условия для ее жизнеобеспечения и перспективы – задача власти и экспертного сообщества. Закончу выступление частным случаем экспертизы заявок на дополнительное бюджетирование театральных постановок департаментом культуры и туризма Администрации Томской области. На фоне большого количества заявок на постановку новых спектаклей было всего лишь три заявки, связанные с инновационными проектами. Это творческая лаборатория и участие во всероссийских конкурсах. Именно они были поддержаны экспертным советом в первую очередь, поскольку связаны с новыми идеями и обменом опытом, соревновательностью и внешним позиционированием театральных коллективов и региона в целом. Несомненно, это далеко от новых технологий и свойств инновационных продуктов, но неразрывно с ними, поскольку инновации не могут бытовать в отсталой управленческой, социальной и культурной средах.

Литература

1. *Шампань П.* Делать мнение: новая политическая игра. – М.: Socio-Logos, 1997.
2. *Марченко Г.И.* Политическая экспертиза как элемент политического маркетинга // Политический маркетинг. – 2012. – №10. – С. 4–13.
3. *Декомб В.* Современная французская философия. – М., 2000.
4. *Эллюль Ж.* Политическая иллюзия. – М., 2003.
5. *Бауман З.* Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки: Ежегодник. Вып. 1. – М.: Институт молодежи, 1991.
6. *Оукшот М.* Рационализм в политике // Оукшот М. Рационализм в политике и др. статьи. – М., 2002.
7. *Больц Норберт.* Алфавит медиа. – М., 2011.
8. *Штраус Л.* Введение в политическую философию. – М., 2000.
9. *Технологии политической власти: Зарубежный опыт: Книжн. дайджест.* – Киев: Вища школа, 1994.
10. *Бенвенисте Гай.* Овладение политикой планирования. – М., 1994.
11. *Богачев У.А.* Роль и значение инноваций в формировании позитивного имиджа города // Политическая регионалистика и этнополитика / под ред. Н.П. Медведева и В.К. Медведевой. – М., 2009. – Вып. 6.
12. *Флорида Ричард.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2011.

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

НАУКА КАК ЭЛЕМЕНТ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ»: СОХРАНЕНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

ablazhey@academ.org

Говоря о воспроизводстве науки как социального института, который оказывает весомое влияние на стереотипы поведения и профессиональные ценности своих членов, необходимо иметь в виду, что ряд науковедов отрицают его определяющее влияние на поведение членов научного сообщества. Так, Д.А. Александров, описывая феномен научных школ с точки зрения теории социальных сетей, пишет: «Не наука как социальный институт формирует ученого, предлагая (приписывая) ему роли, но ученый в своей повседневной деятельности создает то, что мы называем наукой» [1. С. 12]. С нашей точки зрения, подобного рода заявления звучат слишком категорично. Во всяком случае, если взять данные социологических исследований научного сообщества России, прежде всего Новосибирского научного центра и региональных научных центров Сибири, в той их части, которые касаются научной молодежи, то становится совершенно понятно, что молодые ученые, как правило, вполне адекватно усваивают правила функционирования, ценности и стереотипы научного сообщества, делая их *своими* и воспринимая как *свои*, даже несмотря на то, что многие из них возникли и утвердились в *другое* время и в *другом* обществе. В этом случае наиболее продуктивно обращение к социальной истории науки в России, в частности, апелляция к понятию «советской науки», попытка найти именно в ней истоки специфики современной российской науки.

В этой связи встает вопрос о том, насколько жизненно понятие «советской» науки, насколько точно оно отражает суть той научной системы, которая существовала в СССР до начала 1990-х гг., какого рода трансформации, главным образом с точки зрения сугубо культурного содержания, оно претерпело с того времени, насколько живучи не только сам термин, но и содержание, в него вкладываемое. Поставленный таким образом вопрос не имеет очевидного ответа. Во всяком случае, следует ожидать, что, подобно таким социальным институтам, как религия или образование, наука окажется весьма консервативной, с трудом

поддающейся преобразованиям. Когда большинство ученых, особенно в нестоличных локальных научно-образовательных центрах, выступают против коммерциализации науки, появляются основания говорить о том, что наука как социальный институт обладает собственной логикой развития, не всегда (или, во всяком случае, не во всем) совпадающей с теми трансформациями, которые переживает общество в целом. То же касается и зарубежной науки. Р. Кэмпбелл (R. Campbell), трактуя подготовку нового поколения ученых как социальный процесс, справедливо утверждает, что, «как и в случае с другими социальными группами, процессы социализации и адаптации к культурным нормам являются центральным аспектом конституирования науки» [2. С. 897]. Другими словами, лежащие в основе науки как социального института фундаментальные ценности могут быть поняты только как культурно обусловленные.

Рассмотрение проблемы воспроизводства науки в России следует осуществлять в контексте тех процессов, которые характерны для науки в мире в целом, в частности, имея в виду то обстоятельство, что отношение общества к науке и людям науки не воспроизводится в прежнем виде и наука, наряду с образованием, все полнее включается в рыночные правила игры. Не стоит также забывать о том, что наука требует достаточно специфических условий для своего нормального функционирования. И речь не только о внимании со стороны государства или спросе промышленности на научные разработки. В первую очередь здесь следует говорить о фундаментальной науке, которая, как «весьма хрупкий и ранимый социальный институт... требует для своего полноценного развития целого ряда трудно выполнимых условий, прежде всего политической стабильности и высокого уровня образования» [3. С. 34].

Важное значение приобретает проблема социального выбора – почему наука уходит с первых ролей в ряду социальных приоритетов. Необходимо учитывать, что это характерно не только для пост-советского общества, но для большинства стран, переживающих пост-социалистическую эпоху, что вынуждает научное сообщество не просто воспроизводить прежнюю риторику и аргументацию для собственной самозащиты и сохранения благоприятной общественной атмосферы, но искать новые способы общения с обществом, корпорациями, государством, доказывая необходимость продолжения научных исследований. Исходя из этого, при переходе науки на постсоветскую стадию закономерно происходит существенная трансформация системы ценностей и профессиональных

приоритетов ученых, в первую очередь молодых, что, в свою очередь, наталкивает на вывод о том, что уже в ближайшем будущем произойдет заметное изменение облика российского научного сообщества, все более и более теряющего признаки сугубо нерыночного образования и постепенно адаптирующегося к новой ситуации в социальном окружении и в функционировании самой науки, имея в виду схему финансирования, структуру исследований, трансформацию взаимоотношений не только отдельных ученых, но и коллективов как на уровне секторов и лабораторий, так и целых институтов. Сегодня воспроизводство науки как социального института и той сложной системы социальных взаимосвязей, которая выстраивается, происходит в качественно иных условиях, притом, что важнейшие тенденции, складывавшиеся с середины 1990-х гг., когда, собственно, и началась масштабная реформа российской науки, продолжают сохранять свое значение и сегодня.

На практике руководители научных подразделений вынуждены решать целый ряд острых проблем. Во-первых, падение престижа научной деятельности в стране приводит к тому, что молодые люди предпочитают использовать статус аспиранта и молодого ученого прежде всего в качестве законной возможности избежать службы в армии, выехать за рубеж для построения самостоятельной карьеры. Российская академическая наука также стала значимым институтом по подготовке высококвалифицированных специалистов как для корпоративной российской, так и для западной науки, которые нуждаются в подготовленных научных кадрах, особенно биологического профиля, в разработчиках новых технологий для наукоемкого производства.

Вторая проблема – резкое сокращение финансирования фундаментальных исследований, которое, по большому счету, не преодолено до сих пор. Это обстоятельство способствовало тому, что многие научные коллективы вынуждены были искать новые, по преимуществу рыночные, способы финансирования исследовательской деятельности. Однако сегодня, как представляется, наряду с увеличением бюджетного финансирования академической науки необходимо разрабатывать и реализовывать продуманную, системную государственную политику в деле материального обеспечения научно-познавательной деятельности. Это касается в первую очередь взаимодействия с зарубежными фирмами, поставляющими оборудование и материалы для проведения научно-исследовательских работ, а также поддержки отечественного инновационного бизнеса, специализирующегося на техническом обеспечении

научно-познавательной деятельности. Отсутствие на государственном уровне политики, направленной на выстраивание взаимовыгодного взаимодействия российских научных коллективов с российскими и зарубежными партнерами, приводит к целому ряду негативных последствий, таких как падение престижа российской науки, утрата заинтересованности молодых научных кадров в реализации своего потенциала в научной сфере. В то же время современная российская наука, плохо или хорошо, но понемногу научилась зарабатывать деньги для материального обеспечения исследований, продавая результаты потребителям научной продукции как на зарубежном, так и на российском рынке. При отсутствии государственной заинтересованности в этих результатах наука в России будет вынуждена во все большей степени ориентироваться на коммерческий или западный рынок научной продукции.

Важнейшей проблемой до недавних пор оставалось почти полное отсутствие возможности для развития инновационного производства, что позволило бы эффективнее использовать научный потенциал, окупая материально-технические затраты на подготовку кадров и разработку новых технологий. Возникновение вышеперечисленных проблем во многом обусловлено тем, что целый ряд институтов Академии наук на протяжении длительного времени пользовались повышенным вниманием государства, которое ориентировало их на поисковую работу в области фундаментальных проблем. Это привело к высокой степени зависимости от централизованных источников финансирования. Проблема отсутствия научных кадров, которая обострилась с начала 1990-х гг., может быть квалифицирована и как следствие кризиса базовых принципов функционирования системы воспроизводства науки, нацеленной, в первую очередь, на подготовку научного персонала для академических лабораторий, а не для внедренческой сферы.

Таким образом, состояние воспроизводственного механизма российской науки находится в самой тесной связи с востребованностью ее результатов на российском и международном рынке высокоинтеллектуальной продукции. Анализ реализации принципа подготовки научных кадров на примере Новосибирского научного центра показал, что условием успешной реализации данного принципа как в середине XX в., так и в начале XXI в. является, прежде всего, заинтересованность государства, и общества в продуктах научно-образовательного комплекса, а именно в высококвалифицированных кадрах, способных разрабатывать высокие технологии мирового уровня. Согласно концепции инноваци-

онного развития СО РАН, разрабатываемой при активном участии научного сообщества, система программных мероприятий должны включать три основных направления: развитие фундаментальной науки и образования; реализация крупных инновационных проектов национального масштаба; создание элементов региональной инновационной инфраструктуры. Если подобная система программных мероприятий хотя бы частично реализуется на практике, появятся основания говорить о создании объективных обстоятельств, при которых интеграция академической науки и высшего образования будет на деле способствовать как научно-техническому прогрессу, так и сохранению социального механизма воспроизводства научной деятельности.

Литература

1. Александров Д.А. Научные школы как социальные сети // Академические научные школы Санкт-Петербурга. – СПб., 1998. – С. 11–18.
2. Campbell R. Preparing the Next Generation of Scientists: The Social Process of Managing Students / *Social Studies of Science* 33/6. – P. 898–927.
3. Несветайлов Г.А. Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки // Социологические исследования. – 1995. – № 12. – С. 26–40.

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ЕДИНСТВО ОСОЗНАННОГО И НЕОСОЗНАННОГО

Т.И. Бармашова

Красноярский государственный аграрный университет
filosofia@kgau.ru

Научное познание традиционно относится к рефлексивным формам человеческой активности. Однако это не означает, что все его звенья в одинаковой степени осознаны. Существует немало элементов познавательного процесса, характеризующихся неосознанностью протекания. Этот факт находит отражение в философской литературе. В частности, отмечается, что недостаточная отрефлексированность является не только особенностью обыденного познания действительности, но и не чужда науке.

При этом идея бессознательного¹ в научном познании нередко ограничивается интеллектуальной интуицией. В действительности диапазон бессознательного в этой сфере несравнимо шире. Оно сопутствует фактически каждой ступеньке познания, образуя диалектическое единство с сознательным отражением. Даже философия, понимаемая как рефлекс-

¹ Под бессознательным в статье понимается совокупность всех неосознанных, неотрефлексированных проявлений человеческой активности как на уровне индивида, так и на уровне социальных групп.

сия высшего порядка, не олицетворяет собой торжество полной осознанности. Это относится и к другим сферам познания. О бессознательной мифологичности любой науки вел речь А.Ф. Лосев [1. С. 404]. Сходное суждение имеет место у М. Мамардашвили, который также обращает внимание на взаимосвязь мифомышления и философии [2. С. 27].

Выражением недостаточно отрефлексированного философствования является стихийный материализм античности, представляющий собой «... неосознаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение ... в объективной реальности внешнего мира ...» [3. С. 367]. Помимо этого, возможен неосознанный тип теоретизирования. Анализируя норму прибавочной стоимости в «Капитале», обращаясь к формуле ее выражения, К. Маркс замечает, что эти формулы можно найти «... уже в классической политической экономии, правда, не в сознательно разработанном виде, а лишь по существу» [3. С. 540].

Неосознанным может оставаться метод, используемый мыслителем в его теоретической системе. Бытует мнение о том, что диалектический метод Гегеля в полной мере не осознавался им самим. Аналогичный факт можно усмотреть в высказывании Ф. Энгельса по поводу открытия периодической системы химических элементов. В «Диалектике природы» он писал: «Менделеев, применив бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг ...» [4. С. 389]. Иными словами, Д.И. Менделеев подсознательно «почувствовал» объективную логику развития, которая нашла выражение в виде неосознанного использования данного закона диалектики.

Несовпадение действительного строения теоретической системы и формы, в которой мыслитель ее сознательно представил, является, на наш взгляд, следствием неосознанного выхода за рамки парадигмальных установлений, присущих определенной культурно-исторической среде. Когда объективная логика мыслительных процессов берет верх над общепринятыми предписаниями, которыми вольно или невольно руководствуется субъект в познавательной деятельности, они прорываются и находят свое выражение в теоретической системе мыслителя. Но так как субъект находится в плену этих представлений, объективное содержание его системы не всегда осознается им, приходит в противоречие с соответствующей его сознательным намерениям формой.

Помимо того, что человек неосознанно может руководствоваться логическими приемами и методами, он «... всегда, в любом эмпирическом размышлении инстинктивно пользуется категориями логики» [5.

С. 20], «применяет их бессознательно, лишая их чести специального философского рассмотрения, низводя до служения повседневной житейской практике» [6. С. 10]. В этом отношении невозможно не согласиться с Г. Гегелем. Неосознанными могут оставаться и многие другие составляющие мыслительной деятельности и познавательного процесса. Представляется приемлемой мысль Г. Гельмгольца о бессознательных элементах умозаключений.

Говоря о бессознательном в научном познании, нельзя обойти стороной проблему интеллектуальной интуиции. При этом было бы неверным всецело отождествлять ее с бессознательным, как это иногда имеет место в исследованиях интуиции. Интуицию отличает неосознанность как процесса, и осознанность, представленность в сознании как результата. Она представляет собой нечто вроде «черного ящика». Мы отчасти знаем, что имеется у входа в этот «ящик» (сумма исходных знаний), имеем более полное представление о том, что получаем на выходе из него (продукт интуитивного «озарения»). Сам же инкубационный период, образно сравниваемый с «черным ящиком», не может стать предметом рефлексии. Если ученый даже пытается после озарения ретроспективно проследить ход своих умственных операций, приведших к решению проблемы, это ему, как правило, не удается.

Интуиция, с одной стороны, способствует реализации неявного знания, как бы актуализирует его, вовлекает в работу по производству нового знания. С другой стороны, интуиция осуществляет переработку не только скрытой от нас информации, в существовании которой мы не отдаем себе отчета, но и активно привлекает ту информацию, о которой мы имеем ясное представление. Таким образом, интуиция – это процесс взаимодействия явного и неявного знания, сознательного и бессознательного. Момент интуитивного вдохновения, «просветления» является выражением эмоционального реагирования на выход информации из «черного ящика», на ее осознание. Актуальность и значимость информации для познающего субъекта в данный момент стимулирует активность бессознательного, делает более вероятным ее обнаружение.

Проблема диалектического единства осознанного и неосознанного в интуитивном постижении действительности тесно связана с вопросом об этапах творческого процесса, который до сих пор остается дискуссионным. А. Пуанкаре сводит их количество к трем: 1) сознательный логический анализ; 2) подсознательный, инкубационный период; 3) переход продукта подсознательной работы в сознание [7. С. 142]. На

наш взгляд, более правы те авторы, которые выделяют четыре стадии в творческом процессе: 1) подготовку; 2) инкубацию; 3) озарение; 4) проверку [8. С. 101]. В последнем случае третья стадия как бы выражает динамику перехода бессознательного в сознательное, а заключительная стадия олицетворяет полное торжество осознанности.

Отличие интуиции от других неосознанных факторов познания и заключается в том, что она сопутствует не всем, а второму и третьему этапам. Первая и четвертая фазы хотя и определяются как сознательные, но и они не свободны от проявления различных неосознанных форм познания, не сводимых к интуиции. Иначе говоря, в творческой мастерской исследователя бессознательное проявляется не только в интуитивных формах. Если интуиция как результат предполагает осознанность, как процесс соответствует в преобладающей мере двум этапам творческого познания, то существует немало мыслительных процедур, конструктов, схем, которые как таковые могут не осознаваться субъектом и сопутствовать при этом всем этапам творческого поиска (неосознанные регулятивы мышления как некая внутренняя специфическая логика бессознательного и социокультурные детерминанты мышления).

Когда идет речь о степени рефлексивности познавательного процесса, неизбежно возникает вопрос: в каком случае мышление является более творческим, если оно обязано сознательным или бессознательным процессам? По всей видимости, прямая зависимость отсутствует. Это зависит от конкретной познавательной ситуации. Особенно трудные и неординарные проблемы на стадии сознательного логического анализа не всегда поддаются решению. А именно их решение способно дать принципиально новое знание. Осознанное решение научной проблемы, как правило, не выходит за рамки принятых представлений, не противоречат существующей парадигме. Это в значительной мере порождает шаблонность в решении. В таком случае продуктивными могут оказаться неосознанные познавательные приемы. При этом неосознанность в научном познании играет неоднозначную роль. Неосознанность в виде недостаточного понимания, отсутствия четкого представления по поводу сущности проблемы и т.д. может препятствовать ему. Как известно, любое научное исследование начинается с постановки проблемы. Формулирование же проблемной ситуации представляет собой не что иное, как осознание пробела в системе имеющегося знания. Причем четкость и корректность постановки проблемы в значительной степени обеспечивают успех всего исследования.

В иных случаях неосознанность может даже содействовать эффективному творческому процессу. Дело в том, что вследствие неосознанности некоторых познавательных актов становится возможным решение наиболее сложных проблем, которые не под силу осознанному анализу. Причину этого мы видим в том, что при осознанном анализе объект дан не в чистом виде, а в отношении к субъекту, поэтому неизбежна субъективная окраска их взаимосвязи. При неосознанной же переработке информации нет фиксируемой противоположности субъекта и объекта, поэтому отсутствует налет субъективизма, который может быть связан с парадигмальными установками, с устаревшими представлениями, с инертным образом мышления и т.п.

Таким образом, все познавательные способы, вне зависимости от того, осознаны они или не осознаны, составляют необходимые элементы единого процесса познания. Бессознательные составляющие этого сложного механизма отличаются лишь тем, что не фиксируются в поле направленного, осознанного внимания по причине латентной формы их существования. Однако это не умаляет их значения в процессе познания, в том числе и научного.

Литература

1. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990.
2. *Мамардашвили М.* Мой опыт нетипичен. – СПб.: Азбука, 2000.
3. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 23.
4. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 20.
5. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук // Соч. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1930. – Т. 1.
6. *Гегель Г.* Наука логики // Соч. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1937. – Т. 5.
7. *Пуанкаре А.* Математическое творчество // Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. – М., 1970. – С. 142.
8. *Сухотин А.К.* Парадоксы науки. – М.: Молодая гвардия, 1978.

ОНАУЧЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ И ГУМАНИТАРНАЯ МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Н.В. Буковская

Томский государственный университет

nvsi@mail.ru

Предлагается рассмотреть две модели онаучивания общества и инновационного развития: технократическую и гуманитарную. Включена ли инновационность в проект «онаучивания» и как она проявляется в различных моделях? «Онаученное общество» – термин Хабермаса, который он использует в контексте рассмотрения проблемы «онаученной

политики» [2], но не определяя четко его содержание. Под онаучиванием общества будем понимать процесс, во-первых, проникновения научного знания во все сферы общества, во-вторых, развития экспертной функции науки, научно-экспертного знания, в-третьих, повышения уровня научной квалификации и информированности основных субъектов и акторов, влияющих на принятие решений. В ходе реализации данного процесса возникают две тенденции – технократическая и гуманитарная, которые по-разному влияют на его характеристики, задавая вектор развития общества и модель инновационных процессов. Когда мы говорим об онаученном обществе, необходимо учесть, какой тип науки имеется в виду. Технократическая модель опирается на технократическую рациональность, в основе которой лежит классический идеал научности, позитивистское мировоззрение, сциентизм; гуманитарная модель – на принципы неклассической и постнеклассической научной рациональности, открытой и «мыслящей» науки, включающей ценностное гуманистическое измерение, целостную концепцию знания, с признанием сложности, неопределенности, необратимости.

Научное знание распространяется, прежде всего, через наукоемкие технологии, в том числе социальные, управленческие, политические. Разумеется, что наукоемкость различных отраслей и сфер не одинакова, и данный разрыв (особенно с военной сферой) ликвидируется исторически, постепенно. Проникновение научного знания происходит в процессе столкновений с другими донаучными видами знания, в том числе с традиционными формами, а также с верой и повседневным опытом. Кроме того, на определенном этапе развития научное знание сталкивается с научным знанием, объективированным в практике, в различных предметах и процессах, а также с последствиями его применения. Таким образом, система ‘one way’ постепенно заменяется системой ‘round way’, что способствует формированию «мыслящей науки», а также комплекса экологических и гуманитарных научных дисциплин. В связи с этим возникает потребность дополнить наукоемкость технологий важными параметрами, а именно экоёмкостью и человекоёмкостью, отвечающими за сохранение человека и природы.

Второй момент – это развитие экспертной функции науки, широкой сети научной экспертизы, пронизывающей все сферы общества, уровни управления, процесс принятия решений. Здесь обнаруживаются две тенденции: с одной стороны, возникновение монополии официальных экспертов и ангажированных технократов, с другой – появление незави-

симой и гуманитарной экспертизы, ее демократизация. Намечается разделение экспертизы на официальную и неофициальную, государственную и негосударственную, внутринаучную и внеаучную, научную и донаучную, технократическую и гуманитарную. Феномен гуманитарной экспертизы можно рассматривать в узком и широком значении. В первом случае это вид научной и научно-практической экспертизы, базирующийся на блоке гуманитарных наук, во втором – это трансдисциплинарная и социокультурная интеллектуальная парадигма, интегрирующая науку и общественность, т.е. это смешанный тип экспертизы. В широком смысле речь также идет о гуманитаризации (распространении методов гуманитарных наук) и гуманизации (пролонгированности гуманистическими ценностями) науки в целом.

Гуманитарная модель инновационного развития общества соотносится с развитостью института экспертизы, характеризующегося системностью, комплексностью, гуманитарностью, альтернативностью, включающего, с одной стороны, многоаспектную развернутую научную экспертизу, а с другой – общественную, гражданскую экспертную оценку. Экспертная функция науки конституирует междисциплинарность, так как для релевантной научной экспертизы сложных объектов возникает необходимость целостного применения знания, чтобы естественнонаучное, техническое и социогуманитарное знание попадало в процесс принятия политико-управленческих решений.

Инновационные процессы должны включать механизмы саморегуляции, которые определяют их гуманистический и экологический потенциал. Прежде всего, это широкий спектр экспертизы инновационных проектов: от внутринаучной до гуманитарной и общественной. В качестве принципа гуманитарной модели инновационного развития, на наш взгляд, можно рассматривать «принцип упреждения» угрозы, опасности. Данный принцип можно рассматривать многоаспектно: как мировоззренческий принцип, как теоретико-методологический принцип в научном познании, как принцип экспертной оценки, управления и принятия решений. Этот принцип в более узком плане рассматривается применительно к экономической деятельности, к решению экологических вопросов, как принятие мер предосторожности, исходя из возможных негативных долгосрочных последствий, даже если наука на данный момент не выявила каких-то негативных факторов. Он включен в ряд международных документов, хотя на практике его применение встречается с рядом трудностей. Важным моментом данного принципа явля-

ется акцент на «научной неопределенности», а следовательно, на недостаточности односторонней научной экспертизы. Это особенно важно, так как, во-первых, ускорение развития научного знания приводит к быстрому устареванию информации, во-вторых, имеются разногласия среди самих ученых, в-третьих, условия экспертизы могут иметь элементы погрешности. Поэтому научную экспертизу следует дополнить другими видами экспертизы, демократизировать ее, включить в нее общественность, что позволит нейтрализовать негативные моменты, избежать эйфории от сиюминутной выгоды и игнорирования неопределенностей. Важно, чтобы легитимация принятых решений обеспечивалась не только наукой, но и повседневностью, тем, что, по Хабермасу, является «жизненным миром».

Если исходить из понимания инновационного процесса, как процесса введения нового (*innovation*, англ.), то необходимо сделать акцент на его перманентности и самоорганизации. Развитие онаученного общества связано с формированием адекватного механизма нововведений, технологий управления этими процессами, учитывающих, с одной стороны, уровень развития научного знания, а с другой – возможности общества по обеспечению безопасности и предупреждению негативных последствий. Различные уровни и формы инновационных процессов должны уравновешивать друг друга. Инновационность таким образом вписывается в концепцию устойчивого развития, а также в концепцию «упорядоченного хаоса». Под онаученным обществом, на наш взгляд, можно понимать как общество в широком смысле, так и гражданское общество. Онаучивание гражданского общества связано, с одной стороны, с развитием науки как элемента гражданского общества, а с другой – с формированием гражданской экспертизы, включающей в себя все виды научного знания и привлекающих интеллектуалов-специалистов.

Гуманитарная модель предполагает постоянное включение инновационного развития в более широкий социо-гуманитарный и экологический контекст, выход в пространство истории и культуры. Гуманитарная экспертиза, как отмечают исследователи, характеризуется расширением контекста оценки, что связано с проблематизацией вопроса о критериях гуманитарной оптимальности [1. С. 144–146]. Однако существует опасность, что глобально-стратегическое измерение может стать тотальным и подавлять локально-тактические «точки роста», отсекая все альтернативы. При этом монополия на инновационные проекты и их экспертизу только усугубляет ситуацию. Поэтому инновация технического плана

должна быть связана с цепочкой инновационных процессов в различных сферах по фрактальному принципу. Требуется постоянное расширение горизонта инновационного процесса и его рефлексии. Необходимы инновационные технологии принятия политико-управленческих решений, определяющие их демократизацию.

Становление «онаученного общества» проходит несколько этапов и связано с развитием определенных условий, в результате которых формируются механизмы адекватного взаимодействия политики, науки, техники и повседневности, механизмы контроля перевода технического знания в практическое и осознанного управления этими процессами в интересах человека и природы. Данные механизмы, прежде всего, репрезентируются в процессе принятия государственно-управленческих решений, т.е. в релевантной им «онаученной политике». Отмечая неоднозначность процесса «научной рационализации политического господства», Хабермас корректирует его с помощью коммуникативной рациональности, чтобы предотвратить сугубо технократическую (научную) сторону процесса и обеспечить эффективный контроль. Согласно Хабермасу, «в качестве созревшего онаученное общество» может конституироваться ...если наука и техника через головы людей будут объединены жизненной практикой» [2. С. 166].

Технологии управления инновациями должны быть адекватны рискам. Речь идет о формировании современных технологий самих нововведений, в соответствии с которыми в режиме самоорганизации должно осуществляться постоянное обновление всех сфер деятельности и общественной жизни с опорой на научное (в том числе гуманитарное) знание и гуманитарно-гражданскую экспертизу при оценке рисков и пользы. В этом смысле можно сделать вывод, что подлинная инновационность связана именно с гуманитарной моделью, которая соответствует историческому этапу более развитого онаученного общества.

Литература

1. *Моисеев В.И.* Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. – М.: ИФРН, 2009. – Вып. 3. – С. 139–155.

2. *Хабермас Ю.* Онаученная политика и общественное мнение // *Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»*. – М.: Практика, 2007. – С. 136–167.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В КАРЬЕРНОМ РОСТЕ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ г. ЧЕЛЯБИНСКА

Т.И. Волкова

Южно-Уральский государственный медицинский университет, г. Челябинск
VolkovaT-soc@mail.ru

В настоящее время в российской экономике сложилась парадоксальная ситуация: большинство предприятий реального сектора экономики, выходящих из затяжного кризиса, заинтересованы в обновлении кадров. В то же время многие молодые специалисты, закончившие такие высшие учебные заведения г. Челябинска, как ЮУрГУ, ЧелГУ, ЮУГМУ, ЧГПУ и некоторые другие, не могут найти достойную работу по специальности, быстро адаптироваться на рабочем месте, сделать успешную карьеру и самореализоваться.

К молодым специалистам в широком смысле слова относятся «лица, которые окончили высшие и средние специальные учебные заведения, но не имеющие опыта работы по приобретенной специальности» [1. С. 116]. В условиях социалистической экономики это понятие в основном распространялось на выпускников вузов, обязанных отработать по распределению в течение трех лет в той или иной организации [2. С. 75]. С утратой института распределения эта формулировка приобрела несколько иной смысл. В настоящее время молодым специалистом принято считать трудоспособную молодежь в возрасте 23–27 лет, получившую высшее образование и подготовленную в профессиональном плане к интеллектуальной деятельности. Конечно, возрастные границы довольно условны. Самое главное, чем отличается молодой специалист, это необходимость подкрепления во время учебы знаний практическим опытом [3. С. 63]. «Сделать успешную карьеру – значит добиться престижного положения в обществе и высокого уровня дохода. А под высоким уровнем дохода подразумевают доход, получаемый 10–15% наиболее состоятельных людей. Этот уровень обычно в три раза и более превосходит средние показатели» [4. С. 5].

Одним из основных условий успешной карьеры молодых специалистов является значительный потенциал знаний, умений и навыков. Каждая профессия требует также определенных способностей, личностных и деловых качеств, которые необходимы или весьма желательны для успешной деятельности. При этом даже абсолютно полное совпадение имеющихся качеств с желательными для данной профессии еще не делают человека готовым специалистом, так как практически каждая спе-

циальность требует определенного уровня знаний, умений и навыков, то есть профессиональной квалификации.

Профессиональное образование, таким образом, является необходимым условием для квалифицированной работы. Но в последнее время профессиональные знания и умения устаревают крайне быстро. Все настойчивее и громче звучит сегодня требование готовности и способности к переобучению, повышению квалификации. Без повышения профессионального уровня и научных знаний сейчас невозможно не только продвинуться, но иногда и просто удержаться на своем месте. Сфера образования, к тому же, в силу своей инертности не успевает за быстрыми изменениями, происходящими в сфере производства [5. С. 132].

Именно повышение образовательного и профессионального уровня, владение научными знаниями являются в настоящий момент наиболее актуальной проблемой для молодых специалистов, желающих сделать успешную карьеру на современном российском предприятии.

С целью получения объективной информации по данной проблеме в 2010 году на базе ОАО «Челябинский трубопрокатный завод» автором было проведено конкретное социологическое исследование, в котором приняли участие 247 молодых специалистов в возрасте до 35 лет. Исследование проводилось по гнездовой выборке, в результате которой было отобрано 17 наиболее крупных структурных подразделений завода и осуществлен их сплошной опрос.

В ходе проведенного исследования 63,0% опрошенных ответили, что знания, полученные в вузе, пригодились им в практической деятельности, и только 51,2% работают по своей специальности. Современный рынок предъявляет к молодым специалистам особые требования. Какие же знания, деловые и личностные качества обеспечивают сегодня их конкурентоспособность? Большая часть опрошенных – 86,2% отметили знания в области специальности; 79,9% – энергичность, инициативность, предприимчивость; 49,6% – трудолюбие; 39,0% – честность и порядочность.

Удовлетворены своей настоящей работой только четвертая часть опрошенных (25,0%); более половины (52,4%) – не удовлетворены. Основные причины неудовлетворенности в низкой заработной плате (56,5%); в отсутствии возможности улучшения жилищных условий (30,6%); в трудностях, связанных с продвижением по службе, с карьерой (24,2%).

Профессиональная карьера отражает особенности прохождения человеком пути овладения знаниями и навыками в той или иной области профессиональной деятельности. «Карьера – это сложное переплетение, комбинация таких направлений деятельности человека, как совершенствование уровня образовательного, профессионального, личностного, общего культурного развития, мероприятия по самопрезентации, саморекламе» [2. С. 74]. 76,4% опрошенных имеют серьезное желание сделать карьеру, и, прежде всего, это зависит, по их мнению, от повышения специального образования, так считают (54,5%) и стажа работы по данной специальности (35,0%). 4,1% опрошенных ответили – «нет», а 19,5% затруднились ответить. Чем для молодых специалистов является карьера? Спектр ответов оказался очень многообразным. Большая часть опрошенных (61,1%) карьеру представляют как «возможность самореализоваться и добиться успеха в профессиональной деятельности и жизни»; «обеспечение достойной жизни моей семье» – для 21,9%; «решение финансовых проблем и достойное повышение зарплаты» – для 8,9%; «знать, что ты нужен обществу» – для 5,7%; только для 2,4% она – «мало что значит».

Таким образом, для значительной части опрошенных карьера связана, прежде всего, с возможностью улучшить свое материальное положение, добиться успеха в профессиональной деятельности, она способствует самореализации личности, повышает социальный статус.

Желание сделать карьеру, добиться значительных успехов в профессиональной деятельности вполне естественное, но, как оказывается, трудно реализуемая задача. Отчего же зависит продвижение по службе? Что для этого необходимо в первую очередь? Значительная часть опрошенных (48,9%) называют повышение специального образования; 41,4% отмечают владение научными знаниями и передовыми технологиями; 40,7% надеются на освобождение должностей в связи с уходом сотрудников на пенсию, увольнением и т. п.; 35,0% продвижение связывают со стажем работы; 28,5% считают, что успех карьерного роста зависит от хороших взаимоотношений с вышестоящим руководством, администрацией; 10,6% считают, что карьера зависит от деловых и личностных качеств специалиста.

Достижение весомых производственных результатов 76,4% опрошенных молодых специалистов связывают с необходимостью постоян-

ного повышения своего образовательного и профессионального уровня. Подобную тенденцию надо расценивать как позитивную. У молодых специалистов есть реальные возможности разрабатывать свои новаторские идеи, внедрять рационализаторские предложения. Новаторские идеи имеют 32,5% опрошенных; а 21,1% имеют внедренные рационализаторские предложения; 4,9% имеют печатные работы, а 2,4% имеют авторские свидетельства. Можно сказать, что большая часть опрошенных (60,9%) обладают определенным творческим потенциалом (правда, у половины из них имеются только пока новаторские идеи, возможно, и нереализующиеся).

Таким образом, карьеру молодых специалистов на современном предприятии можно определить как потенциальную возможность, как лично выстраиваемый молодым человеком трудовой и жизненный путь на основе его планов, потребностей, знаний, умений и навыков.

Основная идея исследования проблемы карьеры молодых специалистов современного предприятия может быть определена тем, что, прежде всего, повышение образовательного и профессионального уровня, а также научные знания являются необходимым условием для их успешного продвижения по службе. Именно уровень образования – отправная точка в планировании будущего. От него начинается отсчет социальных и профессионально-должностных позиций, которые человек планирует достигнуть. В этом усматривается влияние научно-технического прогресса, возросшей динамики общественной жизни. Всякое движение даже в пределах одной профессии невозможно осуществить без предварительной переподготовки или обучения уже в процессе новой работы. Это позволяет считать, что в обозримом будущем роль образования, как составляющей профессиональной карьеры, будет непременно возрастать.

Литература

1. *Вражнова М.* Проблемы адаптации молодых специалистов в условиях: «вуз – производство» // Высшее образование в России. – 2002. – №5. – С. 116–122.
2. *Иванов В.Ю.* Карьера как объект исследования и управления // Менеджмент в России и за рубежом. – 1998. – №3. – С. 73–79.
3. *Карезин В.В.* Куда податься молодому специалисту? // Управление персоналом. – 2000. – №2. – С. 63–66.
4. *Поляков В.А.* Технология карьеры. – М.: Дело Лтд, 1995.
5. *Соколова Г.Н., Дракохруст В.Г.* Профессиональное становление молодого специалиста // Социологические исследования. – 1990. – №8. – С. 130–133.

СЛОЖНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

С.А. Ганаба

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова, Украина, г. Киев
sveta_ganaba@ukr.net

Исследователи рассматривают современность как ситуацию цивилизационного перехода от ценностей и норм индустриальной эпохи к постиндустриальной. Ее основными атрибутами являются изменчивость и нестабильность. Это время – когда мир становится шатким и неустойчивым, когда рушатся устойчивые социальные структуры, которые определяли жизнь общества и человека, когда утрачивается прежняя сбалансированность и упорядоченность мирового порядка. Современность представляется как жидкая, дисперсная, тягучая версия модерна (З. Бауман), которая не укладывается в определенные рамки и требует ликвидации штампов, образцов и примеров.

Лишенный структурности и определенности современный мир нельзя свести к какому-либо алгоритму развития. В каждую минуту своего существования он приобретает новые свойства и характеристики, изменяет траекторию и конфигурацию своего развития. Мир становится осколочным, фрагментарным и хаотичным. Однако хаос и беспорядок не рассматриваются как враги упорядоченности и гармонии. Если у древних греков хаос был антиподом порядка и символизировал упадок и гибель чего-либо, то в современной мировом порядке он рассматривается как необходимое условие гармонии. В реалиях современности хаос приобретает иное смысловое наполнение. Он свидетельствует о сложности мира, о многоликости его природы, многообразии жизни общества и человека и предусматривает проекции дальнейшего его развития. «Гармония не является однородностью, она всегда есть переплетение разных мотивов, каждый из которых имеет собственное звучание, и именно этим звучанием поддерживает общую мелодию», – пишет З. Бауман [1. С. 118]. Поэтому многие природные и социальные явления, демонстрируя гармонию сложности, не поддаются надежному прогнозированию и четкому учету.

Гармония мирового порядка отображается в хаотической сложности и предусматривает сложность. Сложность понимается как универсальное, а не предметное понятие, она является свойством различных предметов, явлений, систем и подсистем мира. Явления рассматриваются как сложные, когда демонстрируют определенные скрытые потенциалы,

предлагают оригинальные, незапланированные вариации развития, новые свойства и характеристики, т. е. из сферы небытия переходят в бытие, выходит «на поверхность», становятся очевидными. Этот процесс не завершен, потому что получает признаки статичности, утрачивает потенции своего дальнейшего развития. Ликвидация возможности продуцировать новое делает ее завершенной, простой и понятной.

Существенной характеристикой природы сложного является движение и изменение. Именно благодаря процессу возникают новые характеристики, создаются новые смыслы и грани понимания мира и человека в нем. Сложность без динамики превращается в простое и познаваемое. И. Добронравова обращает внимание, что сложность понимается не как совокупность, объединение частей в целое (даже сложное по своей структуре), а как возможность из созданных новых комбинаций и образований получать новые свойства и характеристики исследованных явлений или предметов [2. С. 151].

Сложные системы, обладающие малой степенью организованности и характеризующиеся нелинейностью, требуют иных исследовательских подходов и методологических ориентиров, которые учитывают созидательную природу хаоса и не отрицают его в познании мира. Необходимо заметить, что проблема хаоса является предметом научных конференций и фундаментальных исследований. Она приобрела также популярность на уровне средств массовой информации, появились научные журналы, целиком посвященные нелинейной науке. Хаос был поднят до статуса науки, создано несколько исследовательских институтов.

Современный философский дискурс также рассматривает явление хаотизации и лиминальности общества. Так, представители постструктурализма в 80-х годах XX века ввели в научный обиход термины хаология (Ж. Баладьё) и хаосмос (Ж. Дельоз, Ф. Гваттари). Основоположник хаологии в сфере гуманистических исследований Ж. Баладьё характеризует современное развитие как скрытый порядок в беспорядке, где постоянно действует принцип проблематичности. В своей книге «Беспорядок: Похвальное слово движению» он утверждает, что современный мир уже больше не страдает навязчивой идеей всеобщей гармонии, поскольку существенное место занимает беспорядок и энтропия. Постоянные изменения и беспорядок делают истину неизбежно плюралистической. Исследователь утверждает, что новая дисциплина – хаология, хотя и занимается странностями, причудами, фантазиями ради по-

знания, но они тоже имеют тайну, приоткрыв которую, ученый способен дать менее ошибочный прогноз в исследованиях будущего. Ж. Баландье пишет: «Беспорядок, турбулентность, дезорганизация и непредвиденность обладают неожиданной силой очарования; тайны случайности побуждают не столько к приобщению к мистериальности, сколько к интенсивному исследованию, применяющему самые сложные и самые мощные средства информации» [3. С. 88]. Таким образом, хаология позволяет по-иному проанализировать существующие проблемы, рассмотрев их в контексте вероятности и случайности.

Сложность как единство в многомерности рассматривается не только как свойство определенной вещи, но и как целостная многомерность взаимосвязи с миром. Это обстоятельство требует от человека ликвидации одномерного восприятия и осмысления мира (Г. Маркузе), в котором ему постоянно навязывались стандарты и образцы познания и мышления. Учитывать и понимать сложность и многоаспектность предмета познания можно только в условиях перехода к новому инновационному мышлению, сущность и функциональные характеристики которого представлены в концепциях «сложного мышления» Э. Морена, «глобального мышления» Э. Ласло, «трансверсального разума» В. Вельши и др. Такое мышление учитывает мир и человека как сложные целостные структуры, которые находятся в постоянной взаимосвязи, движении и самоизменении. Мыслить инновационно – это значит мыслить в альтернативах, учитывая сложность и многоаспектность предмета познания и используя сложность и целостность человеческой природы.

Искусство инновационного мышления является искусством жизни, которая предусматривает не только правильное использование логики, правил дедукции и индукции, но и искусство аргументации, умения вести открытый и конструктивный диалог, в котором рождаются новые смыслы и конфигурации знаний. При таком мышлении ликвидируются границы, которые присутствуют в рациональном познании, демонстрируется умение «заглянуть» за дисциплинарные перегородки, рассматриваются взаимосвязи между разными аспектами проблемы, учитываются разные мнения и мысли.

Таким образом, такие сложные образования, как общество и человек, не только демонстрируют свою многоликость и возможность развития, но и требуют адекватной методологии их осмысления. Концепт сложности позволяет по-иному проанализировать существующие проблемы, рассмотрев их в контексте вероятности и случайности.

Литература

1. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Добронравова И.С. Сложность как процесс // Синергетическая парадигма «Синергетика инновационной сложности». – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 149–157.
3. Ильин И.П. Постмодерн. Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001. – 384 с.

СМЫСЛЫ НАУКИ

С.Ф. Денисов

Омский государственный педагогический университет
denisov.sf@gmail.com

На всем протяжении существования науки никогда не терял своей актуальности вопрос о высших целях науки, ее предназначении, вопрос о смысле ее существования. При этом на различных этапах развития науки на первый план выдвигался тот или иной смысл ее существования, что оказывало существенное влияние на структуру научного знания, инициировало исследование конкретных тем. Стало почти общепризнанным положение, что смысл науки лежит в ней самой, и наука существует ради производства научной истины. Однако такое понимание смысла науки было подвергнуто сомнению родоначальником философской антропологии М. Шелером. По его мнению, смысл науки надо искать в ее влиянии на сферы жизни.

На стадии своего становления наука воспринимается в качестве важнейшего фактора развития культуры, оказывающего существенное влияние на материально-духовную культуру: искусство, архитектуру, военное дело. Наука проявила себя в качестве некоторой силы, воздействующей на культуру; в таких условиях наука начинает восприниматься в качестве некоторой культурной силы. *Наука как культурная сила* – вот один из самых распространенных ее смыслов.

Наука как культурная сила в наиболее развернутой форме предстала в эпоху Возрождения, когда ученые осознали, что наука способствует повышению эффективности творческой деятельности. В частности, исследования математических основ природы и человека, проблемы перспективы, пропорции, гармонии способствовали развитию искусства. Начало применения математических методов в живописи положили работы Леона Батиста Альберти и Леонардо да Винчи. Кроме того, наука способствовала формированию новых видов искусств и расширяла тематику и предметную область искусства. Вторжение в сферу искусства

порождает новые виды науки, в частности эстетику и различного рода многочисленные искусствоведческие науки. Эстетика и искусствоведение представляют собой своеобразные форы осмысления искусства. В них вскрываются сущность искусства и культуры, их жизненные смыслы: эстетика и искусствоведение выступают в качестве защитного поля совершенного искусства.

В конце XIX – начале XX века наука начинает активно интегрироваться с материальным производством, что сказалось как на структуре научного знания, так и на смыслах существования науки. Учитывая огромное влияние науки на развитие материального производства, наука начинает восприниматься *как непосредственная производительная сила*. В содержательном плане интеграция науки с материальным производством привела к разделению науки по новому основанию – появились прикладные и фундаментальные науки. В формально-организационном плане этап интеграции науки с производством вылился в создание промышленных лабораторий, постепенно разрастающихся до национальных лабораторий и научно-исследовательских институтов.

Начиная с 1960-х годов прошлого века ситуация во взаимодействии науки и материального производства начинает резко меняться. Индустриальное производство уже исчерпало свои возможности и эволюционировало в автоматизированное производство. При этом на облик современной жизни большое влияние оказывает рынок, который требует не просто дешевой, стандартной и массовой продукции, а более удобных, новых и экологически безопасных изделий и технологий. Начинается новый период в развитии науки – инновационный.

В инновационной фазе развития по-новому осмысливается роль и смысл науки. Если в прикладной период наука была направлена на решение проблем материального производства, которое диктовало свои условия в выборе объекта исследования, и наука подчас представляла служанкой производства, то в инновационный период наука становится госпожой производства и начинает оказывать существенное влияние на всю экономическую жизнь общества. Иначе говоря, наука обретает новый смысл – она *становится экономической силой*.

Понимание науки как экономической силы впервые сложилось в США еще в 60-е годы XX столетия, в России к такому пониманию науки пришли в конце 90-х, приблизительно в то же время, что и в Японии. Трансформация науки из непосредственной производительной силы в экономическую силу повлекла за собой принципиальное изменение

университетской науки и работы научно-исследовательских институтов. Появляются новые организационные формы науки – инкубатор, научные парки или технопарки, а также технополисы. Развитие науки как экономической силы приводит к становлению общества знания. Это ведет к тому, что наука начинает демонстрировать свою *социальную силу*.

Таким образом, можно вести речь, по крайней мере, о четырех смыслах науки: как культурной силы, как производительной силы, как экономической и как социальной силы. Раскрытию этих смыслов науки традиционно посвящены такие темы философии науки, как «наука и культура», «наука и материальное производство», «наука и экономика», «наука и общество». Однако, кроме выделенных смыслов, наука несет в себе еще один смысл, более глубинный и сущностный, нежели вышеотмеченные, а именно, религиозный или философско-антропологический – *наука как спасительная сила*.

М. Шелер писал о трех видах знания. Первый вид М. Шелер называет знанием ради достижений и господства, которое служит увеличению власти над природой и человеком. Наука как производительная сила и как экономическая сила составляет основное содержание этого вида знания – знания ради господства. Второй вид знания М. Шелер называет образовательным – этот смысл формируется наукой как производительной силой и наукой как социальной силой. Третий вид знания немецкий философ называет спасительным, или «святым», «высшим».

Наука как спасительная сила продемонстрировала свою мощь в такой науке, как философия. Уже на первых этапах своего становления философия осознавала себя, по мнению Г. В. Ф. Гегеля, чистой, не омраченной ничем наукой. Теоретическое знание оперирует идеальными объектами, выступающими продуктом не абстрагирования, а идеализации. Классик немецкой и мировой философии часто подчеркивал, что философия не является абстрактной наукой, она выступает наукой теоретической. Идеальные или идеализированные объекты – это такие объекты, в которых какие-либо свойства материального объекта доведены до предела, до совершенства, до абсолютной чистоты. Создаваемый философским мышлением идеальный мир представлял в качестве совершенного бытия, достижение которого гарантировало избавление человека от всякого несовершенства. Таким образом, именно теоретическое научное знание предложило свою стратегию и модель спасения и продемонстрировало страдающему человечеству свою спасительную силу.

Однако на выработку стратегий и создание моделей спасения претендуют и некоторые религии, которые называют «религиями спасения». К ним, в частности, можно отнести христианство в его наиболее распространенных формах (православие, католицизм). Следует отметить, что глубинные основания конфронтации между философией и религией лежат отнюдь не в гносеологической и онтологической плоскостях, а в сфере понимания стратегий и моделей спасения. В философии проблема спасения конституирует предметную сферу философской антропологии. В конкретных науках, представляющих собой по преимуществу теоретическое знание, также возникает соблазн продемонстрировать свою спасительную силу. Одной из первых наук, объявившей себя спасительницей мира, была математика, разрабатываемая в пифагорейской школе. В последующем на роль спасительниц стали претендовать механика, кибернетика и синергетика.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Т.П. Минченко

Томский научный центр СО РАН

mtp70@mail.ru

Статья посвящена выявлению актуальных вопросов, поднимаемых в современной философии науки, обсуждение которых необходимо для определения адекватной современным вызовам стратегии и структуры курса «История и философия науки».

Проблема предмета философии науки и роли эпистемологии в современной философии была вынесена в качестве одной из основных на обсуждение философского сообщества на последнем Всемирном философском конгрессе в Сеуле в 2008 г. Ставился вопрос о возможной переориентации современной философии науки с эпистемологии на другую философскую проблематику, а также вопрос о переосмыслении взаимосвязей науки и иных форм познания. Эти вопросы обсуждались на секциях «Подходы к философии», «Философия когнитивистики», «Философия естественных наук», «Философия общественных наук», «Теория знания», а также на нескольких специальных симпозиумах и круглых столах конгресса, посвященных специальным вопросам [4].

Работа XIV Конгресса по философии науки и техники, проходившего в 2011 г. в Нанси, показала, что эпистемология продолжает занимать

центральное место в исследованиях феномена научного и технического знания. Под философией науки по-прежнему понимают главным образом эпистемологию [1. С. 173].

Вместе с тем на Конгрессе проявилась относительно новая тенденция – усиление внимания к исторической эпистемологии, целью которой является максимальное сближение истории и философии науки. Было проведено несколько форумов и симпозиумов, рассматривающих эпистемологию в историческом плане (например, по научно-философскому наследию А. Пуанкаре; по эволюции взглядов участников Лондонского коллоквиума по философии науки 1965 г.; по множественности направлений в современной исторической эпистемологии и др.).

Еще одной тенденцией, проявившейся на конгрессе и отражающей современное состояние философии науки, стал спад интереса к «Строгой программе социологии познания» [3], в определенном смысле редуцирующей когнитивное к социальному и подчеркивающей необходимость принципа симметрии при анализе научных теорий, чтобы как истинные, так и ошибочные научные теории трактовались одинаковым образом; исследовались одними и теми же методами и средствами. Знанием считается то, что принимается научным сообществом в качестве такового. В случае истинной или ошибочной научной теории все обуславливается социальными факторами – культурным контекстом и собственными интересами ученых. Следовательно, нормативные модели реконструкции познавательного процесса в науке не признаются: необходимо учитывать субъективные аспекты, включающие, например, политическую и экономическую обусловленность научных теорий.

Несколько упрощая, можно выделить следующую динамику. На первом этапе постпозитивизма (Т. Кун, П. Фейерабенд, К. Поппер, И. Лакатос и др.) при максимальном учете влияния социокультурного контекста на научное познание когнитивное еще не редуцируется к социальному и идет поиск нормативных моделей развития науки. На втором этапе сторонники Строгой программы социологии познания полностью отказываются от нормативных моделей.

На третьем этапе, и это проявилось в дискуссиях на конгрессе, исследователи вновь обращаются к построению нормативных моделей, при этом опираясь на социологию и социальную философию познания. Вопросы объединения формально-нормативной и исторической философии науки (или эпистемологического и культурологического ее ракурса) подробно обсуждались на специальном симпозиуме, в рамках

проекта «Исторические аспекты философии науки», а также в рамках симпозиума «Интеграция и дифференциация традиций и направлений в современной философии науки» [1. С. 179].

В настоящее время в России нет единой методологической политики в преподавании курса философии и истории науки, что вполне закономерно с учетом разнообразия подходов в методологии и философии науки.

В то же время беспрецедентная интенсификация развития науки и техники ставит перед учеными по-новому известные ранее философские вопросы и выдвигает на первый план целый ряд новых методологических, социокультурных, этических, когнитивных и иных проблем, которые необходимо учитывать при подготовке кадров для науки, причем в тесном взаимодействии философов с учеными-специалистами. Данные вопросы активно обсуждаются в Сибирском отделении РАН, в контексте преподавания курса «История и философия науки» для аспирантов и соискателей. Преподаватели кафедры философии Томского научного центра СО РАН ставили эти вопросы еще в период преподавания курса «Философия» с момента основания кафедры в 1986 г. [2].

Кафедра философии тогда еще Томского филиала СО АН СССР была создана по инициативе и при поддержке академика В. Е. Зуева решением Президиума СО АН СССР в целях систематической подготовки аспирантов к сдаче кандидатского минимума, организации методической помощи методологическим семинарам Томского филиала, а также проведения научных исследований по философско-методологическим проблемам науки.

В настоящее время кафедра философии Томского научного центра СО РАН ежегодно готовит от 30 до 50 аспирантов и соискателей из 5 академических институтов ТНЦ, большее число слушателей обучается по различным отраслям физических и технических наук.

С момента введения новых образовательных стандартов и новой дисциплины для сдачи кандидатского экзамена «История и философия науки» сотрудниками кафедры была выработана новая стратегия преподавания данного курса, сформулированы соответствующие мировоззренческие и методологические установки.

С целью максимально эффективного освоения нового курса при существенно различных уровнях базовой подготовки по философии слушателей разных институтов была сформирована программа общей части курса, соответствующая федеральным стандартам и в то же время учитывающая специфику аудитории. Наряду с усвоением основных

тематических разделов «Истории и философия науки», в процессе обучения корректировался уровень общефилософских знаний. Что касается второй части курса «Современные философские проблемы областей научного знания», по ней были разработаны программы с учетом всех основных направлений подготовки специалистов по академическим институтам Томского научного центра, а именно: «Философские проблемы физики и техники»; «Философские проблемы информатики»; «Философские проблемы химии»; «Философские проблемы наук о Земле»; «Философские проблемы биологии и экологии» и др.

Представляется, что наиболее актуальным для определения стратегии и структуры курса «История и философия науки» является обсуждение следующих проблем:

- переориентации современной философии науки с доминирования эпистемологии на большую представленность разделов, касающихся рассмотрения науки как социального института, как части культуры, большее внимание к этическим аспектам развития науки;

- все возрастающего проникновения теории информации в методологию конкретных наук – естественных и когнитивных, в технологию и т.п.

- осмысления методологических и философских проблем техники, в контексте эпистемологических аспектов технологического знания, уточнение содержания понятия «технонаука»; актуализация социальных, этических и эпистемологических проблем в связи с изменением отношений технонауки с технологией (с учетом развития нано-, био- и иных технологий).

- необходимости взаимодополняемости результатов эпистемологического и культурологического, формально-нормативного и исторического направления в философии науки.

Литература

1. Мамчур Е.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники на XIV Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки // Вопросы философии. – 2012. – №6. – С. 173–180.

2. Минченко Т.П., Чешев В.В. Некоторые вопросы подготовки специалистов высшей квалификации (из опыта деятельности кафедры философии Томского научного центра СО РАН) // Материалы Всероссийской научной конференции «Инновационный университет: Философия – Наука – Управление». – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2013. – С. 30–33.

3. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. – Chicago: University of Chicago Press, 1991.

4. The XXII World Congress of Philosophy. Доклады по секциям // http://www.congress2008.dialog21.ru/doklady_sections.htm

ОПЫТЫ СИНТЕЗА ФИЛОСОФИИ, ФИЗИКИ, МАТЕМАТИКИ

В.И. Разумов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В.П. Сизиков

Омский государственный университет путей сообщения

v_p_sizikov@mail.ru

Б. Рассел поместил философию в область между наукой и теологией. В такой позиции философия не только оказывается подверженной критике с двух сторон, она, в сравнении с наукой и теологией, оказывается на вторых и третьих ролях, что принимает и большинство философов. В данной работе авторы преследуют цель показать, что современное положение философии обусловлено кризисом общества конца XX – начала XXI в., в основе которого лежит углубляющийся кризис интеллектуальной культуры. Принципиально отметить, что в основании этого кризиса лежат особенности участия философии в интеллектуальной культуре от начала XIX в. по настоящее время. Ключевыми моментами выступает постепенный отказ философов от роли обеспечения синтеза знаний, а также от выстраивания механизмов переносов знаний, включая выходы на уровень технологий, практики, проектирования. Настоящая работа посвящена не столько критике текущего состояния философии, сколько тому, чтобы представить к обсуждению результаты, полученные с использованием синтеза философии, физики, математики. Для этого привлечён опыт омской научно-методологической школы.

В основу положен подход, предусматривающий интеграцию обучения, познания, проектирования. Этот замысел осуществлён на уровне разработок категориальных систем, аппарат которых составляют категориально-системная методология (КСМ) и теория динамических информационных систем (ДИС, ТДИС). На их базе разработана трилогия «Информационные основы синтеза систем», в рамках которой сформирован аппарат ДИС-технологии для осуществления имитационного моделирования. Эти научные результаты опубликованы в виде монографий (5), учебных пособий (5), статей в журналах списка ВАК РФ (более 50) и зарубежных изданиях. На указанной научной базе был разработан учебный курс для аспирантов и магистров всех профилей «Методология научных исследований», она используется и в курсах технического профиля «Дополнительные главы математики», «Математическое моделирование», «Прикладная математика». Следует указать также на

публикацию Г.Д. Боуш, Л.И. Рыженко и К.С. Козловой четырёх монографий и многочисленных статей, развивающих идеи КСМ, ТДИС.

Основные сведения о практикуемых методиках работы в областях науки, преподавания, проектирования и об их теоретической базе представим следующим образом.

Проблема синтеза знаний, необходимого для перехода к новой эпохе, вызвана рассогласованием роста объёмов информации, что обеспечивается ИТ-технологиями при сохранении сформированных во времена Аристотеля технологий перевода информации в знания.

Платону принадлежит глубокая мысль как о математической природе идей, так и о том, что в мире и знании о нём должна достигаться гармония математического, онтологического и физического планов. Для античной культурной традиции была характерна установка на синтез математики, физики, философии. Такая традиция не только сохранялась долгое время, но и являлась основополагающей для Галилея, Декарта, Паскаля, Ньютона, Лейбница. Отказ от этой традиции (конец XVIII – начало XIX в.) был вызван не только бурным развитием естествознания, инженерно-технических наук, но и их парадигмальным рассогласованием с гуманитарно-социальными дисциплинами, кроме того, устаревшей оказалась база, необходимая для интеграции математики, физики, философии.

Выскажем несколько положений программы формирования синтетических стратегий мышления.

1. Необходимо решить фундаментальную задачу выработки технологий автоматизации рассуждений, согласующуюся с инструментами автоматизации вычислений.

2. Основываясь на технологии автоматизации рассуждений, следует развивать формы, технологии мышления и языка, позволяющие согласовывать содержательно-смысловые и формально-математические аспекты любого исследования.

3. Требуется развивать и совершенствовать гипертекстовые подходы к познанию и к организации знания, что может быть реализовано в интеллектуальных схемотехниках.

Эти три положения осуществлены в ТДИС. ДИС как объект ТДИС сконструирован в виде системы аксиом, представляет особый тип объектов информационной природы. Все ДИС-конструкции получают онтологическое осмысление. Таким образом, уже в основе создания ДИС заложена установка на синтез математики, физики, философии,

и эта установка неукоснительно работает для всех приложений ТДИС. Формой организации знания в ТДИС являются категориальные схемы, строящиеся как оргграфы, вершины которых есть категории описываемой предметной области. Любая тема может обсуждаться на смысло-содержательном и на формально-математическом уровне.

Соединение аппаратов ТДИС и ранее разработанной КСМ позволяет говорить, что реализация намеченной в статье программы формирования синтетических стратегий мышления эффективно проводится в направлении разработки интеллектуальных схемотехник.

Интеллектуальная схемотехника – результат объединения аппаратов КСМ и ТДИС. Это методология, предполагающая использование схем в качестве когнитивных инструментов, при этом схемы, преобразуясь в формат когнитивных шаблонов, становятся ключевыми компонентами новых интеллектуальных технологий, позволяющих осуществлять переносы знаний и технологий, устанавливать связи между логико-математическими, естественными, социально-гуманитарными и инженерно-техническими науками.

О перспективности работ в указанном направлении свидетельствует продолжение получения фундаментальных результатов в ТДИС и её приложениях, причём все постановки задач и их решения отвечают требованиям синтетического подхода, носят междисциплинарный характер. Реализован выход на уровень имитационного моделирования и вычислительных экспериментов. Создана алгоритмическая база, на которой сформирован стандарт ДИС2, что позволило реализовать: создание компьютерного продукта – Когнитивный ассистент, представляющего собой автоматизированное рабочее место исследователя; развёртывание интернет-проекта – Первая смысловая сеть, где реализованы новые принципы упаковки и поиска знаний (<http://thoughtring.com/>).

Преподавание интеллектуальных схемотехник на базах КСМ, ТДИС с использованием с 2010 г. Когнитивного ассистента и ресурсов Первой смысловой сети ведётся с начала 90-х гг. в (ОмГМА, ОФ ИМ СО РАН, ОФ РГТУ, ОмГУ, СибГУФК, ОмГАУ, ОмГУПС) для аспирантов и магистрантов всех профилей. С 2008 г. на базе ФПК ОмГУ для преподавателей всех специальностей проводится программа «Методология научных исследований».

На рис. 1 показана последовательность развёртывания познавательных актов от самого начала исследовательской деятельности до стадии её специализации в конкретных специализированных исследованиях.

В этой схеме отмечено объединение потоков чувственного и сверхчувственного знания, что соответствует сознательным и бессознательным аспектам творчества. В ней выделены, описаны и связаны в единую последовательность следующие мысленные комплексы, образующие основу приготовления и рефлексивного сопровождения любого акта познания и обучения.

Рис. 1. Схема этапов подготовки научной работы

Метафизическая проекция (МфП) – объект-заместитель, исследуемая, конституируемая (сотворяемая) специалистом реальность, с которой он будет работать конструктивно, причем первоначально, а priori – это набор экзистенциальных гипотез, постулирующих существование познаваемого или изучаемого объекта и наделяющих его некоторыми свойствами.

Философема (ФлМ) – способ вопрошания; выраженное в словах, образах, метафорах удивление, недоумение по поводу результатов проведенной метафизической проекции. Это такое выражение мысли, которое вызывает интерес, служа тем самым извечным генератором проблем. Философемы выступают своеобразными аттракторами интеллектуальной деятельности. Вокруг них происходят движения идей.

Типология изменений (ТИ) – способ, которым мы упорядочиваем взаимодействие частей метафизической проекции. Типология измене-

ний получает выражение в определенной системе категорий, с помощью которой начинает обсуждаться, осмысливаться философия.

Качественный анализ (КА) – класс категориальных познавательных методов, предназначенных для построения категориальных схем и качественных моделей. Здесь совмещаются потоки чувственного и сверхчувственного знания, а также конечного и бесконечного в представлении предметной области. С помощью КА формулируется проблема и выбирается конкретная категориальная схема, необходимая для её решения.

Изучение типов (ИТ) – класс преобразований, подготавливающих информацию к интерпретации количественными методами.

Содержательное моделирование (СМЛ) – комплексное КСМ-представление предметной области, включающее постановку и решение проблемы в общем виде.

Содержательно-генетическая логика (СГЛ) – обеспечивает формирование понятийного базиса математической модели.

Метод естествознания (МЕ) – выбор класса методов естественных наук для продолжения исследований объекта.

Указанная научная база тесно единит структурный и функциональный аспекты. Ведь, по сути, ДИС есть алгоритмическая модель объекта. Так что одновременно накоплен опыт по работе с поведением и регулированием процесса информационного функционирования ДИС и использованию этого на уровне имитационного моделирования. Находятся качественно новые подходы к работе с физическими системами. В комплексе структурный и функциональный аспекты сочетаются в ДИС-технологии.

ДИС-технология представляет по своей сути аппарат математического моделирования инновационного уровня, онтологически проработанный в рамках ТДИС вариант использования в кибернетике и её приложениях алгоритмов в ранге ведущей роли, в том числе как механизмов организации и реализации процессов. Такому аппарату внутренне присущи качества языка программирования по организации и осуществлению имитаций, поэтому ДИС-технологии одновременно можно отождествлять с этим языком программирования.

Единение структурного и функционального аспектов позволяет определиться с качественно новой парадигмой закона. Так что в рамках ДИС-технологии обеспечивается и развёрнутый номологический подход.

Авторы отдают себе отчёт в опасности выступать в роли «носителя истины в последней инстанции», таких претензий нет. Однако модернизации в регионе, стране, в мире начнутся только после глубокой реорганизации подсистемы науки и образования, с приведением их в состояние способности к осуществлению фазового перехода в когнитивную эпоху.

ИДЕАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ

С.С. Розова

Новосибирский государственный университет

rozova@academ.org

Анализируя теорию, философы науки обычно много говорят об идеальных объектах. Говорят, что теории строятся не для реальных, а для идеальных объектов, более того, что и начинать создание теории необходимо с построения идеальных объектов, относительно которых можно уже потом сформулировать законы. Очень часто эти объекты, например материальную точку или идеальный газ, описывают на языке той области знания, к которой данный объект принадлежит, а точнее, философы науки в этом случае просто заимствуют у учёных их описания, и тогда получается, что таких тел просто не существует. Не существует тел, имеющих массу, но не имеющих размеров и формы, не существует идеальных газов и жидкостей. И тогда оказывается, что научная теория – реальный феномен жизни науки – состоит из реально не существующих объектов. Ситуация на первый взгляд парадоксальная.

Парадоксальность снимается, если мы посмотрим на идеальные объекты науки глазами философии науки в её новом видении [1. С. 340–360] как опирающуюся на теорию социальных эстафет и занимающую по отношению к наукам надрефлексивную позицию. Парадокс снимается осознанием того, что идеальные объекты науки, реально не существующие в мире природы, являются вполне реальными, социальными феноменами, феноменами жизни науки. Они имеют социальную природу. Теория как социокультурный феномен и идеальные объекты тоже как социокультурный феномен – явления одного онтологического порядка – явления социальной реальности.

«Строго говоря, никаких идеальных объектов нет, – пишет М.А. Розов. – Термин “идеальный” объект взят из лексикона учёного, это тот язык, на котором он осознаёт свою собственную деятельность, язык

его рефлексии. Теория всегда применяется к реальным ситуациям, но круг этих ситуаций изменяется в зависимости от многих обстоятельств, проанализировать которые совершенно невозможно в рамках теории» [1. С. 350].

Очевидно, что строя с надрефлексивных позиций философско-научную картину науки, невозможно пользоваться рефлексивными представлениями, и в качестве элементов научной теории называть и рассматривать эти рефлексивные феномены. «Прямое их введение в наши представления о науке, – пишет М.А. Розов, – явно нарушает однородность модели» [1. С. 350]. Модель науки строится М.А. Розовым из социальных эстафет, и рефлексивные представления учёных в качестве научной феноменологии в этой модели получают своё сущностное объяснение и описание на языке социальных эстафет. Теория социальных эстафет даёт в руки философов науки теоретический конструктор, в рамках которого можно конструировать и тем самым объяснять различные феномены жизни науки.

М.А. Розов эту мысль излагает так: «Физик, опираясь на атомно-молекулярные представления, конструирует такое физическое явление, как идеальный газ. Это нужно для физики. Я же рассматриваю ... «идеальный газ» как социальное явление, меня интересует, в рамках каких образцов работает физик, строя представление об идеальном газе. Я конструирую «идеальный газ» как некоторую эстафетную структуру. Строго говоря, термин «идеальный газ» или «идеализированный объект» вообще мне не нужен, это из сферы терминологии физика. Я конструирую эстафетный механизм практического использования теоретического знания. Это противопоставление различных подходов достаточно тривиально. Физик, например, создаёт такое понятие, как сила, масса, энергия... он с ними работает, но они, как и все другие понятия, являются одновременно и некоторыми социальными явлениями, представляющими интерес для логики и теории познания» [2. С. 126–154]. Нужно ли это для физики, – спрашивает М.А. Розов. – Если и да, – отвечает он, – то в качестве общекультурного фона. Но это нужно для нашего понимания мышления и познания».

Важно отметить, что в теории социальных эстафет мы получаем однородный конструктор, состоящий из однотипных элементов. Опыт показывает, что все развитые теории связаны с построением однородного конструктора. Именно на роль такого конструктора в философии науки и претендует теория социальных эстафет. По сути дела именно

теория социальных эстафет лежит в основе воспроизведения всей как материальной, так и духовной культуры человечества. «Последние, как мне представляется, – пишет М.А. Розов, – и есть те «атомы» или, если хотите, “элементарные частицы”, комбинируя которые можно построить однородную модель наук» [1. С. 347–348].

Откуда же берётся у учёных вера в их идеальную природу? Платон открыл идеальные объекты более двух тысяч лет тому назад, и это было великое открытие. М.А. Розов пишет об этом так: «Об этих идеальных объектах мы говорим постоянно до сих пор, как только речь заходит об анализе или интерпретации наших знаний как в науке, так и в других сферах культуры. Мы не можем обойтись без этих идеальных объектов, чем и определяется величие сделанного в своё время открытия... И действительно, представьте себе древнегреческого геометра, который, доказывая теорему, чертит что-то на песке или на восковой дощечке, и никто при этом не придирается к качеству чертежа, и не говорит, что изображённый квадрат – это вовсе не квадрат, ибо стороны его не равны, а углы не прямые... Да и не нужно углубляться в такую древность, ибо нечто подобное мы наблюдаем и сейчас, как в школе, так и в вузе. Почему же никто не возражает? Да потому, что всем интуитивно ясно, что операции с чертежом на песке осуществляются по некоторым правилам, никак не связанным с качеством изображения. Это примерно то же самое, как и передвижение шахматных фигурок по доске» [3. С. 205–206]. «... Следует различать, – пишет М.А. Розов, – шахматные фигурки, которые материально представлены на доске и могут быть сделаны из дерева, пластмассы или из других материалов, и шахматные фигуры – такие, как слон, ладья, ферзь и т.д. Эти последние вовсе не материальны в том смысле слова, что их характеристики никак не связаны с какой-либо субстанцией» [4. С. 266–267]. Шахматные фигуры неатрибутивны, их свойства «не записаны», «не закодированы» в их материале. Материал здесь совсем не при чём. Здесь важны правила, придуманные людьми и не являющиеся атрибутами их материала. Отсутствие атрибутивности и воспринимается, и осознаётся как нечто нематериальное, то есть идеальное. «Шахматные фигуры – это роли, которые исполняют фигуры на доске, – пишет М.А. Розов. – В науке такие объекты принято называть идеальными объектами. ... В этих объектах, однако, – продолжает М.А. Розов, – нет ничего метафизического. Просто их свойства «записаны» не в их, вообще говоря, случайном материале, а в некоторой внешней по отношению к ним социальной памяти» [4. С. 266–267].

И именно эта невыводимость их свойств из их материала и порождает представление об их идеальности.

А «запись» их свойств в социальной памяти обеспечивается механизмом социальных эстафет, доносящим до нас правила оперирования и с шахматными фигурами, и с идеальными объектами науки. Социальные эстафеты – это объекты нашего физического мира. Физического не в смысле физической реальности как предмета науки физики. Это объекты социальной реальности. Это последовательности конкретных людей, выполняющих определённые процедуры деятельности или осуществляющие определенное поведение по непосредственно наблюдаемому образцу или по вербальному описанию. И если не учитывать работу этого социального механизма, то свойства объектов, не выводимые из их материала, как бы повисают в воздухе, подобно улыбке Чеширского кота. Отсюда и термин «идеальные объекты».

М.А. Розов продолжает: «Понятие идеального – это следствие неполноты выделения изучаемого объекта, это осознание той «тени», которую мир эстафет отбрасывает на все окружающие нас предметы» [3. 206].

Описанные на языке теории социальных эстафет и тем самым утратившие свой статус идеальности «идеальные объекты науки» становятся полноправными участниками событий в жизни эстафетной модели науки вообще и, в частности, в жизни научной теории. Они оказываются определёнными социальными программами, стихийно сложившимися, но постоянно воспроизводимыми учёными и осознаваемыми с рефлексивных позиций в своём идеальном статусе.

Какие же роли играют идеальные объекты в жизни науки? Они возникают в рефлексии учёных как осознание учёными одного из двух возможных способов формулировки условий применимости теории, и именно такого способа, когда учёный желает дать максимально точный совет своему коллеге. Однако можно пойти и другим путём. Можно перечислить несколько конкретных примеров удачного использования данного уравнения или в целом данной теории для решения каких-то научных или производственных задач и предложить коллеге извлечь из них опыт для решения своей задачи. Разумеется, если это удастся сделать. Учёный, возможно, владеет и сам набором таких образцов и может попытаться подогнать свою задачу под один из вариантов имеющихся у

него образцов. В этом случае не говорят об идеальных объектах, ибо все объекты в каждом конкретном случае применения теории – реальные объекты. Например, уравнения классической механики, сформулированные для материальных точек, можно применять к любым материальным объектам, например к планетам Солнечной системы, если по условиям задачи их можно рассматривать как материальные точки. Если задача состоит в том, чтобы описать движение Земли вокруг Солнца, то Землю можно уподобить материальной точке. Если же задача – описать суточное вращение Земли, то этого сделать уже нельзя.

Однако конкретные образцы все уникальны, в каждом из них решается своя специфическая задача, у каждого случая применения формулы и даже теории свои особые условия. И задача сформулировать общее правило для многих образцов оказывается неразрешимой.

Тогда и приходится прибегать к идеальным объектам. Они возникают в условиях, когда учёный всё же пытается сформулировать правило, когда теория всегда применима. Обращение в этом случае к идеализированным объектам теории представляется учёным единственным способом обеспечить точность и абсолютную эффективность рекомендаций по применению теории, рекомендацию, действующую всегда.

Литература

1. *Розов М.А.* Философия науки в новом видении // Постнеклассика. Философия, наука, культура. – СПб., 2009.

2. *Розов М.А.* Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Язык – Знание – Реальность. – М.: Альфа-М, 2011.

3. *Розов М.А.* Социум как волна. Основы концепции социальных эстафет // На теневой стороне. Материалы к истории семинара по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.

4. *Розов М.А.* О структуре теории // На теневой стороне... Новосибирск: Сибирский хронограф. 2004.

НАУКА В ФЕМИНИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е.А. Рузанкина

Новосибирский государственный технический университет

Одной из задач феминистской философии науки является разработка феминистской перспективы трансформации науки, т. е. такого взгляда на изменение практики научно-исследовательской деятельности, который обусловлен феминистским мировоззрением. Как отмечает Эвелин Фокс Келлер, «прислушиваясь к феминистской критике, ученые могут увидеть новые пути, по которым может идти научное познание»

[1. С. 200]. Можно выделить следующие направления изменений, о которых говорят феминистские философы науки: «усовершенствование» науки путем увеличения численности женщин в научных дисциплинах (феминистский эмпиризм); включение в содержание академических дисциплин «женского опыта» (феминистский концептуализм); изменение науки путем экспликации ценностных параметров научного исследования, что позволит не только бороться с гендерными стереотипами в науке, но и даст возможность построения феминистской науки (феминистская социальная эпистемология).

Анализ современных тенденций развития научного знания показывает, что трансформация науки, происходящая в последние десятилетия, приводит к осуществлению на практике некоторых идей феминистских философов науки. Данные изменения можно охарактеризовать, используя концепцию науки второго рода (mode-2 science), представленную в работах Майкла Гиббонса и др. [2]. Представление о том, что такое наука и как она создается, распространяется и в конечном итоге включается в жизнь общества, претерпевает фундаментальные изменения. Концепция науки второго рода предполагает, что исследование в целом должно считаться «контекстно-зависимым», т.е. проводиться исключительно в определенном контексте, подразумевать наличие любых агентов влияния и причин постановки задач, оснований выбора методов их решения и оценки результатов и т.д., а не руководствоваться традиционным видением научного исследования, продиктованным идеалом автономности науки.

В отличие от традиционного режима (mode-1 science), наука второго рода предполагает междисциплинарный контекст и особое внимание политическим, социальным и экономическим трендам, затрагивающим производство знания. По сути дела, в центре внимания науки второго рода – адекватность сложившихся в определенный период институциональных отношений тем изменениям, который происходят в обществе. Наука первого рода – это классическая (в ньютоновском смысле) модель производства знания, отвечающая традиционному пониманию научной практики в том виде, как она, по большей части, закреплена в естественных науках. В то же время нельзя не согласиться с тем, что именно профессиональное сообщество определяет нормы производства знания, и оно же, по определению, подвержено влиянию внешних факторов. Эти

внешние факторы, в частности, могут порождать: (а) «контекстную зависимость» проводимых исследований; (б) междисциплинарность, подкрепленную различными «гетерогенными» организационными структурами, и, как следствие, нарушение сложившихся иерархий и улучшение мобильности, трансфера и контроля качества (знаний, технологий, людских ресурсов и т.д.); и, что, на наш взгляд, наиболее важно, (в) большую «рефлексивность» и открытость по отношению к любым изменениям, происходящим в обществе.

Рефлексивность и, как следствие, повышение социальной ответственности ученых, о которых говорят авторы концепции науки второго рода, наиболее близко отражает процесс фактической легитимации «ценностно-нагруженного» исследования в современной науке. Именно в рамках этого процесса появляется возможность отказаться от жесткого различения конституирующих и контекстуальных ценностей в научном исследовании (в терминологии Хелен Лонгино [3. Р. 4], что позволит концептуально описать феминистскую научную практику, допускающую, что «политические соображения могут выступать как необходимые рамки рассуждения, которые, благодаря своему влиянию на процесс объяснения и интерпретации, формируют содержание» [4. С. 245].

Концепция науки второго рода, по оценке Сандры Хардинг, «предлагает ценные ресурсы для тех, кто заинтересован в демократической трансформации науки и общества на Западе и в других местах» [5. Р. 96]. Феминистская философия науки, на наш взгляд, может опираться на данный ресурс в дальнейшей разработке концепции изменений практики научного исследования в феминистской перспективе.

Литература

1. Келлер Э. Феминизм и наука // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 200–214.
2. Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P. and Trow M. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London: Sage, 1994.
3. Longino H. Science as Social Knowledge. Values and Objectivity in Scientific Inquiry. – Princeton University Press, 1990.
4. Лонгино Х. Возможно ли существование феминистской науки? // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 232–248.
5. Harding S. Sciences from below. Feminisms, Postcolonialities, and Modernities. – Duke University Press, 2008.

ПАРАДИГМА – ФОРМА ПРЕДПОСЫЛОЧНОГО ЗНАНИЯ?

Н.В. Семибратова

Омский государственный педагогический университет
nadya_omsk89@mail.ru

В своем произведении «Структура научных революций» Т. Кун вводит и описывает понятия, которые оказали существенное влияние на развитие истории и философии науки: «нормальная наука», «задачи – головоломки», «научные революции». Основным понятием для него выступает «парадигма». Т. Кун вводит понятие «парадигма» в двух значениях:

- как совокупность убеждений, объединяющих определенное научное сообщество;

- как образец решения проблем для научного сообщества.

Понятие «парадигма», по мнению многих философов и историков, очень удачно вбирает в себя все, что так необходимо для становления науки в определенный период времени. Каждое научное открытие как бы проходит тест на совместимость с господствующей парадигмой и установками научного сообщества. Когда парадигма принята, установлена, то начинается этап существования нормальной науки. «Ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими. Напротив, исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает» [1. С. 45–46], но каждая парадигма, по мнению Т. Куна, рано или поздно переживает кризис, когда научное сообщество не может найти пути решения «головоломки», созданных наукой, тогда происходит научная революция, становление новой парадигмы и формирование новой нормальной науки. Т. Кун описывает много примеров для подкрепления своей теории, в основном из области физики и химии (и это понятно, так как по образованию он был физиком).

Так как парадигма – совокупность убеждений, объединяющих определенное научное сообщество, можно говорить о том, что существует столько парадигм, сколько существует и дисциплин, то есть парадигма физики, химии, биологии, астрономии и так далее. Возможны даже парадигмы и внутри этих дисциплин, более узкого профиля. В нескольких

местах своей работы Т. Кун обращает внимание на то, что объединение и взаимосвязь множества парадигм создают одну общую парадигму для науки, но не описывает ее более подробно. Кроме того, автор только слегка касается социально-гуманитарных наук, в сравнении с естественными науками, и совсем не упоминает о пользе таких парадигм для развития общественной жизни. Научные исследования Т. Кун ставит выше социально-гуманитарных исследований (хотя в дополнении к своему произведению «Структура научных революций», в 1969 г. он пишет, что его концепцию парадигм активно используют социологи, историки и другие). Сравнивая ученых социально-гуманитарных наук и естественных наук, Т. Кун пишет: «В отличие от инженеров, большинства врачей и большинства теологов ученый не нуждается в выборе проблем, так как последние сами настоятельно требуют своего решения, даже независимо от того, какими средствами будет получено это решение. В этом аспекте размышления о различии между учеными-естественниками и многими учеными в области социальных наук оказываются весьма поучительными. Последние часто прибегают к оправданию своего выбора исследовательской проблемы, будь то последствия расовой дискриминации или причины экономических циклов – главным образом исходя из социальной значимости решения этих проблем. Нетрудно понять, когда – в первом или во втором случае – можно надеяться на скорейшее решение проблем» [1. С. 215–216]. Достаточно смелое заявление с его стороны, по моему мнению. Если в пример брать медицину, то такое мнение не оправдано, так как проблемы, возникающие в этой области, независимо требуют решения. В работе обнадеживает замеченная Т. Куном тенденция, он неоднократно говорит, что наука все больше и больше движется к истине. С этим могут поспорить ученые в области социологии и экологии. А к истине ли движется наука? Вопрос пока остается без ответа.

Несмотря на все эти замечания, понятие «парадигма» активно используется различными исследователями, особенно в философии науки. Л.А. Микешина в учебном пособии «Философия науки» определяет парадигму как особую форму предпосылочного знания. Если рассматривать парадигму с точки зрения, что она есть совокупность убеждений, то можно сказать, что предпосылочное знание выступает, с этой стороны как накопление предшествующих знаний и выработка из них

новых знаний. Об этом пишет и сам Т. Кун: «Ученые исходят в своей работе из моделей, усвоенных в процессе обучения и из последующего изложения их в литературе, часто не зная и не испытывая никакой потребности знать, какие характеристики придали этим моделям статус парадигм научного сообщества» [1. С. 72–73]. Ученые создают теории на основе полученных данных, которые соответствуют требованиям парадигмы. Но когда парадигма переживает кризис, происходит революция и становление новой парадигмы, откуда новые теории получают свое возникновение и развитие? Т. Кун отвечает, что либо это новое решение старых вопросов, либо парадигма заведомо, до своего установления, определяет их. Многие философы критикуют Т. Куна за то, что он не дает четкого обоснования, откуда появляются парадигмы, как они возникают. Он пишет, что революционные открытия, которые переворачивают основания науки, не появляются как вспышка, это длительный процесс. Но ведь этот процесс с чего-то начинался.

С другой стороны, если рассматривать парадигму как образец, как пример, то предпосылочное знание выступает с этой позиции как то, что существует вне объекта и независимо от него. Парадигма просто дает некий пример, как необходимо в конкретной ситуации решать проблему, а потом отходит на второй план. Парадигма несет в себе предпосылку, как бы отправную точку теории, и далее исследование движется по установленному пути.

Парадигма, объединяя две эти позиции, может характеризоваться как форма предпосылочного знания. Но, в понятие «предпосылочное знание» вкладывается несколько больше. Не всегда предпосылки – это накопленное знание предыдущих поколений, это может быть и та сфера, по мнению идеалистов, которую наш разум не может непосредственно воспринимать, а только опосредованно. Поэтому ограничиваться предложенным определением было бы неоправданно. Кроме того, предпосылочное знание характеризуется тем, что оно с необходимостью влечет за собой появление совершенно нового знания. По Т. Куну, новая парадигма «предполагает и новое, более четкое определение области исследования» [1. С. 39], акцент здесь ставится на том, что это новое и четкое определение, но не новое, совершенно отличное от данного исследования знание.

Таким образом, можно сказать, что на самом деле вклад Т. Куна в развитие философии науки очень велик, несмотря на критику. Несомненно, понятие «парадигма» и ее описание дают решение многим вопросам, становящимся на пути исследователя в любой области. Но, определение парадигмы как формы предпосылочного знания подвергается критике и, по моему мнению, достаточно обоснованно.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977. – 300 с.

ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ

Л.Н. Соловьева

Московский авиационный институт
luniso@rambler.ru

Социокультурные трансформации рубежа последних двух тысячелетий, затронувшие все сферы общественной жизни, свидетельствуют о глобальных изменениях, беспрецедентных по масштабам и значимости в мировой истории. Специфика современных преобразований во многом обусловлена возрастающей ролью научного знания и основанных на нем наукоемких технологий. Прогрессивные информационно-коммуникативные технологии, пронизывая экономику, науку, образование, культуру, политику, выступают в настоящее время своеобразными маркерами технологической состоятельности и экономической успешности государств. В этой связи научной общественностью в последние десятилетия достаточно активно обсуждается проблема формирования глобального информационного общества, многие черты которого все более явно прослеживаются в экономически развитых странах, в том числе и в России. Опираясь на вполне объективную аргументацию: все увеличивающиеся масштабы развития процессов информатизации, возрастание роли информационного сектора экономики, стремительное развитие сетей и средств информационных коммуникаций, совершенствование информационных технологий, ученые предполагают, что уже в первой половине XXI столетия глобальное информационное общество станет реальностью.

Информация и научные знания во все времена выступали ключевыми детерминантами научно- и социально-технического прогресса, но никогда ранее в истории человеческой цивилизации не обладали стату-

сом доминирующего фактора технологического, экономического и социального развития. Практика подтверждает, что новые успехи в области фундаментальной науки незамедлительно сопровождаются очередными прорывами в области создания новых информационных средств и технологий. На основе анализа тенденций развития человечества сквозь призму развития информации можно заключить, что прогресс в области развития информационной сферы весьма далек от насыщения и в ближайшие десятилетия будет продолжаться [1. С. 114–115]. В складывающейся ситуации становится все более очевидным, что современная информационная цивилизация постепенно генерирует принципиально новый тип социальности – общество, основанное на знаниях.

Концепт «общество знания» в научном обиходе появился относительно недавно и не без оснований стал весьма популярным. Так, во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» отмечается, что «сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться» [2. С. 7].

Вместе с тем идея общества знаний, прежде всего, ассоциируется с именем П. Дракера, подчеркивавшего социопорождающую роль знания и характеризовавшего знание как силу, способную создать новое общество. Ученый сделал вывод о том, что новый тип общества – посткапиталистический – возникает тогда, когда знание, служившее прежде одним из видов ресурсов, превращается в определяющий ресурс, а земля, рабочая сила и капитал при этом выступают сдерживающими, ограничивающими факторами [3. С. 71].

Изначально при характеристике общества знания акцент делался на резко возросшем знании высоких технологий и информационных структур, что нашло отражение в многочисленных концепциях постиндустриального, информационного, технотронного, сетевого общества. Вместе с тем понятие «общество знания» включает наиболее глубокие трансформации, поскольку именно в концепции «общества знания» знание выступает основой социокультурных преобразований, в отличие от концепции «информационного общества», базирующейся на идее совершенствования информационно-коммуникативных технологий, способствующих достижению более высоких уровней обработки информации и обеспечивающих беспрепятственную связь участников единого

коммуникативного пространства. Таким образом, общество знания более обширно и более эффективно способствует расширению прав и возможностей, чем понятие технологий и доступа к ним.

Как нельзя лучше иллюстрирует данное обобщение вывод немецкой исследовательницы К. Кнорр-Цетиной о том, что «общество знания – не просто общество, в котором больше экспертов, больше технологических и информационных инфраструктур, а также авторских экспертных интерпретаций. Культуры знания вплетены в саму ткань этого общества, равно как и весь спектр процессов, практик, отношений, создающихся знанием и обретающих жизнь в ходе его производства. Раскрытие, распространение отношений знания в обществе – вот в чем следует видеть проблему, требующую скорее социологического, нежели экономического решения в исследованиях обществ знания» [4. С. 278].

Другой немецкий исследователь Г. Бехманн, исследуя природу современного общества, указывает на то, что при данной характеристике целесообразно отличать знание от информации, поскольку знание является предпосылкой действия, а информация представляет собой знание, обработанное для целей использования. Поэтому знание отражает статический структурный аспект, а информация – процессуальный аспект коммуникации [5. С. 106].

По мнению философа, существующие концепции информационного общества можно объединить в три основные группы: 1) информационное общество как информационная экономика; 2) информационное общество как постиндустриальное общество; 3) информационное общество как общество знаний. В рамках первой концепции индикаторами перехода к информационному обществу являются показатели информационной скорости и информационного индекса, объем производства и потребления информации, преобладание в структуре экономики информационного сектора по отношению к традиционным секторам – сельскохозяйственному, промышленному и сервисному. Согласно второй группе концепций, где информационное общество трактуется как постиндустриальное, утверждается, что ключевыми факторами постиндустриального развития выступают производство и использование информации с помощью интеллектуальных технологий, базирующихся на компьютерной обработке информации, что приводит к росту значения в обществе теоретического знания и науки. В понимании информационного общества как общества знаний акцент сделан не только на росте значения теоретического знания в социальном познании, но и на социально детерминированные процессы

распределения и воспроизведения, причем не только научно созданного, но и общепризнанного научного знания, поскольку, кроме науки, в современном обществе существуют и другие источники знания, такие как религия, поэзия и т.д. Но особое значение в таком обществе получает не само знание, а его недостаток. С одной стороны, научное знание рационализирует взаимоотношения общества и природы (естественнонаучное знание) и культуру общества (социальное знание), с другой стороны, стимулирует потребность в новом знании с целью преодоления порождаемых человеческой деятельностью опасностей [5. С. 107–109].

Отечественная исследовательница И.Ю. Алексеева, рассуждая о новом типе социальности именно как об обществе знаний, отмечает, что общество знаний обладает всеми характеристиками информационного общества, но вместе с тем они не тождественны, поскольку содержание первого понятия (общество знаний) включает характеристики, относящиеся не только к развитию информационно-коммуникативных технологий, но, в принципе, к развитию любых других технологий и областей человеческой деятельности [6. С. 61].

Действительно, в последние десятилетия уровень развития информационных и коммуникационных технологий выступает маркером научно-технического и промышленного развития общества. Вместе с тем не следует исключать возможности того, что в будущем подобный статус может закрепиться совсем за другими технологиями. Так, в настоящее время все чаще говорят о NBIC-конвергенции – новом кластере, объединяющем в себе новейшие технологии, так называемые NBIC-технологии: нано-, био-, информационные и когнитивные. Специфика данных технологий в их конвергирующем эффекте: все они взаимосвязаны и предполагают друг друга, что позволяет исследователям прогнозировать перспективу слияния NBIC-областей в единую научно-технологическую сферу знания. В данном случае речь идет о возникновении уникального научного конгломерата, предметом изучения и воздействия которого станут почти все уровни организации материи: от молекулярной природы вещества до природы жизни, природы разума и процессов информационного обмена. Так, может быть, скоро заговорят о еще более новом типе социальности – NBIC-обществе.

В условиях современного развития знание становится конститутивной особенностью современного типа общества, а его производство, воспроизводство, распределение и применение задают параметры социокультурных трансформаций. Таким образом, становление общества

знания свидетельствует не только о росте доли высокотехнологичных отраслей экономики в рамках прежних социальных структур, а прежде всего, порождает новые формы социальности. В этой связи можно заключить, что общество знаний – это по большому счету культурный феномен, который в современных условиях играет ключевую роль в диалоге культуры с информационной цивилизацией.

Литература

1. *Коллин К.К.* Философские проблемы информатики. – М.: БИНОМ, 2010. – 264 с.
2. *К обществам знания // Всемирный доклад ЮНЕСКО.* – Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005.
3. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Akademia. – 631 с.
4. *Кнорр-Цетина К.* Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей: Сборник статей. – М.: Территория Будущего, 2006. – 390 с.
5. *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос, 2012. – 248 с.
6. *Алексеева И.Ю.* Что такое общество знаний? – М.: Когито-Центр, 2009. – 96 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕМНОЙ МАТЕРИИ¹

А.Ю. Сторожук

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
Stor71@mail.ru

Целью настоящей статьи является рассмотрение методологических оснований исследования одной из загадок космологии: темной материи. Это название дано некой сущности неизвестной природы, на существование которой, однако, косвенно указывают некоторые наблюдательные данные. Среди таких данных скорости вращения планет и облаков газа возле центра масс в планетных системах и галактиках, которые позволяют дать оценку тяготеющей массы. Вычисления показывают, что масса тел, вокруг которых происходит вращение, примерно в четыре раза превышает массу видимого вещества, сконцентрированного в звездах и облаках газа. Три четверти массы приходится на некое несветящееся вещество, так называемую темную материю.

Альтернативным методом оценки масс является гравитационное линзирование. Этот метод применим тогда, когда между источником света и Землей находится массивное образование, например галактика. Поскольку гравитирующее тело искривляет окружающее пространство,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-23-01015

луч света, идущий от удаленного объекта, тоже искривляется. В результате можно получить несколько изображений одного и того же объекта, а величина отклонения света служит указанием на величину массы, послужившей линзой для светового луча.

Косвенным указанием на наличие скрытой массы является и равновесие горячего газа в богатых галактических кластерах. Равновесие газа невозможно без дополнительной массы, превышающей массу светящегося вещества.

Кроме того, наличие темной материи является востребованным и с теоретической точки зрения для объяснения ряда наблюдаемых фактов, объяснение которых без предположения о наличии темной материи затруднено. Самым серьезным теоретическим затруднением является оценка величины энергии вакуума, которая отличается от ныне наблюдаемого на 120 порядков. Энергия вакуума, согласно квантовой теории поля, должна слагаться из рождения и последующей аннигиляции пар частиц и античастиц, которые существуют непродолжительное время и при аннигиляции выделяют энергию, потраченную на образование их масс. Суммирование возможных энергетических вкладов различных частиц (электронов-позитронов, кварков-антикварков и т.д.) дает величину, намного превышающую наблюдаемую. Наличие темной материи позволяет надеяться на возможность уменьшения этой величины за счет отрицательных вкладов энергии. Например, в одной из гипотез предполагается, что темную материю составляют частицы-суперпартнеры, самая легкая из которых должна быть стабильна. Наличие частиц-суперпартнеров теоретически следует из расширений стандартной модели. Уже минимальное расширение SU [5] вводит преобразования с новым инвариантом, связывающим барионные и лептонные числа. Учет частиц суперпартнеров позволяет сократить разницу между предполагаемой и реально измеряемой вакуумной энергией на сорок порядков. Проблемой этой гипотезы является отсутствие экспериментальных подтверждений. Так, в результате экспериментов на БАК была отклонена минимальная модель суперсимметрии: частиц-суперпартнеров пока обнаружено не было.

Другой проблемой теоретической космологии является объяснение формирования крупномасштабной структуры Вселенной. Известно, что галактики формируют кластеры, похожие на крупные ячейки. Скопления галактик перемежаются огромным протяжением пустого пространства. Проблема состоит в поиске объяснения, каким образом из

однородного первоначального состояния возникла подобная неоднородность в распределении вещества.

Подобная проблема объяснения формирования неоднородности существует и для распределения вещества на более мелких масштабах. Современные наблюдаемые данные, например реликтовое излучение, указывают на то, что в ранние моменты своей эволюции Вселенная была очень однородной. Сегодня вещество распределено крайне неоднородно: мы имеем контраст между очень разреженным веществом между звездами и огромной плотностью материи внутри нейтронных звезд (порядка $(1,5 \times 10^{15})$ г/см³) [3]. Предложенный ранее вариант объяснения сгущения материи – неоднородность Джинса, позволяет объяснить перепады плотности в десятки раз. Для объяснения наблюдаемого ныне распределения плотностей требуется привлечение дополнительной массы, источником которой может быть темная материя.

Активно обсуждается роль темной материи в образовании и эволюции нейтронных звезд. Поскольку темная материя обладает гравитационным взаимодействием, то нейтронная звезда со временем должна накапливать темную материю. Если это накопление происходит достаточно активно, нейтронная звезда должна накапливать массу и эволюционировать в черную дыру. Но наблюдение за нейтронными звездами показывает, что они достаточно стабильны. «Сильное гравитационное поле нейтронных звезд удерживает вокруг них газопылевые диски и даже планеты, но не может притянуть достаточно темной материи, хотя её должно быть вшестеро больше обычной. Почему?» [1].

Наконец, без темной материи жизнь не была бы возможной. На ранних стадиях эволюции Вселенной доминирует радиация, которая препятствует образованию сгущений. Структуры из однородного состояния могли бы образовываться только после рекомбинации водорода и потом собраться в сгущения. Но скорость сбора материи в сгущения без темной материи была бы намного меньше и условия для образования жизни не могли бы возникнуть.

Таким образом, как наблюдательные данные, так и теоретические проблемы указывают на наличие скрытой массы. Однако природа этих частиц по-прежнему остается гипотетической. Гипотезы, выдвигаемые для объяснения природы темной материи, зависят от ее типа. Принято выделять следующие типы темной материи.

1. Горячая темная материя, например нейтрино.

2. Теплая темная материя, к которой могли бы относиться гипотетические типы частиц, возникновение которых было бы возможно на ранних этапах Вселенной.

3. Холодная темная материя, состоящая из медленных частиц, не разрушающей флуктуации плотности.

Для объяснения природы холодной формы темной материи было выдвинуто несколько гипотез.

1. Частицы-суперпартнеры, самая легкая из которых должна быть стабильной. Но суперсимметричные частицы пока не были обнаружены.

2. Предполагается существование тяжелых лептонов, массой порядка 2 GeV . Требуется объяснить, почему они оказались долгоживущими.

3. Темная материя может существовать в форме вимпов (WIMP) гипотетических слабо взаимодействующих массивных частиц, из четырёх фундаментальных взаимодействий участвующих только в двух – слабом и гравитационном.

4. Предполагаются некие частицы – аксионы массой порядка $m \sim 10^{13} \text{ GeV}$.

5. Первичные черные дыры, массы которых достигают 10^{10} G .

Теоретические проблемы с объяснением природы темной материи состоят в отсутствии достаточно точных расчетов, поведение моделей может сильно отличаться. Ведущим теоретическим методом исследований темной материи является гипотетико-дедуктивный метод, состоящий в выдвижении и опровержении гипотез. Его можно рассматривать как вариант фальсификационизма К. Поппера [5]. Философской проблемой является недоопределенность теории экспериментальными данными [2, 4], состоящая в невозможности дать исчерпывающее теоретическое описание совокупности экспериментальных данных. Это описание никогда не бывает единственным, и всегда возможны альтернативы. Можно сказать по-другому: эксперименты не детерминируют выбор описательных и объяснительных теорий. Экспериментальные методы включают широкий диапазон наблюдательных методов, используемых в астрономии и космологии. Методологические проблемы связаны с необходимостью построения моделей и экстраполяции их на ранние моменты развития Вселенной, когда условия существенно отличались. Особенностями теоретической работы является необходимость применения данных различных физических и технических наук: общей

теории относительности, квантовой механики и теории поля, моделей горячей Вселенной и модели инфляции и др.

В заключение перечислим некоторые открытые проблемы космологии, для решения которых может привлекаться понятие темной материи. Вопросы вызывает совпадение до порядка плотности распределения различных видов вещества: обычной материи, темной материи и темной энергии. Остается непонятным механизм образования сверхтяжелых черных дыр, расположенных в центрах некоторых галактик. Неясен механизм происхождения крупномасштабной структуры галактик и межгалактических магнитных полей. Открытой остается проблема вакуумной энергии. Наконец, природа темной материи до сих пор остается неясной.

Литература

1. *Березин А.* Темная материя и нейтронные звезды. <http://victorpetrov.ru/temnaya-materiya-i-nejtronnyye-zvezdy.html> – 03.06.2013 г.
2. *Куйн У.В.О.* Онтологическая относительность / сокр. пер. А. А. Печенкина // Современная философия науки. – М., 1996.
3. *Левин А.* Рождению странных звезд помогает темная материя? <http://elementy.ru/news/431437> – 03.06.2013 г.
4. *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. 13. – С. 377–390.
5. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М.: Прогрес, 1983.

ЧТО МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ, КОГДА ГОВОРИМ ОБ ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

В.Н. Сыров

Томский государственный университет
narrat@inbox.ru

Е.В. Агафонова

Томский государственный университет
agaton@rambler.ru

Красивая метафора, введенная Питером Друкером в 60-е г. прошлого века, стала имманентной частью современного дискурса. Но о чем идет речь в ее интерпретациях? Обычно говорят об обществе, которое должно строиться на базе современных технологий. Соответственно, решающую роль в нем должен обрести класс интеллектуалов как производителей знания, без которого такие технологии невозможны, а значит, невозможно существование самого такого общества. Это предполагает как развитие способностей пользоваться плодами таких знаний, так и повышение общей степени образованности общества. Оппоненты воз-

ражают, утверждая, что плодами новых технологий будут пользоваться только развитые общества, поэтому «идея общества знания становится новым гуманистическим идеалом, который превращается в фактор объединения многонационального европейского сообщества, а также центром духовного и культурного притяжения для всего мирового сообщества, ощутившего неоднозначные последствия первой волны глобализации» [1. С. 7]. Тем самым предполагается, что «концепция общества знания ставит своей главной целью создать условия для совместного использования знания и всеобщего равного доступа к информации» [1. С. 8]. Естественно, что никто не будет возражать против роли знаний в решении застарелых социально-экономических, политических и прочих проблем человечества. Но что остается и остается ли в метафоре «общество знания» нечто сверх этого?

Предполагается, что новое общество есть общество практико-ориентированного знания, призванного переводить теоретические конструкции в технологии или ориентированного на производство таких технологий. И, опять-таки, кто же против того, чтобы знание так или иначе приносило пользу. Но, как представляется, все эти рассуждения так или иначе оставляют в стороне вопрос, какое знание, для чего оно производится и должно производиться. Карен Кнорр-Цетина правомерно отметила, что «общество знания – не просто общество с большим количеством экспертов, технологических и информационных инфраструктур и интерпретаций специалистов, а не участников, скорее, это общество, где культуры знания органически вплетены в ткань общества, как и целый ряд процессов, практик и отношений, обслуживающих знание» [2. С. 109]. Иначе говоря, знание должно трактоваться как нечто, что организует жизнь индивидов, институтов, групп и т.д.

Логично предположить, что такое знание ни на уровне технологий, ни теоретических изысканий не может быть нейтральным по отношению к социальным структурам, которые оно призвано обслуживать или конституировать. Иначе говоря, если технологии предназначены обслуживать жизнь индивидов, организованных в большие сообщества, то, скорее всего, они будут бесполезны для локальных объединений. Тогда само знание во всей совокупности его теоретического и эмпирического содержания, методологий, структурной и институциональной организации будет развиваться в соответствующем направлении, независимо от того, осознают ли это его творцы. Так, бесспорно, что развитие тех или иных отраслей науки (вне зависимости от ее практической приме-

нимости) в индустриальной цивилизации было обусловлено характером выбранного ею пути.

Если это так, то стоит предполагать следующее. Даже если система на уровне идеологии и искреннего желания общественного сознания стремится создать условия для гуманистического использования знаний и их справедливого распределения, то она может столкнуться с ситуацией, когда все ее основные подсистемы выстроены для принципиально иного получения и использования знания, хотя последнее действительно пронизывает и организует все сферы общественной жизни. Это, кстати, и порождает иллюзии о пребывании в обществе знания. Если индивид обращается к экспертам за консультацией как стать успешным, то само это желание многое говорит о характере ценностных установок общества. Центры по производству знания в виде университетов или иных структур могут стать доминирующими в обществе, возможно, что конститутивными по отношению к его социальной структуре, возможно, что не практико-ориентированными, а направленными на развитие так называемых фундаментальных наук. Это дела не меняет. Если знание формируется в контексте системы, направленной, к примеру, на рост потребления, а уж тем более стремящейся его максимально использовать для данных целей, то оно бесполезно для людей и структур, которые предполагают существовать в принципиально ином формате. При кажущемся переизбытке информации они в принципе не найдут желаемого. Рискнем утверждать, что они не найдут искомого не только на уровне технологий, но и на уровне теоретических разработок.

Трагедия еще и в том, что чем более стремительно цивилизация движется по избранному пути, тем дальше она удаляется не только от возможности реализации иных форм жизни, но и от самой способности помыслить иные форматы существования. Так, индивид может искренне жаждать свободы и добиваться ее, но не осознавать, что добытая им с таким трудом свобода размещается в контексте просто более богатого набора вариантов потребления. В итоге он остается захваченным структурами все того же цивилизационного формата. Как справедливо отметил когда-то Г. Маркузе, «...самая высокая производительность труда может средством для его увековечивания, а самая эффективная индустриализация может служить ограничению потребностей и манипулированию» [3. С. 38–39].

Если это так, то оперирование дискурсом общества знания вместо обещания прорыва к новым горизонтам может стать лишь источником

производства новых иллюзий. Специфика в том, что мы привыкли к тому, что обычно создаваемые продукты (знания, формы жизни), претендующие на новизну, вступают в противоречие с препятствующими им явными или неявными ценностными установками. Но мы можем столкнуться с прямо противоположным положением дел, когда притязающие на прорыв ценностные установки сталкиваются с продуктами, прежде всего знаниями, которые всегда представляли воплощением передового начала, но, по сути, блокируют, игнорируют или деформируют новые ценностные ориентиры.

Литература

1. *Общество знания: от идеи к практике*: кол. монография: в 3 ч. Ч. 1: Основные контуры концепции общества знания / под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. – СПб.: Скифия-принт, 2008.

2. *Кнорр-Цетина К.* Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5, № 1. – С. 101–124.

3. *Маркузе Г.* Одномерный человек. – М.: ООО АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2003.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ОСОЗНАНИЯ СПЕЦИФИКИ МАТЕМАТИКИ

Л.С. Сычева

Новосибирский государственный университет

sls@academ.org

Многие математики видят специфику своей науки в аксиоматическом методе, в формализмах. Однако есть и другие мнения. Так, В.А. Успенский спрашивает, действительно ли в математике все определяется и доказывается? Можно ли определить понятие натурального числа и т.д. Он пишет: «Математики, как правило, очень гордятся тем, что они математики. Источник гордости они видят в своей науке – причем не столько в той пользе, которую приносит математика, сколько в том, что это такая уникальная, ни на какую другую не похожая область знания. И с этой исключительностью согласны и нематематики. ... В самом деле, считается общепризнанным, что математика имеет, по крайней мере, три присущие только ей черты. Во-первых, в математике, в отличие от других наук, все понятия строго определяются. Во-вторых, в математике – опять-таки в отличие от других наук – все строго доказывается из аксиом. В-третьих, математика непонятна» [1. С. 391]. Сформулировав эти вопросы, Успенский говорит, что определить все математические понятия невозможно, ибо одно определяется через

другое, другое – через третье и т.д. И где-то мы должны остановиться. Действительно, слов в любом языке конечное число, поэтому при определении одних слов через другие неизбежно возникает круг (т.е. ситуация, в которой слово определяется в конечном случае через само себя). Избежать такого круга можно лишь одним способом: оставить некоторые слова без определения.

Второй миф – о том, что в математике все доказывается из аксиом, Успенский разрушает путем обращения к учебникам по арифметике или к любому вузовскому учебнику математического анализа, или к университетскому учебнику по теории чисел. В этих учебниках доказываются теоремы, но вряд ли там найдутся какие-либо аксиомы. Отвечая на вопрос, на основе чего происходит, например, доказательство теорем теории чисел, Успенский говорит – на основе здравого смысла и неких представлений об основных свойствах натурального ряда, которые не сформулированы явно в виде списка аксиом. Необходима честная констатация того наблюдения, что в реальной математике сплошь и рядом встречаются теоремы, доказываемые без опоры на какие бы то ни было аксиомы. Успенский здесь фактически указывает на то, что в математике, как и вообще в познании и реальной жизни, человек знает основные понятия и действия не из определений, письменных инструкций и тому подобных источников, а знает их из образцов, знает на базе действий, которые происходят в поле его восприятия.

Поддерживая точку зрения Успенского, рассмотрим, чем руководствуются математики помимо аксиом и строгих определений. Почему самая точная из всех наук – математика – пользуется сомнительными приемами (идеей бесконечно малых, например)? В теории социальных эстафет М.А. Розова продемонстрировано, что знания передаются от человека к человеку не только с помощью правил, точных инструкций и т.п., но и путем демонстрации образцов деятельности. Более того, самые главные умения человека – язык и простейшие человеческие умения – передаются именно с помощью образцов. Математика в этом смысле не исключение. Не случайно не удалась попытка обоснования математики – логицизм, когда хотели все математические действия выразить с помощью правил логики, и формализм, где Гильберт хотел избавиться от содержательных моментов в задании математических объектов.

Покажем, что расхождения во мнениях о сущности математики записаны от ценностных установок авторов. Богатейший материал для анализа дает большая статья крупного российского математика С.П. Нови-

кова «Математика на пороге XXI века», имеющая подзаголовок «кризис физико-математического сообщества в России и на Западе» [3]. В самом начале статьи, говоря об эволюции математики в XVI–XIX веках, он подчеркивает, что это был мощный подъем уровня знания, подъем, основой которого являлось тесное содружество математики и физики, имел место «мощный постоянно усиливающийся поток знаний в точных теоретических математизированных науках» [3]. Однако в XX веке в математике произошли существенные изменения – безраздельное господство в идеологии математики стала иметь теория множеств, обладавшая столь абстрактными концепциями и мысленными построениями, что возник вопрос об их непротиворечивости. Стали обсуждаться вопросы оснований математики и проблемы обоснования, строгого доказательства даже при взаимодействии математиков с естественными науками и приложениями. «Сообщество математиков в 20-х годах окончательно оторвалось от сообщества физиков-теоретиков» [3]. Этот отрыв дополнился и «минусами» в системе университетского математического образования – в 30–50-е годы общая физика еще преподавалась математикам, но общая теория относительности и квантовая механика не включались в математическое образование. В итоге сообщество математиков разбилось на несколько групп, которые по-разному видели смысл своей работы и смысл математики. Французская школа после Пуанкаре, начиная с Лебега и Бореля, пошла по ультрасовременному пути и создала в Париже (и затем в мире) глубокий ров между математикой и естественными науками. Блестящие группы парижских математиков, появившиеся в XX в., культивировали и углубляли этот разрыв, выступили идеологами полной и единой *формализации математического образования*, включая школьное – «бурбакизм». Те математики, которые изучали квантовую механику (А.Н. Колмогоров и П.С. Новиков), «хотели понять в ней логику, а не квантовую механику».

В 1960-х годах С.П. Новиков, занимаясь абстрактной математической теорией – топологией, «стал думать: в чем смысл нашей деятельности? Где и когда возможны применения тех идей, которые мы сейчас развиваем?» [3]. Автор специально отмечает, что этот вопрос естествен и даже необходим. Однако и здесь не было единодушия. Ряд чистых математиков испытывали комплекс неполноценности, болезненное нежелание задавать этот вопрос. Другие, зарабатывая на жизнь в прикладных областях, работали там не без пользы, но истинную науку видели только в чистой математике, которой они занимались все свободное

время. В эти же годы «резко усилилась антиматематическая агрессивность нового класса математиков – вычислителей-профессионалов. «Они начали пропаганду против чистой математики, говорили, что истинное развитие математики – это только вычислительная математика» [3]. Еще худшее впечатление произвели на автора статьи по «проблемам теоретической прикладной математики», где используя терминологию, взятую из реальности, доказывают строгие теоремы о чем-то, внешне похожем на реальность, но на самом деле от реальности бесконечно далеко. Престижной считалась только строгая теорема, и чем сложнее доказательство, тем лучше; разумный реализм постановки проблемы, как и сам результат, ценились гораздо меньше.

Мы видим, что реально работающее сообщество математиков не представляет собой какой-то однородной группы – оценка своих и чужих математических занятий очень отличается от группы к группе. Так, абсолютизация проблем обоснования математики и строгого ее построения оторвала сообщество математиков от сообщества физиков-теоретиков и во многом лишила математику того исходного смысла, который вообще породил эту область – решение задач физики, механики, астрономии. Аксиоматический метод, это неоценимое достижение математики, превратился в руках французских математиков группы Бурбаки в средство, отгородившее математику от реальных задач. Как показывает Новиков, разные группы математиков при характеристике своей науки выбирают неодинаковые ценности – для одних важно наличие аксиом, формальные процедуры, доказательство теорем существования, «которые никому не нужны, ибо уже решены физиками». Это означает, что есть далеко не два варианта понимания сущности математики, а достаточно много. И зависит это от того, что математики, высказывающие мнение о своей науке, руководствуются не одинаковыми представлениями о том, что же важно в их науке – аксиомы ли, точность, формальность процедур, или связь с другими науками – физикой, по большей части. Существенно, что определение статуса математики имеет не чисто академический интерес, а, как правило, доводится до практических действий – перестраивается преподавание, переписываются учебники, представление о математике как точной, аксиоматически построенной науке транслируется студентам и даже школьникам. Математики строят и свою жизнь в зависимости от своих определений – так, занимаясь прикладными задачами для заработка, некоторые математики считают, что подлинная цель их науки – решать не прикладные задачи, а доказывать тео-

ремы, быть «чистой» наукой. Высказывалась и точка зрения, что главное – вычислительная математика. Меня поразило, что С.П. Новиков и некоторые другие (Гельфанд, например) по-другому организовывали и свою жизнь – специально много лет изучали теоретическую физику, чтобы попытаться ликвидировать разрыв между чистой математикой (топологией – у Новикова) и физикой. С.П. Новиков описывает и такое неожиданное «явление» – некоторые физики, которые некогда решали математическими методами физические задачи, перешли в математику, «забыли» свои физические задачи, которыми они когда-то занимались, и от решения актуальных для физики задач эти ученые, перейдя в математику, стали работать по канонам чистой математики, не интересуясь, кому это нужно. Оправданием их деятельности служило наличие образцов математической работы, но их не волновало, что эти образцы уже не делают их работу осмысленной для сообщества естествоиспытателей. Таким образом, чтобы определить специфику математики как науки, недостаточно дать формальное, «объективное» ее описание (т.е. указать средства, методы, характер результатов), а нужно учесть и ценностные установки отдельного математика или какой-то их группы.

Литература

1. Успенский В.А. Апология математики. – СПб.: Амфора, 2010.
2. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – Смоленск, 2006.
3. Новиков С.П. Математика на пороге XXI века // Историко-математические исследования. – 2002. – Вып. 7(42).

ДИНАМИКА НАУЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗНАНИЕ»¹

И.В. Черникова

Томский государственный университет
chernic@mail.tsu.ru

Понятие «знание» имело различную интерпретацию в культурно-исторических эпохах, это касается и научного знания, хотя научное знание – особый вид знания, в котором мысль пытается найти твердые основания. Философы, определяя научное знание, подчеркивают тесную связь научного знания и истины. Знание – результат процесса познания, обычно выраженный в языке или в какой-либо знаковой форме и допускающий истинную оценку (А.П. Никифоров). Знание – соот-

¹ Выполнено при поддержке гранта РФФИ 11-06-000-49-а

ветствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта (В. П. Филатов). Здесь дается тройственная трактовка научного знания, включающая три параметра – истинность, убежденность и оправданность [1].

Ориентация на истину – это то, что отличает научное знание, но в то же время не противопоставляет ценности науки ценностям социального бытия. Вопрос о том, насколько общество нуждается в том, чтобы положить в основу нашего действия именно научное знание, а не идейные образования, отвечающие требованию эффективности, имеет ключевое значение для формирования стратегий современного социального строительства. Такая постановка вопроса позволяет осознать не просто взаимосвязь этических и эпистемологических проблем, но именно включенность эпистемологии в социальные процессы. К. Поппер называл эпистемологическим оптимизмом уверенность в способности человека открыть истину и обрести знание. Он отмечал, что эпистемологический релятивизм и прагматизм, а также отрицание объективной истины тесно связаны с авторитаризмом и тоталитаризмом.

В.С. Степин в книге «Теоретическое знание» сопоставляет понимание истины и условия ее получения в классической, неклассической и постнеклассической науке. Классическая наука полагает, что условием получения истинных знаний об объекте является элиминация при теоретическом объяснении всего, что относится к субъекту. Неклассическая наука (ее образец квантово-релятивистская физика) учитывает связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности, в которой обнаруживается и познается объект.

Постнеклассический тип научной рациональности учитывает соотнесенность получаемых знаний не только со средствами деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Знать в синергетическом аспекте означает уметь вести себя адекватным образом в ситуациях, связанных с индивидуальными актами или кооперативными взаимодействиями. Все чаще технологические проекты проходят социальную экспертизу. Здесь хочется вспомнить Аристотеля и его деление на «знание – опыт» и «знание – искусство». Имеющие опыт знают «что», но не знают «почему». Владелицы искусства знают «почему». Может быть, модель знания, формирующаяся в постнеклассической науке, есть умудренное знание, знание – мудрость?

Ценность знания в постнеклассической науке сопряжена не с абсолютными истинами, а с социальной значимостью. Современная эпи-

эпистемология отказывается от классического фундаментализма, согласно которому знание должно строиться на твердых и безошибочных основаниях. Вопрос об обоснованности знания в неклассической эпистемологии решается с нефундаменталистских позиций. Знание по форме остается кодифицированной информацией, по сути, становится социальной программой и понимается как адекватное действие. Эволюционно-синергетическая парадигма является примером такого знания нового типа. Это трансдисциплинарное знание, которое характеризуют как кооперацию различных научных областей и как перенос когнитивных схем из одной области знания в другую.

Когнитивным инструментарием у многих представителей исторической школы постпозитивизма, особенно у К. Поппера, стала эволюционная эпистемология. Это направление возникло в середине XX века и развивалось в англоязычных странах К. Поппером, С. Тулминым, Д. Кэмпбеллом, в немецкоязычных странах К. Лоренцем, Г. Фоллмером, Р. Ридлем, Э. Ойзером.

Становление эволюционной эпистемологии было связано с ориентацией на исследование реального познавательного процесса средствами эволюционного естествознания, прежде всего биологии. Целью эволюционной эпистемологии является исследование биологических предпосылок познания и объяснение его особенностей на основе современных эволюционных воззрений. Эволюционная эпистемология, в отличие от классической эпистемологии, стремившейся (умозрительно) создать идеальную модель познания, обратилась к исследованию реальных процессов познания.

Основоположником этого направления считают австрийского биолога К. Лоренца, нобелевского лауреата по медицине и физиологии за 1973 год. Фундаментальное значение для эволюционной теории приобрели его работы: «Кантовское учение об априорном в свете современной биологии» и «Оборотная сторона зеркала». Исходным моментом исследований является сформулированное еще И. Кантом положение об априорных формах рассудка. Согласно априоризму, разум отнюдь не «чистая доска», человек подходит к явлениям с определенными формами созерцания и мышления, с помощью которых упорядочивает явления. По Лоренцу, понимая познание как естественно-исторический процесс, мы вписываем когнитивный опыт в эволюционный процесс.

Тогда когнитивные структуры, априорные для индивида, оказываются апостериорными для вида. Суть эволюционной эпистемологии он выразил следующим образом: наши познавательные способности есть достижение врожденного аппарата отражения мира, который был развит в ходе родовой истории человека и дает возможность фактического приближения к внесубъективной реальности.

При анализе эпистемологического содержания постнеклассической науки особенно актуален вопрос, что значит знать в контексте постнеклассической парадигмы научности? В работах автора был проанализирован вопрос о специфике знания в постнеклассической парадигме научности [2. С. 142–154]. Познание «человекоразмерных» объектов постнеклассической науки носит интерпретационистский и конструктивистский характер, в этой связи происходит трансформация концепта «знание». Вместе с концептом знания трансформируются основные понятия, его определяющие: истина, объективность, субъект, объект, наблюдаемость, существование, реальность, но при этом сохраняется идентичность науки как формы общественного сознания и культурной ценности.

С позиций эволюционной эпистемологии и на основе онтологии, построенной на идеях глобального эволюционизма, системности, удастся преодолеть субъективизм и релятивизм, свойственный постмодернизму, социальному конструктивизму, сводящим знание к лингвистическим и социальным конструкциям. В ракурсе эволюционной эпистемологии коммуникативный уровень взаимодействий понимается не как фундаментальный, а эволюционно обусловленный. В отличие от постмодернизма, заменившего изучение психологических процессов (смерть субъекта) анализом дискурсивных позиций участников лингвистической деятельности, эволюционный конструктивизм преодолевает крайности репрезентативной концепции знания и постпозитивистской (языковые игры).

В контексте эволюционного конструктивизма субъект не копирует объект, а вступает с ним в разного рода отношения: деятельность-практические, моделирования, отношения коммуникативного действия. Происходит возврат к знанию – представлению, но представление здесь служит выражением и субъекта, и объективного мира, являясь продуктом их отношений.

Познание сложных саморазвивающихся систем не под силу, как отмечал Э. Морен, интеллекту, ориентированному на редукцию и разъеди-

нение, узкоспециализированному и разгороженному внутренними перегородками. Это задача для интеллекта, способного рассматривать контекст и планетарную сложность [3. С. 139–143]. Отсюда еще один важный аспект трансформации концепта «знание» в постнеклассической науке, представленный преобразованиями, в когнитивном пространстве синергетики обозначаемыми как коммуникативность. В синергетическом мире нет неизменного наблюдателя, наблюдатель становится в потоке коммуникативных событий.

Важно подчеркнуть, что конструктивизм является эпистемологией, которая может основываться на установке реализма, если конструктивистская концепция познания строится на основе идеи эволюции.

Сторонники социального конструктивизма указывают, что традиционная познавательная схема «субъект – объект – ментальное представление – знание» является функцией лингвистических конвенций, утвердившихся в культурных традициях и стандартах научного дискурса. Но это лишь одна сторона медали. Вторая сторона раскрывается в эволюционной эпистемологии и на основе онтологии построенной на идеях глобального эволюционизма системности. В этом ракурсе коммуникативный уровень взаимодействий понимается не как фундаментальный, а эволюционно обусловленный. В отличие от постмодернизма, заменившего изучение психологических процессов (смерть субъекта) анализом дискурсивных позиций участников лингвистической деятельности, эволюционный конструктивизм преодолевает крайности репрезентативной концепции знания и постпозитивистской (языковые игры).

В контексте эволюционного конструктивизма субъект не копирует объект, а вступает с ним в разного рода отношения: деятельностно-практические, моделирования, отношения коммуникативного действия. Происходит возврат к знанию-представлению, но представление здесь служит выражением и субъекта, и объективного мира, являясь продуктом их отношений.

Литература

1. *Обсуждаем* статью «Знание» // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 1. – С. 131–140.
2. *Черникова И.В.* Постнеклассическая наука и философия процесса. – Томск: НТЛ, 2007.
3. *Морен Э.* Метод. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 439–443.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИННОВАЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ

С.С. Чистанова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
chistanovaSS@ngs.ru

Правительство поставило перед нами вполне осуществимую до 2020 года цель, для достижения которой нам необходим «переход ... на инновационную социально ориентированную модель развития». В цитате, правда, речь идет об экономике, но это не самое главное в ней. И так, инновационная модель развития – веление времени, от нее никуда не деться, а значит, надо менять содержание образовательных программ, в том числе для высшего образования.

Эту задачу перед преподавателями вузов ставит уже не правительство, а собственный работодатель. Но схожесть правительства и моего работодателя в том, что ни то, ни другой не объясняют, в чем конкретно заключаются эти изменения. Нет, я читала упомянутую Стратегию, прочитала статьи в учебниках о том, чем отличается инновационное образование от неинновационного, участвовала в работе конференций и философских семинаров, посвященных проблемам инновационного образования. И какое-то собственное представление о том, как взаимодействуют образование и инновации, сложилось, но что должен делать конкретный преподаватель в конкретной ситуации? Как преподаватель иностранного языка на неязыковых специальностях должен изменить программу и, самое главное, подход к преподаванию иностранного языка?

А ведь есть еще ориентиры внутрипредметные, первым из них для филолога, несомненно, является Вильгельм фон Гумбольдт с его утверждением, что язык – не продукт деятельности, а сама деятельность и даже «язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [1. С. 25].

Преподавателям иностранного языка желательно с 2001 г. учитывать документ Совета Европы под названием «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка». Согласно этому документу целью нового языкового образования является не совершенное (на уровне носителей языка) знание особенностей фонетического, грамматического и лексического строя языка, а

умение строить коммуникацию с носителем другого языка (причем не обязательно того, что изучается в вузе), используя неязыковые единицы и реалии, умение использовать имеющиеся знания (любого иностранного языка) в своей профессиональной деятельности для достижения цели, которая, возможно, напрямую не связана с общением с иностранцем. Сегодня уже нельзя ограничивать учебный процесс простой передачей имеющихся у преподавателей знаний по грамматике, фонетике, лексике, а также по страноведению и культуре стран изучаемого языка, студентам нужно формировать такие навыки, которые помогут сориентироваться в иноязычной среде, получить информацию из окружающего мира, расширить кругозор. Выпускников надо готовить к общению с чужой культурой, а не со словами и буквами.

Итак, при создании новых программ, учебников, подходов нужно учитывать инновационную составляющую и требования Общевропейских компетенций. Хорошо, эта проблема не так страшна, если работаешь со студентами-философами или, например, историками. Но ведь с целью повышения конкурентоспособности, усиления предпринимательской направленности деятельности в вузах появились специальности, мягко скажем, «постнеклассические». Так, например, автор статьи имеет радость работать со студентами специальности «социально-культурный сервис и туризм», где преподает второй иностранный язык – немецкий. Студенты этой специальности не всегда мотивированы к изучению второго иностранного языка, не видят перспективы его применения в жизни вообще и в профессии в частности, крайне неохотно признают свою недостаточную компетентность в профессиональной – социально-культурной – сфере. Как, работая именно с этими студентами, можно генерировать проекты инновационного типа, консультировать работодателей и т.д., одновременно обучая студентов строить коммуникацию с носителями другого языка.

Размышления подобного рода привела автора статьи к созданию проекта, в котором была сделана попытка объединить новые веления времени с изучением второго иностранного языка, ну и, возможно, повысить мотивацию к изучению предмета. Проект «Неделя немецкого кино» осуществлялся студентом специальности «социально-культурный сервис и туризм», который в свободное от учебы время работал в малом кинотеатре «КиноКафе».

Студентом были поставлены следующие задачи: во-первых, выявить потенциал «страноведческих кинопоказов» с целью формирования

интереса к той или иной стране, с последующим желанием ее посетить (создание новой тенденции в критериях выбора страны для совершения путешествий); во-вторых, развить навыки будущего менеджера в сфере сервиса через организацию мероприятия в коммерческом заведении, не связанном с образованием. Со стороны преподавателя задачи были менее глобальны: во-первых, рефлексия на вышеозначенную тему, во-вторых, рекламная кампания преподавателя для младших курсов, которым предстоит выбрать второй иностранный язык из двух – французского и немецкого.

В рамках проекта планировался недельный показ фильмов немецких режиссеров, снятых в Германии и на немецком языке с русскими субтитрами. Уже на подготовительной стадии преподавателю пришлось устраниваться от организации, когда выяснилось, что представления о хорошем кино у студентов и преподавателей отличаются, поэтому афишу кинонедели составлял сам студент, привлекая различных экспертов, например сотрудников «Центра немецкой культуры им. Генриха Батца» (г. Абакан), членов клуба любителей авторского кино, своих сокурсников. Критериями отбора являлись: уникальный сценарий, яркие роли немецких актеров, оригинальная режиссура, нестандартность ракурса показа страны. В результате были отобраны картины, не представленные в широком прокате в России и даже не дублированные на русском языке.

Студент самостоятельно разработал рекламную кампанию, задействовав локальные СМИ – интернет-издания региона, телевидение, а также социальные сети. Информация была распространена по деканатам вузов г. Абакана, профсоюзным организациям студентов. Кстати, в результате общения с представителями профсоюзной организации крупнейшего вуза города была осуществлена идея по предоставлению студентам скидки на посещение всех показов.

В конце каждого сеанса проводился опрос посетителей, в том числе письменный, собирались отзывы в социальных сетях, по результатам студент написал статью, достаточно успешно выступил на студенческой конференции и продолжает работу в малом кинотеатре.

По его мнению, с поставленными задачами он справился: зрители отмечали «неожиданное» впечатление от просмотренных картин, от страны, у некоторых возникло желание узнать больше о режиссере, актере и т.д., что, по мнению исполнителя проекта, указывает на общее повышение уровня страноведческой культуры и должно привести к же-

ланию посетить Германию, а следовательно, создаст новую тенденцию на рынке туристических услуг. Финансово проект окупился, прибыли принес меньше, чем некоторые другие проекты, но не настолько, чтобы вызвать протесты со стороны руководителя кинотеатра.

Что касается руководителя проекта, автора данной статьи, то рекламная кампания предмета увенчалась успехом: если на курсе, где учится студент-исполнитель проекта, немецкий язык в качестве второго иностранного языка выбрали только 30 % студентов, то на следующем курсе таких студентов оказалось 100%, правда, самих студентов меньше в два раза. Но вот вопрос с инновационным образованием и языковыми компетенциями так просто не решается. Конечно, мотивация студентов к учебе и к иностранному языку была высока, вся группа просмотрела множество немецкоязычных фильмов, посещаемость занятий была близка к стопроцентной, участники утверждают, что проект действительно помог им выделить для себя ряд неявных особенностей Германии, бытовой культуры, все это поможет им в будущем расставлять акценты при общении с потенциальными клиентами. Были студенты, у которых интерес вызвал жаргон, данный языковой аспект практически не освещается на занятиях по иностранному языку. Тем не менее положительное влияние на развитие языковых компетенций весьма сомнительно. Скорее всего, для будущей профессиональной деятельности этот проект оказался более полезным, чем для овладения немецким языком. Приблизил ли нас этот проект к пониманию того, каким должно быть инновационное образование? Возможно. Ведь это была попытка сформировать у студента компетенции специалиста, на которого будет спрос у работодателя, который может генерировать идеи, одновременно думая об окупаемости этих идей, решать мелкие проблемы одной социальной группы (скидка для студентов) и думать о глобальном (медленно формировать новые тенденции на рынке). Да, возможно, так мы и должны работать. Если бы не одно «НО». Проект был реализован год назад, и я знаю, что случилось со студентом дальше. Он сдал досрочно сессию, уехал на полгода в Турцию работать гидом у одного туроператора. И ... теперь он не уверен, что ему нужно высшее образование, заработать он может и без высшего образования и, тем более, без знания иностранного языка. И слова о причастности к великой культурной традиции, называемой университетом, кажутся ему циничными и не имеющими смысла. Этот студент – цель инновационного образования? Теплится,

однако, еще надежда, что я не правильно поняла, как надо измениться в новых условиях, или же проект неправильный придумала.

Литература

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – С. 16–180.

2. *Общеввропейские* компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003.

3. *Стратегия* инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ № 2227-р от 08.12.2011).

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО ПОВОРОТА И СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
ibardashkin@mail.ru

Когнитивный поворот многое поменял в наших представлениях о знании и познании, а образование как феномен и как практика неразрывно связано с нашим пониманием познания. Традиционная модель образования базировалась на основе так называемой теории отражения, где человек (субъект) выступал в качестве своеобразного пассивного «зеркала», которое оказывалось способным отобразить окружающий мир более-менее точно. Допускалась возможность «искажений», но лишь по причине проявления человеком небрежности, невнимательности либо при желании что-то подстроить под свои представления о познаваемом предмете. Но главная сущность здесь заключается в том, что познание и его результаты должны минимизировать участие человека (субъекта). Сходным образом строилась и система образования: объективные знания об окружающем мире, дифференцированные по соответствующим предметам, представлялись специалистами учащимся. Основная задача учащегося – усвоить эти знания, основная задача преподавателя – передать эти знания учащимся, основная задача образования – организовать процесс передачи знаний от преподавателя к учащемуся для овладения ими. Учащийся должен был любыми способами усвоить необходимый объем знаний, чем и измерялось качество образования, его уровень (начальное, среднее, высшее). Предполагалось, что это знание позволит в жизни обрести определенный статус, поможет найти себя в обществе.

Познавательный процесс сегодня больше трактуется как конструктивный (от слова – конструкция), нежели как отражательный. Субъект не рассматривается как отдельное, обособленное от мира, начало, благодаря чему оно способно объективно отображать окружающую действительность. Познание – это процесс креативный, где главным становится устремление создать, сотворить определенный образ мира. Человек здесь пребывает в ситуации сотворчества, так как только взаи-

модействие с обществом, с миром создает почву для «конструирования» и позволяет в полном смысле что-то создавать.

Меняется и значение знания. Оно не только содержит в себе сведения о мире, о предметах и процессах, в нем происходящих. Знание становится конструктивной единицей, «паттерном» творческих усилий человека. «Знать» для человека – это не столько уметь в когнитивном виде отображать мир, сколько создавать новые образы, новые конструктивные измерения его демонстрации. Эту особенность наиболее четко подтверждает интенсивность появления новых знаний в современном мире. Если ранее для удвоения всего объема знания, которым обладало человечество, требовались столетия, в прошлом веке – десятилетия, то в наше время это может произойти за несколько лет. Соответственно, меняются и технологии получения, обработки и хранения знания, которые также влияют на способы работы с последними.

Когнитивный поворот выявляет, что в познании содержательный аспект знания становится не столь важным, как это представлялось в традиционной эпистемологии. Знание в процессе познания – это лишь некий материал, позволяющий человеку конструировать, чье предметное содержание не столь уж и важно. Как пишет Е.Н. Князева, характеризуя конструктивистские особенности современной эпистемологии, «с позиции конструктивизма не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта, знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Знания не должны находиться в соответствии с онтологической реальностью, но они должны встраиваться в общую структуру опыта, подходить к ней» [1. С. 247].

Субъект получает инициативу в познавательном процессе, пребывает во взаимодействии с обществом, миром, но сегодня эти факторы не столько ограничивают его когнитивные интенции, сколько «обогащают» их.

Образование становится ключевым фактором развития современного общества, где человек не просто получает образование, но постоянно пребывает в этом процессе. Он должен обязательно уметь не только читать, писать и считать, но и пользоваться персональным компьютером как стержневым средством информационных технологий, применять достижения последних в своей деятельности. Ведь именно эти умения могут позволить ему, не обладая нужными знаниями в той или иной сфере, их оперативно получить.

При инновации как способе социального развития цель образования может автором быть определена как формирование самостоятельного образа (картины) мира и поддержание его адекватного состояния для человека в условиях меняющейся действительности. Важнейшим моментом образовательного процесса, связанного с аспектом поддержания сформированного образа мира в состоянии корреляции с динамикой знаний и информации, является управление этим образом.

Управление образом представляет собой главную цель и содержания образования в его нетрадиционном понимании. Именно ракурс управления соответствует той динамике развития, которую задает миру процесс трансформации знания в информацию (или, как принято сегодня говорить, процесс формирования информационного общества). В наше время мало просто сформулировать собственный когнитивный образ мира, намного важнее его постоянно корректировать, что невозможно без функции управления. Особенно четко демонстрирует эту необходимость морфологический анализ слова «управление», где корнем является «прав», происходящее от глагола «править». Управлять, таким образом, значит «руководить, направлять чье-нибудь движение, совершать, исполнять, исправлять ошибки в чем-нибудь, отделять, придавать нужный вид» [2]. Управление образом предполагает постоянно внесение правок (изменений) в его содержание, поддержание себя в ситуации готовности эти правки внести. Если для традиционной формы образования управление образом означало поддержание соответствия правильной (от корня «прав», но в значении истинной, соответствующей действительности) картине мира, воспроизводство ее в своем сознании, то для нетрадиционного образования управление образом предполагает готовность создания самостоятельного образа, что невозможно без коррекции, придания нужного вида и т.д. имеющемуся опыту и знаниям, без направления их в нужном русле. Иными словами, управление образом – это и есть управление знаниями и опытом, которое представляет собой не просто подготовительный период в жизни человека, а основную ее стратегическую линию.

Следует сразу же уточнить, что традиционные механизмы образовательной деятельности никуда бесследно не исчезают. Управление образом (знаниями и опытом) невозможно по сути, если в основе не будет использоваться прием и передача опыта. Просто данный механизм сегодня перестает рассматриваться как основной для образовательной деятельности. Точнее, на базе традиционной формы образования будет

строиться начальный уровень образования, отчасти средний. Но высшее образование ориентировано сегодня на нетрадиционные механизмы своего осуществления, где главная цель – умение управлять знаниями и опытом, поскольку именно данный уровень образования связан с подготовкой специалистов, которым предстоит работать в условиях когнитивного поворота и формирующегося информационного общества.

В Российской Федерации сегодня приняты к практическому внедрению новые Федеральные государственные образовательные стандарты нового (третьего) поколения. В качестве основной цели образования представлено формирование профессиональных и общекультурных компетенций у бакалавров и магистров (будущих выпускников вузов). «Знаниевая» компонента (содержательный аспект) рассматривается не как главная цель, а как одно из важнейших средств ее достижения. Это вполне соответствует «духу» тех трансформаций, которые образование испытывает как социальный и когнитивный институты в процессе перехода к стадии информационного общества. Другое дело, что переход к новым стандартам не снимает вопроса о необходимости осуществления его на практике, оставляет открытой эту проблему: как преподаватели и учащиеся, изначально привыкшие работать по традиционной схеме, смогут перестроиться на такой способ взаимодействия, где передача и усвоение знаний будут заменены формированием навыков по управлению ими. Понятно, что такой переход предполагает настоящий переворот в сознании и поведении участников образовательного процесса.

По мнению автора, чтобы данный переворот состоялся, первый шаг должны сделать преподаватели. По нескольким причинам. Во-первых, преподаватель яснее представляет необходимость перестройки образовательного процесса. Он как специалист, изначально владеющий большим объемом знаний, нежели учащийся, а priori понимает, насколько сложно научиться использовать это знание на практике. Во-вторых, лучше всего усваивается личный пример, он нагляднее, достовернее, чем многочисленные разговоры о том, как следует лучше организовывать образовательный процесс. В-третьих, при овладении способностью управления знаниями (образом) важнейшим условием выступает собственная инициатива, заставить проявлять которую саму по себе извне сложно, практически невозможно.

Управление знаниями (образом) возможно как образовательная стратегия исключительно посредством проявления активных инициатив учащихся. Наверное, никто не будет спорить, что активизация

инициативности студентов, а это предполагает наделение их свободой самоорганизации образовательного процесса, действительно улучшит качество подготовки. Сложность здесь заключается в том, что нет однозначного ответа на вопрос: как это сделать. Поэтому идея активизации позиции преподавателей в этом процессе представляется не очевидным, но вполне осуществимым шагом. Имея перед собой пример индивидуальной креативной активности, учащийся будет ориентироваться также и на проявление собственных эвристических качеств, что, несомненно, повысит качество получаемого им образования, поскольку будет поощрять самостоятельные, а следовательно, нетривиальные поступки.

Человек, умеющий выстраивать свою образовательную траекторию, обязательно окажется способным выстроить и свою жизненную траекторию, тем более что в информационном обществе эти траектории совпадают. Поэтому собственный образ мира, картина будущего, которую учащийся формирует в сознании, более понятны и достижимы, если человек понимает, что именно он их «хозяин».

Тем самым можно констатировать, что когнитивный поворот делает главной целью образования (в первую очередь высшего образования) формирование способности управления знаниями (образом мира), которые человек как заимствует из опыта, так и порождает, конструирует. Управление знаниями в качестве стратегии образования возможно исключительно как самостоятельный проект учащегося, как его инициатива по формированию собственного образа мира. В противном случае говорить о выработке способности по управлению знаниями не приходится. Именно свобода определения степени самостоятельной инициативности учащегося в образовательном процессе выступает специфической чертой последнего в условиях когнитивного поворота и становления общества знания.

Литература

1. *Князева Е.А.* Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии // Когнитивный подход / отв. редактор академик РАН В. А. Лекторский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 227 – 271.

2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка (онлайн-версия) [Электронный ресурс]. – М., 2012. Электрон. дан. URL: <http://classes.ru/all-russian-dictionary-Ozhegov-term-25803.htm>.

ВЛИЯНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

А.А. Агрошкина

Сибирский государственный индустриальный университет, г. Новокузнецк
atro82@mail.ru

В настоящее время многие отечественные образовательные учреждения участвуют в разработке современных инструментов управления образовательным процессом с целью повышения его эффективности путем информатизации педагогической и организационной деятельности вуза. Для успешного функционирования инновационного вуза необходима *единая* концепция создания рабочей модели информационно-образовательной среды в соответствии с неким стандартом, учитывающая национальный и региональный компоненты в данной системе и международный опыт.

В силу того, что электронное обучение способствует эволюции общества в образовательной и технологической сферах, данный процесс необходимо рассмотреть с двух сторон.

Образовательные предпосылки внедрения e-learning в систему высшего профессионального образования

Электронное обучение характеризуется персонализацией учебного процесса, в основе которого лежит когнитивная методика обучения, позволяющая управлять мыслительными процессами обучаемого за счет приобретения им нового знания, используя полученный ранее опыт. Кроме того, такое обучение – это активный, конструктивный процесс, подразумевающий не только целенаправленную работу с информацией, но и связанный с поиском понимания обучающимися смыслов, решения проблем, создания артефактов или продуктов их обучения. Обязательным условием персонализированного e-learning служит наличие способности обучающихся к взаимодействию при выполнении общего задания в группах, но при этом важно принимать во внимание их отдельные характеристики такие, как уровень подготовленности, имеющиеся компетенции, схожие цели, а также демографические факторы. В связи с этим наблюдается спецификация форм и дифференциация подходов в процессе обучения каждой отдельной учебной группы. В данном случае когнитивное профессиональное обучение имеет целью сосредоточение на познавательных навыках обучающихся для обеспечения достаточным набором компетенций, удовлетворяющим их профессиональную

сферу интересов. При этом студенты могут изучить целый ряд моделей решения той или иной задачи, предложенных высококвалифицированными специалистами, чтобы создать собственную когнитивную модель изучения предметной области. С помощью выработанных самостоятельно необходимых методов и приемов студент может добиться самых высоких результатов в своей учебной деятельности. Если же у него в определенный момент возникают трудности с реализацией своей деятельности, то он может получить консультацию от педагога/специалиста. Оказывая помощь студенту в поиске ошибки, преподаватель дает ему возможность повторить несколько раз какую-либо из операций в ходе решения одной и той же задачи по различным сценариям, тем самым автоматизировать его навыки. Таким образом, преподаватель со своей собственной системой представления знаний студентам является путеводителем сегодня, который стимулирует их познавательную деятельность и способствует принятию ответственности за свой конечный результат образовательной деятельности.

Технологические предпосылки внедрения e-learning в систему высшего профессионального образования

Наиболее перспективным технологическим подходом к реализации концепции персонализированного обучения является применение информационно-образовательных сред, поскольку они способны автоматически, динамично и постоянно «приспосабливаться» к собственно образовательной среде, включающей в себя характеристики обучающихся, типы транслируемого материала и др.

В 1982 году зарубежные ученые Слимен и Браун вводят понятие *интеллектуально-образовательные системы* [3. Р. 28], которые должны быть компьютеризированы, содержать в себе как саму задачу, так и способы ее решения, обеспечены независимыми консультантами, и обучение должно проводиться в лабораторных условиях. Данные системы основываются на нескольких функциональных модулях:

1. *Модуль «модель студента»*: он хранит в себе информацию о каждом студенте, позволяющую организовать учебный материал с учетом индивидуальных его особенностей и потребностей для достижения наибольшей эффективности в учебном процессе и доступную в полном объеме преподавателю.

2. *Модуль «модель предметной области»*: его суть заключается в анализе студентом экспертных систем, то есть в его способности пред-

ложить несколько правильных множеств решений проблемы помимо уже имеющихся.

3. *Модуль «модель обучения»*: строится на основе дидактического и диагностического обеспечения модуля.

4. *Модуль «модель интерфейса»*: для эффективной реализации познавательного обучения была разработана методология *Exploration Space Control*, позволяющая ограничить образовательное пространство для предоставления возможности контролировать когнитивную нагрузку студента исходя из уровня его понимания, накопленного опыта, способностей, подготовленности в случае его столкновения с определенными трудностями в процессе познания, поэтому так необходимо сузить круг доступных средств, предназначенных для изучения того или иного явления, предоставляемых в пользовательском интерфейсе.

Описанные модули, в свою очередь, требуют внедрения адаптивных методов обучения в компьютерных системах для поддержания наиболее продуктивного взаимодействия пользователя с системой, но при этом само содержание обучения не должно подвергаться трансформации.

Адаптивная обучающая гипермедиа строится на трех принципиальных вопросах: какие аспекты работы студента с системой гипермедиа нужно учитывать для обеспечения адаптационной функции; что должно быть адаптировано в системе; какие методы и приемы применимы в адаптационном процессе.

Данные вопросы разрешаются путем введения в систему упрощенной модели стереотипа студента, содержимого страниц гипермедиа, а также ссылок, включенных в каждую страницу, сокрытием от студента некоторых информационных блоков по определенной теме, которые на данном этапе не соответствуют уровню имеющихся у студентов знаний и т.д.

И все же в условиях информатизации образовательного пространства роль преподавателя исключать нельзя, он является для студента неким «навигатором», задающим ориентиры в информационном потоке гипермедиа, находясь как бы на периферии учебного процесса и одновременно способствуя профессиональному саморазвитию студента. Только сегодня в качестве педагога выступают интеллектуальные педагогические агенты в информационно-образовательной среде, представляющие собой личных помощников, руководство пользователя, альтернативные системы помощи, динамические системы распределенных архитектур и пр. Причем взаимодействие агентов и обучающихся должно

происходить на постоянной основе, исключая автономность. Анимированные педагогические агенты за счет аудиовизуальных и кинестетических средств более точно моделируют различные виды диалогов со студентами, которые, несомненно, носят обучающий характер. Кроме того, наличие обратной связи в ходе подобного обучения играет важную роль в повышении мотивации у студентов в освоении дисциплины, поскольку они чувствуют личную и эмоциональную связь с предметом, наставником и сверстниками.

Таким образом, технологическое развитие общества определило e-learning как неотъемлемую часть процесса обучения, но при этом должное внимание необходимо уделять вопросам его унификации и стандартизации, поскольку лишь стандартизированные единые информационно-образовательные среды, построенные на базе обобщений, достигнутых результатов и опыта применения новых информационных технологий в образовательном процессе, способны обеспечить целостность и фундаментальность системы по подготовке специалистов. За последние несколько лет было сделано немало усилий по разработке стандартов e-learning в международном образовательном поле (страны Западной Европы и США), таких как IEEE LTSC (Learning Technologies Standards Committee, <http://ltsc.ieee.org>), IMS (Instructional Management Systems) Global Learning Consortium Inc (<http://www.imspj.org>), European CEN/ISSS Learning Technologies Workshop (<http://www.cenorm.be/iss/Workshop/lt>) и US ADLnet (Advanced Distributed Learning Network, <http://www.adlnet.org>). Тем не менее анализ указанных версий стандартов показал, что они преследуют цель преимущественно обмена информацией, не поддерживая персонализацию среды обучения.

В частности, за счет IEEE (Learning Object Meta-Data) LOM возможно получить общее описание объектов изучения, посредством IMS Learner Information Profile (LIP) – характеристики обучающегося в общем формате, с помощью IMS Content Packaging (CP) – пакеты учебных материалов. Рассмотрев данные вариации стандартов электронного обучения, можно заключить, что они содержат самые обобщенные понятия и элементы. Система e-learning в этом случае представляет всем обучающимся одинаковый информационный контент, вследствие чего отсутствует характеристика его персонализации.

В этой связи попытки зарубежных экспертов расширить возможности существующих стандартов, которые бы включали в себя унифицированные требования по предъявлению обучающего контента, рассчитан-

ного на определенные категории обучающихся, воплотились в европейском проекте KOD «Knowledge on Demand» («Знание по требованию») [3. Р. 35]. Его специфика заключается в создании формата знаниевого контента, содержащего в себе несколько адаптационных звеньев, позволяющих определить, какая часть учебного материала может быть отобрана для той или иной категории обучающихся в процессе обучения. Электронная система обучения в формате KOD может импортировать обучающий контент, разбивать его на блоки, интерпретировать правила, заключенные в него, представлять разнообразные пути к получению знаний в соответствии с индивидуальными особенностями студентов, а также благодаря наличию адаптационных звеньев в KOD адаптированное содержание обучения выводится в едином формате, может достаточно просто заменяться и использоваться обучающимися многократно, что делает информационно-образовательную среду персонализированной и доступной в любое время по запросу студента.

Существует еще одна проблема в сфере стандартизации электронного учебного материала, а точнее – в нахождении наиболее эффективного способа просматривания или поиска объектов изучения согласно индивидуальным предпочтениям обучающегося. Так называемая система Web-course search engine [3. Р. 36] стала ответом на вопрос, как из огромного потока информации найти и выбрать то, что требуется студенту. Система использует спецификацию метаданных для записи или расстановки в алфавитном порядке различных учебных объектов, а также позволяет поисковикам и ресурсам “общаться” между собой. Благодаря спецификации метаданных система отбирает точную информацию об образовательных ресурсах, предоставляет соответствующие параметры для поиска и выводит оценочные результаты, тем самым удовлетворяя индивидуальные образовательные потребности каждого студента.

Рассмотренные спецификации существующих стандартов электронного обучения, несомненно, способствуют реализации принципов дифференциации, деятельностного и личностно-ориентированного подходов к обучению, учитывающих интересы развития личности, активацию новых форм познавательной деятельности обучающихся и формирование механизмов гарантий качества в ходе e-learning.

Литература

1. Рубин Ю. E-learning в России: от хаоса к глубокому укоренению // Высшее образование в России. – 2006. – № 3. – С. 16–23.

2. *Alexandros Paramythis, Sussane Loidl-Reisinger Adaptive Learning Environments and e-Learning Standards // Electronic Journal on e-Learning. – February 2004. – Vol. 2, Issue 1, P. 181–194.*

3. *Demetrios Sampson, Charalampos Karagiannidis Personalised Learning: Educational, Technological and Standardisation Perspective // Interactive Educational Multimedia. – April 2002. – No. 4, P. 24–39.*

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ КУРАТОРОВ ВУЗОВ

Г.В. Вишина

Воронежский государственный технический университет

И.А. Ашмаров

Воронежский государственный технический университет

dobrinka75@mail.ru

Проблемы воспитания, развития, инкультурации и социализации студентов очной формы обучения в современном вузе, в том числе в техническом вузе, являются совсем мало исследованными и мало обсуждаемыми, хотя их практическое значение столь велико и многофункционально, что они требуют самого срочного и самого пристального внимания, изучения и обсуждения.

С проблемой воспитания студентов оказывается тесно связанной другая проблема – эффективной работы кураторов на первых курсах. Образовательный процесс и учебные обязанности студентов, связанные с качеством самостоятельной работы, с посещением лекций, семинаров, практических занятий, с выполнением лабораторных работ, с подготовкой и защитой курсовых работ, преобразуются в содержательную, интересную, перспективную активную деятельность. У студентов 3–4-го курсов формируется новое отношение к учёбе в вузе, которое наполнено интересом к будущей профессии, в это время происходит развитие творческих и научно-исследовательских интересов.

Анализ данной ситуации раскрывает сразу несколько реальных проблем студентов 1–2-го курсов. Во-первых, они физически ещё не выросли и не окрепли. Им бы ещё пару лет доучиться в средней школе, как в Германии и других странах мира, где обучение после 9-го класса называется лицеем, обучение в котором государство рассматривает как подготовку к высшей школе. Юноши и девушки, которых отправили в школу в шесть лет, на третьем курсе наконец-то в состоянии включиться в учебный процесс с его сложным расписанием, с огромным объёмом самостоятельной работы во внеаудиторных условиях. Безусловно, что успешные студенты имеются и на первом, и на втором курсах. Во-вторых, интеллектуальные способности человека «созревают», оконча-

тельно формируются, согласно основным таинственным психологическим законам, несколько позже, чем по достижении возраста выпускника 11-го класса при получении так называемого аттестата зрелости.

Но те педагоги, которые открывали зачётные книжки студентов в 5-м семестре, оценивая их знания, умения и навыки, а также уровень овладения профессиональными компетенциями после осеннего семестра 3-го курса, постоянно задают студентам и себе один и тот же вопрос: «Как тебя угораздило получить столько троек в предыдущие годы?». Студенты пожимают плечами, дескать: «Педагоги придирались...». Вот – достаточно типичная ситуация, которая происходит с большинством студентов, перешедших на 3-й курс после нескольких лет обучения. А что же с теми, кто не выдержал испытаний на первых четырёх сессиях? Где учатся эти студенты? Или служат в армии? Или ищут работу, пережив своё первое крушение в жизни, так и не поняв, почему одни там учатся, а им там (то есть в вузе) не повезло? А как себя «чувствует» вуз, из которого за определенный период времени отчислено определенное количество студентов очной формы обучения?

Вуз, будучи общественным институтом, никак не проявляет своих чувств и вовсе не смущается тем фактом, что студенты, отчисленные в нём за неуспеваемость, весьма успешно доучиваются и получают дипломы в других вузах, становятся специалистами и профессионалами своего дела и даже руководителями своих ранее более успешных сокурсников. Конечно, кто-то никогда больше в вуз не вернётся. Но хорошо ли это?

На наш взгляд, просто необходимо соотносить естественные фазы развития ментального опыта учеников и студентов с этапами профессиональной педагогической деятельности. Последовательные характеристики динамических компонентов ментального опыта помогут соотнести уровень интеллектуального и духовного развития обучаемых с уровнем педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава вуза. С учётом данного фактора вполне возможно, что отчисленные из вуза студенты не были бы отчислены и смогли бы стать самими творческими профессионалами, успешно окончить магистратуру или аспирантуру, развивать науку и технику на благо себе и обществу.

В целом, большинство проблем успешного вузовского обучения связано с особенностями семейного воспитания. Семейные традиции и институты могут быть как самыми перспективными, так и подвергаться

деформациям из-за социальных, социально-экономических, семейно-нравственных и др. проблем.

Институт кураторов в вузе призван выполнять возложенные на него учебно-воспитательные функции, причём независимо от внешних влияний. В структуре деятельности кураторов важнейшую роль играет так называемый личностный фактор, состоящий из педагогических установок куратора, его личной ответственности перед учебным коллективом и руководством выпускающей кафедры, педагогической готовности выполнить работу (функции) куратора.

Важнейшей частью личностного фактора куратора является его личный педагогический опыт, т. е. те педагогические примеры, которые куратор накопил и приобрёл за годы обучения в вузе в его учебной группе. Это могут быть примеры того, как в годы обучения в вузе в его группе работал куратор, как проводились «часы куратора», были ли групповые мероприятия и экскурсии в учебной группе, встречи с интересными людьми, «нашими современниками» или с выпускниками кафедры, факультета, вуза.

В структуре работы куратора студенческой группы должны быть отражены личные интересы и увлечения, эрудиция и степень социальной активности вузовского педагога. Кураторы студенческих групп должны принимать активное участие или присутствовать на методологических семинарах или научно-методических конференциях, посвящённых педагогике, в том числе работе кураторов в учебных группах, особенно на первых курсах обучения студентов.

Зачастую кураторы формально относятся к своим должностным обязанностям и мало чем помогают студентам в акклиматизации к вузовской среде, редко встречаются и видятся со своими студентами, их родителями. Подобный формализм в работе института кураторов (по сути, воспитателей) оборачивается для эффективных и неэффективных студентов по-разному. Эффективные студенты сами, в конце концов, осваиваются в чужой для них институциональной среде вуза, повышают свою самостоятельность в процессе обучения и налаживают контакт с профессорско-преподавательским составом. Что касается неэффективных студентов, то они либо прибегают к посторонней помощи в процессе обучения, в том числе решают свои учебные проблемы при помощи денежных средств, либо подлежат отчислению вследствие собственной неуспеваемости и наличия академической задолженности, с которой они попросту не знают, что им делать. Любой человек, студент,

обучающийся в вузе, может и должен расширять не только сферу своих личных способностей, но и сферу своих профессиональных возможностей, опираясь на уже развитые качества и свойства своей личности и развивая ещё не развитые. Профессиональную помощь в этом студентам может и должен оказывать куратор.

Основываясь на данных анкетирования студентов, проведенного в Воронежском государственном техническом университете и посвящённого выявлению наиболее важных функций кураторов студенческих групп, можно сделать следующие выводы. Наибольшее значение для самих студентов имеют именно те функции кураторов, которые напрямую связаны, во-первых, с результативностью процесса обучения и, во-вторых, с развитием личности студентов и их личностным ростом. Итак, куратор вуза: 1) раскрывает значение всех учебных дисциплин 1-го курса для дальнейшей учёбы и профессионального становления студентов; 2) разъясняет причины возникающих у студентов трудностей; 3) помогает в преодолении возникающих у студентов трудностей; 4) разъясняет вузовские функции студентов; 5) способствует организации академической группы как влиятельного коллектива; 6) создаёт атмосферу взаимного уважения среди студентов; 7) осуществляет индивидуальный подход к студентам; 8) развивает интересы студентов; 9) способствует организации досуга студентов; 10) осуществляет преемственность между вузом и средней школой.

Таким образом, функции куратора по степени их важности для самих студентов распределились в следующем порядке. Как следует из анкетирования, т. е. по мнению самих же студентов, наибольшее значение имеют следующие три функции куратора: 1) куратор помогает в преодолении возникающих у студентов трудностей; 2) куратор разъясняет причины возникающих у студентов трудностей; 3) куратор создаёт атмосферу взаимного уважения среди студентов. Как видно, наибольшую значимость имеют лично ориентированные функции куратора студенческих групп, которые связаны с разрешением возникающих у студентов проблем с обучением и в результате только усиливают влияние личностных качеств студентов в процессе обучения на его результативность. Большое значение также имеет атмосфера взаимного уважения и доверия в учебном коллективе.

Последние места заняли такие функции куратора, которые имеют самый общий характер, например: «способствует организации академической группы как влиятельного коллектива» либо «осуществляет

преемственность между вузом и средней школой». Эти функции не имеют личностного ориентирования и не представляют большой ценности для развития личности студентов и их личностного роста, а также и для учёбы студентов. Некое среднее промежуточное положение между наиболее важными и неважными функциями занимают такие функции куратора, как «осуществляет индивидуальный подход к студентам», «развивает интересы студентов», «способствует организации досуга студентов». Очевидно, что с этими задачами студенты смогут справиться и без помощи куратора, например организовать свой досуг, т. е. провести свободное время или позаниматься тем, что им и самим интересно. Поэтому наибольшее значение куратора в вузе заключается в функции оказания студентам помощи в учёбе и преодолении возникающих здесь трудностей, а также разъяснении причин, по которым эти трудности могут возникать.

Отсюда следует, что добросовестное выполнение куратором своих должностных функций и учёт личностных качеств студентов, оказание помощи в развитии и саморазвитии личности студента являются основными средствами повышения результативности процесса обучения в современном вузе.

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СФЕРА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЫ

В.Е. Буденкова

Томский государственный университет
soler@front.ru

Е.Н. Савельева

Томский государственный университет
limi77@inbox.ru

В данной статье мы намерены обсудить проблему развития гуманитарного и, в частности, культурологического знания в современном вузе. Поводом для этого стала ситуация, складывающаяся вокруг гуманитарных дисциплин в российском высшем образовании. Если еще 10–15 лет назад гуманитаризация и гуманизация образования рассматривались как основополагающие принципы совершенствования и развития образовательной системы и выступали в качестве ведущих тенденций образовательной политики, то сегодня ситуация изменилась и, увы, не в лучшую сторону. Как это часто бывает, из идеи, востребованной временем, гуманитаризация превратилась в «модное веяние», а потом постепенно стала сходить на нет. И дело здесь не в том, что все задачи,

связанные с гуманизацией и гуманитаризацией, решены или успешно решаются. Причины снижения интереса (теоретического и практического) к указанной проблеме – очередная смена приоритетов на фоне отсутствия внятной образовательной стратегии. Сегодня, по нашему мнению, уместно говорить о доминировании в российском образовании противоположной тенденции – дегуманитаризации. И хотя официально подобные изменения нигде не декларировались, образовательная политика последних лет свидетельствует об этом весьма красноречиво. Происходит уменьшение часов на литературу в старших классах общеобразовательных школ, сокращаются бюджетные места на первых курсах гуманитарных специальностей и направлений, уменьшается объем гуманитарных дисциплин в вузах на непрофильных факультетах и т. д. Однако мы полагаем, что крайне опасно игнорировать роль гуманитарной подготовки в современных условиях глобализирующегося мира.

В наши задачи (в рамках данной статьи) не входит анализ феномена глобализации, выявление его позитивных и негативных сторон и следствий. Заметим только, что в исследовательской литературе, посвященной глобализационным процессам, преобладает подход, ориентированный на экономические и политические аспекты глобализации. Что касается культурных проблем глобализации, то в фокусе внимания исследователей оказываются в основном вопросы сохранения национальной и культурной идентичности, локализация и регионализация, новые формы идентификации. Безусловно, все перечисленные проблемы жизненно важны для человечества, и от их решения зависит будущее цивилизации. Но в силу специфики предмета обсуждение этих проблем редко выходит за рамки анализа общих понятий и «абстрактных» сущностей. Вопросы, связанные с влиянием глобализации на человека, способами адаптации личности к динамично меняющейся реальности, изменением его потребностей и системы ценностей, разработкой сценариев поведения и деятельности, способствующих гармоничному существованию индивида и его самореализации в новых социокультурных условиях остаются вне поля зрения исследователей. Между тем глобализация предъявляет вполне конкретные требования к человеку и обществу, а значит, и к системе образования как институту, обеспечивающему социализацию и инкультурацию личности. Степень ответственности, которая ложится сегодня на систему высшего образования, определяется необходимостью формирования новой гуманитарной парадигмы, интегрирующей знания и опыт различных дисциплин в осмыслении реалий

глобального мира и призванной не только объяснять происходящие в мировой системе изменения, но и определять мировоззрение человека XXI века. В свете этого целью наших рассуждений становится акцент на роли гуманитарной подготовки, позволяющей выстраивать выпускникам адекватные поведенческие и профессиональные стратегии своей жизнедеятельности.

Известно, что концептуализация культурных составляющих гомогенизации мира возможна прежде всего в рамках гуманитарного дискурса. При технологическом и экономико-ориентированном подходе к анализу глобализационных процессов они остаются «в тени». Именно гуманитарное знание играет роль теоретико-методологического базиса в исследовании таких «эффектов» глобализации, как унификация социокультурного развития, обострение тенденций локализации национально-культурной идентичности, напряжение в национальных взаимоотношениях, непродуктивность коммуникаций. Игнорирование подобных проблем существенно сужает круг поисков эффективных механизмов межкультурного диалога. Пути же их решения могут быть намечены благодаря мировоззренческим установкам, отвечающим вызовам современного мира. Так, к примеру, среди «эффектов» глобализации отмечается, с одной стороны, повышение обоюдной зависимости и взаимного влияния государств; с другой стороны, локализация и стремление к сохранению культурной идентичности любой ценой. В этих условиях особое значение приобретает способность культур к диалогу. Поскольку динамику и характер развития коммуникативного «поведения» культуры определяет ее субъект, постольку стабильность и равновесие глобального мира обуславливают мировоззренческие установки современного человека. Нынешняя же социополитическая действительность, несмотря на усилия властей различных стран и регионов, демонстрирует обострение межнациональных конфликтов. Такое положение, как было указано выше, актуализирует необходимость новой гуманитарной парадигмы, формирующей «человека эпохи глобализации», кардинальная меняющего систему межкультурных взаимоотношений. Речь идет о новом типе личности, способной адаптироваться к быстро меняющимся условиям, максимально восприимчивой к расширению информационной среды и, что особенно важно, умеющей выстраивать отношения на принципах уважения, открытости, толерантности, готовой к диалогу, ориентированной на продуктивный диалог между странами и социумами. Отсутствие подобной концепции, а также недостаток внимания

к анализу тех качеств, которые характеризуют глобальное мышление, снижает эффективность взаимоотношений между культурами.

К числу таких важнейших качеств, способствующих созданию благоприятных условий для диалога культур в эпоху объективной интеграции человечества, мы относим коммуникативную компетентность и толерантность.

Указанные принципы новой гуманитарной парадигмы имеют непосредственное отношение к новационным образовательным стратегиям, формирующим человека третьего тысячелетия. Образование, будучи сферой, формирующей систему ценностей индивида и его мировоззрение, является важным фактором, способствующим повышению коммуникативного потенциала культуры. Как коммуникативная компетентность (предполагающая понимание природы коммуникативного «поведения» культур на основе изучения культурно-исторических эпох, национальных культур, стран и регионов), так и толерантность (обеспечивающая поддержку и развитие коммуникативного потенциала культуры на основе признания ценности уникального) формируются в системе образования, включающей гуманитарную компоненту.

Вместе с тем не все российские вузы, совершенствующие образовательные программы, принимают во внимание опасность дегуманитаризации, хотя современная российская образовательная система, стремясь оперативно реагировать на изменения социально-экономической реальности, берет курс на обновление и модернизацию теории и практики университетского образования. Так, в ряду тех, кто осознает значимость гуманитарной компоненты в образовании и создает комфортные условия для ее развития, – университеты Томска.

Следует отметить, что Томская область представляет собой уникальный регион как в плане активной поддержки властью проектов экономической и социально-культурной модернизации, в ряду которых развитие инновационных университетов и научно-образовательных комплексов, так и с точки зрения доступности образования [1]. Особая роль в создании и реализации инновационных образовательных стратегий принадлежит Национальному исследовательскому Томскому государственному университету. Перед его выпускниками открываются широкие перспективы благодаря сочетанию принципов классического университетского образования с современными подходами и технологиями. В ряду таких технологий можно рассматривать разработанную и внедренную преподавателями института искусств и культуры ТГУ

в 2008 году инновационно-образовательную программу «Формирование профессиональных, личностных и общекультурных компетенций средствами культурологических дисциплин – студент XXI века» [2]. Ее реализация демонстрирует готовность университета решать сложные социально значимые задачи, в том числе посредством поддержки гуманитарных дисциплин и развития культурологического знания.

Дисциплины, читаемые в рамках курса «Культурология» для студентов разных факультетов, в своей совокупности сориентированы на формирование и развитие следующих способностей и навыков: взаимодействие со специалистами неродственных областей, освоение культурного наследия человечества, адаптивность к контекстам, нормам и ценностям культур (региональных, национальных, локальных), готовность к межконфессиональному и межкультурному диалогу. В своей совокупности данные способности становятся благоприятной базой для воспитания толерантности и коммуникативной компетентности выпускников. Междисциплинарная, комплексная и компетентностная методологическая основа программы обуславливает ее эффективность и практическую результативность применения знаний в мультикультурном пространстве современного мира.

Подводя итоги, можно утверждать, что высшая школа должна взять на себя ответственность не только за профессиональную подготовку выпускников, но и за формирование «человека эпохи глобализации», раскрывающего свой творческий, личностный, гуманистический потенциал во всех видах деятельности. От того, насколько успешно будет решаться данная задача, зависят и судьбы отдельных стран и регионов и будущее всего человечества.

Литература

1. Буденкова В.Е., Зайцева Т.А., Савельева Е.Н. Коммуникативный потенциал региональных культур: опыт анализа и развития // Вестник ТГУ. – 2011. – № 346. – С. 40–45.
2. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Инновационно-образовательная программа «Формирование профессиональных, личностных и общекультурных компетенций средствами культурологических дисциплин – студент 21 века» как опыт реализации междисциплинарного подхода в учебном процессе в классическом университете // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – Томск, 2008. – №3 (4). – С. 123–128.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИННОВАЦИЙ В ОБРАЗОВАНИИ

С.В. Бурмага

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

bursvi@mail.ru

Актуальность исследования проблем отчуждения как следствия новых информационных технологий в глобальном мире детерминирована целым комплексом причин, главная из которых связана с системой образования. Исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что одной из наиболее важных тенденций развития современного общества является информатизация общества, приобретающая в последние годы глобальный характер. Использование информационных технологий в образовательном процессе является одним из стратегически важных направлений развития цивилизации, результаты которого мы уже повсеместно видим сегодня и которое во многом будет определять облик уже формирующейся новой цивилизации – глобального информационного общества.

Еще в конце 80-х годов XX века профессор А.И. Ракитов указал на стратегическую социальную значимость процесса информатизации общества, который он назвал *социотехнологической революцией* [1]. И с этим определением трудно не согласиться. Ведь те изменения, которые мы наблюдаем уже сегодня во многих сферах жизнедеятельности общества, столь глубоки и социально значимы, что действительно являются революционными. Что же касается ожидаемых в дальнейшем экономических, социальных и культурологических последствий процесса информатизации общества, то они также представляются весьма впечатляющими.

Так почему же и в этом обществе, по мнению А.Д. Урсула, процесс информатизации сохранит свою стратегическую значимость в развитии цивилизации? Ответ здесь состоит в том, что информатизация является мощным катализатором многих других процессов развития общества, в том числе создания и внедрения инноваций, новых социальных и энергетических технологий, а также науки, образования и культуры [2]. Именно это фундаментальное свойство процесса информатизации общества и обуславливает его особую роль в процессах цивилизационного развития, выдвигает его на первый план в области национальной и международной политики современного мира.

Информатизацию общества сегодня следует квалифицировать как глобальный процесс общецивилизационного значения, который будет одной из доминант развития цивилизации в течение достаточно длительного времени, по крайней мере, в течение всего XXI века. Многие результаты глобализации экономики, промышленного производства и развития международных финансовых механизмов были бы просто невозможны без современных информационных технологий и глобальных телекоммуникационных сетей, которые сегодня используются во многих странах мирового сообщества. С другой стороны, процесс глобализации экономических связей и формирование транснациональных промышленных корпораций (ТНК), в свою очередь, содействует распространению новых средств информатики и информационных технологий в различных странах.

Можно привести множество примеров иллюстрации результатов взаимодействия процессов глобализации и информатизации общества в современном мире, который становится все более взаимосвязанным как с экономической, так и с информационной точки зрения.

Происходящий на наших глазах лавинообразный процесс глобальной информатизации общества коренным образом изменяет привычный уклад жизни и профессиональной деятельности миллионов людей практически во всех странах мира. Эти изменения столь глубоки и значительны, а их последствия столь судьбоносны, что настоящий период развития цивилизации с полным основанием можно квалифицировать как *глобальную информационную революцию* [3, 4]. Информационные революции в истории человечества происходили и ранее. Однако та, которая происходит сегодня, является принципиально новой как по своему содержанию, так и по тем последствиям, которые она вызывает практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Многие из этих последствий мы наблюдаем уже сегодня.

Всеобщий характер современного этапа информатизации общества проявляется в том, что в последние годы роль информации быстро возрастает практически во всех сферах социальной активности общества (экономике, науке, образовании, культуре, здравоохранении, политике, государственном и региональном управлении, обеспечении национальной безопасности). Во всех этих сферах информатизация общества решительно изменяет традиционные формы и методы организации труда, а также структуру занятости населения.

Для адекватного понимания современных глобальных образовательных процессов принципиально учитывать, что информационная сфера общества является сегодня одной из самых эффективных для вложения капитала. Исследование современного глобального образования напрямую зависит от особенностей информации как гносеологической категории, поскольку она постепенно превратилась в онтологическую, некий род сущего. Тем не менее из информации как знания, «информации о» она стала субстанцией, одной из фундаментальных стихий бытия.

Информационные технологии создают новый методологический базис, на котором может и должна работать современная образовательная система, поскольку образование во многом детерминировано общемировыми глобальными тенденциями, характерными для информационного общества.

Новый методологический базис образовательной системы имеет следующие особенности. Во-первых, создание универсальных интеграционных комплексов, которые в состоянии решать проблемы разрыва гуманитарной и естественнонаучной сфер образования. Во-вторых, формирование более мобильного образовательного пространства, в котором учащийся максимально использует свой потенциал. В-третьих, появление принципиально новых интерактивных комплексов, позволяющих не только контролировать знания, но и формировать активную жизненную позицию участников образовательного процесса.

С этих позиций информатизацию образовательной сферы сегодня следует квалифицировать как глобальный процесс общецивилизационного значения, который будет одной из доминант развития цивилизации в течение достаточно длительного времени.

Еще один важный методологический аспект глобального образования как следствия информационных технологий состоит в выработке принципиального нового подхода к управлению информационными потоками. Как показывает практика, в этом направлении имеется ряд проблем, особенно с обучающимися младшего возраста, ведь они пока не в состоянии систематизировать весь объем разнообразной информации, поступающей из разных источников. Новая методология, которая, в частности, используется нами, направлена не только на поиск нужной информации, но и на выработку механизма защиты от второстепенной и вредной.

Новая методология предполагает принципиальную перестройку субъект-объектных отношений в образовательном процессе, где объект

(обучающийся) становится более самостоятельным в выборе не только темы будущей творческой работы, но и активно участвует в выработке оптимального гносеологического алгоритма. Это достигается путем координации действий в системе: преподаватель–информационный носитель–трансляторы–ученик–преподаватель, где конструктивную роль выполняют как компьютерный класс, так и мобильный телефон, диктофон, плеер и т.п. Таким образом, образовательный эффект достигается не только на уровне подачи и контроля новых знаний, но и в более широком диапазоне, когда появляется возможность приобщаться к интересной теме за пределами конкретной аудитории.

Однако информационные новации в образовании, наряду с вполне понятными преимуществами, имеют ряд проблемных ситуаций.

Во-первых, простота получения любой информации порождает облегченное отношение ко всем предметам и явлениям, включая жизнь.

Во-вторых, погоня за оперативностью получения информации приводит к тому, что в этом случае, как правило, игнорируется аксиологическая шкала носителей и потребителей информации.

В-третьих, навязчивость разнообразных информационных потоков приводит к постепенной потере потребности в физических контактах, нивелируя такие понятия, как дружба.

В-четвертых, если учесть, что 52% всей информации в интернете так или иначе связано с порнографией или сатанизмом, то вполне понятно, что результаты постоянного «зависания» в различных информационных сетях проявляются в контактах с родными.

Все это усиливает проблемы отчуждения в образовательной среде, которые являются комплексными и требуют для своего решения междисциплинарного подхода. Необходимы комплексные исследования в достаточно широких предметных областях развития современной науки, образования, культуры, техники и технологий и связанные с этим возможные последствия для человека и общества.

Переход от «трансляционно-знаниевого» к «информационно-эволюционному» видению указанных проблем позволяет представить образование в широком смысле как социоприродный процесс движения информации от общества и природы к человеку, в котором он должен выступать в качестве активного субъекта этого процесса. В результате социоприродного процесса освоения информации человек увеличивает свое информационно-интеллектуальное содержание, он прогрессивно развивается и вместе с тем обретает способность самосохраняться в

качестве самостоятельного и активного компонента общества и природы. Такое «социоприродно-информационное» видение образования соответствует как концепции глобального эволюционизма, так и социоприродным концепциям эволюции в форме устойчивого развития и ноосферогенеза.

Таким образом, главной причиной усиливающегося отчуждения субъектов образовательного процесса является игнорирование национальных педагогических традиций, а также недостаточная развитость информационной инфраструктуры страны и неравномерность информационного развития ее регионов. Еще одной важной причиной эксперты считают реформы в российском образовании, где изучению проблем развития информационного общества и формированию новой информационной культуры личности еще не уделяется необходимого внимания [5].

Литература

1. *Байденко В.И.* Болонский процесс: курс лекций. – М.: Логос, 2004. – 208 с.
2. *Кутырёв В.А.* Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. – 2005. – №12. – С. 10–11.
3. *Урсул А.Д.* Путь в ноосферу. Стратегия выживания и безопасного развития человечества. – М., 2009.
4. *Щедровицкий П.Г.* Педагогика свободы [Электронный ресурс] // Кентавр. – 1993. – №1. – С. 18–21. – Режим доступа: <http://www.shkr.ru/lib/publikatins>
5. *Соколов И.А., Колин К.К.* Развитие информационного общества в России и актуальные проблемы информационной безопасности // Информационное общество. – 2009. – № 4–5. – С. 98–106.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

О.А. Бут

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
olesya-but@yandex.ru

В современном образовании необыкновенно важным, по мнению автора, является формирование целостного мировоззрения человека, так как именно представления о мире определяют и будут определять выбор его дальнейшего поведения в различных сферах: будь то семья, учеба, работа и т.д.

Многие студенты успех своей будущей профессиональной сферы связывают с поступлением в престижный вуз на востребованную спе-

циальность. Вузы же во многом перекалывают ответственность за успех либо на школу, критикуя ЕГЭ, либо на самого студента, призывая хорошо учиться. Однако успешная учеба и даже красный диплом не являются гарантиями благополучного будущего. Несмотря на это, зачастую именно на необходимости получения хороших оценок продолжают настаивать родители и преподаватели.

Автор статьи не является противником хорошей учебы, однако считает, что в свете современных трансформаций социальной реальности следует акцентировать внимание и еще на одном не менее важном моменте, – воспитание «компетентных людей – таких людей, которые были бы способны применять свои знания в изменяющихся условиях и чья основная компетенция заключалась бы в умении включиться в постоянное самообучение на протяжении всей своей жизни» [1].

В 2007 году Мировой экономической форум опубликовал рейтинг образовательных систем 125 стран мира. Рейтинг показывает подготовленность страны к экономике будущего, общее качество системы образования, а также уровень преподавания естественных наук. Россия в списке передовиков отсутствовала. Основной причиной отставания нашей системы образования явилось неумение применять знания, полученные при изучении дисциплин. Современная педагогическая наука сформулировала это как неумение нашей системы образования формировать компетенции у школьников и студентов [2].

Система образования должна адекватно реагировать на изменения в обществе и новые запросы. В настоящее время технологический прогресс приводит к тому, что творческие возможности личности, ее способности к генерированию нового знания и информации становятся главным ресурсом завтрашнего дня [3. С. 2]. Завтрашний день, по мнению многих исследователей, предполагает переход к обществу знаний, в котором конкурентоспособность человека и организации будет определяться способностью к действию и скоростью реакции на изменения внешней среды.

Для формирования такой способности очень важно осознавать различия между понятиями «информация» и «знание». Соотношению данных понятий посвящено много работ, различия в понятиях не вызывают сомнений, и результатом таких исследований является вывод о том, что сам факт наличия у человека многообразной информации не является гарантом того, что он обладает глубокими знаниями. Однако если философы и социологи указывают на то, что качество знания зависит от осо-

рых свойств человека, то для практиков бизнеса «знания не могут быть отделены от действия», т.е. отсутствие действия предполагает отсутствие знаний. Эта же идея прослеживается и в работе японских ученых И. Нонака и Х. Такеучи: «Знание, в отличие от информации, подразумевает действие. Это всегда знание «ради какой-то цели».

Продолжая эту мысль, можно сделать вывод от том, что качество знаний определяется успехом человека при реализации определенных действий, достижимость им определенных целей. О таком видении понятия «знание» свидетельствует и тот факт, что большинство работодателей в настоящее время требуют от потенциальных работников опыта работы, который бы подтверждал способность человека к действию.

Конечно, помимо опыта существует перечень других требований, которые в комплексе свидетельствовали бы об «уровне зрелости» работника, о его потенциальной способности к действию, однако именно опыт наглядно, если не сказать «прямолинейно» подчеркивает тезис практиков бизнеса о том, что «Знать – значит действовать!».

Развивая эту мысль, можно задать вопрос: «А всегда ли действия человека адекватны реальности?» Именно на этот вопрос необходимо обращать внимание студентов, для предупреждения возможных кризисов в их жизни. Обращение к этому вопросу очень важно для любого человека, так как некоторые живут, ориентируясь на старое знание, ничего в нем не меняя. Студенту нужно быть готовым, что процедура разрушения старого и отжившего знания оказывается очень болезненной, поскольку требует проведения самодисквалификации, самопроблематизации и трансформации как своего мировоззрения, так и привычных способов принятия решений и поведенческих реакций.

Возможно, что для большинства людей будущее – в том виде, в котором оно касается их отношений с организациями, а также и других областях жизни, – наступает чересчур стремительно. Перемены, происходящие вокруг нас, приняли характер грандиозного снежного обвала, они набирают скорость, из-за которой реальность, пишет Э. Тоффлер, иногда кажется калейдоскопом [5].

Изменение – это процесс, с помощью которого будущее проникает в нашу жизнь, и каждый человек самостоятельно решает вопрос о нахождении в своей зоне комфорта. У многих перемены и калейдоскопичность социальных состояний провоцируют только страх, внутреннее сопротивление и желание их избежать, однако, как говорит И. Адизес, всегда необходимо помнить, что «кризис – это катастрофа для слабо-

го, но возможность для сильного – ведь если изменений не происходит, торжествует посредственность».

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что именно на правильное отношение к переменам, на развитие способности к действию и своевременной реакции на изменения должен быть направлен самоменеджмент как студента, так и преподавателя в условиях трансформации современной реальности.

Литература

1. *Рукавишникова Е. Л.* Некоторые аспекты обучения взрослых // Проблемы и перспективы развития образования (II): материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2012 г.). – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 156–158.
2. *Матюшкина Л.В., Доценко И.Б.* Формирование ключевых компетенций: проблемы и пути решения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cdp.tti.sfedu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=494&Itemid=425 (дата обращения 15.06.2013).
3. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/16821?p=1> (дата обращения 14.06.2013).
4. *Нонака И., Takeuchi Х.* Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах: пер. с англ. А. Трактинского. – М.: ЗОА «Олимп-Бизнес», 2011 – 384 с.
5. *Тоффлер Э.* Шок будущего: пер. с англ. – М.: ООО “Издательство АСТ”, 2002. – 557 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНОЙ СРЕДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ И МОДЕЛЯХ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В.В. Зинченко

Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины,
Украинский гуманитарный институт, Украина, г. Борисполь
zinchenko-viktor-viktorovich@mail.ru

Исходя из практических данных, с точки зрения интеграции потребностей как социального, так и индивидуального развития необходимо рассматривать общественное воспитание как целенаправленный, сознательный процесс развития личности путем управления обстоятельствами, в которых она действует. Этот процесс является неотъемлемой стороной естественно-исторического процесса, ибо последний включает не только производство и воспроизводство материальных условий жизни людей, но и «воспроизводство индивидов: как порознь, так и в их

общественных расчленениях и связях, воспроизводство их в качестве живых носителей этих условий.

Содержание, методы и формы воспитания зависят, прежде всего, от конкретных социальных условий, в которых оно осуществляется, включая все стороны общественно-исторической практики: социальную и нормативную структуру общества, его ценностные ориентации, в том числе ценностные установки личности, способ ее мышления, образование и культуру и т. д. Эти условия определяют способ развития личности, цель ее деятельности, потребности, особый тип связи с другими людьми, с обществом – словом, всю ее деятельность, все ее функции, которые представляют собой не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Иными словами, человек формируется теми связями и отношениями, в которые он включен, – теми, которые были до него, и теми, которые он создает и совершенствует в процессе своей деятельности, своего общения с другими людьми. Таким образом, подчеркивается социальная природа человека – сущность «особой личности» составляет не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество.

Формирующая человека социальная среда в конечном счете определяется характером способа общественной деятельности, а он, в свою очередь, экономико-политическими отношениями, включая механизм их действия (организационный аспект, принцип стимулирования труда, система правил и требований к человеку, выражающих характер взаимоотношений людей в определенном коллективе, отношение человека к обществу, степень реализации *принципа социальной справедливости* и др.). Иначе говоря, исследуя поведение людей, необходимо принимать во внимание все факторы, из которых складывается образ жизни индивидов, социальных групп данного общества. Какова общественная жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами.

Но сущность человека не совпадает с условиями его существования. Сводить ее к условиям существования равноценно признанию удовлетворенности человека своим положением в рамках этих условий, а значит, и отсутствием необходимости их постоянного преобразования и совершенствования. В реальной жизни дело обстоит иначе. Социальная среда одновременно выступает и условием деятельности человека, и ее результатом. Ибо человек – не пассивный продукт обстоятельств, а субъект своих действий, своего изменения, саморазвития.

Подчеркивая общественную, социальную природу человека, современная социальная философия воспитания и образования отнюдь не отвергает его естественную, биологическую природу, которая включает генетические свойства личности, а также естественные свойства, существующие в виде влечений, задатков, способностей, в том числе психических (характер, темперамент, воля). К числу естественных особенностей личности относятся также те, которые связаны с возрастом, полом, с состоянием здоровья. Поэтому понимание соотношения биологических и социальных факторов в поведении личности очень важно для правильной организации процесса воспитания.

Одной из базовых идей Болонской реформы является постепенный переход от строительства образования вокруг проблем и потребностей преподавания (*teaching*) к ориентации образования на потребности обучения (*learning*). В этой модели все более важную роль приобретает студент; но одновременно постепенно уходит в прошлое принцип полной автономии преподавателя, на которой строились значительные достижения европейского научного и гуманитарного образования.

До недавнего времени в континентальной Европе – по крайней мере в Германии и Франции – можно было говорить о доминировании так называемой *Гумбольдтовской модели университета* – эта модель, восходящая к Берлинскому университету, который основал в 1809 г. знаменитый немецкий филолог, историк и философ Вильгельм фон Гумбольдт, строилась на принципе двух свобод: *Lehrfreiheit* (свободы преподавания) и *Lernfreiheit* (свободы обучения) [4. С. 47]. *Со стороны преподавателя* это прежде означало возможность автономно определять, что, на какой методологической базе, в каком направлении и на каком уровне он будет преподавать. *Со стороны студента* эта модель предполагала прежде свободу выбора дисциплин, семинаров и способность студента автономно формировать свой учебный план. Согласно гумбольдтовской модели, студент мог выбирать семинары, которые он хотел посещать, и даже до поры до времени сочетать в своем учебном плане совершенно разные дисциплины: право и философию, биологию и литературу. Фактически, Гумбольдтовская модель означала отказ от идеи «предметного» обучения, при которой студент имел жесткий учебный план и изучал «предметы» или «дисциплины». Это был переход от старой системы обучения, централизованной на предмете (*что изучается*), к образованию, централизованному на личности (*обучающего и обучаемого*). И в такой системе традиционные «предметы» превращались

очень часто в семинары профессоров, которые студенты, а также люди извне могли свободно посещать. И несмотря на то, что она родилась в Германии, в конце XIX века она начала проникать во Францию и другие страны Западной Европы. Во Франции проникновение Гумбольдтовской системы началось по крайней мере с начала 1870-х годов. Отсчет этого проникновения можно начинать от знаменитого текста выдающегося французского историка Эрнеста Ренана «Интеллектуальная и моральная реформа» (1871). В нем, в частности, звучал тезис о том, что поражение Франции во Франко-прусской войне 1870–1871 годов объясняется отставанием французского образования от прусской системы обучения. Если первое, утверждал Ренан, строится вокруг *старой модели передачи готовых знаний* и воспитания прежде всего добросовестного гражданина, то вторая – на *модели создания новых знаний* в самом образовательном процессе – и, как следствие, воспитания не только добросовестного гражданина, но и амбициозного исследователя.

Уже тогда, начиная с середины XIX века гуманитарное образование во многих немецких университетах строилось вокруг профессорских семинаров. Их задача состояла не в том, чтобы передать готовые знания, созданные прошлыми поколениями, а в том, чтобы дать возможность профессору презентовать и обсудить конкретные результаты своих исследований. Такие семинары являются, собственно, презентацией и обсуждением результатов самого исследовательского процесса, который осуществляет профессор – один или вместе со своей исследовательской группой. Они могут длиться годами – и при этом никогда новый год не повторяет предыдущий. Этой автономии не знала ни традиционная догумбольдтовская (средневековая и раннемодерная) система образования, ни советская система – в рамках которой студент, поступая в университет, получал четкий список обязательных дисциплин.

В контексте принципов свободы обучения и современной Болонской реформы параллелью к этой *Lehrfreiheit* (свободой преподавания) в Гумбольдтовской системе образования является *Lernfreiheit* – свобода обучения, то есть собственно свобода студенческого выбора. В современных европейских университетах студент, как правило, не имеет четкого плана предметов. Он может выбирать те семинары, в которых он заинтересован; причем семинары могут посещаться одним-двумя студентами или целой сотней. Корни акцента на *свободе обучения* (*learning freedom*), который ставит Болонский процесс, можно искать в *Гумбольдтовской модели университета*. Однако что отличает Болонскую ре-

форму от Гумбольдтовской – это определенное ослабление *Lehrfreiheit* (свободы преподавателя) и еще большее усиление *Lernfreiheit* – свободы студента [5. С. 280]. Действительно, в рамках Болонской системы серьезно повышается автономия студента – в частности, географическая автономия. До Болонской реформы студент мог формировать свой учебный план между несколькими университетами; эта практика была особенно распространена в Германии с ее разнообразием университетских городков. Сейчас же эта свобода формирования своего плана преодолевает пределы отдельной страны и распространяется на всю Европу. Благодаря гармонизации образовательных уровней и системы взаимозачета кредитов студент сможет формировать свое образование между несколькими университетами.

Однако, повышая автономия студента, Болонская реформа рискует уменьшать автономия преподавателя. Она создает зависимость содержания преподавания от спроса на образовательном рынке, а значит, делает значительно колеблющимися позиции гумбольдтовской фигуры «автономного профессора», чей исследовательский уровень позволяет ему самому определять содержание преподавания.

Наконец, этот процесс имеет позитивы и негативы. Позитив в том, что студент, выбирая дисциплины, несет большую ответственность и больший интерес к предмету своего выбора. Негатив в том, что массовизация образования, зависимость содержания преподавания от массового спроса непременно уменьшит глубину и качество образования в менее популярных направлениях, в частности в фундаментальных науках и гуманитарных дисциплинах.

В связи с этим перед философией образования стоит задача определить факторы, которые обуславливают достижение ее основной цели, дать оценку моральным принципам и личностным качествам, с которыми, собственно, теория воспитания связывает реализацию своих задач, показать, почему именно эти, а не какие-либо другие принципы и качества открывают человеку возможность избирать в конкретной ситуации морально оправданную и самую приемлемую в общественном отношении линию поведения. Последнее же требует конкретизации понятия этической ценности относительно воспитательного процесса.

Решая эти задания, т. е. осуществляя свою методологическую и аксиологическую функции, философия образования (как и связанная с ней философия воспитания) помогает тем самым совершенствованию общей теории воспитания. Нельзя потому не согласиться с мыслью, что

«без опоры на философию невозможно поступательное развитие педагогической теории» [8. С. 7], что нельзя воспитывать, не имея определенной моральной и мировоззренческой позиции, ясного представления о том, какое лицо следует формировать, какими принципами должен человек руководствоваться в жизни. Философия воспитания позволяет, наконец, просветить понятие свободы, права личности, равенства, справедливости, обосновать понятие правильного поведения, этической жизни. Словом, она дает возможность разобраться в широком кругу вопросов, которые возникают в процессе учебы и воспитания.

Наибольшей популярностью в философии образования пользуются две ее «модели». Согласно одной из них (условно назовем ее «первой моделью»), философия образования и воспитания – это *отрасль знаний, которая использует в воспитательной практике идеи разных философских или философско-психологических систем (прагматизма, экзистенциализма, необихевиоризма и проч.), а также некоторых социологических школ* [6. С. 18]. Эти идеи используются в качестве методологических предпосылок для определения моральных принципов, установок, моральных и социальных качеств, которые нужно воспитывать у людей. Такое понимание философии воспитания разделяют, например, английский философ Г. Берроу, представитель Оксфордского исследовательского центра по этическому воспитанию Б. Шугерман, английский социолог У. Кей и другие. Однако среди тех, кто в принципе принимает такую «модель», ведутся споры о том, какая философская система может дать самые ценные рекомендации процесса воспитания. Причем, как правило, этот вопрос развязывается не опытным путем, не в результате проверки полученных от философии теоретико-методологических рекомендаций в самом процессе воспитания, не в результате осмысленного дополнения педагогами идей названных школ и направлений к практике воспитания. В сущности, как основы воспитания эти идеи принимаются формально, часто просто путем апелляции к авторитету той или другой философской доктрины. Вряд ли возможно в такой ситуации творческое содружество между философией и педагогикой и в полной мере благотворное воздействие философии на воспитательный процесс.

«Вторая модель» философии образования и воспитания в значительной мере связана с позитивистской методологией. Она представлена английскими философами А. Брентом, А. Харрисом, П. Херстом. Отдельные положения этой «модели» разделяют Л. Кольберг и упоминавшийся

Г. Берроу, хотя в целом его убеждения, в частности поддерживаемый им принцип утилитаризма в подходе к воспитанию, больше вписываются в рамки «первой модели» философии образования. По мнению сторонников данной («второй») «модели», *важной целью воспитания является выработка у человека способности размышлять на моральные темы*. А это, как они считают, достигается главным образом логикой «языка морали». «Непосредственное моральное воспитание концентрируется вокруг знание «языка морали», и задание философов заключается в том, чтобы помочь лицу понять роль языка в моральных рассуждениях», – пишет А. Харрис [7. С. 41]. Идеи сторонников «второй модели» философии воспитания пользуются, по-видимому, наибольшим влиянием в воспитательной практике на Западе, что обусловлено ростом в современных условиях роли математических и логических знаний, нарастающей общей тенденцией к формализации научного знания. В такой ситуации именно позитивизм оказался для научной интеллигенции самой удобной философской доктриной, что позволяет совмещать признание ценности знаний с мировоззренческой нейтральностью.

Кроме рассмотренных основных двух «моделей» философии образования, в западной литературе встречается также ее толкование как *философского метода исследования моральных ценностей* (их обоснование и формирование). Такая «модель» представляется более точно отображающей специфику и предмет философии воспитания. Однако и она остается достаточно абстрактной, поскольку ее сторонники, как правило, не касаются самого процесса формирования ценностной ориентации людей и факторов, которые детерминируют этот процесс.

Если передача знаний относится к интеллекту лица, то формирование определенной ценностной ориентации (воспитание в собственном значении этого слова) связано с действием человека, способствуя превращению тех или других ценностных установок в ее убеждение. Поскольку зарубежные философские концепции оперируют, как правило, понятием воспитания в широком значении слова, они не углубляются в эту проблематику.

Литература

1. Балабанова Н. Суспільство знань та інновацій: шлях до майбутнього України. – К.: Арістей, 2005. – 104 с.
2. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство: пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.

3. Деланти Д. Новые модели университетов // <http://socio.tamp.ru/1.htm>
4. Зінченко В.В. Соціальна філософія менеджменту і освіти в інституційному вимірі глобального розвитку (інтегративна концептологія). – К.: Люксар, 2011. – 664 с.
5. Квеш М. Національна держава, глобалізація та університет як модерний заклад // Ідея Університету: Антологія. – Львів: Літопис, 2008. – С. 267–291.
6. Bufford Th. Toward a Philosophy Education, – Boston.:GLOB, 2001. – 278 p.
7. Harris A. Teaching, Morality and Religion. – London: Sheldon Press, 2002. – 297 p.
8. Woods R., Barrow R. An Introduction to Philosophy Education. – London: Steven Hackbarth Books, 2005. – 312 p.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА КОНЦЕПТОВ «ЭФФЕКТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» И «НЕЭФФЕКТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Ю.Н. Кириленко

Томский государственный университет
Kirilenko_julia@list.ru

Долгое время в научной среде существовало убеждение, что глобализация и распространение демократических основ государства одним из своих эффектов имеют привилегированное положение высокообразованных специалистов перед неквалифицированными рабочими, наиболее емко выражаемое лозунгом современных университетских объединений «Знание – деньги» («learning equals earning»). Однако на практике данный эффект носит отнюдь не необходимый характер. В качестве иллюстрации данного тезиса достаточно учесть, что в нашей стране, как и в других странах, существует огромное число невостребованных на рынке труда обладателей дипломов о высшем профессиональном образовании. Требуя от образовательных учреждений статистику трудоустроенных, договоры с предприятиями и прочие документы, подтверждающие необходимость выпускников на рынке труда, государство также отнюдь не выявляет экономически не востребованные специальности.

Таким образом, связь между рынком труда и рынком образования не столь линейна, как представляется в идеализированных схемах, трактующих эту взаимосвязь через понятия свободного рынка, спроса и предложения [1, 2]. В рамках представленной позиции молодые люди, оканчивающие профессиональные или общеобразовательные учреждения, выходят на рынок рабочей силы, который, в свою очередь, напрямую соотносится с рынком вакансий. Обратная связь между образовательными учреждениями и рынком труда осуществляется через систему переподготовки и переквалификации выпускников. В результате форму взаимодействия между всеми компонентами представленной системы

интерпретируют как цепь клиентов и поставщиков. «Сырьем» для товара в данном случае выступают умы людей, конечным продуктом – квалифицированные специалисты. Гарантами качества со стороны поставщика услуг – образовательных учреждений – становятся системы аккредитации и проверки знаний выпускников (говоря более простым языком – экзамены на получение той или иной квалификации). Получив диплом, выпускник выходит на рынок рабочей силы, наряду с неквалифицированными выпускниками общеобразовательных учреждений. Компании, предлагающие вакансии, проводят отбор среди участников рынка рабочей силы, создавая еще один уровень проверки получаемого выпускниками образования. Если выпускники оказываются невостребованными, поставщик услуг – образовательное учреждение – перестает быть рентабельным и уходит с рынка, таким образом, система самоорганизуется. Однако, судя по тому, что проблема невостребованного образования остается актуальной в большинстве стран, данный механизм не срабатывает. Сегодня получение образования не гарантирует рабочего места, являясь личным риском обучающегося, и большинство программ реформирования нынешнего образования (например, введение третьих ФГОСов в нашей стране) направлены как раз на повышение гарантий трудоустройства при получении профессионального образования.

Для обозначения данной проблемы исследователи и законодотворцы ввели в современный дискурс понятия эффективного и неэффективного образования, однако стоит отметить, что их дифференциация, на наш взгляд, основывается отнюдь не на утилитарном значении получаемых знаний или проценте трудоустроенных по специальности после их получения. Оба заявленных критерия дифференциации невозможно корректно конвертировать в современную систему профессионального образования. Утилитарность образования является многозначным термином, который дает слишком широкие возможности для прочтения: начиная от узкоприкладного характера получаемых знаний и заканчивая широкой трактовкой его общей применимости в современных условиях. К тому же нельзя не учитывать, что дискуссии относительно приоритетного положения теории или практики существовали задолго до нынешних реформ образования и не привели к однозначному решению. Одни исследователи будут рассуждать о теории как неиссякаемом источнике для практики, другие будут отстаивать значимость конкретных, прикладных навыков в случае, если речь идет о профессиональном образовании. Не вызывает сомнений, что именно второй подход обрел

наибольшее число сторонников среди законодателей РФ. Для подтверждения данного тезиса достаточно обратиться к некоторым формулировкам новых государственных стандартов: «Вузом должны быть созданы условия для максимального приближения программ текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся к условиям их будущей профессиональной деятельности – для чего, кроме преподавателей конкретной дисциплины, в качестве внешних экспертов должны активно привлекаться работодатели, преподаватели, читающие смежные дисциплины» [3. П. 8.4]; «бакалавр должен решать следующие профессиональные задачи в соответствии с видами профессиональной деятельности...» [3. П. 4.4.] и т.д. Приведенные выдержки иллюстрируют также те критерии, исходя из которых дифференцируется эффективное и неэффективное образование в нашей стране.

Касательно понимания эффективного образования через трудоустройство возможно привести высказывание американского социолога Ульриха Бека, утверждающего, что соотносимость профессионального образования с востребованностью на рынке труда по отношению к навыкам и знаниям является невозможной в свете динамичного развития современных наук: «Внешние вторжения рынка труда повреждают и даже разрушают имманентную образованию смысловую основу профессионально ориентированной подготовки» [4. С. 90]. В результате студент получает второе, третье образование в надежде на гарантированное рабочее место. Однако так его и не находит.

В свою очередь, мы предлагаем опираться при различении эффективного и неэффективного образования на разделение «знания что» и «знания как», введенные в научный дискурс представителями аналитической традиции. В самом общем виде, «знание как» является по своей сути некой предрасположенностью к действию, и с этой точки зрения диспозицией (включая знание методов, правил и прочего), в то время как «знание что» декларативно и не предполагает с необходимостью последующего действия. Более того, Г. Райл доказывает, что «знание как» является первичным по отношению к «знанию что», так как ни один ученый «не сможет совершить открытие, пока не будет знать, как его совершить <...> Эффективное владение «знанием что» должно включать в себя элемент знания, как применять это знание, когда это потребует для решения теоретических или прикладных задач. Данное различение можно проиллюстрировать сравнением с обладанием музеем и обладанием рабочим цехом» [6. С. 19]. Итак, продуктивное «знание

что» должно включать в себя и элемент «знания как». Таким образом, к неэффективному образованию мы предлагаем относить то, которое дает неэффективное «знание что», не предполагающее в себе элементы «знания как». Следовательно, одной из задач профессионального образования становится получение метазнаний – тех, которые помогут в дальнейшем выпускнику обучаться непосредственно на рабочем месте. И это специфическое требование к профессиональному образованию отмечал еще Гумбольдт: «Еще одна особенность высших научных учреждений состоит в том, что они всегда рассматривают науку как до конца все еще не решенную проблему, а потому всегда продолжают заниматься исследованием, тогда как школа имеет дело только с готовыми и окончательными знаниями. Отношения между учителем и учеником здесь, таким образом, совершенно иные, чем в школе. Не первые существуют здесь ради последних, а и те и другие – ради науки» [7. С. 6]. Данная тенденция современного образования напрямую коррелирует с идеей образования в течение всей жизни: «Быть образованным сегодня означает уметь производить знание и управлять этим производством» [8. С. 67].

Литература

1. *Al-Turki U.M.* et al. Stakeholders integration in higher education: supply chain approach / U.M. Al-Turki // *European Journal of Engineering Education*, 2008. 33(2). p. 211–219.
2. *Meyer M.* A Vision of Sustainable Education with Competence Management, in *Proceedings of the Global Conference on Sustainable Product Development and Life Cycle Engineering/ M. Meyer.* – Berlin: uni edition GmbH, 2004. – 325 p.
3. *Федеральные государственные образовательные стандарты специальностей и направлений (ФГОС).* URL: <http://www.fgosvpo.ru/> (дата обращения: 13.06.2013).
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну: пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послеслов. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
5. *Ryle G.* Knowing How and Knowing That/ G. Ryle// *The Presidential Address Proceedings of the Aristotelian Society// New Series.* Vol. 46, (1945 – 1946). – P. 1–16.
6. *Гумбольдт В. фон.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // В. фон. О. Гумбольдт // *Неприкосновенный запас.* – 2002. – 2(22). – С. 5–10.
7. *Петрова Г.И.* Когнитивный поворот современной науки и формирование новой формы фундаментальности университетского образования // *Вестник Томского государственного университета.* – 2011. – № 344. – С. 65–67.

ИНСТИТУТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБМЕНА ЗНАНИЯМИ В РЕГИОНЕ

Е.А. Найман

Томский государственный университет
enyman17@rambler.ru

В современную эпоху «обучающейся экономики» регион становится ключевой единицей глобального мира, поскольку создает наилучшие условия для обучения, связанные с пространственной близостью и частыми межличностными взаимодействиями. Регион рассматривается как среда, сохраняющая общую базу знаний, контролирующая обмен идеями, организующая процесс коллективного обучения в сетях и развивающая социальный капитал. Главным субъектом «экономики знания» выступают сети компаний, а ресурсом – социальный капитал (нормы, ценности, личностное знание) в двух своих измерениях: техническом (ноу-хау, навыки, опыт) и когнитивном (нормы, убеждения, оценки, общее видение будущего).

Конкурентоспособность региона складывается из повышения квалификационного уровня региональных субъектов, создания моделей их кооперативного поведения, комбинации знания, не воспроизводимого конкурентами. В последнем случае необходимо учитывать, что в настоящее время копируется все, кроме уникальных компетенций компаний, т. е. их социально-экономического контекста. В данной ситуации организатором и создателем системы обмена знаниями в регионе должен стать университет, главная функция которого (поддержание коллективного процесса обучения) выражается в двух аспектах: контактном образовании и контактных исследованиях.

В области контактного образования можно выделить два основных направления: обеспечение социально-нормативными квалификациями и локализация образовательного стандарта. Одна из важнейших проблем сегодняшнего дня – это несоответствие системы профессиональных квалификаций потребностям рынка труда. Причина этого – кардинальное изменение организации производства и рынка труда.

Переход от массового производства к индивидуальному связан с постоянным изменением трендов под влиянием потребительского спроса и кратного увеличения объема знаний в производстве товаров и услуг. Индивидуальное производство требует дифференциации и более тщательного планирования. Производственный процесс подвержен серьезной интенсификации, касающейся сокращения сроков производства и

планирования внутри производственных цепочек. Использование капиталоемкого оборудования, гибкая организация производственных процессов связана с большими рисками, а потому работодатели хотят иметь дело с высококачественными и надежными сотрудниками. Профессиональные требования в системе нового производства радикально изменяются. Высокотехнологичное оборудование требует качественно-го мониторинга процесса и моментальной реакции на неисправность. Ответственность оператора процесса становится важнейшей как в производстве, так и в сфере коммерческого обслуживания (банки, страхование, Интернет-провайдеры и т.д.), демонстрирующего высочайший уровень интеграции и сложности.

При такой организации производства устойчивая система инструментально-технических квалификаций становится невозможной. В особенности это касается малого и среднего бизнеса. Крупные предприятия еще имеют достаточно четкий маршрут профессиональных квалификаций, способны влиять на учебные программы в рамках сотрудничества с вузом, обладают большим опытом рекрутинга выпускников. Что же касается малых предприятий (50–250 чел.), то связь традиционных образовательных программ и навыков с их производственными потребностями оказывается весьма слабой, а потому делать ставку на «зеленых» выпускников они не намерены. Общие потребности малых предприятий определить довольно трудно, а институты высшего образования не в силах готовить выпускников для всего многообразия ситуаций, с которыми они могут столкнуться в сфере малого бизнеса. Только партнерство, согласование схем, изменение программ, маркетинг смогут позволить навести мосты между различными институциональными культурами и производственными практиками.

Современному работодателю требуются нормативные и социальные квалификации: коммуникативные и предпринимательские навыки, способность решения проблем, лояльность, преданность, пунктуальность, аккуратность, тщательность, умение работать в команде, стрессоустойчивость и креативность. Обеспечить выпускника «социальным капиталом» – важнейшая задача университета. Средства виртуально-дистанционного образования в этом случае не пригодны.

В этой ситуации университет должен стать реальным партнером малого и среднего бизнеса. Университетам необходимо: интегрировать малый и средний бизнес в систему обмена знаниями; создать широкий спектр программ; обеспечить доступность знания в режиме «just-in-

time»); создать систему легкодоступных контактных центров; повысить маркетинговую активность; обеспечить площадку для селекционной работы компаний (кампус-рекрутинг). В свою очередь, компании должны взять на себя повышенную ответственность за обновление знаний своих сотрудников, гарантируя постоянное поступление новых знаний в компанию. Это указывает на необходимость интенсификации процесса накопления знания «снизу вверх», который в литературе получил название «двойного цикла обучения» (double-loop). В соответствии с ним должны возникнуть центры знания с низким порогом доступности, размещенные в непосредственной близости от компаний.

Система, в которой люди вначале получают образование, а затем начинают работать, требует серьезного пересмотра, связанного с необходимостью постоянного чередования обучения и трудовой практики. В обучении основной акцент смещается от процесса передачи знания к навыкам его самостоятельного приобретения. Процесс разработки учебных программ оказывается слишком медленным, отставая от быстрого изменения внешнего мира. Необходимо создать двустороннее движение в системе обмена знаниями: компании должны легко их «забирать» из университетов, а те, в свою очередь, должны обеспечивать обратную связь в плане их реализации.

Физическая, географическая близость в сети образовательного учреждения и компании увеличивает степень доверия между ними, роль которого в современном экономическом процессе неопределима. Увеличение рисков повреждения в производственном процессе за счет повышения его капиталоемкости и интеграции заставляет работодателя набирать персонал с «правильной установкой» (добросовестным отношением к делу). И это становится более важным фактором, чем наличие необходимого набора знаний. Квалификационную функцию образования сменит селекционная. Таким образом, радикальные технологические изменения должны отозваться эхом по всей цепи обмена знаниями, включая, прежде всего те части, которые имеют наименьшие возможности взаимодействия с университетами.

Однако на пути такого сотрудничества можно указать на ряд барьеров: бюрократизация (снижающая степень доступности университета для региональных партнеров); «старение» сотрудников университетов (которые, не владея современными знаниями, малопривлекательны для компаний); сила давления внутренних организационных проблем на университеты и др.

Второе направление контактного образования – обеспечение региональной составляющей образовательного стандарта – призвано повысить адаптацию выпускников к условиям регионального рынка труда. В качестве основных средств реализации может выступить создание специализированных локально-ориентированных учебных программ, основанных на реалиях региона и ориентации научных студенческих работ на региональные проблемы и их выполнение совместно с региональными партнерами. Однако локализация программ имеет свои риски и барьеры: академическая система оценки эффективности, которая недостаточно поощряет региональный компонент обучения; влияние внешней аккредитации и лицензирования, которые мало уделяют внимания потребностям региона; высокая цена совместных региональных проектов; низкая привлекательность регионально ориентированных курсов для студентов из других регионов.

Относительно контактной научно-исследовательской работы необходимо твердо усвоить, что университет – не монопольный производитель знания, а узнаваемый командный игрок. Ему необходимо войти в широкое сетевое взаимодействие с другими производителями знания в регионе для создания совместных междисциплинарных единиц обмена знаниями, таких как региональные исследовательские центры и лаборатории. Тормозом этого процесса являются: малое количество фондов, обеспечивающих исследовательские программы, ориентированные на региональные потребности; оценка эффективности сотрудников университетов в соответствии с деятельностью международного значения; распределение финансирования на основе статусной позиции вуза, а не на основе потребностей регионального развития.

Преодоление указанных барьеров возможно при активном участии федеральных и региональных органов управления. Министерство образования должно составить четкое представление о географии высшего образования. Необходимо наладить межведомственный диалог сотрудничества на уровне министерств. Пока функциональное разделение и разделение ответственности будет жестким, система высшего образования его будет механически воспроизводить. Правительству необходимо поддерживать исследования, имеющие ярко выраженное региональное значение и усиливающие кооперацию в регионе. Региональные власти должны активно привлекать вузы к разработке региональных планов и программ, предусматривая их активное участие.

ЗНАНИЕ КАК ТОВАР: ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ¹

А.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
pavlen-abakan@mail.ru

При всём многообразии подходов к пониманию сущности общества знания одним из неоспоримых пунктов в его характеристике можно признать тот факт, что знание всё более приобретает черты товара. Эта тенденция вполне вписывается в утверждение об адекватности становления общества знания становлению общества потребления. Поскольку в обществе потребления требуется включение в сферу изъятия полезных свойств максимального количества предметов и явлений, а также в нём усиливается символическая роль потребительского процесса, который может идти даже вразрез подлинным потребностям человека, постольку знание становится одним из товаров, включённым в общую экономическую игру.

Превращение знания в товар имеет своим следствием перенос на него всех тех свойств, которыми обладает товар. Кроме того, процесс создания знания становится аналогичным процессу производства товаров, то же самое происходит с процессами распределения, обмена и потребления. В результате формируется особое отношение к знанию, как к абстрактному явлению, не ограниченному в обороте, свободно отчуждаемому и переходящему от одного человека к другому по договору купли-продажи.

Естественным образом возникает проблема оценки знания, при этом речь идёт не о качественной оценке типа «неудовлетворительно – удовлетворительно – хорошо – отлично», хотя она тоже имеет место быть, а о дифференцированном количественном подходе, в котором бы чётко была представлена стоимость знания-товара. На уровне производства знания это означает включение в факторы значимости произведённой идеи фактора стоимости соответствующего исследования, а также стоимости оформления самой идеи в виде монографий и других публикаций (к примеру, более солидным выглядит исследование, опубликованное в твёрдом переплёте). На уровне распределения знания действует соответствующая политика распределения грантов, организационной и технической поддержки. На уровне обмена действует специфический

¹ Работа осуществлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», контракт № 14.В37.21.0511

бартер, в котором учёные, легитимно пользуясь идеями своих коллег и ссылаясь на соответствующие труды, повышают уровень их преимуществ и возможностей. На уровне потребления из знания изымаются полезные свойства субъектом потребления, будь то государство, либо бизнес, либо конкретный индивид, который платит за него деньги.

Наиболее явно отношение к знанию как к товару эксплицируется в современном образовательном процессе. Ещё в начале XX в. М. Вебер обращал внимание на те трансформации во взаимодействии учителя и ученика, которые рождались в американском обществе: «О своем учителе американский юноша имеет вполне определенное представление: за деньги моего отца он продает мне свои знания и методические принципы точно так же, как торговка овощами продает моей матери капусту. И точка» [1. С. 727]. Действительно, если подходить к процессу образования абстрактно, то в нём очевидным становится договорной характер отношений в треугольнике «образовательное учреждение – учитель (преподаватель) – ученик (студент)». Образовательное учреждение предоставляет образовательную услугу ученику или студенту, а для этого нанимает учителя или преподавателя. Оплату образовательной услуги зачастую совершает государство, поскольку видит (по крайней мере, должно видеть) в наличии образованных людей основу для своего собственного процветания, а, с другой стороны, ему самому требуются профессионалы с определённым содержанием и уровнем образования.

Все эти рассуждения могут выглядеть простым трюизмом, если не понимать тех последствий, которые порождаются рассматриваемой ситуацией. Эти последствия связаны с деформацией самого знания и познания, когнитивных способностей человека. Как отмечал Э. Фромм, развитие общества потребления повлияло на весь процесс познавательной деятельности: обучающиеся не интегрируют знания в систему собственного мышления, а лишь фиксируют их в своей памяти; сама память человека работает чисто механически или логически, отсутствует активное воспроизведение образов в их взаимосвязи; во время разговора человек пытается, выражаясь метафорически, «продать» свой багаж знаний и эмоций своему собеседнику, выложить перед ним свой «товар»; во время чтения происходит приобретение «культурной собственности», суммы знаний; в целом преобладает пластичное и поверхностное мышление [2].

Как бы мы ни определяли знание, его сущностью остаётся систематизация результатов познавательной деятельности, наличие взаимосвя-

зи между представлениями и понятиями. Благодаря превращению знания в товар происходит его разделение на независимые друг от друга элементы, порой не укладываемые в целое. Здесь можно провести аналогию с проблемой эрудита: человек, обладающий огромным количеством информации, собранной со всех отраслей научного знания, при этом сталкивается с большими трудностями при решении простейших житейских задач. В обществе знания эта проблема, на самом деле, понимается и решается в своеобразном ключе: путём подготовки узкоспециализированного специалиста с набором соответствующих компетенций, которому, в случае возникновения задачи, не поддающейся ему, предлагает свои услуги другой специалист. Но даже в узкой, специализированной, сфере остаётся противоречие между знанием многого и знанием «на отлично». Чтобы прояснить эту мысль, я позволю себе вернуться к сравнению М. Вебера. Женщина, покупающая капусту у торговки овощами, делает это с определённой целью: удовлетворения своей потребности в питании. Юноша, покупающий знания и методические принципы у своего учителя, также преследует конкретную цель: использовать их для успешного существования в обществе. И у той, и у другого необходимо должны возникнуть вопросы о том, у кого брать товар, какую именно капусту (знание) выбрать и сколько этой капусты (знания) взять. Однако, как только мы переходим от качественной аналогии (овощного магазина и университета, сорта капусты и специальности) к количественной (сколько взять?) мы сталкиваемся с очень сложными трудностями исчислимости знания.

Трудности выражаются в том, что, как ни крути, образование даётся ученику целиком, раздробить его невозможно. Эта целостность есть совокупность знаний, умений и навыков, которые определяют качество вторичной социализации индивида. Когда же данная совокупность начинает продаваться, то к ней возникает требование разделиться на фрагменты, относящиеся к различным элементам социального опыта. Продавец словно может предложить: «Возьмите столько-то иностранного языка и экономики». В реальности этого не происходит, более того, покупателю приходится брать сверх того, что ему требуется, как если бы женщине, захотевшей купить капусту, каждый раз бы пришлось приобрести вместе с ней набор цветных карандашей.

Выход из указанных трудностей уже наметился, правда, реализуется он с большими сложностями. Он состоит в разрушении самого знания в результате признания правомочным требования индивида самому

определять набор учебных дисциплин и количество часов, необходимых для их изучения. И, в принципе, научное и образовательное сообщество должно признать за ним это право, если собирается следовать демократическим идеалам. Если бы абстрактно мыслящее студенчество, не испытывающее традиционного пиетета к преподавателям, а действительно видящее в них только продавцов образовательных услуг, спросило у них, почему оно должно платить за то, что не считает для себя нужным, вряд ли бы нашёлся внятный ответ, кроме как указания на нормы государственного стандарта в сфере образования.

Включение в рыночные отношения действует разрушающе на знание и в связи с другими характеристиками общества потребления. Одна из них – необходимость предлагать постоянно обновляющийся и расширяющийся спектр товаров и услуг, что, с одной стороны, не противоречит сущности научного поиска, всегда направленного на открытие нового. Но, с другой стороны, рынок начинает вести этот поиск по направлениям чисто симулятивным, не имеющим ни фундаментального, ни прикладного значения. Юноша, приходящий в университет, обнаруживает огромный спектр образовательных услуг, который пополняется постоянно вне зависимости от реальных потребностей в них, точно так же как постоянно расширяется ассортимент капусты в овощном магазине.

Другой немаловажный аспект заключается в усилении роли символов в процессе купли-продажи товаров и услуг. Это функционирование рекламы, действие моды и создание брендов, престижность владения чем-либо и т.д. Образование тоже начинает играть символическую роль, его получение не связано с конкретными нуждами рынка труда. Обладать высшим образованием, иметь диплом кандидата наук – значит иметь символический статус в социальной структуре общества. Кроме того, на рынке образовательных услуг возникает особого рода борьба брендов, когда образование в одном университете ценится больше, чем в другом, а обучение по некоторым специальностям выглядит более привлекательным вне зависимости от необходимости в соответствующих специалистах (именно так в России формировалась «мода» на экономистов и юристов, остановить которую пытаются по сей день).

Перечислять факторы, по которым общество потребления деформирует знание, можно бесконечно долго, достаточно вспомнить концепцию отчуждения в марксизме и в работах представителей Франкфуртской школы, в которой человек сам становится товаром со всеми

вытекающими отсюда последствиями. В целом можно констатировать, что многие проблемы науки и образования, широко обсуждаемые сегодня в России, возникают в результате непонимания педагогической интеллигенцией собственной роли в новом обществе. Она не желает быть продавцами образовательных услуг, а хочет оставаться ответственной за воспитание и формирование подрастающего поколения. Хотелось бы отметить, что продавец овощей, считающий, что он не просто продавец, а человек, ответственный за то, чтобы люди были сыты, скорее всего, будет работать себе в убыток. Иными словами, мессианский характер отечественной интеллигенции приходит в противоречие с требованиями рынка. Интеллигенция требует сакрального отношения к знанию, а рынок требует максимизации полезности от продажи знания. Указанный раскол порождает кризисы в системе образования и усиливает споры вокруг его форм и содержания.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.
2. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986. – 240 с.

ЗНАНИЕ – РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В ПОДГОТОВКЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ

А.О. Очиллов

Каршинский инженерно-экономический институт Республики Узбекистан
akram.oo@mail.ru

Главным фактором формирования развития экономики знаний является человеческий капитал. Высококвалифицированная подготовка кадров в высших учебных заведениях, которая входит составной частью в систему образования, повышает ценность человеческого капитала в экономике, так как знания XXI века включаются в основной экономический ресурс любого государства.

Удельный вес человеческого капитала в таких высокоразвитых странах, как США, Финляндия, Германия, Япония, Швейцария и др., составляет до 80,0% их национального богатства [7. 325].

Необходимым требованием совершенствования образовательной системы считается разработка концепции экономики образования в

условиях рыночных отношений. Современная экономика основывается больше на движении идей и знаний, чем материальных ресурсов и товаров. Однако человеческий опыт является очень ценным нематериальным активом.

Высшее образовательное учреждение, являясь зеркальным отражением экономических и общественно-политических проблем развития государства и общества, считается и генерирующим механизмом системы получения и распространения современных технологий, знаний и идей, системы подготовки, воспроизводства, повышения квалификации и переподготовки высококвалифицированных кадров – выпускников высших образовательных учреждений.

В настоящее время непрерывный процесс обогащения личности знаниями и навыками приобрел принципиально важные особенности, обусловленные возрастающей ролью науки в обществе. Здесь большую роль играет процесс обогащения личности научными знаниями (навыками) и умением их использовать. Это характерно непрерывно развивающейся и одновременно дифференцирующейся системе образования. В связи с этим общество совершенствует управление процессом обновления и освоения научных, технико-экономических знаний и квалификационных навыков всеми людьми на основе изменяющихся требований производства.

В последнее время многие ученые занимаются этими проблемами. Например, Т.П. Кузьминская разделяет процесс образования на следующие этапы: 1. Формирование системы общеобразовательных знаний, трудовых умений, приемов творческой деятельности. На этом этапе даются фундаментальные, наиболее стабильные знания. 2. Формирование системы профессиональных знаний и умений, опыта творческой деятельности, т.е. приобретение специальных, конкретных знаний. 3. Период обновления, углубления, расширения профессионально значимых знаний, умений, навыков, обеспечивающих повышение эффективности труда в условиях рыночных отношений и постоянно изменяющихся техники, технологии и организации производства. 4. Формирование знаний и умений, не связанных с профессиональной деятельностью, а обеспечивающих удовлетворение многообразных интеллектуальных потребностей человека, всестороннее развитие его личности [4. 22].

А.П. Колядин пришел к выводу, что «в основе научно-исследовательского и инновационно-образовательного процессов лежит реализация творческого потенциала ученого, педагога, инженера, его профессионализма, способностей быть преобразователем среды и генерировать новые идеи. Прогрессивное значение инновационно-образовательных комплексов определяется реализацией ими следующих функций: 1. Образовательная функция – подготовка и переподготовка специалистов. 2. Функция распространения знаний в обществе. В настоящее время в формах ее реализации произошли существенные изменения, вызванные возросшей ролью знания как экономического ресурса и продукта. 3. Функция освоения, сохранения и передачи накопленного культурного наследия. 4. Функция генерации знаний – создание новых знаний, являющихся благом, которое обеспечивает повышение уровня человеческого капитала» [3. С. 21–22].

Когда образование рассматривается как процесс, его содержание изображается как формирование и развитие интеллектуального потенциала общества, т.е. производство, накопление, сохранение и систематизация совокупности знаний и навыков. Здесь важную роль играет наука, так как интеллектуальный потенциал профессорско-преподавательского состава оценивается с учетом его вклада в развитие научной мысли, т.е. получением и применением новых знаний и технологий.

Профессор Стенфордского университета и центра исследований Эдинбургского университета Г. Ицковиц в своей книге «Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство» отмечает, что непрерывность генерирования знаний обеспечивает новая модель «тройной спирали» (университеты – предприятия – государство), считается рациональной формой инновационной системы и соединяет инновационные усилия ВОУ, государства и бизнеса при значительной роли университетов.

В инновационной экономике, основанной на знаниях, высшее образовательное учреждение имеет большое значение, ставя «капитализацию знаний» в качестве академической цели, а в обществе, основанном на знаниях, высшее образовательное учреждение тоже имеет огромное значение. Здесь модель «тройной спирали» подтверждает мысль, что, являясь центрами, генерирующими технологии и современные формы предпринимательства, университеты (ВОУ) оставляют за собой и научные исследования.

К.Н. Гоженко после проведения подобных исследований подчеркивает: «В постиндустриальном обществе реальный контроль над производством и ресурсами не могут дать ни капитал, ни земля, ни труд. Основным экономическим ресурсом есть и будет оставаться знание. Знание доминирует над традиционными факторами производства (земля, труд и капитал), которые не исчезают, но становятся факторами вторичного статуса. Производство в экономике знания основывается не на труде, а на знании. И рыночная экономика теперь организует хозяйственную деятельность вокруг информации. Центральной сферой экономики знания становится не создание вещного богатства, не распределение капитала, а производство и распределение знания» [1. С. 25–26].

По мнению Н.О. Каюмовой, «сопоставление традиционных ресурсов с информационными показывает, что первые характеризуются, как правило, материальными потоками и запасами, в то время как для знаний и информации характерны нематериальные потоки и запасы. Кроме того, знания увеличиваются, если они передаются, тиражируются и используются и, наоборот, если знания не используются, то они уменьшаются и разрушаются. Этим они отличаются от основных фондов, которые чем больше используются, тем в большей мере изнашиваются, уменьшая свою стоимость» [2. С. 324–325].

Получающий соответствующий уровень квалификации высококвалифицированный специалист волеется в процесс передачи знаний, умений, навыков и опыта, осуществит квалифицированную деятельность в области науки, культуры и услуг, материального производства, т.е. станет активным субъектом развития и реализации реформ в стране. Таким образом, высококвалифицированные кадры могут осуществлять процесс воспроизводства и ротации таких же кадров для нужд потребностей организаций, предприятий, учреждений и т.д.

Человеческий потенциал – ведущий движущий рычаг общественного прогресса. В специальной литературе термин «человеческий потенциал» еще полностью не отработан. Вместо этого термина в основном используется термин «трудовой потенциал работника», который характеризуется как совокупная способность физических и интеллектуальных свойств работника достигать в заданных условиях определенных результатов его производственной деятельности и самосовершенствоваться в процесс трудовой деятельности, решая новые задачи, возникающие в результате изменений в производстве [8].

В состав человеческого потенциала входят: здоровье, способность выдерживать нервные и силовые нагрузки, характер, темперамент, мышление, речь, память, стабильность ощущений, знания, творческие способности, общественная активность, конкурентоспособность, уровень образования и подготовки (при необходимости переподготовки), инициатива, профессиональный опыт, ответственность, отношения с руководителями и сотрудниками, соблюдение правил техники безопасности и трудовой дисциплины и т.д.

С экономической точки зрения накопление знаний людьми – это богатство, предопределяющее развитие экономики, научный, культурный и социальный прогресс общества. Известный американский экономист Т. Стоуньер считает, что «в постиндустриальной экономике знание заменило собой традиционную триаду земли, труда и капитала и стало наиболее важной основой современных производительных систем» [6].

«Экономика знаний – это на самом деле вся экономика. Нет «новой экономики», просто вся экономика трансформируется информационными технологиями – это экономическая революция», – говорил бывший премьер министр Великобритании Тони Блэр [9].

Академик В.Л. Макаров утверждает, что «экономика знаний дает тем больший объем продукции, чем, с одной стороны, больше знаний создано учеными и, с другой стороны, чем больше людей потребили эти знания. То есть важны и работа ученых, и работа людей, которые доводят знания до конечного потребителя» [5].

Таким образом, исходя из вышеизложенного и по результатам наших исследований, можно сделать вывод, что высшие образовательные учреждения должны содействовать тому, чтобы престижность выдаваемых знаний (умений, навыков) и востребованность выпускников по всем направлениям бакалавриата и специальности магистратуры обеспечивалась. Значит, высшие учебные заведения должны стать школой творческого мышления, обеспечивающей качество образования и конкурентоспособную среду, позволяющие выпускнику быстро и безошибочно решать нестандартные задачи. Эффективное управление подготовки знающих и конкурентоспособных высококвалифицированных кадров в настоящее время является требованием времени.

Литература

1. *Гоженко К.Н.* Экономика знания – императивная основа инновационной трансформации сферы образовательных услуг: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Кисловодск, 2012. – С. 25–26.

2. Каюмова Н.О. Превращение знания в общественный товар и вопросы регулирования интеллектуальной собственности // Реализация антикризисной программы – основа дальнейшего развития национальной экономики и повышения его конкурентоспособности. – М.: МГЭИ, 2010. – С. 324–326.

3. Колядин А.П. Фиктивный компонент человеческого капитала как системный феномен экономики знаний: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Саратов, 2012. – 30 с.

4. Кузьминская Т.П. Непрерывное образование в формировании и развитии интеллектуального капитала // Информатика и образование. – 2007. – № 6. – С. 22–23.

5. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. – 2003. – №5. – С. 73.

6. Стоуньер Т. Информационные богатство: профиль постиндустриальной экономики. Новая технологическая волна на Западе / под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 24.

7. Человеческое развитие: учебное пособие / под общей редакцией д-ра экон. наук, проф. Абдурахманова К.Х. и д.э.н., проф. Жумаева Н.Х. – Т.: Fan va texnologiya, 2012. – С. 325.

8. Экономика труда. Социально-трудовые отношения: учебник / под. общ. ред. Н.А. Волгина и Ю.Г. Одегова. – М.: Экзамен, 2006. – С. 38.

9. Buckman R.H. Building a Knowledge – Driven Organization. – Me Graw-Hill, 2004.

ИДЕЯ «ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ» И КОММУНИКАТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

В.В. Петренко

Томский государственный университет

vptomsk@mail.ru

Е.В. Зинченко

Западно-Сибирский филиал Российской академии правосудия, г. Томск

S_ev2001@mail.ru

Символический капитал, росту которого способствует развитие образования, делает функционирование последнего *практически* востребованной культурной формой. Образование как деятельностная культурная практика предполагает интеграцию педагогического намерения в существующую систему общественных ценностей. В этом же горизонте социальной востребованности, как правило, осуществляется анализ актуальной образовательной политики. Выявление единства философских предпочтений при проектировании и реализации новых образовательных стратегий – залог правильного понимания логики, направления и конечных целей общеобразовательного процесса. В частности, потому, что социокультурные факторы, в теоретическом отношении находящиеся по ту сторону образования, в действительности оказываются интериоризованы, превращены в детерминирующие образовательную деятельность внутренние предпосылки, что должно быть учтено при анализе конкретных педагогических шагов.

Современная социальная теория запретила «реализм социальной структуры» (П. Бурдьё). Социальный мир предлагается мыслить как набор практических институций, едва ли не главной среди которых числится языковая, дискурсивная компетентность. Теоретические трансформации, полностью изменившие очертания социальной онтологии, находят выражение в тезисе о блокировании прямого доступа к любому общественному явлению. Отказ от привычных для социогуманитарных наук ориентаций на «объективность» ведет к пониманию социальной реальности как коммуникативного пространства, агенты которого подчинены игре частных горизонтов. Взаимодействие этих горизонтов делает намерения, выбор, волевые решения социальных агентов вторичными по отношению к самой этой структуре. «Социальность» в данном аспекте – во многом – эффект согласия/несогласия субъектов, результат их взаимовлияний.

То обстоятельство, что социальной коммуникации сопутствует так называемая непрозрачная рациональность (К. Хельд), что свести воедино все различия в способах восприятия вряд ли удастся, что «идеальное коммуникативное сообщество» (Ю. Хабермас) может мыслиться – единственно – как *символический* горизонт в достижении общественного консенсуса, а гетерогенность языковых игр (Л. Витгенштейн) – неустранимое условие порядка сосуществования с другими, – все это вынуждает социального теоретика принять радикальный конвенционализм как подлинное априори современных способов конституирования и последующей концептуализации действительности.

Таким образом, главный вопрос, требующий разрешения: как обеспечить коммуникативный синтез разных интерпретаций? Разумеется, у этого вопроса есть теоретическая сторона: как выглядит сам способ такого обеспечения коммуникативного понимания? В чем состоит метапозиция теоретика? Ведь требование удержать множественность дискурсивных – ментальных и языковых – горизонтов, скорее, эмпирическое (политическое, историческое, историко-культурное и проч.). И здесь сама структура рациональности приобретает коммуникативную, открытую, «вопрос-ответную» (Б. Вальденфельс) форму. Мышление всегда действует в ситуации неопределенности, и назначение рациональности в том, чтобы соответствовать данному случаю, т.е. времени. Требование трансцендентальной обусловленности бытия и мышления никуда не исчезает: мир в его темпоральной конституции оказывается трансцендентальным условием единства партикулярных горизонтов, образующих

пространство социального. Задача критической философии и «открытого образования» – в актуализации прошлого в ответ на вызовы настоящего и будущего. Поэтому образование, предназначением которого во многом является удержание традиции (прошлого), перестает быть жесткой цивилизационной институциональной формой. Оно открывает себя как подвижную культурную социальную практику. Оставаясь средоточием отобранных традиций культурных инвестиций, образование формирует ресурс новой социокультурной компетентности. Оно учит существовать в ситуации диалога и, одновременно, направляет саму эту ситуацию, порождая заинтересованность в высказывании и обсуждении различных точек зрения по ключевым вопросам современности.

ВОЗМОЖНОСТИ КОГНИТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ОБРАЗОВАНИИ

Г.И. Петрова

Томский государственный университет

Seminar_2008@mail.ru

Л.Л. Ленкина

Горно-Алтайский государственный университет

balakinalubov@mail.ru

Когнитивный менеджмент (knowledgemanagement) – управление развитием знания – в информационном обществе завоёвывает доверие как управленческая стратегия, релевантная той властной роли знания, которую оно приобрело в социальном развитии. Первым отреагировал на эту инновационную систему бизнес, интуитивно почувствовав, что она является ответом на вызовы современности. Однако было бы более адекватно, если бы начальные реакции шли от системы высшего образования, от университета прежде всего, где есть возможности для проработки методологических оснований knowledgemanagement и где эта стратегия управления могла бы стать прерогативой практики управления.

Когнитивный менеджмент как система управления в образовании востребованным характером образовательного знания, которое несёт на себе печать общих изменений в гносеологии и эпистемологии, касающихся их когитарного поворота. Смысл этого поворота состоит в том, что предметом интереса эпистемологии является не только научный результат в его общезначимости и абсолютности, но процессуальность и

контекстуальность его получения. Современная научная мысль активна, способна к ситуационной актуализации гетерогенной истины, включается в социальные отношения, и ценность результата её работы зависит от вопроса о том, как и с какой целью она производится, вы-водится, извлекается из мира? Важно не только *что* мысль создала, но и *как*, во имя чего она это сделала. Процесс производства знания не менее значим, чем его результат.

В процессуальной и контекстуальной гетерогенности классический трансцендентальный субъект-когито лишился рациональной силы субъективности, однозначно порождающей истину. Уже в начале XX века стало понятно, что рациональное познание мира иссушало его, и потому «умный» субъект стал «подозреваться» (П. Рикёр) как рациональная конструкция, приводящая к «утрате» и «забвению» бытия (М. Хайдеггер). Традиционная гносеологическая проблематика деконструируется, и человек узнаёт себя не в метапозиции по отношению к миру, но как присутствующий в нем, ему причастный и «со-бытийный». Человек как присутствие, вопрошающее и понимающее бытие – *da-sein* (М. Хайдеггер) – устраняет его субъектное видение в разуме как только одной структуре работы мысли и позволяет включить бессознательный, эмпатийный, чувственный уровни познания. Присутствие «в», даёт возможность голографического видения бытия. «Фасетное» зрение «изнутри» несло весть не столько о его логико-рациональной истине, сколько о его иррациональных тайнах и индивидуальных проявлениях. На место единства абсолютной истины заступает смысловой плюрализм. Знание увидено зависимым от работы всех структур когито и в этом смысле претерпевает когитарный поворот [1.С. 65].

Когитарный поворот в познании позволяет перевести *knowledge* не как знание, а как мысль (*cogito*). «*Knowledge*» идентифицируется с «*cogito*». Поэтому оно вызывает к жизни «*knowledgemanagement*» как такой тип управления, где присутствует эта идентификация. Управление знаниями означает управление работой мысли – «когнитивный менеджмент».

Что, однако, конкретно имеется в виду, когда управление в образовании приобретает характер когнитивного менеджмента?

Имея дело с формированием профессионала, образовательное знание обязано быть чувствительным к когнитивному повороту в эпистемологии, и, следовательно, управление его развитием также не может не испытать описанного рода эпистемологические трансформации. Эпи-

стемология, обратившаяся к когнитивистике, стремится к тому, чтобы наука в новой форме существования входила в образование – в университетское образование, прежде всего. Какие преимущества и каковы основные задачи этой формы управления в образовании? Во-первых, когнитивный менеджмент направлен на формирование личности, релевантной информационному обществу. И поскольку образовательное знание, «снимая» динамику социального и профессионального миров, существует в постоянных процессах их производства и порождения, то когнитивный менеджмент включает личность в новую форму идентичности, которая теперь полагает необходимость её одновременного существования во многих культурных реальностях. Личность всегда находит себя в переходах между постоянно возникающими и уходящими культурами, и её идентичность удерживается в способности быстрого «перетекания» (З. Бауман). Когнитивный менеджмент принимает стратегию освоения «связей», «промежутков», «отношений» между теми состояниями культуры, науки, профессии, которые характеризуют их в интенции стать другими, «схватывает» их процессуальную «пульсацию». Образование обязано готовить профессионала к мобильности, что развивает умение видеть разновекторные, непредсказуемые тенденции, не только профессионального, но и социокультурного развития в целом, способность принимать решения в ситуациях калейдоскопической неопределённости, готовность пойти на риск в выборе акцентов открывающихся перспектив. Когнитивный менеджмент в образовании обеспечивает эту специфику, ибо в качестве своего объекта (и это во-вторых) имеет образовательные программы, обеспечивающие культурные «переходы» и «перетекания». Его задачей является экспертиза методологического содержания программ, их направленности на формирование умения студента самостоятельно производить новые знания. Современная учебная программа направлена не на передачу истины, а на её возникновение в рамках учебного процесса. В узнавании истины как постоянно становящейся формируется образовательная субъективность, релевантная «текучей» социальности. В-третьих, когнитивный менеджмент исходит из ситуации культурной неопределённости, когда нелинейное развитие социального и профессионального миров полагает необходимость работать на перспективу и готовить студента к таким профессиям, которых пока не существует. Проблема состоит в

том, чтобы обосновать перспективные потребности профессиональной деятельности, которые с определённой долей вероятности должны появиться. Образовательное знание, поэтому, имеет проективный характер. В проекте работает не только рациональная, алгоритмически линейная мысль, но и такие когнитарные способности, как воображение, фантазия, конструирование, абстрагирование, изобретательность, просматривание последствий логических ходов, рискованность, быстрое принятие решений и др.

Когитарный поворот современного знания инициирует одну из адекватных стратегий образования и социализации личности – формирование когнитивной компетентности [2. С. 16]. Её содержание – умение производить знание, а способ формирования – развитие процессуальной стороны *cogito*. Образование высказывает свой интерес не к усвоению знания, но к его постоянному производству как нового. Парадигма учения приходит на смену парадигме обучения [3]. Именно этот интерес адекватен современной реальности, развивающейся за счёт бесконечного движения – возникновения, роста и устаревания информационных потоков.

Сформировать компетенции, которые позволяли бы активизировать когнитивный потенциал человека для обеспечения постоянной востребованности общества в новых знаниях – в таком направлении видится задача когнитивного менеджмента в университете.

Литература

1. Меськов В.С., Мамченко А.А. Мир информации как тринитарная модель Универсума. Постнеклассическая методология когнитивной деятельности // Вопросы философии. – 2010. – № 5.
2. Карпов А.О. Современная теория научного образования: проблемы становления // Вопросы философии. – 2010. – № 5.
3. Бар Р.Б., Таг Д. От обучения к учению – новая парадигма высшего образования // Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению. БГУ. Центр проблем развития образования. – Мн., 2001. – С. 13–39.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Е.В. Тихонова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Противоречивость глобализационных процессов позволяет найти соответствующие аргументы для обоснования правомерности каждого из перечисленных подходов. В то же время следует признать некото-

рую ограниченность отдельно взятого подхода, раскрывающего лишь те или иные аспекты или характеристики глобализационных процессов. Определение сущности глобализации в контексте системного видения различных измерений глобализационных процессов представляется наиболее корректно и полно отражающим специфические особенности развития общества на современном этапе.

В последние годы с качественно иных позиций исследуется методологическая функция философии в теории и практике образовательного процесса, при этом делается акцент на общественно значимые, ценностно-целевые, личностно-ориентированные, идейно-нравственные компоненты образования. В этом отношении представить себе философию образования – значит ответить на вопрос, каким образом в конкретных социокультурных ситуациях организована действительность. Это подразумевает ответы на вопросы о методах, содержании, способах взаимодействия, а также общее представление об этой действительности. Такой подход внутренне противоречив. Соединение этих двух сущностей не только возможно в принципе, но и является одним из основных направлений деятельности специалистов. Образование должно включить в себя весь механизм такого воспроизводства. Только в этом случае оно в состоянии действительно обеспечить весь цикл воспроизводства культуры и деятельности. В США, например, «философию образования» понимают не столько как тенденцию к становлению новой области знания, сколько как осознание определенной проблемы, с которой столкнулись ученые и практики в конкретной исторической ситуации [3].

Основания образования могут быть представлены в виде консервативных, либеральных, реакционных, радикальных и иных теорий. Радикальные основания моделей образования могут быть представлены идеями философов античности, Средневековья; консервативные являются порождением философии модернизма (начиная с философии Р. Декарта). Либеральные модели образования инспирируются современной философией (например, философией Уайтхеда и Дж. Дьюи); радикальные модели, представляемые, например, ультралибералами, черпают свои идеи из авангардных теорий, представляющих любопытное смешение прагматизма, позитивизма и экзистенциализма с философскими идеями, пришедшими из таких дисциплин, как социальная психология, культурная антропология и социология знания [6].

Образование понимается как главный фактор развития и усиления интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности [1]. Даже простое перечисление круга вопросов показывает, что проблемы образования имеют важное социальное значение. Методологией и информационной базой научных исследований являются идеи и концепции философии образования как отрасли философского знания и как предмета социально-гуманитарных наук, а также реальная педагогическая практика.

В сферу интересов философии образования попадают различные объекты: а) человек; б) социально-экономическая среда; в) сфера культуры и духовной жизни общества; г) система и процесс воспитания, обучения и развития человека; д) педагогическая наука, рассматриваемая в системе междисциплинарного научного знания. Особое место в данной системе занимает, безусловно, учитель как главный носитель нового знания. В данном определении концентрируется многоаспектность самого понятия «образование» как: система образовательных учреждений; процесс; ценность; результат и т.д. Однако подобные взгляды ученых, например Гершунского [4], на эту проблему оспаривают другие ученые. О.В. Долженко, в частности, ставит под сомнение аспект, связанный с пониманием философии образования как инструментального средства.

Важно в данном контексте рассмотреть интеграцию, которая характеризует, например, взаимоотношения науки и образования. Как считают И.Д. Демидова, В. И. Минина, организационные формы, в рамках которых протекают интеграционные процессы в науке и образовании, следует описывать с двух позиций: с позиции потребления наукой образовательного ресурса и с позиции потребления образованием научного результата [5].

Функция философии заключается в возможности исследовать, рефлексировать само образование как сферу общественной жизни и деятельности. Философский подход предупреждает о реальной опасности рассматривать образование в отрыве от конкретных проблем жизни, в отрыве от социальных и политических отношений в первую очередь. Философский подход к образованию, методологическая функция философии в ее праксиологическом проявлении позволяют выявить существо такого важного явления современности, как единое образовательное пространство, без осмысления которого вряд ли можно рассчитывать на сколько-нибудь заметные достижения в области образования.

Образование подчиняется как общесоциологическим, так и собственным внутренним специфическим законам развития, поскольку оно постепенно превращается в массовый вид социальной деятельности. Новым направлением, например, является сравнительное образование, то есть сопоставление уровня развития образования в отдельных странах по тем или иным социально значимым параметрам. Культурная функция образования состоит в воспроизводстве и развитии материальной и духовной культуры, прежде всего различных слоев, групп и отрядов молодежи. Вместе с тем рассматривать образование только как инструмент для удовлетворения экономических, социальных и иных потребностей было бы неверно. Образование является еще и самоцелью. Именно понимание этого обстоятельства приобретает сегодня для общества особое значение. Суть его в том, что образование нужно не только ради осуществления конкретных целей и задач, лежащих за его пределами (в сферах экономики, политики, культуры), оно необходимо человеку для удовлетворения своего интереса, потребности узнать нечто новое. В этом плане образование и его разновидность – самообразование – могут выступать источником научного и культурного прогресса. Названная функциональная характеристика образования как социального института имеет значение для любой образовательной структуры. Их всех сближает функция формирования личностного ядра общества.

В современной философии образования существуют различные подходы к образовательной сфере, в соответствии с основополагающими контекстами употребления понятия «образование». Чаще всего «образование» рассматривается с позиций его социальных функций в обществе. Идеал образованности в этом случае заимствуется из философской концепции человека, и его пытаются осуществить в различных педагогических системах (школа «диалога культур», развивающее обучение, вальдорфская педагогика и т.д.) [2]. Главное же отличие философии образования от других наук, обслуживающих образовательную систему, состоит в целостности, которую дает философия образования, ведь создание всесторонней, комплексной теории образования невозможно вне контекста философской перспективы, философского осмысления истории и современного состояния системы образования. Философия образования имеет смысл не только потому, что, благодаря ей, мы можем проецировать философский способ мышления на эту область

деятельности. Она существует и потому, что сама сфера образования носит философский характер.

Гражданское образование – это механизм воспроизводства определенного типа социальности в конкретный исторический период. Это направление особо актуализируется в связи с тем, что во многих учебниках средних и высших учебных заведений искажается славное прошлое нашей великой Отчизны, отрицаются трудовые и военные подвиги России. Такое же отношение проявляется и к национальным литературам и языкам, и к великой русской литературе, и русскому языку. Почему-то изымаются из программы произведения, ставшие мировой классикой. Творения многих известных писателей ныне недоступны подрастающему поколению.

В структуре результата патриотического воспитания сегодня актуализируется такой компонент, как патриотическое самосознание, что приводит нас к необходимости анализа данного понятия. Однако этот анализ невозможен без выявления сущности родового понятия патриотического самосознания, то есть без выявления сущности самосознания. Философы подчеркивают, что самосознание – это «осознание, оценка человеком своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя как деятеля, как чувствующего и мыслящего существа.

Молодежи, как наиболее активной социальной группе, отводится особая роль в системе социальных связей и отношений, и именно молодой человек выступает субъектом-носителем гражданской позиции. Трудно переоценить и роль студенческой молодежи, по отношению к которой формируются соответствующие социальные ожидания – гражданского долга, патриотических ценностей.

Таким образом, в условиях глобализации образования особо актуализируется проблема изучения не только дисциплин, ориентирующих подрастающее поколение на общечеловеческие ценности, но также тех предметов, которые помогают сохранить свою социокультурную идентичность.

Литература

1. Агеенко Е.В. Реформы системы образования в новых землях ФРГ: обзор информации / под ред. А. И. Галагана. – М.: НИИВО, 1994.

2. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991; Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения / В.В. Давыдов. – М., 1972 и др.

3. *Вербицкий А.А.* От парадигмы обучения – к парадигме образования // Гуманистические тенденции в развитии непрерывного образования взрослых в России и США. А.А.Вербицкий. – М., 1994. – С. 32–58.
4. *Гершунский Б.С.* Россия: образование и будущее. – Челябинск, 1993.
5. *Демидова И.Д., Минина В.И.* Организационные формы интегративного развития науки и образования (на примере социально-гуманитарного знания) // Философия образования. – 2004. – №3 (11). С. 54.
6. *Запесоцкий А.* Образование: философия, культурология, политика. – М., 2002. – С. 75–83.

«ОБУЧАЮЩИЙСЯ РЕГИОН» КАК МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

Э.И Андреевна

Томский государственный университет
inns609@yandex.ru

Актуализация интереса к проблемам «обучающегося региона» в современном социо-гуманитарном дискурсе связана с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу. Главным источником и ресурсом развития выступает уже не промышленность, как это было в индустриальную эпоху, а знания и инновации, которые оказывают решающее влияние на все сферы человеческой жизни, что позволяет говорить о возникновении нового типа социальности – «обществе знания» и новом типе экономики – «экономике знания». Знание и способность к обучению становятся необходимым условием существования и фактором конкурентоспособности в «экономике знания». Определяющими тенденциями развития «общества знания» являются, с одной стороны, глобализация, выражающаяся в унификации культурных, социально-экономических, правовых норм и ценностей, мобильности рынка труда и капитала, с другой стороны, индивидуализация, которая, напротив, предполагает стремление к сохранению своей автономии (экономической, политической, религиозной и т.п.) и культурной идентичности как на уровне отдельной личности, так и на уровне регионов и национальных государств. В этой ситуации ключевой темой становится вопрос о стратегиях регионального развития, которые позволят региону эффективным образом вписаться в контекст глобального мира и стать реальным субъектом экономического, политического и культурного действия.

Модели инновационного регионального развития, выделенные в рамках новой экономики знания, делят на две группы: модели, в основе

которых лежит идея сетей как новой формы организации производства, и модели, основанные на идее знания как исходного ресурса развития. Конститутивной идеей для моделей первого типа является идея близости. Пространственная и социальная близость между субъектами действия способствует более интенсивному обмену знаниями и предстает как необходимое условие инновационных процессов. К моделям первого типа относят концепции промышленных областей, специализированных экономических кластеров и инновационных сред. Центральная идея для моделей второго типа – это идея «обучающейся экономики», экономики, основанной на знаниях, где экономическая эффективность непосредственно связывается со способностью к обучению, соответственно, особое внимание уделяется созданию как самой инфраструктуры знания, так и социальной и политической инфраструктуры, которая должна обеспечивать поддержку инноваций и обучения на всех уровнях. К моделям второго типа относят концепцию «обучающегося региона». При этом сама концепция «обучающегося региона» возникает как результат эволюции и определенного синтеза моделей первой группы (1).

Концепция «обучающегося региона» возникла в середине 90-х годов прошлого века, на основе таких теоретических концепций региональных форм сотрудничества, как промышленные области, технологические области и инновационные среды и сети. Центральная идея данного подхода – знание и способность к обучению рассматриваются как основной ресурс развития и источник экономического роста региона. Знание, его «способность аккумулироваться в едином социокультурном пространстве... становится главным механизмом агломерации, а обучающийся регион можно охарактеризовать как непрерывный процесс интеграции всех региональных подсистем и институтов на основе взаимного обучения» [2. С. 81].

В центре внимания обучающегося региона находится «знание» и «обучение» в качестве основных источников региональных изменений. «Человеческий ресурс» – так называемый «эндогенный потенциал», – рассматривается и оценивается с точки зрения обучения и знаний. Вопрос состоит в следующем, каким образом регионы могут способствовать формированию творческой среды для того, чтобы быть в состоянии реагировать на изменение социально-экономических условий и вызовы, т. е. как «выжить» региону в условиях глобализации и индивидуализации? Концепция обучающегося региона описывает в этом смысле про-

цесс общественной ревитализации жизненного пространства на основании партисипативной модели управления и менеджмента знания.

При этом под обучающимся регионом понимают региональные процессы кодировки, закрепления и организации сети знания, а также трансформацию знания в практические компетенции и инновации, содействующие региональному развитию. Акцент делается на региональном измерении знания. В этом смысле «обучающийся регион» понимается как региональная инфраструктура управления знанием [3].

Регион – это прежде всего среда с соответствующей инфраструктурой, призванная поддерживать процессы обучения и распространения инноваций. Флорида в качестве необходимых условий, способствующих трансферту знаний, выделяет следующие типы инфраструктуры: производственная инфраструктура – связанные в единую сеть предприятия, производящие товары, и услуги, обеспечивающая основанные на доверии отношения производителей, поставщиков и покупателей; рынок труда и социальная инфраструктура, которая обеспечивает предприятия высококвалифицированной рабочей силой, ориентированной на командное взаимодействие, содействует развитию обучения на протяжении всей жизни; материальная и коммуникационная инфраструктура (инфраструктура связи) обеспечивает электронный обмен данными и информацией, коммуникацию региональных субъектов действия друг с другом, своевременную доставку товаров и услуг, а также интеграцию в глобальные сети; финансовая инфраструктура – система распределения капитала, ориентированная на потребности наукоемких предприятий; экономическая система управления производством – писанные и неписанные правила, регулирующие отношение между различными региональными субъектами [4].

Различие между регионами определяется их инфраструктурой. Так, Флорида большое внимание уделяет анализу различия между обучающимся регионом и регионом с массовым производством. Критериями сравнения выступают инфраструктура, способ организации производства и основания конкурентоспособности. Обучающийся регион представляет собой систему производства, базирующуюся на знании, где источником конкурентного преимущества выступает производство и постоянное совершенствование знания, а система производства предполагает синтез инноваций и производства, в отличие от регионов с массовым производством, где источником преимущества на рынке являются физический трудом и природные ресурсы, а система производства на

разделении инноваций и производства. Обучающийся регион предполагает не национально, а глобально ориентированную материальную и коммуникационную инфраструктуру, высокий уровень человеческого капитала, сетевую форму организации производства и управления. Наглядный пример обучающихся регионов дает нам Германия, где обучающиеся регионы объединены в рамках федеральной программы «Обучающиеся город – содействие созданию сетей» и на сегодняшний день насчитывают более 72 регионов.

Субъектами обучающегося региона выступают наукоемкие компании из сферы производства и сферы услуг, институты технологической инфраструктуры, главные функции которых заключаются в обеспечении управления и развития знания, организация и поддержка процессов обучения, расширение взаимодействий между фирмами и обеспечение экспертизы. Реализация этих функций является необходимым условием создания и поддержки обучающихся регионов.

Главным предметом дискуссий в рамках данной концепции является аналитический статус самого понятия «обучающегося региона». Встает вопрос о субъекте обучения. Понятие «обучающегося региона» предполагает, что уровнем анализа здесь выступает регион. Однако речь идет об экономической эффективности и способе производственной организации компаний, а не региона, происходит идентификация обучающегося региона с обучающимся предприятием, а это значит, что уровнем анализа в концепции выступают предприятия и различные организации, а отнюдь не регион. Регион понимается как среда, поддерживающая обучение и трансферт знаний, следовательно, речь идет не столько об обучающемся регионе, сколько о процессах обучения, которые инициируются на уровне региона и являются аналитическим фокусом данного понятия.

Вызывает дискуссию вопрос о размерах обучающихся регионов. Насколько большим может или должен быть обучающийся регион, должен ли он быть ограничен административными или географическими границами, исторически сложившимися культурными связями? Требуется ли лимитирование количества субъектов, вовлеченных в процесс обучения, можем ли мы, допустим, говорить об обучающемся регионе, если только две или три компании осуществляют трансферт знаний и технологий, ведь не все компании в равной степени интегрированы в

процесс сетевого обучения и в равной степени извлекают из этого выгоду? Понятие регион не содержит по этому поводу никаких указаний.

Неоднозначную оценку имеет и пространственная близость региональных субъектов. Наряду с неоспоримыми преимуществами (высокая интенсивность трансферта эксплицитных и имплицитных знаний в процессе обучения, создание общей базы знаний) она может стать и источником проблем. Во-первых, регионально обусловленные процессы обучения могут способствовать развитию замкнутости обучающегося сообщества и невосприимчивости к внешним источникам знания и информации. Во-вторых, пространственная близость не исключает значимость экзогенных факторов: компании, ориентированные на мировой рынок, чтобы иметь возможность адекватно реагировать и быстро адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры, должны пользоваться всеми возможными источниками знания, в том числе внешними. Кроме того, в большинстве случаев компании имеют партнеров и за пределами своего региона, т.е. пользуются надрегиональными ресурсами знаний.

Пожалуй, самый важный вопрос – возможность применения концепции обучающихся регионов на практике. Неоспоримым преимуществом данного подхода по отношению к рассмотренным выше концепциям является его открытость. Безусловно, не каждый регион удовлетворяет критериям обучающегося региона, но концепция «обучающихся регионов» является действенной стратегией инновационного регионального развития, которая может быть адаптирована к условиям каждого конкретного региона. Кроме того, подход может быть применен также на национальном уровне, как модель развития национальной экономики знания, целью которой является обучающееся сообщество.

Регионализация как тенденция современной культуры, таким образом, представляет собой одновременно ответ и реакцию на те социальные трансформации, которые произошли в XX веке. «Концепция региона» с точки зрения истории сознания – это поиск утраченной идентичности, с экономической точки зрения – попытка утвердиться на мировом рынке, с политической точки зрения – попытка утвердить свою автономию и способность к действию. Идея регионализации в условиях глобализации является инструментом для сохранения или приобретения идентичности на политическом, экономическом и культурном уровнях.

Литература

1. *Bathelt H., Glücker J.* Wirtschaftsgeographie, Ökonomische Beziehungen in räumlicher Perspektive. (Economic Geography. Economic Relations in Spatial Perspective). 3rd, Completely Restructured Edition. – Stuttgart: UTB – Ulmert, 2011. S. 240
2. *Найман Е.А.* Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 1 (9). – С. 81–91.
3. *Klemm U.* Die Lernende Region – Ein neues Konzept ländlicher Bildungsarbeit? // PRO REGIO. – 2001. – № 26/27. – S. 30–37.
4. *Florida R.* Toward the Learning Region // Futures. – 1995. – 27. – P. 527–536.

СОВРЕМЕННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ОНТОЛОГИЯ, ЛОГИКА

О ЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗИ АРГУМЕНТОВ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

И.В. Берестов

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

berestoviv@yandex.ru

Установление имплицитной проблематики и структуры аргументации в конкретном тексте или фрагменте является ключевой задачей аналитической истории философии. Но любой философский текст создается не в условиях интеллектуального вакуума, – он, как правило, полемичен. В основе философской дискуссии лежит некая единая проблематика и определенный набор аргументов, что позволяет от анализа аргументации в отдельно взятых текстах перейти к следующему этапу: к выявлению связей между разными текстами. Эти связи дают возможность зафиксировать, сопоставить и оценить весомость тех средств убеждения (объяснений, аргументов), которые принимались и использовались разными философами в разные эпохи для решения сходных проблем. Установление связей между аргументами или сходства конкретных аргументов – важная часть аналитической методологии в истории античной философии.

Для того чтобы вести содержательный разговор о какой-либо проблемной или аргументационной связи между философскими произведениями, нельзя ограничиваться лишь неким интуитивным пониманием изложенных в них доводов, но необходимо подвергнуть исследуемые тексты тщательной формализации. Ключевым элементом для этой процедуры является перевод рассматриваемых текстов на формальный или даже искусственный символичный язык.

Если удастся реконструировать конкретный набор аргументов из содержания философского текста, то в продолжение этой работы представляется продуктивным проведение их логического анализа. По мере необходимости возможно использование конкретных технических языков и символической записи (в том числе – языков логики первого и высших порядков, языков различных модальных логик, языка специальным образом интерпретируемой алгебры [1, 2, 3, 4]. За это нас можно упрекнуть на тех же основаниях, на каких мы упрекаем приверженцев телеологической истории философии в неправомерном использова-

нии гегельянского или хайдеггерианского жаргона при интерпретации взглядов античных философов: не затемняет ли такой способ изложения содержания текста исследуемого философа, не затрудняет ли его понимание? Возможно, это создает определенные трудности, но никак не затемняет содержание. Дело в том, что, язык, к примеру, Гегеля – это язык конкретной философии, конкретной концепции, со своими специфическими особенностями, задачами и понятиями, а формализованный язык – это универсальный философский инструмент, претендующий на отсутствие какой бы то ни было субъективности. Формализация дает возможность увидеть или реконструировать все компоненты аргумента (его посылки, шаги, заключение, следствия), оценить его внутреннюю структуру и состоятельность, а символическая запись – сделать этот аргумент более ясным и, что полезно, кратким.

Разумеется, использование этих средств, в первую очередь искусственных языков с их специфическим синтаксисом и техническими терминами, неизбежно делает такой перевод текста его самостоятельной интерпретацией, возможно, исключающей другие, менее формальные интерпретации. Кроме того, при формализации текста нам придется принять вспомогательные посылки и допущения. Они необходимы, поскольку сами исходные тексты, являясь прежде всего литературными произведениями, а не учебником логики, написаны на естественном языке и не представляют собой набор строгих логически выверенных суждений. В зависимости от принятых нами допущений и посылок мы можем получить различные варианты интерпретации, но, что интереснее, они дополняют рассматриваемые тексты так, что в них будут видны постановка и анализ проблемы, а также аргументы в пользу одного или нескольких её решений.

Эта процедура предполагает уверенность в том, что проблемы и аргументы, которые историк философии выявляет в текстах, были проблемами и аргументами для самого рассматриваемого философа. Различные интерпретации одних и тех же текстов могут соответствовать различным наборам проблем, стоящих перед их авторами, а также предлагать различные варианты решений этих проблем, предпосылок рассуждений, аргументов и контраргументов. Философы здесь рассматриваются как встроенные в полемику по поводу проблем и аргументов, но эти проблемы и аргументы не задаются однозначно. Необходимым условием полноты понимания текста является не наличие хотя бы одной его интерпретации (определяемой предпочтениями историка филосо-

фии), но наличие нескольких альтернативных интерпретаций, а также встроенность этих интерпретаций в аргументированные философские дискуссии – споры философа с его предшественниками и современниками. Полнота нашего понимания философских текстов увеличивается по мере добавления новых интерпретаций, указывающих на новые и интересные ходы в дискуссии. При таком соотношении философских текстов имплицитно содержащаяся в них проблема должна содержать несколько решений, список которых выглядит как исчерпывающий, и ни одно из решений не выглядит как обладающее исключительным преимуществом над другими. Это значит, что сама проблематика требует принципиального расширения списка рассматриваемых произведений и авторов и не позволяет ограничиваться лишь теми, кто связан с каким-то одним из нескольких возможных решений.

Выделенные проблемы и аргументы в пользу тех или иных решений дают нам основание делать выводы о существовании структурных связей между философскими текстами. Благодаря обнаруженным сходствам в структуре аргументации мы можем констатировать наличие неких сквозных или универсальных философских проблем и процедур поиска их решений, а также проследить их разработку в истории философии. Формализованная аргументация позволяет рассмотреть структуру философских концепций без привязки к специфике конкретных задач, волновавших древних мыслителей. Вдобавок, немаловажным историко-философским результатом применения этого подхода будет выявление новых примеров использования философами разработок их предшественников и обнаружение ранее не отмеченных направлений философского преемства.

Помимо решения собственно историко-философских задач, связанных с интерпретацией античных текстов и реконструкцией философских учений, формализация содержащейся в текстах аргументации открывает дополнительные возможности и для философского осмысления самих путей доказательства. Этот способ тоже подразумевает связь текстов через их интерпретации, основанные на проблемах и аргументах, но предполагается, что в этом случае для установления связи привлекаются также и дополнительные посылки и допущения самого исследователя. Если в первом случае акцент ставился только на таких интерпретациях текста, проблемах и аргументах, которые, предположительно, имели в виду сами рассматриваемые философы, то во втором

случае допустимо подключение к ним проблем и аргументов, не вытекающих напрямую из текста.

В первом случае, когда мы не выходим за пределы древних текстов, мы нередко сталкиваемся с «тупиковыми» ситуациями. Допустим, мы, проделав все предусмотренные процедуры, усмотрели в некотором тексте рассуждение, которое можно использовать как аргумент в пользу определённого решения некоторой проблемы. Далее этот аргумент подвергается логическому и философскому анализу, в результате которого выясняются его слабые стороны (довольно часто философы плохо формулируют аргументы, пропуская посылки, шаги, а логический анализ этих аргументов способен выявить эти слабые места). Аргумент может оказаться логически некорректным, претензии на невозможность уклониться от принятия какой-либо из его посылок могут оказаться безосновательными и т.д. После этого аргумент можно «списать в архив», заявить, что он представляет только «исторический интерес», являясь лишь «памятником философской мысли», хотя, возможно, и признав его значение для развития философии «на определённом историческом этапе».

Однако можно поступить с этим аргументом иначе: можно попытаться самостоятельно его доработать, прояснив, обобщив или усилив. Полученный результат уже не будет совпадать с исходным аргументом, в нём может идти речь «о чём-то совершенно другом», но при этом философская значимость нового аргумента может быть выше, чем у исходного. Тем не менее исходный аргумент будет находиться с новым в некоторой связи, которую можно назвать «логической». Эта «логическая связь» противопоставляется «исторической», «терминологической», «лингвистической», «культурной» связям различных текстов, их авторов и обстоятельств их написания, хотя все эти связи могут быть полезны для выдвижения предположений о «логической» связи. Целью исследования в этом случае является «логическое» связывание различных текстов, даже если окажется, что эти тексты никаким иным способом друг с другом не пересекаются.

Говоря о «логической» связи, мы не ограничиваем её, например, только отношением выводимости между суждениями. Различные философские тексты оказываются «логически» связанными друг с другом через проблемы и аргументы, которые могут быть порождены посредством

философской критики их интерпретаций, но вряд ли можно сказать, что эти проблемы и аргументы являются лишь результатом формализации самих текстов или что они содержатся в этих текстах. Установленная «логическая» связь зависит от многих допущений: от выбора того языка, на который переводятся избранные для рассмотрения философские тексты, от выбора дополняющих посылок, доводящих рассуждение до полноценного умозаключения, от выбора способа перехода от менее общего или менее совершенного аргумента к более общему или совершенному. Эта процедура не может быть однозначно задана формально, она может быть названа «наведением» в одном из тех смыслов, которые придавал этому термину Аристотель.

Однако такой подход способен выявлять не только сходство формальной структуры аргументов в интерпретациях различных текстов, он способен также выстраивать продуктивную полемику между различными интерпретациями, проследить такие связи между текстами, которые вряд ли удалось бы проследить с помощью других подходов. Например, эти связи выявляются между рассуждениями Зенона Элейского (29 В 2 DK) и Парменида (по меньшей мере, в двух местах его поэмы: 28 В 8.19–21; 8.29–30 DK), если интерпретировать их как доказательства *a contrario* немыслимости сложного, которые, в свою очередь, понимаются как частные случаи более общего доказательства немыслимости «отношений» или «связей». О такой интерпретации аргументации Парменида и Зенона см. [5. С. 135–142; 6. С. 132–134; 7. С. 123–125]. Некоторые основания в пользу такой интерпретации Парменида (28 В 8.29–30 DK) приведены в [8. Р. 92]. Можно предложить также и интерпретации некоторых текстов других авторов, сводимые к этому общему доказательству. В качестве примеров таких текстов можно назвать первую часть платоновского «Парменида» (*Parm.* 130b1–7; 131b1–2; 132b3–c10; 133c3–6; 133e4–5; 134e8–135a2; 135b2–c2), где указывается на трудности, возникающие при попытке связать идеи и вещи. К слову, «Парменид» является одним из наиболее популярных диалогов у сторонников аналитической истории античной философии (см., например, [9]). Также следует обратить внимание на отдельные тексты Уильяма Оккама, где речь идет о немыслимости «отношений» и «универсалий» как «реальных» – см. *Scriptum in librum primum Sententiarum (Ordinatio)*

30.1, лат. текст и русский перевод некоторых фрагментов из этого раздела приведён в [10. С. 252–253]; см. также [11. Р. 154]. Помимо этого, как мы пытались показать в [7], многие платоновские тексты о мире Ума (см. V.8.4, 34–35; V.9.5, 9–10; V.9.6, 3–4; VI.2.22, 13–19; VI.4.2, 17–25) допустимо трактовать как содержащие доводы против элеатовских доказательств немыслимости «отношений» или «связей» между сущими, немыслимости сущего как некоего целого, состоящего из частей, немыслимости произвольного сложного объекта.

Таким образом, подобные процедуры позволяют вывести обсуждение философской проблематики на новый, более содержательный уровень, а выявление имплицитной аргументации и проблематики текстов и установление логических связей между ними может стать плодотворным направлением в аналитической истории философии.

Литература

1. *Barnes J.* The Presocratic Philosophers. The Arguments of the Philosophers / Ed. by T. Honderich. – London, New York: Rutledge, 1982. – 728 p. (First published in two volumes in 1979).
2. *Dancy R. M.* Plato's Introduction of Forms. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – xii, 348 p.
3. *Лобовиков В.О.* Учение Парменида и Мелисса о небытии движения и «Гильотина Д. Юма» с точки зрения двузначной алгебры метафизики // Вестн. Том. гос. ун-та.
4. *Поляк Г.* Затосування модальної логіки в дослідженні схоластичної метафізики // Філософська думка. – Sententiae. – Историко-філософський спецвипуск. – 2010. – Т. I: Антична і середньовічна філософія. – С. 138–144.
5. *Берестов И.В.* Принцип «неразличимости тождественных» в парменидовском обосновании немыслимости множественности и различий в сущем // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 135–144.
6. *Берестов И.В.* *Regressus ad infinitum* в обосновании Зеноном Элейским немножественности сущего // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2011. – №4(16). – С. 131–145.
7. *Берестов И.В.* Элеатовские аргументы против множественности сущего в концепции мира Ума Платона // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 122–133.
8. *Manchester P.B.* Parmenides and the Need of Eternity // The Monist. – 1979. – Vol. 62, № 1. – P. 81–106.
9. *Plato's Parmenides:* Translated with Introduction and Commentary by Samuel Scolnicov. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2003. – 193 p.
10. *Суини М.* Лекции по средневековой философии. – Вып. 1: Средневековая христианская философия Запада. – М.: ГЛК, 2001. – 304 с.
11. *Cross R.* Ockham on Part and Whole // Vivarium. – 1999. – Vol. 37, Iss. 2. – P. 143–167.

ДИСТИНКЦИЯ ДОННЕЛАНА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Е.В. Борисов

Томский государственный университет
borisov.evgeny@gmail.com

I. Определения и постановка вопроса

1. *Определенная дескрипция* (ОД) – это описание, которому соответствует только один объект. Языковая форма ОД: «объект, имеющий свойство F»; символически: $ixFx$. Пропозиция с ОД имеет форму $P(ixFx)$.

2. *Референциальное употребление* ОД в высказывании имеет место тогда, когда говорящий, употребляя ОД, имеет в виду некоторый конкретный объект (например, произнося «автор “Евгения Онегина”», говорящий имеет в виду А.С. Пушкина). *Атрибутивное употребление* ОД в высказывании имеет место тогда, когда говорящий, употребляя ОД, не знает, какой именно объект ей соответствует («автор “Е.О.”, кто бы это ни был, веселый человек»). Референциальное и атрибутивное употребление ОД было тематизировано К. Доннеланом [1. Р. 285–286].

3. *Денотат* ОД – это описываемый объект; *референт* ОД – это объект, который имеет в виду говорящий, произнося данную ОД. ОД имеет референт только при референциальном употреблении.

4. *Интерпретация высказывания* с ОД – это определение пропозиции, выражаемой этим высказыванием.

Предметом рассмотрения в докладе является семантический аспект референциального употребления ОД в перспективе речевой коммуникации. Я предлагаю ответ на два вопроса: 1) Какой семантический выбор делает слушатель, когда приписывает говорящему атрибутивное или референциальное употребление ОД? 2) В какой мере этот выбор определяет решение в пользу атрибутивной или референциальной интерпретации ОД?

II. Общая форма референциальной интерпретации

Рассмотрим случай несовпадения референта и денотата при референциальном употреблении ОД. Важно иметь в виду, что это несовпадение (при стандартном словоупотреблении) обусловлено ошибочным мнением говорящего, согласно которому ОД применима к референту. Следовательно, такого рода несовпадение имеет место *только* с точки

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 11-03-00039), РФФИ (проект 12-06-00078-а), в рамках выполнения задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Томского государственного университета, проект № 6.4832.2011) и в рамках ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы” (госконтракт № 14.В37.21.0986).

зрения интерпретатора; с точки зрения говорящего – в свете его мнений на момент произнесения ОД – они совпадают всегда. Различие перспектив слушателя и говорящего необходимо учитывать при интерпретации предложений с ОД в референциальной функции.

Для описания общей формы интерпретации, учитывающей различие между перспективами говорящего и слушателя, удобно использовать семантику возможных миров. Я буду опираться на подход Т. Пэттона [2. Р. 252–256], модифицировав его в нескольких аспектах (наиболее существенной из этих модификаций является введение понятия возможного мира говорящего). Будем использовать следующие символы:

PaW = объект a имеет свойство P в мире W ;

$ixFxW$ = денотат дескрипции $\langle ixFx \rangle$ в мире W ;

G = действительный мир;

S = возможный мир говорящего: возможный мир, в котором верны все мнения говорящего, релевантные для интерпретируемого высказывания.

В свете семантики возможных миров пропозиция формы « $P(ixFx)$ » трансформируется (как правило) в пропозицию формы « $P(ixFxS)G$ ». Тогда различное понимание соотношения денотата и референта в перспективах говорящего и слушателя обусловлено тем, что интерпретатор, в отличие от говорящего, считает, что $S \neq G$.

III. Семантическое решение интерпретатора

Общая форма интерпретации $[P(ixFxS)G]$ может быть конкретизирована в зависимости от того, используются ли в ней константы или переменные для объектов и для возможных миров. Имеется 4 стандартных варианта:

(1) $F!aS \ \& \ P(ixFxS)G$

(2) $\exists y F!yS \ \& \ P(ixFxS)G$

(3) $\exists W F!aW \ \& \ P(ixFxW)G$

(4) $\exists W \exists y F!yW \ \& \ P(ixFxW)W$

Рассмотрим эти варианты в свете дистинкции «атрибутивное – референциальное». Референциальность ОД (строго говоря, некоторого токена ОД) предполагает однозначную определенность объекта, о котором идет речь. Это, в свою очередь, означает, что если ОД используется в референциальной функции, то она представляет собой жесткий десигнатор. Однако не наоборот: ОД может быть жестким десигнатором, но использоваться атрибутивно: например, дескрипция «автор “Евгения Онегина” в действительном мире» является жестким десигнатором,

даже если тот, кто ее произносит, не имеет в виду А.С. Пушкина [З. Р. 260]. В вариантах (1)–(3) ОД суть жесткие десигнаторы, что обусловлено наличием в первом конъюнкте как минимум одной константы: для объекта или возможного мира. ОД не является жестким десигнатором только в (4). Формула (4) является единственной формулой, однозначной относительно дистинкции «референциальное/атрибутивное»: если высказывание выражает пропозицию формы (4), то ОД употреблено в нем атрибутивно. Формулы (1)–(3) допускают двоякое прочтение ОД.

Итак, если слушатель делает выбор между референциальной и атрибутивной интерпретацией ОД, он должен сделать *семантический* выбор между (1)–(3), с одной стороны, и (4) – с другой. Выбирая (4), слушатель приписывает говорящему атрибутивное употребление ОД; выбирая (1), (2) или (3), слушатель оставляет вопрос об атрибутивности/референциальности данного токена ОД открытым.

Поэтому выбор в пользу (1)–(3) требует следующего шага, который базируется уже не на семантических, но на прагматических соображениях относительно характера связи между автором интерпретируемого речевого акта и референтом.

Литература

1. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. – Vol. 75, № 3 (Jul., 1966). – P. 281–304.
2. *Patton Th.E.* Explaining Referential/Attributive // *Mind*. New Series. – Vol. 106, № 422 (Apr., 1997). – P. 245–261.
3. *Kripke S.* Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*, II (1977). P. 255–276.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПАТРИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

П.А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
pavelbutakov@academ.org

До недавних пор изучение патристической литературы было уделом богословов, филологов и историков, что же касается философов, то их обращение к патристике зачастую сводилось лишь к поиску подходящих цитат, которыми можно было подкрепить их собственные теории. При этом почти все философы, проявившие хоть какой-то интерес к древним церковным текстам, принадлежали к континентальной традиции, в то время как представители аналитического направления

старательно обходили стороной эту часть европейского интеллектуального наследия. Нежелание аналитических философов связываться с богословскими текстами, по-видимому, связано с их традиционным пренебрежением к любым формам метафизики, однако в последнее десятилетие даже этот вековой барьер начал постепенно разрушаться, о чем, например, свидетельствует успешное развитие проекта «Аналитическая теология» [1]. Двадцатый век снабдил философов мощным аналитическим инструментарием, позволяющим по-новому подойти к рассмотрению и теологических проблем, и богословских текстов. Но, несмотря на успехи аналитиков в области философской теологии, применение аналитического историко-философского подхода к изучению патристики все еще находится в зачаточном состоянии.

Перед тем, как описать особенности аналитического подхода к патристике, необходимо сначала указать на то, что лежит за пределами сферы интересов аналитических историков философии и что отличает их от других читателей этих текстов. В отличие от богословов, изучающих святоотеческое наследие в поисках оснований для догмы и практики, аналитики не ставят перед собой такой задачи. Каковы бы ни были религиозные убеждения исследователя, при аналитическом изучении текста интерес представляет не столько точка зрения древнего автора, сколько те средства, которыми он обосновывает эту точку зрения. Ответ на вопрос о том, насколько «ортодоксальным» или «еретичным» является изложенное в тексте учение, не входит в компетенцию аналитического историка философии. Поэтому аналитическая философия не претендует на соперничество с традиционным богословским прочтением патристики и не стремится создать новую историю церковной доктрины, так как принципиально не ставит перед собой задачу оценивать, кто в истории догматических споров был «прав» или «неправ» и кто кого «правильно» или «неправильно» понял.

Помимо богословов, специалистами по патристике являются филологи. Во второй половине XX века в европейской филологической науке произошел значительный прорыв в области исследования античных текстов, который позволил по-новому взглянуть на процесс создания церковной литературы, что наглядно представлено в недавно переведенной на русский язык монографии К. Морескини «История патристической философии» [4]. Благодаря развитию информационных технологий появилась возможность проводить сравнительный анализ огромного корпуса античных текстов и отыскать в нем ранее не замеченные

языковые параллели между христианскими и прочими произведениями той эпохи. Успехи филологов оказались столь ошеломительными, что теперь многие богословы и философы считают, что никакое изучение древних текстов не может быть проведено на должном научном уровне, если оно не будет сопровождаться перечнем ключевых терминов, словосочетаний и метафор, встречающихся, помимо исследуемого текста, в других источниках, а также выдвижения гипотез о возможном влиянии одних авторов на других. Тем не менее исследовательские задачи аналитической истории философии не требуют погружения в филологическую проблематику. Более того, реконструкция внутренней структуры аргументации чаще всего не требует сравнения исследуемого текста с другими источниками, поэтому информация о том, какие еще авторы пользовались теми же терминами и метафорами и кто на кого повлиял, в данном случае не имеет первостепенной значимости.

Третья группа ученых, занимающихся исследованием патристической литературы, – это историки. Очевидно, что исследовательские задачи историков не совпадают с задачами истории философии: философы изучают текст не для того, чтобы прояснять исторические факты. При этом аналитическая история философии даже не ставит свои реконструкции в прямую зависимость от исторических данных, полагая, что спекулятивная проблематика и принципы рациональной аргументации не находятся во власти социальных, экономических или политических обстоятельств жизни мыслителя.

К последней группе специалистов, обращающихся к патристическим текстам, следует отнести континентальных философов, культурологов и религиоведов. Несмотря на разнообразие их исследовательских программ, их интерес к патристике имеет две общие характерные черты. Во-первых, конечной целью этих направлений является построение обобщающих теорий, и такой подход справедливо называют «телеологическим». В них патристика никогда не является отправной точкой для построения теории, поэтому о ней вспоминают лишь на финишном этапе, встраивая в уже заранее уготованное место. В связи с этим изучение текстов нередко превращается в отыскание отдельных фраз, которыми можно было бы подкрепить и без того завершённую картину. Во-вторых, ссылаясь на патристические тексты, эти исследователи предпочитают обращать внимание на догматическое содержание и не проявляют особого интереса к аргументации. Другими словами, их ин-

тересует результат, а не процесс его получения и обоснования; мировоззрение, а не философия.

Что касается аналитического подхода, то, во-первых, в нем анализ текста осуществляется с претензией на беспристрастность и отсутствие ангажированности, коль скоро перед исследователем не стоит сверхзадача вписать мыслителя в какой-либо исторический процесс или дать ему оценку как «типичному представителю» какой-либо традиции. Во-вторых, аналитиков интересует не метафизическая картина мира, учение о Боге или нравственные принципы, описанные в изучаемом тексте, а применяемые автором методы обоснования утверждений, способы построения теоретической модели и глубина проработки аргументации. В связи с этим аналитический подход имеет мало общего с упомянутыми направлениями континентальной гуманитарной науки.

Философский инструментарий и методы, разработанные аналитическими философами XX в., оказываются незаменимыми для решения упомянутых историко-философских задач. Эта методология включает в себя и способы формализации аргументов, и внимание к синтаксису и логической семантике, да и просто некую повышенную требовательность к ясности языка и доводов. В конечном счете, аналитический историко-философский подход не сводится лишь к написанию формул, это, скорее, некий стиль или амбиция, основанные на презумпции нашей способности выявлять аргументацию, содержащуюся в древнем тексте, а также на презумпции рациональности автора этого текста, даже если сам текст посвящен религиозным проблемам.

Объектом аналитического исследования является текст: не несколько текстов, написанных разными авторами, и даже не собрание сочинений одного автора, а конкретный текст или его фрагмент, в котором излагается обоснование какого-либо тезиса, т.е. имеется явная или имплицитная полемика. Предметом исследования является содержащаяся в данном фрагменте аргументация, тогда как весь остальной материал – представленное учение, использованные понятия и метафоры и т.п. – расценивается лишь как вспомогательная информация. При этом под аргументацией подразумевается не только строгая логическая дедукция, но и индуктивные аргументы, а также другие способы обоснования своей точки зрения, даже, например, софизмы и риторические приемы. Анализ аргументации может включать в себя попытки логической формализации приведенных доводов, реконструкцию теоретической модели, в рамках которой проводится процедура обоснования, и оценку кор-

ректности и когерентности аргументов. Следует отметить, что зачастую текст не требует полномасштабного использования аналитического инструментария, он легко «поддается» даже обычному внимательному прочтению, нацеленному на выявление структуры аргументации. Так, например, даже без обращения к строгой логической формализации нам удалось показать, что высказанный Григорием Богословом запрет на философские рассуждения о Троице является лишь риторическим приёмом и не следует из его гносеологической позиции [3]. Вдобавок было выяснено, что разница между отношениями «рождения» и «исхождения» в Троице в «Словах о богословии» того же Григория вызвана необходимостью терминологической дистинкции и не связана с какими-либо существенными различиями между этими отношениями [3]. Наконец, анализ тринитарных теоретических моделей Григория и Боэция показал, что привлечение ими аристотелевской категории отношения было обусловлено решением разных задач, поэтому сходство их моделей ограничено лишь сходной терминологией [2].

Какой же интерес представляют для нас древние церковные тексты? Христианская литература начала формироваться в рамках академических стандартов эллинистического мира, что заставляло церковных писателей следовать общепринятым нормам греческой рациональности. Это значит, что даже если догматическое содержание христианских текстов было новым для античного читателя, способы аргументации все равно в целом не выходили за рамки общепринятых норм. Аналитический подход к изучению патристики позволит выявить методы рационального обоснования суждений не на привычном материале греческой философии, а на текстах новой интеллектуальной традиции, возникшей на ее основании. Возможно, это позволит сделать выводы о наличии некоторых универсальных проблем философской аргументации, не зависящих от мировоззрения и метафизики, а также оценить новизну вклада христианских мыслителей в философскую методологию.

Литература

1. *Analytic Theology: New Essays in the Philosophy of Theology* / Eds. by Crisp O. D. and Rea M. C. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
2. Бутаков П.А. Категория отношения в раннехристианской триадологии // Вестник НГУ. Серия «Философия». – 2012. – Т. 10, вып. 4. – С. 134–141.
3. Бутаков П.А. Роль иррационалистической аргументации в творениях Григория Назианзина // Вестник НГУ. Серия «Философия». – 2012. – Т. 10, вып. 2. – С. 163–171.
4. Морескини К. История патристической философии. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2011.

ВОЗМОЖНА ЛИ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ: К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУССИЯХ¹

М.Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
wolfarch@yandex.ru

Говоря об аналитической истории античной философии, мы имеем в виду подход, который широко распространен в англо-американской традиции, но практически не известен в российской историко-философской литературе (см. напр.: [1, 2, 3]). В рамках данного подхода даются такие интерпретации философских учений античности (от раннегреческой до позднеантичной философии), которые преимущественно направлены на раскрытие аргументации в философском тексте. Этот подход предполагает обоснование определенных философских положений, четкое видение проблемы, стоявшей перед философом, особенности ее постановки. Для нас в таком подходе важны установление имплицитной проблемности текста, средства (аргументация) и логика изложения философом своих концепций, и в целом внимание к эпистемической проблематике в античных текстах, а именно к вопросам соотносительности языка, мышления и познания, проблематике выбора наилучшего объяснения и т.п. Чтобы прояснить свою позицию, мы поставим ее в контекст существующих способов исследований в области истории философии.

В истории философии существует множество популярных и хорошо зарекомендовавших себя жанров, таких как «история идей», «компаративистика», «хронологический подход», «телеологический подход» (о некоторых из них подробнее см.: [4, 5. С. 25–46]). Все эти жанры, кроме последнего, хороши для выяснения тех аспектов в философских текстах и в обстоятельствах их возникновения, которые можно было бы условно назвать «нефилософскими», или мировоззренческими (мы исходим из положения, что мировоззрение и философию следует различать). Их методы позволяют проследить истоки терминологии у того или иного философа, установить сходство положений и терминов у разных философов, привести некоторые основания в пользу предположений о заимствованиях и влияниях, а также историю возникновения и развития

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00097а «Ранняя греческая философия в поисках объяснительного принципа: метод, концепции, аргументы»).

предпосылок философских построений, например социальных, политических и собственно мировоззренческих. Что касается философского «телеологического подхода», то его ключевым отличием является признание конечной цели развития всего историко-философского процесса, причем этой целью, смыслом и результатом истории философии оказывается учение конкретного отдельного философа или философского направления (Гегель, Маркс, Хайдеггер). Первыми представителями такого жанра можно по праву считать Аристотеля и Ликей. Важно отметить, что общим местом для представителей такого подхода оказывается признание ошибочности или несостоятельности предшествующих философских учений, роль которых сводилась только к созданию благоприятных условий для возникновения истинной, подлинной, философии, выразителями которой они и являются.

Зачастую сторонники «телеологического подхода» заинтересованы прежде всего в том, чтобы включить древних философов в современные нам дискуссии, и в меньшей степени нацелены на реконструкцию той философской полемики, которая была актуальной для самих исследуемых авторов. Это таит в себе опасность превратить своего античного собеседника из невольного в безвольного, а из безмолвного (коль скоро за него говорят только его тексты) – в бессловесного (коль скоро нет новых аргументов сверх тех, что он предлагал *ad hoc* в той ситуации и для той проблематики, а иных он предложить уже не сможет), такого, который безропотно будет терпеть весь натиск яростной критики в свой адрес за то, что «он ведь еще не понимал!» И мы забываем задать себе вопрос – а должен ли был понимать? Те ли самые вопросы он ставил перед собой, решал ли те же проблемы? Общий смысл «телеологического подхода» можно выразить так: древние философы оцениваются в зависимости от того, насколько реконструируемые современными интерпретаторами решения совпадают с идеалом самого интерпретатора.

Кроме того, представители всех вышеупомянутых жанров, как правило, не стремятся оценить наличие и силу аргументации, указать на ее особенности, ее устойчивость и мощность. Более того, зачастую при таких подходах конкретный аргумент в обсуждаемой доктрине принимается за отдельный философский тезис. В качестве примера можно вспомнить Гераклита, чьи аргументы часто путают с самостоятельными концепциями, особенно это характерно для тех, кто настаивает на апофегматическом характере его книги, принимая ее за сборник афоризмов. Такова, например, история возникновения гераклитовской «теории по-

тока», усматриваемой в знаменитом тезисе «Все течет, все меняется» (40 Mch), которого Гераклит не произносил, но, по свидетельству Клеанфа, полагая душу «чувствительным испарением», образно выразил эту мысль как «“души испаряясь влажными вечно рождаются”, *уподобил* (курсив наш. – М.В.) их рекам, говоря так: “На входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды”» (цит. по: [6], о дискуссии по этому поводу см. также в [7]. Таким образом, не желая видеть здесь рассуждения, интерпретаторы (в том числе и античные) приписали Гераклиту этот тезис в качестве ключевого положения его учения, а не аргумента по аналогии, каковым он и является.

Таким образом, если мы рассматриваем текст как *историки философии*, а не *философы*, то должны прежде всего обращать внимание на ту проблематику, в решение которой был вовлечен исследуемый автор, и эта проблематика должна быть современной и актуальной для него, а не для его интерпретатора. Для философа быть включенным в определенную проблематику – значит явно или неявно обозначить проблему и предложить варианты ее решения, предъявить доводы «за» или «против» тех или иных положений или концепций, а последнее обязательно влечет за собой и наличие определенной аргументации. Для нас очевидно, что усмотрение философского содержания любого текста – это понимание и видение в нем аргументации. Ведь отсутствие четкого понимания аргумента может помешать внятно ответить на вопрос: собственно, историю *какой именно* проблемы или аргумента мы, как историки философии, пытаемся написать?

Так мы подошли к одному любопытному спору, который давно ведется в российской историко-философской антиковедческой литературе и особенно характерен для досократических штудий. Это спор о том, кто должен заниматься историей философии, а вернее какая из методологий наиболее адекватна задачам данной дисциплины: историческая, если ставить акцент на первом слове, философская, если смещать акцент на второе слово, или филологическая, уже не первую сотню лет задающая тон в антиковедческих исследованиях. Наиболее показательно эта дискуссия развернулась на страницах российского журнала «Логос» (2011, № 4), где встретились два ярких представителя своей методологии: С.Н. Муравьев, выражающий точку зрения филологии, и философ А.В. Ахутин, и дискуссия касалась опять-таки фрагментов Гераклита [8. С. 9]. Мы не будем излагать ее в подробности, но в общем виде обозна-

чим ее основные моменты, касающиеся каждой из обозначенных дисциплин в контексте истории философии.

Филология нацелена преимущественно на текстологическую работу, «филологическую реставрацию» [8. С. 23] текста с учетом конъектур, грамматики, способов прочтения и проч., оставляя за скобками философское содержание текста и проблематику, то, ради чего этот текст и был написан, поскольку эти вещи оказывается не «в тексте», а «за текстом», тем более это верно, когда мы имеем дело с фрагментами и осколками трактатов. История озабочена установлением конкретных фактов и объективных истин о событиях прошлого. Это справедливо, если речь идет о сопутствующих обстоятельствах написания текста философом, но что считать историческим фактом в отношении содержания философского текста? Ответить на этот вопрос можно в контексте историографии и источниковедения. Для историографии важным моментом оказывается фокус на объективном содержании и его отделение от интерпретации (что, заметим, крайне затруднено для фрагментарных источников, или для текстов, обильно ссылающихся, цитирующих или имитирующих другие), и если эта задача затруднительна – а она будет таковой в силу распространенной установки на *презумпцию виновности источника* [8. С. 11], – тогда на помощь приходит источниковедение, и все силы оказываются брошенными на установление некоторого Первоисточника (текста или свидетельства, не испорченного многократным пересказом, переписыванием и проч.). Но, к сожалению, вся эта одиссея вокруг *ipsissima verba* и *ipsissima vox* имеет малое отношение к установлению собственно философского содержания того текста, которым мы располагаем.

Что касается нашего проекта, то сразу следует оговорить ту позицию, которую мы намерены занять в этой дискуссии. Наши исследования – это не исследования в области филологии. Разумеется, как справедливо замечает Дж. Барнс [1. P. ix, xii], полностью исключить этот момент из историко-философского исследования практически невозможно, да и не нужно. Мы согласны с тем, что филология уже проделала значительную работу в этой области, ее результаты впечатляющи, они заслуживают доверия и их вполне можно использовать как определенную стартовую площадку для дальнейших исследований. Что касается истории, здесь мы снова солидаризируемся с тем, что сказал Барнс (*Ibid.*): идея того, что мыслитель может быть понят, исходя из его исторического, политического или экономического фона, банальна, но любого рода фон для

мысли – это только фон, и вряд ли он сможет улучшить наше понимание спекулятивной философской проблематики, тем более, если мы стоим на позиции признания вечности, универсальности и принципиальной нерешаемости собственно философских проблем, и в этом смысле они в большинстве своем оказываются исключены из контекста конкретного исторического пространства-времени. В таком случае нам может быть предъявлен упрек в том, что наши исследования являются *анти-* или *а-*историческими [10], но всё, на наш взгляд, определяется тем, историю чего мы собираемся писать, и историк философии прежде всего должен ответить себе на этот вопрос [9. С. 30]. Мы понимаем историю философии как историю конкретных проблем и содержания аргументов, и в этом случае, по меньшей мере, было бы странно ставить структуру конкретного рассуждения или аргумента в зависимость от пространственно-временных или социально-политических оснований: обыденные реалии, разумеется, могут привлекаться в качестве аргументов, но вряд ли существенно влияют на способность критического мышления.

Что касается источниковедческих подходов, то здесь ситуация складывается примерно так же, как с филологией: разумеется, мы можем до бесконечности совершенствовать наши источники, спорить, например, об их аутентичности и датировке, но даже те источники, которыми мы уже располагаем, предоставляют нам значительный пласт информации. И здесь следует отметить очень важный момент, который принципиально отличает наш подход от исторического: нам важна не фактуальная фиксация того или иного высказывания или положения, а его контекстуальная интерпретируемость. Философские положения не только могут, но и должны быть включены в конкретную интерпретацию, более того, если мы можем предложить несколько интерпретаций, следует это сделать, дабы избежать догматического видения конкретного учения. В нашем случае интерпретация – это ключевая составляющая подхода, потому что и суть дискуссии, собственно обсуждаемая проблема, и аргументы за и против в каком-то смысле лежат «за текстом». Для исторического подхода этот момент – *overinterpretation*, для нас – исходный пункт работы с учением. Это сближает наш подход с философами, но, как мы уже заметили, для нас в определении философии важны не столько идеи и концепции, или *дух времени*, мировоззренческий идеал, воплощенный в конкретном тексте, сколько проблематика, вокруг которой строится текст, и аргументы, используемые в нем философом, не «глубинный смысл эпохального», а логика изложения мысли. Для нас

важно установить не то, какие внешние причины заставили философа занять определенную позицию, а то, какие предпосылки он использовал в своем рассуждении, и какие основания у него были принять то или иное положение, как он их аргументировал.

Коль скоро мы имеем дело с текстами, пусть и философскими, они, разумеется, включают в себя много планов и могут быть оценены как с литературной точки зрения (слово «литература» мы здесь используем в широком смысле), так и с философской. Одни увидят в античном тексте способы выражения, образы, метафоры, мифологемы, юмор, степень соответствия определенному литературному жанру, и за всем этим постараются усмотреть то, что хотел *показать* или *передать* нам автор, – можно назвать этот вариант оценки текста драматическим. Другие, и к ним мы относим себя, обратят внимание на то, что философский текст полон аргументов, за которыми можно усмотреть, что и как хотел *доказать* автор. Разумеется, эти оба варианта оценки текстов не изолированы друг от друга, их можно комбинировать, но речь идет о том, на что в первую очередь ставятся акценты. Оставить без внимания аргументацию в тексте – значит отодвинуть в сторону значительный и существенный (для философского текста) пласт его содержания.

Литература

1. Barnes J. The Presocratic Philosophers. The Arguments of the Philosophers / Ed. by T. Honderich. – London, New York: Rutledge, 1982. – 728 p. (First published in two volumes in 1979).
2. Dancy R. M. Plato's Introduction of Forms. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – xii, 348 p.
3. Graham D.W. Explaining the Cosmos. The Ionian Tradition of Scientific Philosophy. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. – 368 p.
4. Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2007. – Т. 1, вып. 2. – С. 203–246.
5. Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 382 с.
6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Издание подготовил А. В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
7. Щербакова Е.А. Об одной Платоновской шутке (Гераклитовский поток в свидетельствах Платона) // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. – 2012. – Т. V. – С. 157–167.
8. Муравьев С.Н. Слышим ли мы Гераклита? Или так нам только кажется? // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 3–28.
9. Ахутин А.В. Другому как понять тебя? Реплика к статье С. Муравьева // Логос. – 2011. – № 4 (83). – С. 29–40.

ЧАСТИЧНАЯ ТЕОРИЯ УКАЗАНИЯ И МОЛЕКУЛЯРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ¹

Н.В. Головкин

Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск
monch@ngs.ru

А.В. Хлебалин

Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск
sasha_khl@mail.ru

Натурализация семантики как часть более общей натуралистической перспективы должна демонстрировать преимущества проекта. Конструктивность задания натуралистических представлений, в первую очередь, связана с тем, что ряд проблем, не решаемых или не имеющих удовлетворительного решения в той или иной традиции (классической, аналитической и т.д.), здесь будут иметь частное решение, подкрепленное теми преимуществами и контекстом, которые задает основание натурализации. Молекулярная концепция значения, в том числе, является следствием идеи Г. Фреге о том, что значение задается только в данных «конкретных условиях» (*mode of reference*). Натурализация «превращает семантику в методологию» (Л. Лаудан и др.), а значит, потенциально, у нас появляется возможность более содержательно истолковать, например, теорию частичного указания Х. Филда, близость которой идейному содержанию натурализованной философии науки не вызывает сомнений.

Любой перенос аргументации из одного проблемного поля в другое – это большая проблема. Тем не менее мы должны согласиться с тем, что существуют некоторые области рассуждений, в которых, в некотором смысле, «не нарушая общности», можно использовать результаты, полученные в более «узких» областях. Одной из таких областей, на наш взгляд, являются общие рассуждения о семантике и, например, ее роли в понимании научной теории. Очевидно, что научные теории формулируются в естественном языке, и было бы неправильно требовать от них той «первопорядковой» строгости, которая, собственно, и имеется

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-03-00228 «Натуралистические основания молекулярной концепции значения в современной философии языка»

в виду в – «существовать, значит быть значением переменной». В то же время, например, соотношение онтологии и идеологии, различные рассуждения о влиянии концептуальной схемы, не говоря уже о проблеме неопределенности (которая сама по себе имеет большее содержание, чем можно было бы подумать сначала), – все это, естественно, при определенных оговорках, может быть перенесено в область философии науки (которая также может быть очень разной).

Один из наиболее интересных для нас результатов, полученных якобы в рамках классического аналитического дискурса, – тезис о необходимости соотнесения структуры указания семантике языка, актуальность которому, на наш взгляд, придала разработка теории частичного указания Х. Филдом [1]. С точки зрения Х. Филда, термин «3» указывает и на $\{\{\emptyset\}\}$, и на $\{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}$, и в этом смысле указание частично осуществляется для одного объекта, а частично – для другого. Естественно, функция, определяющая структуру указания, не должна давать произвольных отображений и должна отвечать соответствующему пониманию истинности предложений языка. А теперь, вместо того, чтобы интерпретировать частичное указание как основание отказа от платонизма, как делается в большинстве работ по философии математики, мы перейдем к вопросу о том, на что может быть похожа теория частичного указания в натурализованной семантике. Превращение семантических вопросов в методологические, в том числе, означает то, что мы можем получить «эмпирический» аналог построений Х. Филда, который теперь будет ограничен сугубо натуралистическими представлениями о значении.

Одним из таких вариантов «эмпирической» теории указания является молекулярная концепция значения. Ее суть заключается в том, что значение задается лишь частью выводимых семантических свойств. Это «средний путь» между холизмом У. Куйана и атомизмом Дж. Фодора. Актуальность обращения именно к «молекулярному» подходу в первую очередь связана с тем, что на его примере наглядно демонстрируется возможность ограничить общность семантического холизма на основании перехода к натуралистическим представлениям.

Что значит быть значением? Это значит выполнять определенную семантическую функцию или роль. Например, утверждая, что значение является частью объяснения, мы заранее отвечаем на вопрос: «с какой целью мы приписываем значение?». Какие семантические роли могут быть значимы для нас в контексте анализа семантических воз-

возможностей, скажем, теории частичного указания Х. Филда или любого другого физикалистского отношения указания, которое задается эмпирической наукой? Естественно, объяснение явления и попытка схватить объективную часть референта, часть, отвечающую реальности «как она есть». Конечно, есть и другие семантические роли, которые выполняет значение, но они в данном случае не интересны. С точки зрения натурализации рассуждения относительно «значения» должны носить эмпирический характер, а значит, начинаться с постановки эмпирических вопросов. Мы не можем просто сказать, что значение схватывается такой-то конкретной семантикой (это противоречило бы тезису о первичности метафизики), мы должны начать с практической роли значения, например, с ответа на вопрос: «с какой целью мы приписываем значение предложениям физической теории?». Быть значением – это значит играть определенную семантическую роль, ту которая служит определенным целям, с которыми мы и приписываем это значение. Причем определение целей, т.е. ответ на вопрос: «для чего мы приписываем значение?», первично. Сначала определяется семантическая роль значения, а уже затем мы вольны эмпирически выбирать среди множества отношений «язык – мир» доступных в настоящий момент кандидатов на роль значения. Очевидно, что значение – то, как оно понимается в данном случае, – не единственно, оно всегда результат определенного вывода, связывающего слова языка и причинные отношения, связывающие их с реальностью.

Таким образом, можно предположить, что сама задача поиска правильного значения будет контролироваться минимум двумя условиями. Во-первых, нам необходимо объяснение, почему мы выбираем именно это значение, каковы основания выбора, здесь, например, уместны рассуждения относительно преимуществ одной теоретической схемы, объясняющей явления, по отношению к другой. Во-вторых, необходимо выделить несколько различных значений (или способов их задания) и проанализировать, провести эмпирическое исследование того, как они работают. Предполагается, что удовлетворение второму условию даст необходимую информацию или представит кандидатов для оценки на уровне первого условия, которое, по сути, и отвечает основной задаче семантики. Прежде чем ответить на вопрос о том, играет ли данный способ задания значения определенную семантическую роль, мы должны исследовать сам этот способ. Нельзя сказать, что новый способ задания значения лучше, чем старый, не зная, в чем заключается старый.

Естественно, ответ должен быть эмпирическим, т.е. включать в себя определенные критерии оценки, удовлетворение которым можно непосредственно проверить. Как отмечает М. Девитт «трудно предположить, что методологические рассуждения, в данном случае, в области [натурализованной] семантики могут превзойти по своей сложности уровень аналогичных рассуждений относительно методологии развития научного знания, т.е. уровень общей сложности методологии как таковой» [2. С. 545].

Что это дает? Принимая такое представление о сути семантического тезиса, можно ответить на вопрос о соответствии структуры указания выбранной семантике. Искомое «соответствие семантике» задается методологическими требованиями в отношении референта, с целью того, чтобы термин, отвечающий референту, играл необходимую семантическую роль. В нашем случае такой семантической ролью является объяснение, т.е. то, насколько именно такое задание референта успешнее, чем любое другое. В этом смысле можно вспомнить идею И. Доувена о возможности связать понятия «успешность научной теории» и «указание». На наш взгляд, в рамках натурализованной перспективы и применительно, например, к анализу соотношения эмпирического научного реализма и натурализованного «продолжения» метафизического реализма, фундирующего научную онтологию, мы действительно вправе их связать. Указание будет определяться эмпирически в терминах методологических семантических ограничений, а успешность будет определяться тем, насколько объекты, существование которых постулирует теория, отвечают общей схеме – способности вести к более адекватному пониманию теоретической картины явления. В этом мы видим одно из главных преимуществ молекулярной концепции значения.

Литература

1. Field H. Theory Change and the Indeterminacy of Reference // Journal of Philosophy. – 1973. – Vol. 70. – P. 462–481.
2. Devitt M. Methodology of Naturalistic Semantics // Journal of Philosophy. – 1994. – Vol. 91. – P. 545–572.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДИСКУРСИВНОЙ
ПРИРОДЫ ФАКТА:
РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ
И. ЛАКАТОСА В ПРОЦЕССЕ ОБНАРУЖЕНИЯ НОВЫХ ФАКТОВ**

М.В. Гончаренко

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
markgon73@rambler.ru

Сколько бы мы ни пытались выяснить природу тождества между концептуальным каркасом и языком (вслед за И. Лакатосом), мы неизбежно сталкиваемся с проблемой семантического (возможно, *дискурсивного*) сдвига, так как концептуальный каркас, помимо всего прочего, является и специально организованным инструментом упорядочивания некоторых взаимосвязей. Язык (даже если это и *язык науки*), с одной стороны, как коммуникативное средство, а, с другой – как система, репрезентирующая субъектно-объектные отношения, предполагает намного более широкую область возможного применения, поэтому, обладая высокой степенью возможного абстрагирования, язык не может быть концептуальным каркасом, атрибутивным признаком которого является как раз его прикладной характер (то есть его «специализация», а значит, и «спецификация»).

И. Лакатос предлагает следующее: «Можно было бы сказать, что положительная и отрицательная эвристика дают вместе (неявное) определение «концептуального каркаса» (и, значит, языка). Поэтому, если история науки понимается как история исследовательских программ, а не теорий, в этом приобретает определённый смысл утверждение о том, что история науки есть история концептуальных каркасов или языков науки» [1. С. 181]. Если понимание истории науки как истории исследовательских программ выглядит обоснованно (с точки зрения когнитивных процессов), то рассмотрение истории концептуальных каркасов как языков науки обоснований не имеет (даже в самом тексте И. Лакатоса). В этой связи возникает вопрос, каким образом при описанном И. Лакатосом положении дел становится возможным *смещение* дискурса, ведь именно на основании последнего формируются новые (или модифицированные) концептуальные каркасы? Другими словами, как возможен новый концептуальный каркас при наличии «старого», давно сформировавшегося языка науки.

Очевидно, здесь имеет смысл обратиться к проблеме пресуппозиции, так как **то**, что обеспечивает возможность вариативного становле-

ния, связано как раз с природой presupпозиции. К тому же и сам И. Лакатос, как апологет рациональных *последовательностей*, не видит *непоследовательности* в рассуждении Д. Уоткинса по поводу логических разрывов: «...Логический разрыв между предложениями и предписаниями в метафизико-методологической сфере обнаруживает себя уже в том, что тот же самый учёный, который отвергает метафизическое учение как таковое, может следовать ему же, если оно выражено в форме предписывающих высказываний» [1. С. 182]. То есть мы можем сколь угодно долго настаивать (по тем или иным причинам) на приоритетности для всех научных контекстов рациональных последовательностей, даже если при этом обнаруживаются факты следования метафизическим учениям, так как в конечном итоге последние на определённом этапе можно представить и в качестве не совсем метафизических¹.

Что же касается presupпозиции с точки зрения лингвистики и с точки зрения логики, то необходимо учитывать, во-первых, фактор некоего *соответствия* условий между Миром и высказыванием, а во-вторых, фактор некоторой разновидности отношения логического следования наряду с импликацией [2]. Следовательно, как предпосылка / возможность, presupпозиция делает необходимыми метафизические предпосылки того или иного знания, то есть той или иной теоретической системы, исследовательской программы и т. д. Как возможность логического следования, presupпозиция делает необходимыми определённые отношения [*логического следования*] между высказываниями этой теории или программы. И если мы констатируем «присутствие» метафизических установок – предписаний, то мы должны констатировать и аргументировать саму возможность такого *соприсутствия*. Скорее всего, дело в том, что данное *соприсутствие* мы полагаем, исходя из того, что [для нас] метафизические установки обладают **определённым значением**, которое и позволяет [нам] констатировать *логическое* следование. Исходя из феноменологической теории значения, мы должны признать, что «между выражением и значением существует не реальная, но интенциональная связь» [3].

Обратимся к следующему рассуждению У. Эко: «Если раннее Средневековье считало своими философскими истоками тексты позд-

¹ Попросту говоря, мы всегда имеем возможность сыграть в *такую-то* языковую игру (Л. Витгенштейн), в которой благодаря некоторым «предписывающим высказываниям» метафизические установки будут лишены метафизического статуса, по договору. Вся проблема в том, что именно такое положение дел отрицается как невозможное и недолжное самими нео- и постпозитивистами.

него неоплатонизма, то есть Августина, и те произведения Аристотеля, которые входят в «Старую логику», то к началу XII века в сферу схоластической культуры постепенно попали другие работы Аристотеля... Католическая церковь канонизовала... Фому Аквинского... но ни одного из поборников современной логики. Притом никто из современных логиков не был еретиком. ...эти-то занимались иным. ...они занимались организацией мышления» [4. С. 566–567]. Как мы должны понимать и объяснять возможность подобных «переходов» (в терминологии И. Лакатоса – сдвигов) в пределах одной и той же теоретической системы, в данном случае – системы аристотелизма? Что подразумевается под организацией мышления, если У. Эко утверждает, что Фома Аквинский «перевернул всю философию христианства» [4. С. 570], несколько *уточняя* / совершенствуя мысли предшественников? Таким образом, утверждение об *уточнении* мыслей приводит нас к вопросу о возможных основаниях такого утверждения в пределах не только одной теоретической системы, но и в пределах теологического дискурса¹, так как аристотелизм периода Августина и периода Фомы Аквинского функционировал исключительно в теологическом дискурсе. Итак, с точки зрения интенционального аспекта значения (интенциональности связи между значением и выражением) мы можем предположить, что различное функционирование системы (в том числе и концептуального каркаса) в пределах одного и того же дискурса становится возможным только при условии изменения онтологии данного дискурса, чем в дальнейшем и определяется возможность новых вариантов значений ранее сформированных концептов. Именно интенциональность связи между значением и выражением обуславливает возможность вариативности концептуальных каркасов.

Исходя из последнего предположения, обратимся к проблеме «наивных догадок» (И. Лакатос) в аспекте феноменологической теории значения. Что представляет собой «наивная догадка» И. Лакатос объясняет, а каковы её роль и значение – нет. Во-первых, апологет рациональных реконструкций всё-таки вынужден констатировать наличие наивных догадок, что указывает не только на невозможность игнорировать не совсем *рациональные* *propositio*, но и на определённую роль, ими выполняемую, так как «наивные догадки» вне зависимости от их валид-

¹ Именно это подчёркивает У. Эко: «Тут-то и совершился переход от исключительно метафизического и богословского дискурса к разбору множественных тонкостей и нюансов, изучаемых логикой как то самое... что унаследовали мы от средневековой мысли» [4. С. 566].

ности фактически образуют некую бинарность, то есть *рациональная* реконструкция приобретает соответствующее качество, отталкиваясь от своей возможной противоположности, при этом отрицая качество данной противоположности. Во-вторых, если иметь в виду, что «наивная догадка» – это неотъемлемый элемент противоположности, то нужно признать и саму необходимость этого элемента, так как в противном случае данная бинарная система будет невозможна, а следовательно, мы не сможем увидеть и конкретного «дальнейшего развития математики».

Что же касается собственно иррациональной природы «наивных догадок», то здесь следует признать следующее: если любое выражение с точки зрения феноменологической теории значения имеет значение, то и «наивные догадки», являясь в определённом [научном] дискурсе иррелевантными, тоже обладают значением, которое, в свою очередь, конституирует определённый (не-рациональный) дискурс, как альтернативный применительно к рациональному.

Для рассмотрения проблемы возможной альтернативности дискурса перейдём к анализу факта с точки зрения феномена противоречия. Здесь нас будут интересовать два следующих подхода: согласно первому, противоречивость факта – это его достоинство (Г. Гегель), согласно второму, противоречивость факта – это его фундаментальное свойство (антифундаменталисты). «*Анархическая позиция* по отношению к привитым программам заключается в том, что анархия в основаниях возводится в ранг добродетели, а противоречие понимается либо как фундаментальное природное свойство, либо как показатель конечной ограниченности человеческого познания...» [1. С. 95]. Итак, если исходить из того, что противоречивость факта – это его достоинство, то мы можем утверждать, что именно это *достоинство* является основанием возможности его дальнейшего развития и новых его интерпретаций (хотя последние часто приводят как раз к результатам, отрицающим правомерность изначальной интерпретации факта). Другими словами, переинтерпретации факта – это своеобразное *следствие* его противоречивой природы, то есть поскольку факт – это констатация определённого положения дел, а *положение дел* подвергается перманентной модификации по причине субъективности видения автора, его репрезентирующего, то изменившееся положение дел, как *вновь обнаруженные обстоятельства*, естественным образом обеспечивают и новое положение вещей (здесь важно особо отметить следующее: *вновь обнаруженные обстоя-*

тельности становятся возможными только на основании более ранней репрезентации положения дел). Следовательно, мы можем утверждать, что противоречивость факта с точки зрения достоинства противоречия является основанием бесчисленных возможностей интерпретации.

Литература

1. *Лакатос И.* Методология исследовательских программ. – М.: АСТ «Ермак», 2003. – 380 с.
2. *Наумова Л.А.* Пресуппозиции в логике и лингвистике / *Философия: в поисках онтологии: Сборник трудов Самарской гуманитарной академии.* – Самара: Изд-во:СаГА, 1998. – Вып. 5. – С. 236–255.
3. *Шкуратов И.Н.* Феноменологическая теория значения. Феноменологический словарь. URL: <http://www.lebenswelt.narod.ru> (дата обращения 22.01.2011).
4. *Эко У.* Полный назад. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 608 с.

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И «СМЕШАННЫЕ ИСТИНЫ»

В.В. Горбатов

Высшая школа экономики, г. Москва
vic-gorbatov@yandex.ru

В современной философской логике в связи с «динамическим поворотом» и «агент-ориентированными» стратегиями все большую популярность получает перформативная интерпретация ключевых логических понятий – в первую очередь понятия доказательства. «С перформативной точки зрения, – пишет Е.Г. Драгалина-Черная, – любое доказательство есть демонстрация того, каким образом исполнение простых когнитивных актов делает возможным компетентное исполнение более сложного когнитивного акта и оказывается переходом не от одних истинных высказываний к другим, а от одних обоснованных действий к другим, получающим, таким образом, свою обоснованность» [1. С. 138].

Например, как убедительно показал еще Я. Хинтиikka, картезианское «*cogito ergo sum*» явно относится к такому классу доказательств: в нем не предикат «быть мыслящим», но сам акт мышления удостоверяет акт существования мыслящего субъекта, причем существования именно в качестве «мыслящей вещи» (*res cogitans*) и только до тех пор, пока продолжается само мышление.

Другим примером может служить знаменитое рассуждение Ансельма – его «единственный аргумент». «В случае единственного аргумента, – утверждает Е.Г. Драгалина-Черная, – такого рода обосновываю-

щим действием оказывается референция к “тому, больше чего нельзя представить”. Референция к столь необычному объекту представляет собой особый рефлексивный акт, в котором “познающий интеллект осознает себя познающим”, будучи обращен сразу к двум уровням: предметному уровню “вещи, о которой идет речь” и метауровню “мысли об этой вещи”» [1. С. 138]. Другими словами, суть Ансельмова доказательства сводится к демонстрации того, что, «осуществляя рефлексивную референцию к “тому, больше чего нельзя представить”, рациональный субъект не может мыслить объект своей референции несуществующим» [1. С. 139].

Обсуждая идею перформативного доказательства, необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, его успешность напрямую зависит от действительного, а не притворного осуществления субъектом соответствующих когнитивных (и речевых) актов. Во-вторых, предполагается, что осуществляющий эти акты субъект обладает способностью к рефлексии (насколько неограниченна эта способность – отдельный вопрос). В-третьих, рефлексия снабжает субъекта как бы «двойной оптикой»: помимо обычной перспективы «от третьего лица», он приобретает также перспективу «от первого лица». Другими словами, свои собственные акты и их результаты субъект может теперь рассматривать не только «снаружи», то есть в предметном плане («Декарт мыслит»), но и «изнутри», т. е. в плане феноменальном («Декарт – это на самом деле я, Рене, а его/мое мышление происходит *здесь и сейчас*»). Совершить перформативное доказательство за кого-то другого («Декарт мыслит, следовательно, Рене существует») невозможно.

Каков же логический статус перформативных доказательств? Следует ли их отнести к дедуктивным рассуждениям, или они дают нам всего лишь вероятностное, индуктивное знание? На эти вопросы трудно дать однозначный ответ. В первом приближении можно лишь констатировать, что результатом перформативного доказательства должно являться достижение определенной очевидности, хотя природа этой очевидности тесно связана с перспективой «от первого лица» и сильно отличается от очевидности таких аналитических утверждений, как « $1+1=2$ » или «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Само исполнение когнитивных актов, в строгом смысле слова, никому ничего не доказывает – кроме самого субъекта, да и то при условии соблюдения перечисленных выше ограничений. Оно, скорее, организует некое пространство очевидности, привилегированный доступ к которому есть лишь у того,

кто эти акты совершает, а у всех остальных – только в меру их способности поставить себя на его место.

Именно так, на мой взгляд, устроены рассуждения Декарта и Ансельма. Оба они озабочены не тем, как достичь абстрактной (предметной) очевидности «от третьего лица», а тем, как отвести гипотетического собеседника в некое «умное место», откуда ему станет видно то, что они пытаются показать. Используя выражение С.С. Аверинцева, можно сказать, что здесь мы имеем дело не с доказательствами, а с «показательствами».

Вопреки расхожим толкованиям, заключения обоих аргументов вовсе не претендуют на метафизическую необходимость существования объекта рассмотрения (в одном случае это мыслящее Я, в другом – «то, больше чего нельзя представить»). Они скорее утверждают априорную (связанную с формальным устройством самих мыслительных и речевых актов, а не с их содержанием) очевидность его существования.

На первый взгляд, существование истин, которые были бы априорными (в указанном смысле), но при этом не выражали метафизической необходимости (или наоборот – были бы необходимыми, но не выражали априорного знания), может показаться сомнительным. Но на самом деле, после открытия Солом Крипке связи между именованьем и необходимостью [2] представление о подобных «смешанных истинах» прочно утвердилось в аналитической философии языка и эпистемологии. Так, согласно Крипке, существует множество утверждений, которые познаваемы только эмпирически, но в то же время истинны во всех возможных мирах. Хрестоматийный пример – утверждение «Геспер = Фосфор». Познание этой истины возможно только из опыта, но поскольку «Геспер» и «Фосфор» являются жёсткими десигнаторами, во всех мирах они должны обозначать одно и то же – а именно, Венеру. Эпистемически возможно, считает Крипке, чтобы Геспер не был Фосфором, метафизически – нет.

С другой стороны, существует также множество утверждений, истинность которых очевидна априори, но метафизической необходимости не влечет. Возьмем предложение «Я здесь сейчас» – кто бы его ни произносил, ни в одном возможном мире и ни в один момент времени оно не потребует эмпирической проверки со стороны произносящего. Ведь сама ситуация употребления этого предложения организована так, что денотаты выражениям «Я», «здесь» и «сейчас» всегда приписываются согласованно: произносящий (кем бы он ни оказался) обязательно

в момент произнесения находится в месте произнесения. Однако если мы рассмотрим любое конкретное употребление данного предложения и установим соответствующее ему положение дел, то обнаружим, что это положение дел почти всегда оказывается контингентным.

Для описания подобных «смешанных истин» на сегодняшний день широко используется двумерная семантика. В рамках этого подхода выделяются два измерения значения – первое измерение соответствует референту (экстенционалу) рассматриваемого выражения, второе измерение отражает то, как в произвольно выбранном возможном мире референция рассматриваемого выражения зависит от различных внешних факторов (например, от самой структуры этого мира). «Нам нужны два измерения, – пишет Р. Столнейкер, – поскольку мы начинаем с того факта, что истинностное значение пропозиций (по крайней мере, контингентных пропозиций) зависит от фактов. Но поскольку идентификация пропозиции, выражаемой при помощи используемого нами предложения [utterance], также зависит от фактов, истинностное значение этого предложения будет зависеть от фактов *двумя различными способами* (курсив мой. – В.Г.): во-первых, факты определяют, что именно сказано; во-вторых, они определяют, является ли сказанное истинным» [4. Р. 302]. Соответственно, стабильность значения в одном измерении (горизонтальном) трактуется как необходимость, а стабильность в другом – вертикальном (или, как вариант, в диагональном) – как априорность. Из наложения этих двух измерений и появляются, собственно, «смешанные истины».

Впрочем, необходимо отметить, что в дискуссиях о «смешанных истинах» последние зачастую незаслуженно гипостазируются. Строго говоря, из того факта, что некоторый класс утверждений при использовании двумерного подхода демонстрирует регулярность значения по горизонтали, но не по диагонали (или наоборот), не следует, что двумерные интенционалы соответствующих предложений обитают как самостоятельные сущности где-то во фреге-больцановском царстве «истин самих по себе». Вполне вероятно, что метафизический вопрос «как необходимые предложения могут быть апостериорными?» следует трансформировать в прагматический: «как получается, что необходимые предложения могут быть использованы для того, чтобы передавать контингентную информацию?» Такова, в частности, позиция Р. Столнейкера [4], и, на мой взгляд, именно она позволяет увидеть соотношение перформативных доказательств и «смешанных истин» в правильном свете.

Литература

1. Драгалина-Черная Е.Г. Онтологии для Эбелера и Элоизы. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 231 с.
2. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М. : Радуга, 1982. – С. 340–376.
3. Chalmers D. The Foundations of Two-Dimensional Semantics. // Garcia-Carpintero. – М., Macià J. Two-Dimensional Semantics. Oxford: Clarendon Press, 2006. – P. 55–140.
4. Stalnaker R. Assertion revisited. On the Interpretation of Two-Dimensional Modal Semantics // Philosophical Studies. – Vol. 118 (2004). – P. 299–322.

ЧТО ЗНАЧИТ В НАШЕ ВРЕМЯ БЫТЬ ВСЕМОГУЩИМ БОГОМ? СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ В ПРИЛОЖЕНИИ К ТЕОЛОГИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ

Ю.В. Горбатова

Высшая школа экономики, г. Москва

Logic-fs@ya.ru

Во второй половине XX в. в американской аналитической философии широко распространился интерес к теологическим вопросам. Возникло практически целое направление – так называемая современная схоластика. Вновь встали на повестку дня как будто бы давно ушедшие в тень вопросы о сущности и атрибутах Бога, о доказательствах его бытия, об обосновании наличия зла в мире, созданном всеблагим Богом. Разумеется, в рамках данного направления все перечисленные темы звучали несколько иначе, поскольку к их исследованию авторы приступили с имеющимся у них в распоряжении новым, неизвестным средневековым теологам логическим аппаратом – прежде всего, это модальная логика (как первопорядковая, так и более высоких порядков), а также тесно связанная с ней семантика возможных миров.

«Новизна взгляда» при подобном подходе во многом базируется на сознательном отказе от исторического рассмотрения исследуемых вопросов – вместо погружения в соответствующую традицию считается хорошим тоном стремление разобраться в проблеме «как она есть», с помощью чистых методов логического и лингвистического анализа. С такой философской установкой можно соглашаться или не соглашаться. Но в любом случае необходимо понимать, что за более чем сто лет существования аналитической философии её методы сами положили начало определенной традиции, так что оценивать их следует с учетом того своеобразного понимания сущности философского исследования, на которое они опираются.

Ричард Ла Круа в статье «О невозможности дать определение всемогуществу» (1977), следуя некоторой «апофатической» логике, указывает, что определение всемогущества должно быть отброшено, если оно имплицитно хотя бы одно из следующих утверждений:

1) всемогущее существо может осуществить то, что логически невозможно;

2) всемогущее существо может осуществить то, что логически невозможно для всемогущего существа;

3) если существо является всемогущим, то не является всезнающим (вездесущим, полным любви и т.д.);

4) всемогущим является существо, которое очевидным образом не всемогуще¹.

«Любое подобное определение всемогущества является некорректным и должно быть отброшено, поскольку следствия в виде (1) и (2) приводят к логическому абсурду, следствие (3) является теологически нерелевантным, а следствие (4) – бессмысленным [vacuous]» [4. С. 183]. Ла Круа заключает, что любое определение всемогущества дает по крайней мере одно из вышеуказанных следствий, а значит, всемогуществу в принципе не может быть дано определение.

В своей статье «Всемогущество» (1973) Питер Гич приводит целую классификацию подходов к тому, как понимается утверждение, что Бог является всемогущим:

1) Бог может всё;

2) Бог может то-то и то-то, если «то-то и то-то» не является логически противоречивым;

3) Бог может то-то и то-то, если «может то-то и то-то» не является логически противоречивым;

4) «Бог сделает то-то и то-то» является логически возможным, если «Бог может то-то и то-то» является истинным.

Первое из этих утверждений является самым сильным, последнее – самым слабым. К приверженцам первого подхода Гич относит в первую очередь Рене Декарта, ко второму – Фому Аквинского.

Несмотря на то, что первый подход часто осуждается за свою «беспечность», позволяя считать Бога способным на то, что кажется в принципе невозможным – нарушать логические законы, поворачивать время

¹ Как, например, известный персонаж аналитической схоластики по имени «МакУшкин» (MacEar), который может только почесывать свое левое ухо. По мнению некоторых авторов, если предположить, что никаких иных возможностей в мире, где обитает МакУшкин, не существует, то в своем возможном мире МакУшкин всемогущ.

вспять и пр., на практике оказывается, что никакой из вышеперечисленных подходов все равно не может дать удовлетворительного представления о том, что же все-таки значит для Бога быть всемогущим.

Проблема градации вариантов всемогущества и собственно попытка дать определение этому термину – новация, конечно же, аналитической философии, точнее – ее теологической ветви, так называемой современной схоластики. Именно ее представители (к примеру, Плантинга, Адамс, Стерба, Гровер, Гич, Стейнберг, Блюменфельд и др.) ставят перед собой задачу логическими способами описать объект, который как минимум – создатель той самой логики, на которой его пытаются описать, как максимум – превосходит ее возможности многократно. Причем в данном случае язык логики требуется для того, чтобы показать, что на этом языке описать свойства данного объекта невозможно.

Сама же аналитическая философия и порождает новые вопросы, формулируя все новые мысленные конструкции. Одной из самых известных подобных конструкций являются так называемые миры Адамса. В 1972 г. Адамс публикует статью, обсуждая, какой же мир на самом деле может (а главное – должен) сотворить Бог, при условии, что Он является всемогущим, всеблагим и всезнающим одновременно. Ответ Адамса сильно отличается от классического: «*Даже если* среди возможных миров есть лучший, Бог мог бы вместо него сотворить какой-либо иной мир и все же остаться совершенно благим» (1: 317). Такой подход породил неожиданные решения и разнообразные доказательства того, что, помимо всемогущего Бога, могут существовать и другие всемогущие агенты.

Итак, в настоящий момент проблема всемогущества Бога (как Он всемогущ, где Он всемогущ) – одна из актуальных проблем аналитической теологии, которую американские и английские философы-аналитики стремятся решить с помощью сугубо логических средств.

Литература

1. Adams R.M. Must God Create the Best? // The Philosophical Review. – 1972. – Vol. 81, № 3. – P. 317–332.
2. Geach P.T. An Irrelevance of Omnipotence // Philosophy. – 1973. – Vol. 48, № 186. – P. 327–333.
3. Geach P.T. Omnipotence // Philosophy. – 1973. – Vol. 48, № 183. – P. 7–20.
4. La Croix R. The Impossibility of Defining 'Omnipotence' // Philosophical Studies. – 1977. – Vol. 32, № 2. – P. 181–190.

О ПОНЯТИИ ПАРАДОКСА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ ВОКРУГ ПАРАДОКСА «ЛЖЕЦА» В СОВРЕМЕННЫХ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

В.А. Ладов

Томский государственный университет
ladov@yandex.ru

Р.И. Нявро

Сибирский лицей, г. Томск
nyavro@mail.ru

Исторически парадокс «Лжеца» дошел до нас в той форме, которую принято называть нестрогой. Данную формулировку «Лжеца» можно найти, например, у У. Куайна: «...Критянин Эпименид говорит, что все критяне лгут; следовательно, его высказывание должно, в случае истинности, быть ложным» (1. С. 191–192). Эта формулировка представляет собой нестрогий парадокс потому, что если исходить из ложности высказывания Эпименида, то мы не сможем отсюда заключить, что данное высказывание истинно. Если ложно, что все критяне лгут, то отсюда следует, что кто-то из жителей острова Крит говорит правду, но это необязательно будет сам Эпименид. В то время как в случае допущения истинности высказывания Эпименида мы с необходимостью приходим к заключению о его ложности. Если истинно, что все критяне лгут, то лжет и Эпименид, поскольку сам является одним из жителей острова Крит. Таким образом, в данной классической формулировке «Лжец» представляет собой нереверсивный парадокс, т.е. данное рассуждение не является парадоксальным «в обе стороны», мы не можем сказать, что с чего бы мы ни начали наше рассуждение, мы приходим к противоречию.

Ввиду нестрогой парадоксальности этого рассуждения некоторые исследователи вообще отказываются именовать данную ситуацию в мышлении парадоксом. Скорее, рассуждение на основе допущения истинности высказывания Эпименида напоминает типичное доказательство от противного: необходимо доказать ложность некоторого положения; предполагаем, что данное положение истинно; приходим

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 12-06-00078-а), РГНФ (проект №11-03-00039-а), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.2.1., заявка №2012-1.2.1-12-000-3003-029), а также в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научных исследований (тематический план НИР Национального исследовательского Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

к противоречию; делаем вывод, что истинно обратное, т.е. что данное положение ложно.

Неслучайно, что А. Тарский, работа которого по парадоксу «Лжеца» является классической в логике XX века, выбирает для анализа не рассуждение Эпименида, а иную, усовершенствованную, строгую форму парадокса, ссылаясь при этом на Я. Лукасевича:

«Мы дадим очень простую формулировку этой антиномии благодаря Я. Лукасевичу.

Для большей ясности мы будем использовать символ ‘с’ как печатную аббревиатуру выражения ‘предложение, напечатанное на этой странице, в строке 5 сверху’. Рассмотрим теперь следующее предложение:

с не является истинным предложением

(данное предложение в исходном тексте напечатано на прочитываемой странице именно на 5 строке сверху. – В. Л.).

Принимая во внимание значение символа ‘с’, мы можем эмпирически установить:

(α) *‘с не является истинным предложением’ тождественно с.*

Для взятого в кавычки имени предложения *с* мы вводим разъяснение типа 2) (речь идет о представленном выше в статье А. Тарского разъяснении употребления предиката истины посредством формулировки предложений эквивалентности. – В. Л.):

(β) *‘с не является истинным предложением’ является истинным предложением тогда и только тогда, когда с не является истинным предложением.*

Посылки (α) и (β), взятые вместе, тут же дают противоречие:

с является истинным предложением тогда и только тогда, когда с не является истинным предложением [2. Р. 157–158].

А. Тарский рассматривает предложение, которое говорит только об одном предложении, а именно, о себе самом. Предложение «*с не является истинным предложением*», будучи единственным напечатанным предложением на строке 5 соответствующей страницы статьи Тарского, говорит только о себе, ибо “с” обозначает предложение, напечатанное на строке 5 соответствующей страницы.

Предложение «Это предложение не является истинным» представляет собой строгий парадокс «Лжеца», ибо с какого бы допущения мы ни начинали рассуждение, в любом случае приходим к противоречию. Если допустить, что данное предложение истинно, то верным будет то,

что оно говорит о самом себе, а именно, что оно не является истинным. Если допустить, что данное предложение ложно, то неверным будет то, что оно говорит о самом себе, а именно, что оно не является истинным, и в таком случае, основываясь на принципе бивалентности, мы должны заключить, что оно истинно.

Однако в современной логической литературе имеется любопытная критика формулировки «Лжеца» у А. Тарского с точки зрения дефляционизма. Элементы данной критики можно найти, например, у Дж. Билла в работе «Неучтенный дефляционистский подход к Лжецу» [3].

Как известно, с точки зрения дефляционизма термин «истинный» трактуется как бессодержательный, он ничего не добавляет к тому, что утверждается в предложении языка. Впервые этот взгляд высказал еще Г. Фреге: «Признание истинности мысли мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом нам не требуется слово ‘истинный’». И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения» [4. С. 28]. Таким образом, предложение «Истинно, что на улице идет дождь» ничем не отличается от предложения «На улице идет дождь». Слово «истинно» ничего не добавляет к утверждаемой в предложении пропозиции.

Если мы теперь с такой дефляционистской позиции проанализируем предложение строго «Лжеца» «Это предложение ложно», то увидим, что оно является не парадоксальным, а лишь бессмысленным. С изъятием слова «ложно» из этого предложения вообще исчезает какое-либо смысловое содержание. Выраженной в предложении пропозиции, как в случае с «Истинно, что на улице идет дождь», здесь нет, поэтому данное предложение попросту невозможно оценивать как истинное или ложное. Это предложение незакончено, оно неправильно построено, по сути, предложение строгого «Лжеца» есть псевдопредложение.

Стоит заметить, что подобный подход к трактовке строго «Лжеца» в логике XX века можно обнаружить не только в рамках дефляционизма. В том или ином контексте об этом говорят такие исследователи, как П. Вайсс [5], Б. ван Фрассен [6], Р. Мартин и П. Вудрофф [7], Т. Парсонс [8], Ч. Парсонс [9].

От бессмысленности удастся избавиться в том случае, если предложение с предикатом истины говорит не только о себе самом, как у А. Тарского, но и о других предложениях языка, в которых идет речь о фактах реальности. Например, если имеются жители острова Крит,

которые произносят «Небо желтое», «Трава синяя», то высказывание Эпименида «Все критяне лгут» уже не будет бессмысленным, ибо оно дает истинностную оценку правильно построенным (хотя и ложным) предложениям.

На основании вышесказанного можно констатировать наличие весьма странной ситуации. Нестрогое «Лжеца» парадоксом назвать нельзя, поскольку пример с Эпименидом характеризует, скорее, доказательство ложности суждения от противного. Строгое «Лжеца» парадоксом тоже назвать нельзя, поскольку это не парадокс, а бессмыслица. В итоге имеем обескураживающий вывод: никакого парадокса «Лжеца» вообще нет.

Данный вывод представляется слишком контринтуитивным. Актуальным видится прояснение понятия парадокса. Думается, что за «Лжецом» Эпименида можно все же оставить статус парадокса, если ослабить саму формулировку парадоксальности. Под парадоксом предлагается мыслить не реверсивное («в обе стороны») рассуждение, приводящее к противоречию, а только лишь высказывание, при продуцировании которого нарушается закон недопущения противоречия: «Ни одно суждение не является истинным и ложным». Высказывание Эпименида «Все критяне лгут», при допущении, что оно истинно, является и истинным, и ложным, в нем нарушается закон недопущения противоречия. Поэтому данное высказывание является демонстрацией логического парадокса.

Литература

1. Куайн У.В.О. С точки зрения логики. – М.: Канон+, 2010.
2. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 152–278.
3. Beall Jc. A Neglected Deflationist Approach to the Liar // Analysis. – 2001. – 61.2, April. – P. 126–129.
4. Фреге Г. Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997.
5. Weiss P. The Theory of Types // Mind. – 1928. – Vol. 37, № 147. – P. 338–348.
6. B. Fraassen van Presupposition, Implication, and Self-Reference // The Journal of Philosophy. – 1968. – № 65. – P. 136–152.
7. Martin R.L., Woodruff P. On Representing ‘True-in-L’ in L // Philosophia. – 1975. – № 5. – P. 213–217.
8. Parsons T. Assertion, Denial, and the Liar Paradox // Journal of Philosophical Logic. – 1984. – № 13. – P. 137–152.
9. Parsons C. The Liar Paradox // Journal of Philosophical Logic. – 1974. – № 3. – P. 381–412.

ДЕФЛЯЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ ИСТИННОСТИ И ФАКТЫ¹

Л.Д. Ламберов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина,
г. Екатеринбург
l.lamberov@gmail.com

Дефляционизм относительно истины может быть определен [З. С. 13–19] как такая теория истины, согласно которой понятие истины понимается как метафизически пустое понятие, выполняющее в языке специфические логико-лингвистические функции (обобщение, косвенная речь, «семантическое восхождение») и полностью объяснимое при помощи схемы эквивалентности. Последняя, в свою очередь, может пониматься различно – как схема в рамках теории избыточности, как схема раскавычивания, просентенциалистская, минималистская, экспрессивистская и т. д. Тем не менее можно выделить общую форму дефляционной схемы эквивалентности:

(DT) $\langle p \rangle$ истинно $\equiv p$.

В данной схеме « $\langle p \rangle$ » обозначает имя утверждения « p », полученное при помощи использования любого инструмента формулирования имен. Далее, схема (DT) может принимать различные конкретные формы в зависимости от того, что выбирается в качестве носителей истинности, и от характера связи между левой и правой частями схемы.

Если обратиться к дефляционным теориям значения, то следует указать, что в настоящее время наиболее обсуждаемыми подходами являются (1) интерпретация базовых интуиций о значении в дефляционном ключе (подход П. Хорвича), (2) отказ от базовых интуиций в смысле отказа от постулирования связи между значением предложения и условиями истинности этого предложения, т. е. использование, например, концептуально-ролевой семантики (подход Х. Филда).

Как бы то ни было, возможен также своего рода «прагматический» подход, обращающийся к понятию диспозиции принимать взаимозаменяемость левой и правой частей схемы (DT) в любых контекстах. Указанный подход, как это представляется, является логическим развитием взглядов П. Хорвича и согласуется с принципом контекстуальности

¹ Исследование выполнено в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», 2009-2013 гг., мероприятие 1.3.1, проект «Онтологические аспекты дефляционных теорий» (2011-1.3.1-303-013/29).

[2. С. 31–37; 4. С. 50–61]. Вводя такое «прагматическое» понятие (или, другими словами, ограничение схемы (DT)), мы получаем возможность построить дефляционную теорию лингвистического значения в эпистемическом ключе. Более конкретно, с помощью этого понятия можно явно указать на случаи, когда субъект коммуникации находится в соответствующей эпистемической ситуации, т. е. обладает знанием употребляемых им языковых выражений.

При условии, что субъект коммуникации имеет диспозицию взаи-
мозаменять левую и правую части некоторой конкретной подстановки в (DT), он обладает знанием значения подставленного в схему языкового выражения. Более того, если нам известно указанное только что условие и если мы знаем конкретные соответствующие части подстановки в схему (DT), мы можем вывести, что в языке данного конкретного субъекта коммуникации подставленное в схему языковое выражение имеет определенное значение.

Указанный подход позволяет без особых трудностей перейти к построению теории значения как употребления, в рамках которой отрицается репрезентативный и реляционный характер языковых значений. Данное истолкование значения имеет важные следствия для принимаемой онтологии и ряда общих вопросов метафизического характера. Согласно теории значения как употребления, значения выражений, поскольку они определяются употреблениями, не связывают выражения и то, что этими выражениями обозначается. Более того, не совсем верно говорить о том, что языковые выражения что-то вообще обозначают (они скорее употребляются в соответствии с правилами) [1. С. 75–319]. Кроме того, исходя из приведенного выше эпистемического подхода, значение не должно быть реляционным в том смысле, что оно не должно быть отношением между языковым выражением и тем, что обозначается этим выражением. Таким образом, значения представляют собой такие свойства языковых выражений, которые обладают следующими характеристиками: они субстантивны, натуралистичны и каузально действенны, они сводимы к свойствам несемантического характера, а именно к употреблениям.

В конечном счете рассмотренный выше подход позволяет не только получить своеобразный ответ на вопрос о соотношении языка и мира, но и сформулировать общую метафизическую позицию, в рамках которой оказываются разрешимыми ряд эпистемологических и этических проблем. Ориентация метафизики не означает, конечно, того, что в

рамках дефляционизма отвергается всякая метафизика, поскольку это совершенно невозможно. Это означает лишь то, что метафизика и метафизическая проблематика при дефляционном подходе возникают как «побочный продукт».

Во-первых, поскольку понятие истины определяется *всеми* корректными подстановками в схему (DT) и поскольку в числе этих подстановок оказываются не только утверждения о физических объектах (как достаточно публичных сущностях), но и об этических и эстетических ценностях и т. д., то мы должны признать существование этических и эстетических фактов. Во-вторых, поскольку утверждения, которые мы высказываем, включают утверждения о «странных» объектах (например, о ценностях), постольку это предполагает, что истинностный предикат должен быть определен и для них.

Далее, поскольку значения языковых выражений определяются не тем, что эти языковые выражения находятся в определенном отношении с тем, что существует (или признается в качестве такового) реально, постольку сам проект описания реальности оказывается псевдопроблемой. В контексте бессмысленности проекта по описанию реальности или даже структуры реальности нам остается признать, что языковое поведение осуществляется в среде множества различных ассерторических языковых игр. Последнее (а также сам общий пафос дефляционных теорий истины) демонстрирует, что у нас отсутствует какой-либо критерий для определения того, какие утверждения соответствуют реальным фактам, а какие – только вымышленным (или, другими словами, «дефляционным») фактам. В этой связи дефляционные факты не предполагают реального существования чего-либо, а лишь принятия такой точки зрения, что нечто будто бы существует с позиции той или иной языковой игры.

Очевидно, что это подразумевает то, что ни физические, ни этические, ни какие-либо еще утверждения никак с реальным не связаны, они не репрезентируют реальность в том смысле, что они не являются ее отражением. Однако это не означает, что они не оказывают какое-либо каузальное воздействие на поведение говорящих, поскольку участие в языковой игре определяется нормативностью. С этой, можно сказать метафилософской, точки зрения спор о реализме/антиреализме оказывается сплошной ошибкой.

Рассмотрим более подробно причины того, что в рамках дефляционизма спор между реалистами и антиреалистами оказывается бес-

смысленным. Традиционно этот спор определяется как метафизический спор в том смысле, что этот спор предполагает ответ на вопрос о том, существуют или нет какие-либо не зависящие от сознания факторы. Этот спор был переведен в семантическое измерение М. Даммитом [5. С. 1–28] как спор, предполагающий ответ на вопрос о том, существуют ли какие-либо факторы, не зависящие от нашего сознания, которые делают наши утверждения определенно истинными или определенно ложными. Другими словами, сторонники реалистской позиции занимают точку зрения, что в реальности существуют какие-то факторы (например, объективные факты), которые делают наши утверждения либо истинными, либо ложными (третьего не дано). Со своей стороны, сторонники антиреализма предполагают, что истинностные значения утверждений зависят от знания конкретного участника коммуникации. То есть в рамках антиреализма отрицается принцип бивалентности истинности. Таким образом, согласно М. Даммиту, реализм соответствует классическому подходу в логике, а антиреализм – интуиционизму.

Конечно же, позиция по отношению к реальности, развиваемая в рамках дефляционизма, противоположна позиции реализма. Обратимся к вопросу о том, может ли дефляционизм считаться антиреалистской позицией. Несмотря на то, что антиреализм представляет собой противоположность реализма, методологически эти подходы весьма и весьма схожи. Общим методологическим принципом реализма и антиреализма является то, что понятие истины и в том, и в другом подходе является эпистемическим понятием. Это предполагает, что место критерия истинности при антиреалистском подходе занимает критерий определения (или, другими словами, узнавания) чего-то как истинного. Аналогом корреспондентной теории истины реализма является антиреалистская когерентная теория истины. Как видно, и в реализме, и в антиреализме предполагается, что истина имеет определенную метафизическую природу. То есть в рамках реализма понятие истины оказывается экстенционально эквивалентно (либо эквивалентно в каком-либо более сильном смысле) соответствию фактам. В свою очередь, в рамках антиреализма понятие истины связывается с когерентцией (непротиворечием, логическим следованием и т. д.) с набором базовых убеждений. Поскольку же дефляционизм отрицает наличие у истины подлежащей метафизической природы и предполагает, что о понятии истины нельзя сказать чего-либо большего, чем говорится в схеме (DT), постольку дефляционизм противоположен как реализму, так и антиреализму.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994.
2. *Ламберов Л.Д.* Дефляционизм, контекстуальность и теория значения // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2011. – №4.
3. *Ламберов Л.Д.* Дефляционные теории истины: проблема обобщенного определения // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9, №3.
4. *Ламберов Л.Д., Тарасов И.П.* В защиту дефляционной конвенции Т: «кантианские темы» в современной эпистемологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2010. – №4.
5. *Dummett M.* Truth // Dummett M. Truth and Other Enigmas. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978.

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Н.В. Мальчукова

Иркутский государственный университет
ninamalchukova@mail.ru

Психофизическая проблема является одной из классических философских проблем, решение которой реализуется на разных этапах развития философской мысли. Данная проблема сохраняет свою значимость в рамках онтологии, гносеологии, философской антропологии, социальной философии, однако особое место она занимает в философии сознания, где со времен Р. Декарта чрезвычайно трудным для объяснения оказывается вопрос о том, как и почему человек, являясь материальной субстанцией, может мыслить. Современная аналитическая философия, центром своих размышлений имея вопросы философии сознания, в лице таких своих представителей, как Дж. Серль, Д. Деннет, Д. Чалмерс, обращает особое внимание на психофизическую проблему. Позиции названных философов, с одной стороны, характеризуются определенным единством в решении данной проблемы, с другой стороны, они имеют и отличия. В совокупности сходств и различий эти позиции интересны для рассмотрения не только в контексте развития аналитической философии, но и в контексте подхода к решению данной проблемы, развиваемом в отечественной философии.

Единство позиций Дж.Серля, Д. Деннета, Д. Чалмерса состоит в том, что все они могут быть названы представителями научного материализма, установки которого исключают идеализм и иррационализм в решении психофизической проблемы (см. [4]). Кроме того, справедливо

будет утверждать, что упомянутые представители аналитической философии сознания, принимая установки физикалистского монизма в некоем онтологическом плане, вместе с тем являются антифизикалистами в решении психофизической проблемы, поскольку для них оказывается неприемлема редукция явлений сознания к физическим, физиологическим и нейрофизиологическим процессам. Вместе с тем критика физикалистского редукционизма осуществляется данными философами по-разному. Так, например, если для Дж. Серля основой этой критики выступает эмерджентизм, то для Д. Деннета – функционализм, а для Д. Чалмерса – дуализм свойств. Дж. Серль, решая психофизическую проблему, таким образом, исходит из того, что разум – это продукт человеческого мозга, который, возникая эмерджентно (внезапно) и являясь по отношению к нему нередуцируемой сущностью и обладая уникальными свойствами, тем не менее вне мозга не существует и определяется его уникальной организацией (см. [3]). В результате для Дж. Серля оказывается неприемлем функционалистский подход к решению психофизической проблемы, который специфичен для Д. Деннета. Последний, будучи функционалистом, рассматривает сознание как функцию мозга и исходит из того, что быть сознающим – значит быть в определенном функциональном состоянии, поддерживает принцип изофункционализма систем и фактически отождествляет сознание с «когнитивной компетенцией», в результате чего становится возможным утверждение, что машина, обладающая такой компетенцией, уже может рассматриваться как обладающая способностью мышления [6]. Развивая концепцию дуализма свойств (натуралистического дуализма), Д. Чалмерс оказывается весьма близок к эмерджентизму, поскольку исходит из того, что появление сознания, мышления требует наличия определенным образом организованного материального субстрата, однако при этом сознание не может быть сведено к свойствам последнего или объяснено особенностями его функционирования, т.е. оно имеет нефизическую природу [5]. Если при всех различиях иметь в виду сходство взглядов перечисленных представителей философии сознания, то нетрудно будет заметить их близость взглядам того направления исследований сознания в отечественной философии, которое получило развитие в рамках функционально-информационного подхода.

Как известно, в рамках функционально-информационного подхода сознание рассматривается как свойство особым образом организованной материи (человеческого мозга) отражать окружающую действи-

тельность в виде идеальных образов и целенаправленно регулировать взаимоотношения человека со средой. Такое понимание сознания в основе своей имеет теорию отражения, теорию информации и теорию функциональных систем.

Содержательная разработка категории «отражение» отечественными философами проводится на основе учета результатов общепhilософского опыта (как материалистического, так и идеалистического) и данных конкретно-научных областей (физиологии, нейрофизиологии, психологии, лингвистики и др.). В результате оказываются акцентированными (в числе прочих) такие моменты, как: а) относительная структурно-функциональная адекватность результата воспроизведения оригинала (фрагмента действительности) в копии (психическом отображении); б) общая условность (модельность) копии по отношению к оригиналу. В совокупности отмеченные моменты позволяют продуктивно разрабатывать проблемы эволюции отражательных процессов, становление психики, а также генезиса и функционирования языка и мышления. В то же время с этих позиций становится понятным, что в сфере социума отражение не может быть чем-то вроде кальки с действительности, т. е. не может быть зеркальным (пассивным) ее воспроизведением. В общем случае отражение здесь носит конструктивный характер, но может в силу разных причин оказаться и инерционным, деформирующим, искажающим действительность.

Благодаря деятельности отечественных исследователей (П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн) была развита теория функциональной системы, направленная на раскрытие сложности (системности) нейрофизиологической схемы отражательных процессов на уровне животных. Н.П. Бехтерева с соавторами в рамках функционального подхода исследовала нейрофизиологические процессы мышления, уделяя внимание связи речемыслительных процессов и кодовых структур головного мозга [1]. Д.И. Дубровский на протяжении ряда десятилетий разрабатывает философско-методологические основы функционального подхода к психическим (и детально) сознательным процессам, учитывая информационно-кодую их природу, которая и составляет базисный нервный компонент психических явлений [2].

Информация в данном случае трактуется как некоторое содержание кодовой организации, инвариантное относительно материально-энергетической формы этой организации. В биологических системах эволюционно формирующимся содержанием выступает *биологиче-*

ская значимость (положительная или отрицательная) характеристик и свойств внешней среды для органических возможностей устойчивости системы, связываемая с постепенно и параллельно нарабатываемыми посредствующими нервными элементами фиксирования и последующего считывания этой значимости. В дальнейшем усложнении живых систем, приводящем к уровню человека, значимость переходит в значение и *ценностно-смысловые* характеристики ориентирования *homo sapiens* в окружающем природном и социальном мире. Информация становится именно отражательно воспроизводимым за счет одновременно вырабатываемых кодовых средств феноменом оценочно-вычислительного, а затем и ценностно-смыслового характера. Таким образом, становится понятным, что информация – это специфический момент отражательных процессов на высшем уровне психики. Она есть специфический *экслюзив* отражательных процессов на уровне человека, представляющий синтез значений, ценностно-смысловых ориентаций и кодовых форм, т. е. семантики, синтаксиса и прагматики.

Именно ценностно-смысловые аспекты отражательного процесса конституируют информацию на высших уровнях психических процессов и позволяют определить информацию как специфическую сторону отражения. В то же время эти аспекты оформляются в сложных внешних (язык) и внутренних синтаксических конструкциях (нейрофизиологических организациях и процессах).

В таком случае можно утверждать, что хотя психические процессы и нейрофизиологические процессы образуют в принципе сверхсложную систему, это не исключает возможности дешифровки нервно-кодовых образований, которая осуществима всегда лишь в *принципиальном* виде, а отнюдь не в каком-то окончательном варианте. Кроме того, ведь совершенно ясно, что одно дело кодирование, а другое – интерпретация содержания кодовой записи. Более того, на основе данного подхода к решению психофизической проблемы имеется возможность связать внешний код, каковым выступает язык в его звуковой и письменной форме с внутримозговым его представительством и другими нервными процессами, благодаря чему осуществляется производство, передача, сохранение и интерпретация информации.

Таким образом, можно указать на ряд преимуществ, которые имеет функционально-информационный подход к решению психофизической проблемы: 1) утверждая, что сознание есть свойство, функция мозга, продукт его деятельности, данный подход не просто декларирует связь

сознания и мозга, но стремится раскрыть сущность и механизм этой связи; 2) рассматривая сознание как форму информационного отражения, данный подход избегает бихевиористского объяснения феномена сознания, трактуя его в терминах субъективной реальности [2]; 3) считая, что информационное отражение реализует себя на разных уровнях организации живой природы, появляющихся в процессе эволюции, данный подход объясняет происхождение сознания адаптационной необходимостью, что может рассматриваться как вариант решения трудной проблемы сознания; 4) благодаря выраженной ориентации на реалистическое воспроизведение языковых и мыслительных процессов отмечаемый подход способен диалектизировать и конкретизировать рассмотренные проблемы «язык и мышление» по разным направлениям.

Литература

1. Бехтерева Н.П., Гоголицын Ю.Л., Кропотков Ю.Д., Медведев С.В. Нейрофизиологические механизмы мышления. Отражение мыслительной деятельности в импульсной активности нейронов. – Л.: Наука, 1985. – 272 с.
2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.
3. Серл Дж. Открывая сознание заново. – М.: Идея-пресс, 2002. – 240 с.
4. Юлина Н.С. Научный материализм // Новая философская энциклопедия. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/2021.html> (дата обращения 08.06.2013).
5. Chalmers D. The conscious mind: In search of a fundamental theory. – N.Y.: Oxford UP, 1996. – 414 p.
6. Dennet D. Consciousness explained. – Boston: Little, Brown and Co, 1991. – 511 p.

ФИЛОСОФСКИЙ ПРИЗРАК

А.В Мерцалов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
anddo@ Rambler.ru

Е.В. Логинов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
loginovlosmar@gmail.com

Концепция философского зомби давно завоевала популярность в философии сознания. Сегодня не удастся найти практически ни одного крупного специалиста в этой области, который не пытался бы так или иначе ответить на поднимаемые ею вопросы. Вместе с тем говорить об общепринятости того или иного ответа и даже о наличии устоявшейся трактовки этого мысленного эксперимента не приходится. Перевод концепта на иной, в том числе инвертированный, язык описания является широко распространенным способом прояснения позиций в подобных

ситуациях, а потому может оказаться продуктивным и в данном случае. С этой целью в настоящей работе её авторы представляют к рассмотрению концепцию Философского призрака.

Философский призрак – это существо, всецело неотличимое от человека за исключением того, что оно не является физическим, телесным. Призрак – чистое воплощение человеческого духа, ментальности, сознания, квалиа, тождественных человеческим по своей структуре, способностям, функциям и прочему – или, точнее, отличных от человеческих в той же мере, в какой различны индивидуальные сознания и квалиа двух людей.

Независимо от того, существуют ли призраки в действительности, важно, что на основании их мыслимости возможно построение небезынтересного мысленного эксперимента, главный вопрос которого: удастся ли отличить призрак от обычного, телесного человека, столкнись мы с призраком в опыте?

Очевидно, что, как и в случае с философским зомби, данный опыт должен быть специфицирован. В ситуации с зомби мы не имеем никакой возможности непосредственно удостовериться в наличии или отсутствии у него сознания или квалиа, и можем судить о них на основании одних только физических (физиологических) фактов: по той или иной форме поведения (в том числе – речевого), тем или иным нейрофизиологическим процессам в мозге и т.п. Аналогично, в случае с призраком мы не должны иметь никакой возможности непосредственно удостовериться в наличии или отсутствии у него телесности, должны быть лишены всякого доступа к его физичности; само взаимодействие с призраком должно быть всецело не-физическим. По условию данной ситуации мы вынуждены заключать о телесности, имея в своем распоряжении исключительно не-физические данные опыта.

Конкретную форму опыт такого рода обретает в ситуации спиритического сеанса. Представьте себе спиритуалиста, вступающего в телепатический (т.е. всецело не-физический) контакт с некоторым существом. Коль скоро такой непосредственно ментальный контакт осуществлен, можно сделать вывод, что существо, с которым он установлен, также обладает ментальностью и способностью к телепатии (в противном случае данный контакт, очевидно, был бы невозможен). Но является ли данное существо телесным? Имеет ли спиритуалист возможность твердо удостовериться, что его телепатический «собеседник» – бестелесный

призрак или, напротив, что этим собеседником является иной спиритуалист – не менее телесный, чем сам организатор сеанса, находящийся, скажем, в соседней комнате или на другом конце земного шара (чтобы тем самым выполнялось условие приватности физичности телепатического собеседника)? Иными словами, имеется ли возможность посредством телепатии отличить призрак от обычного человека (аналогично возможности отличить человека от зомби по физическим проявлениям)? И если таким образом возможно удостовериться в наличии телесности, правомерно ли, имея лишь телепатический опыт, заключить о конкретном телесном воплощении собеседника (о его фигуре, цвете волос, чертах лица и т.п.) – аналогично тому, как в случае с человеком по его возгласам и поведению (от физических фактов определенного сотрясения воздуха и специфического движения тела) мы заключаем о том, что человеку больно или весело? В общем виде: правомерно ли рассматривать те или иные телепатические данные как проявления (или хотя бы косвенные свидетельства) некоторой телесности?

Попытка отличить бестелесного призрака от телесного телепата в роли собеседника на спиритическом сеансе может быть облечена в форму, аналогичную тесту Тьюринга. Если последний направлен на выявление наличия или отсутствия сознания посредством одного лишь физического взаимодействия (сводимого обычно к переписке), то применительно к данному случаю тест (назовем его «тестом Полтергейста») будет направлен на выявление наличия или отсутствия телесности посредством одного лишь телепатического взаимодействия. Подробное рассмотрение того, какие вопросы могут помочь с уверенностью сказать о наличии или отсутствии у телепатического собеседника тела, выходит за рамки данной работы; оговорим, однако, некоторые условия, существенно влияющие на круг таких вопросов. В первую очередь необходимо учитывать, что – аналогично компьютеру, принципиально лишенному ментальных состояний, – призрак ни в какой форме не обладает физичностью и, следовательно, неспособен к какому бы то ни было физическому взаимодействию (что означает, что ему не может быть непосредственно доступна информация, получаемая с помощью органов чувств). Однако этот «недостаток» призрака, помимо предположения о наличии у него воображения и способности к фантазированию и обману, с необходимостью должен быть покрыт одним из двух допущений: либо

слабым, согласно которому экзаменуемый призрак – дух ранее жившего человека, имеющий вполне явственные представления о телесном опыте; либо сильным, согласно которому телепатические способности призрака позволяют ему беспрепятственно считывать мысли других людей или же позволяют ему быть непосредственно причастным миру Культуры (Третьему миру Поппера). Каждое из этих допущений не только делает бесполезными вопросы о телесных состояниях телепатического собеседника, но и существенно ограничивает (сильное допущение, по сути, – устраняет вовсе) круг тех фактологических вопросов, которые могли бы помочь в определении его телесности (как, например, вопрос о том, какое сегодня число или какая за окном погода); в отсутствие же этих допущений само взаимодействие с призраком заведомо невозможно. Отметим также, что к тесту Полтергейста применима и инвертированная критика Серля, сформулированная им в форме мыслительного эксперимента Китайской комнаты.

Далее, если мы предполагаем возможность того, что призрак пройдет тест Полтергейста, т.е. что и форма, и содержание его ментальных состояний будут неотличимы от таковых у человека из плоти и крови, напрашивается вопрос о каузальной замкнутости ментального: какое вообще влияние оказывают (и могут ли отказывать) на мысль телесность в частности и физические процессы в целом? Очевидно, что ни конкретная форма, ни содержание частной мысли не зависят непосредственно от телесного состояния индивида (от того, испытывает ли он голод и ампутирована ли у него нога); более того, они также не зависят непосредственно ни от физических законов, ни от фактических физических условий, в которых тот находится. Уместно в данном контексте вспомнить информационный подход к проблеме сознания, предполагающий независимость формы и содержания информации от её физического носителя. Даже указание на то, что чувственный, т.е. по существу своему физический, опыт является основой для всякого содержания сознания, легко парируется, коль скоро мы признаем (в сильном допущении) способность призрака быть непосредственно причастным миру Культуры. Вследствие этого возникает вопрос: не является ли телесность простым эпифеноменом ментального?

Для его разъяснения уместно рассмотреть ситуацию Призрака Мэри (по аналогии с мысленным экспериментом Комнаты Мэри, предложенным Ф. Джексоном). Представим себе Призрак милашки Мэри, который никогда ранее не был воплощен в теле. Не имея опыта телесности,

Призрак Мэри, однако, обладает непосредственным доступом к миру Культуры, вследствие чего ему известна вся возможная ментальная информация, которую можно получить о том, что мы испытываем, будучи телесными. Испытает ли Мэри некоторый новый опыт, узнает ли она нечто новое, изменится ли каким-либо образом форма или содержание её мыслей, если однажды её призрак вселится в чье-либо тело? Положительный ответ будет свидетельствовать о нарушении каузальной замкнутости ментального, о том, что телесность и физические процессы и состояния оказывают влияние на наше сознание, и в этом ключе поставит вопрос о его способах и механизмах. Отрицательный же ответ приведет к противоположным выводам и поставит вопрос о самой реальности существования телесности.

Аналогичным образом в свете концепции Философского призрака инвертируются и многие другие мысленные эксперименты и проблемы философии сознания; более того, область её приложения простирается и за пределы аналитической философии. Частным случаем применения рассмотренного мыслительного эксперимента может стать критика феноменологии. При более тщательном продумывании связи ментального и физического, горизонты которого открываются в предложенной ситуации, может оказаться, что наше сознание не обладает достаточными ресурсами для проведения феноменологической редукции, а значит, дескриптивность не является единственным недостатком философии Гуссерля.

Авторы полагают, что предлагаемый мысленный эксперимент благоприятствует лучшему пониманию многих вопросов, затрагивающих проблему сознания, способствует выявлению сильных и слабых моментов привычных стратегий работы с ними и может служить инструментом преумножения ясности и отчетливости в данной области. При этом авторы питают надежду, что предлагаемый ими способ описания, формально тождественный и содержательно аналогичный имеющимся в философии сознания, будет в первую очередь *ad absurdum* способствовать пониманию необходимости установления запрета на немислимые мысленные эксперименты, на безудержное хитросплетение фантазий, которое, покуда спит разум, рождает чудовищ.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИОННОГО ТРАНСГУМАНИЗМА

А.Ю. Нестеров

Самарский государственный аэрокосмический университет им. С.П. Королёва
aynesterow@yandex.ru

Прогнозируемые на ближайшие 30–50 лет глобальные угрозы цивилизации обуславливаются экстраполяцией моделей, описывающих темпы технологического развития, на фоне мировоззренческого кризиса, характеризующего современный западный мир. Технологическая сингулярность в формулировках Р. Курцвейла, А.П. Назаретяна, в кривой Снукса–Панова и т.п. рисует человеческий мир после 2050 года как мир нового варварства или нового средневековья, где человек из субъекта развития превращается в элемент фона, а субъектом становится некоторый сильный искусственный интеллект или новая технологическая среда. Аналогичная постапокалиптическая картина возникает и вне концепции неконтролируемого технологического роста при анализе потребительской идеологии, характеризующей абсолютное большинство человеческих сообществ: рост количества генетических проблем, перенаселение планеты, истощение природных ресурсов, губительные изменения климата, вызванные деятельностью человека, – это то настоящее, которое вызывает большие опасения в отношении будущего.

Способы работы с формулируемыми угрозами связаны с анализом и поиском механизмов воздействия на прагматику. В рамках универсального семиотического подхода любого рода процессы в человеческом мире, будь то восприятие, логико-языковые процедуры, рефлексия, технологическая деятельность, этическое нормирование или эстетические переживания описываются как семиозис, т. е. как процессы, в которых нечто является знаком. После Ч.С. Пирса семиозис рассматривается через синтаксическое, семантическое и прагматическое измерения. В XX в. после лингвистического поворота в исследованиях синтаксиса получены фундаментальные новые результаты, однако семантика и особенно прагматика по сей день изучены фрагментарно, каких-либо технологических решений, основанных на прагматике, практически нет.

Конкретика прагматических задач в научном познании, например в области исследований искусственного интеллекта, связана с отказом от жёсткой версии гипотезы о вычислимом интеллекте, в пользу мягкой гипотезы о том, что мышление, представимое или частично имитируемое процессом вычислений, не сводится сугубо к вычислительным проце-

дурам, но представляет собой в том числе и создание условий возможности вычислений. Иными словами, уже достаточно хорошо изученные правила образования и преобразования знаков естественных, искусственных или математических языков должны дополняться правилами, которые позволяют задать полагание чего-либо знаком в некотором субстрате или на некотором фоне.

За пределами научного познания прагматический поворот связан с целеполаганием, с анализом правил, выделяющих значимое на фоне незначимого и задающих этим выделением допустимые возможности и границы целереализации. Анализ прагматики в общепhilософском контексте связан с мировоззрением и идеологией. Одной из версий идеологии, работы с прагматическими правилами является эволюционный трансгуманизм как направление мысли, с одной стороны, утверждающее рационально-технологический вектор развития человека и человеческой цивилизации, с другой стороны, требующее нового уровня целеполагания, которое за счёт технологий привело бы к принципиально новым механизмам целереализации.

Эволюционный трансгуманизм как идеология ориентирован на изменение индивидуального сознания, на формирование неочеловека. Сам термин «трансгуманизм» обозначает набор мировоззренческих установок, связанных с улучшением биологических свойств человека за счёт технологического прогресса. Содержательно трансгуманизм подразумевает анализ границ человеческого в естественнонаучном, нравственном, эстетическом измерениях с целью обнаружения путей их качественного преодоления. В онтологическом плане трансгуманизм определяется стремлением найти продуктивную модель описания и преобразования человека средствами современной науки – и тем самым оказывается в ситуации диалога с традиционными конфессиями и естественнонаучным материализмом; в гносеологическом плане ставится задача качественного расширения спектра познания человека и возникает требование понимания эволюционных механизмов, разработки теории и методологии качественного преобразования человека; в аксиологическом плане ставится задача осмысления качественно новой системы ценностей и экзистенциальных смыслов, обозначения требований высокой этики постсингулярного этапа развития цивилизации; в праксеологическом плане утверждается необходимость создания социального субъекта, способного реализовать трансгуманистическую систему ценностей.

Один из самых сложных вопросов как в мировоззренческом, так и в научном плане – это вопрос об эволюции или развитии. Трансгуманизм требует «внешнего» взгляда на человека: целеполагания, в котором его нынешнее состояние тела и сознания рассматривается как переходное, незавершенное, открытое для качественных изменений. Эволюция как философское понятие, фиксирующее и объясняющее процесс формирования новых качеств объектов, новых объектов, «нового» как такового, может рассматриваться в контексте системно-теоретического, диалектического, синергетического подходов. Системно-теоретическое решение проблемы «нового» подразумевает, что «новое» есть результат наложения систем, переноса по аналогии. Научная продуктивность этого подхода, выражающаяся, например, в фундаментальном расширении границ физического знания средствами математики в XX в., обусловлена соотношением как минимум двух субстанций (например, вещества и языка его описания) с целью обнаружения изоморфизмов или расширения границ отображения одного субстрата в другом. Диалектическое решение проблемы «нового» сформулировано Г. Гегелем в рамках онтологии абсолютного идеализма и вводит его как синтез тезиса и его отрицания. Так, понятие «новое» позволяет методологам разграничивать количественные и качественные границы, т.е. рассматривать новое или как раскрытие ресурсов конкретной среды или субстанции, или как переход от одной среды или субстанции к другой. Синергетическое решение проблемы «нового» вводит эту категорию как описание состояния системы при выходе из точки бифуркации.

Способность к самодетерминации в стремлении к высоким целям, понятая в качестве смысложизненной задачи индивида и реализованная в магистральных сюжетах общественного сознания, – это основание для трансформации индивидуального мировоззрения, эволюции. Высокие цели эволюционного трансгуманизма определены пафосом стремления к нечеловечеству, т.е. к такому человечеству, где исследуемое философами на протяжении тысячелетий качество мудрости характеризуется не избранное меньшинство, но абсолютное большинство. Это цели кибернетического бессмертия, синтеза научного и духовного знания, создания социального субъекта, способного остановить деградацию и самоуничтожение современной цивилизации.

Г. ХАРТ И ДЖ. ПИТЧЕР О ДЕЙСТВИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ¹

В.В. Оглезнев

Томский государственный университет
ogleznev82@mail.ru

В 1949 году Герберт Харт опубликовал (сначала в журнале «Proceedings of the Aristotelian Society», а затем в «Logic and Language») научную статью, посвященную исследованию применения методологии аналитической философии языка в сфере права, под названием «The Ascription of Responsibility and Rights» («Приписывание ответственности и прав») [1]. Эта работа вызвала острый интерес у англо-американских аналитических философов. И еще в течение многих лет она вызывала бурные дискуссии, критические рецензии, обоснованные и необоснованные осуждения и одобрения. Тем не менее именно публикация «Приписывания ответственности и прав» прославила Харта в философской академической среде и обеспечила широкое обсуждение его философской концепции.

Среди множества критических рецензий, поступивших на эту работу Харта, особый интерес вызывает статья Джорджа Питчера «Hart on Action and Responsibility» [2], где изложена, пожалуй, самая радикальная оценка концепции Харта. Питчер назвал подход Харта «в корне неправильным» и заявил, что он должен быть основательно пересмотрен и радикально переформулирован [2. С. 226].

Основным объектом критической атаки Питчера является тезис Харта, что сказать «Он его ударил» означает не описать физические движения человека, но приписать ему ответственность за содеянное. Питчер начинает свой анализ с утверждения, что хотя теория Харта и тематизирует всевозможные человеческие действия, а не какую-то определенную их часть, но при этом в качестве примеров он рассматривает исключительно противоправные (или кажущиеся противоправными) действия – вроде мужчина ударил женщину [1. С. 127–130]. Предположим, мы рассматриваем вполне обычные действия: если я говорю «Он сыграл на пианино» или «Он поужинал», могу ли я в этих случаях приписать кому-то ответственность? Определенно нет, отвечает Питчер. В этих случаях за исключением весьма необычных обстоятельств

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-13-70001а, № 12-33-01380а2, № 13-33-01289а2), в рамках ФЦП «Кадрь» (проект № 14.В37.21.0986) и в рамках государственного задания Минобрнауки России на проведение научных исследований (Тематический план НИР Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

нет ничего, что могло бы приписать ответственность за содеянное [2. С. 226]. Когда нам кто-то говорит «Смит ее ударил», это означает, что говорящий приписывает ответственность Смигу. Но за что Смит должен быть ответственным? По мнению Питчера, это – резонный вопрос, поскольку, кроме тех случаев, когда кто-то является просто ответственным человеком, т.е. всякий раз, когда говорящий должен быть ответственным (например, за свои слова или поступки, в широком смысле), это всегда означает, что он несет ответственность *за* что-то определенное. Харт говорит нам, указывает Питчер, что Смит ответствен именно *за свои действия*. Этот «резонный вопрос» является для Питчера основополагающим или отправным моментом для критики концепции Харта. Кроме того, через тщательный анализ употребления суждений типа «Это сделал он» в обычном (неюридическом) контексте можно будет поставить под сомнение теорию его оппонента.

Харт пишет: «Предложения формы “Это сделал он” традиционно считались дескриптивными, тогда как их основная функция, которую я рискну назвать аскриптивной, буквально заключается в том, чтобы приписывать ответственность за действия» [1. С. 119]. По мнению Питчера, подобный ход мысли вряд ли можно считать корректным, несмотря на то, что многие философы (включая Харта) регулярно отмечают, что человек ответствен за свои собственные действия. Насколько вообще правильно утверждать, задается вопросом Питчер, что «человек ответствен за свои собственные действия»? Например, если Джонс грабит банк, можно ли задаться вопросом «Джонс ответствен за ограбление банка или за то, что банк ограбили?».

Чтобы ответить на этот вопрос, Питчеру приходится сделать ряд допущений, где человек несет ответственность: 1) за выполнение поставленных задач (например, сегодня Джонс несет ответственность за звуковое сопровождение выступающего); 2) за свои должностные обязанности (дворник несет ответственность за чистоту улиц); 3) за исполнение определенных обязательств (родитель несет ответственность за воспитание своих детей); 4) за нечто, что связано с человеком и находится под его опекой (человек несет ответственность за поведение своих детей); 5) за определенные последствия или результаты того, что он делает (если Джонс безжалостно обошелся с Сисиль, бросив ее, в результате чего у нее случился нервный срыв, можно было бы с уверенностью сказать, что Джонс несет ответственность за нервный срыв Сисиль) [2. С. 227].

Именно пятый случай, репрезентирующий основную идею Питчера, представляет особый интерес для разбора его критических аргументов. Первые четыре случая просты и понятны, поскольку они в той или иной степени апеллируют к этимологии слова «ответственность» (ответ, отвечать). Сказать, что Джонс несет ответственность за нервный срыв Сисиль, – значит утверждать, что он что-то сделал (в этом случае – бросил ее), по крайней мере, его поведение является основным фактором ее нервного срыва, и, кроме того, он сделал это таким образом (в данном случае, безжалостно), что заслуживает осуждения. Если бы они расстались добровольно или в более мягкой форме, то мы не смогли бы сказать, что он несет ответственность за ее нервный срыв. Питчер резюмирует: мы несем ответственность за большую часть наших действий, имеющих удачный исход (или результат), а также не имеющих такового, и в отношении них мы не можем говорить о вине или осуждении, но только, при определенных условиях, о похвале [2. С. 228].

На наш взгляд, неубедительность (или даже слабость) приведенных аргументов Питчера основана на непоследовательности в его рассуждениях, а именно – в смешении контекстов рассуждения. Питчер не учитывает или попусту игнорирует тот факт, что приписывание ответственности в теории Харта возможно преимущественно в рамках юридического дискурса. Харт пишет: «В некоторых важных аспектах они [аскриптивные предложения] сходны с формальными исковыми заявлениями, обвинительными актами, признаниями, решениями суда и приговорами, формирующими насколько большую, настолько и важную часть языка юристов. И логические особенности, которые отличают эти виды предложений от дескриптивных предложений, или скорее от теоретической модели дескриптивных предложений, с которой часто работают философы, могут быть лучше всего поняты при рассмотрении определенных особенностей юридических понятий, поскольку они встречаются в юридической практике и процессе» [1. С. 119]. За пределами же юридического языка (например, в контексте морали) некоторые положения Питчера выглядят вполне убедительно, но если мы попытаемся поместить, например, предложенную им «формулу ответственности» в юридический контекст – «Если Джонс ограбил банк и не был при этом задержан полицейскими, т.е. ограбление было успешным, он ни при каких обстоятельствах не может заслуживать похвалы» – то результата не будет. Напротив, в случае неудачи (его задержали полицейские) есть все основания утверждать, что он заслуживает осужде-

ния. Кроме того, Питчер считает, что ни один из (пяти) предложенных им вариантов ответственности не содержит концепт «ответственность за свои собственные действия» в хартовском смысле, поскольку нельзя сказать, что Джонс был обязан, должен или был вынужден ограбить банк; так же как и нельзя сказать, что ограбление банка – это исход или результат чего-то, что сделал Джонс, напротив, это то, что он сделал [2. С. 228]. Питчер же старается подчеркнуть, что необходимо различать ответственность за действия и ответственность за нечто сделанное, т.е. Джонс несет ответственность не за действия, связанные с ограблением банка, но за сам факт ограбления банка, за факт того, что банк был ограблен именно им.

Для подтверждения данной точки зрения Питчер приводит следующий пример. Представим ситуацию, что в детском саду в какой-то момент времени воспитатель отлучился из игровой комнаты, но когда вернулся, то обнаружил, что разбита ваза. Он спрашивает детей, кто разбил вазу. Джейн сообщает: «Это сделал Джонни». По мнению Питчера, это – яркий пример ситуации, когда кто-то путем произнесения фразы «Это сделал он» приписывает кому-то ответственность. Даже если согласиться с Хартом, что приписывание ответственности возможно только в подобных ситуациях, все равно его утверждение, по мнению Питчера, ложно. Ибо когда Джейн говорит «Это сделал Джонни», приписывая тем самым ему ответственность, это все же не ответственность за его действия, что она ему приписывает. Вопрос воспитателя звучал так: «Кто понесет ответственность за случившееся?», а не «Кто понесет ответственность за действия, что привели к случившемуся?». Воспитатель просто желает знать, чьи действия привели к тому, что ваза разбилась, потому как вопрос о том, кто *несет ответственность* за случившееся, возникает следующим. Питчер находит очевидным, что Джейн приписывает ответственность Джонни не за его действия, которые привели к разбитию вазы, но за разбитую вазу. «Пример, который выглядел многообещающе, – пишет Питчер, – оказывается на деле примером того, что хотя в нем ответственность действительно приписывается, но это не ответственность за действие, что приписывается... разбитая ваза, за которую Джонни несет ответственность, есть результат (или следствие) того, что он сделал» [2. С. 229].

Приписывание ответственности в строгом смысле этого слова возможно лишь в специфических речевых ситуациях, вроде представленной выше, где ответственность имеет индикационный характер, т.е.

определяет того, кто *ответит* за случившееся. Это приводит Питчера к двум выводам [2. С. 231]: во-первых, тезис Харта о том, что «сказать «Он его ударил», означает не описать физические движения человека, но приписать ему ответственность за содеянное» является некорректным. Вместо того чтобы обращаться к понятию «ответственность», Харту следовало бы обратиться к понятию «заслуживающий порицания или наказания». Во-вторых, даже если предположить, что данный тезис верен, он все равно будет ложным и неприменимым для всех суждений формы «Это сделал он» [2. С. 231].

На наш взгляд, основные критические аргументы Питчера покоятся на игнорировании, с одной стороны, видов ответственности (юридическая или моральная), а с другой стороны, различия ответственности на позитивную и негативную (приведенные им случаи ответственности – явное тому подтверждение). Подобная тематизация ответственности подробно разработана в отечественной теории и философии права и получила широкое распространение в научной юридической литературе. В частности, Н.В. Витрук считает, что «ответственность в позитивном (положительном, активном, перспективном) плане рассматривается как осознание личностью смысла и значения собственных поступков, согласование их со своими правами и обязанностями, своим долгом в *настоящем и будущем* поведении. В то время как ответственность в негативном (ретроспективном) аспекте понимают как ответственность за *прошлое* деяние, за нарушение требований норм права, которое уже имело место» [3. С. 23]. Позитивная ответственность возникает за правомерное поведение (например, ответственность из чувства долга), а негативная (ретроспективная) за противоправные деяния. Под негативной ответственностью понимается собственно юридическая ответственность, возникающая в результате неисполнения обязанностей, нарушений запрета, злоупотребления правом. Кроме того, в отечественной юридической традиции принято от юридической ответственности отличать правовую, под которой понимается ответственность, устанавливаемая в соответствии с требованиями идеального (естественного) права, его идеалов и ценностей; она наиболее тесно связана с принципами свободы, справедливости и равенства. Правовая ответственность лежит в основе юридической ответственности [3. С. 21]. Но поскольку в английском языке отсутствует термин, способный передать вышеотмеченные оттенки слова «ответственность», то мы вынуждены оставить это замечание без внимания. Отметим лишь, что выделение позитивной

и негативной ответственности может иметь эвристическое значение для анализа аргументов Питчера.

Смещение Питчером видов ответственности приводит к (существенному) искажению взглядов Харта и неправильному пониманию его подхода. Желая обосновать свое предположение, Питчер приводит примеры действий не *негативного* характера (вроде предложения «Он его ударил»), но примеры *позитивного* обычного поведения. Если кто-то говорит «Он прочел книгу» или «Он посетил музей», то, очевидно, в этих случаях ответственность за сделанное не приписывается, несмотря на то, что глаголы в этих предложениях употребляются в прошедшем времени (согласно процитированному выше определению Н.В. Витрука). Действительно, Питчер указывает на предложения, которые не приписывают ответственности, а не приписывают они ее потому, что не все действия подлежат ответственности. Ответственность из морально-го долженствования (ответственность родителей за воспитание своих детей), т.е. позитивная ответственность, отличается от (негативной) ответственности за совершение противоправного деяния. Основной причиной подобного постулирования мы считаем различие контекстов употребления этого термина, ибо Харт имеет в виду юридический контекст, а Питчер – моральный. Кроме того, в теории Питчера обнаруживаются некоторые замечания лингвистического характера. Так, например, Питчер настаивает, что *приписывается* не ответственность за действия, но действия лицу, привлекаемому к ответственности. Харт, напротив, совершенно четко отмечает, что приписывается именно ответственность за действия: «...Основная функция предложений формы “Это сделал он”... буквально заключается в том, чтобы приписывать ответственность за действия» [1. С. 119]. Все это позволяет нам прийти к выводу, что надлежащий анализ терминов «приписывание» и «ответственность» должен учитывать, главным образом, контекст их употребления.

Литература

1. Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1949. – Vol. 49. – P. 171–194. См. русский перевод: Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 5(292). – С. 116–135. Здесь и далее цитируется русский перевод.
2. Pitcher G. Hart on Action and Responsibility // Philosophical Review. – 1960. Vol. 69, № 2. – P. 226–235.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: РАП, 2008.

КРИТИКА ВИТГЕНШТЕЙНОМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТОЖДЕСТВА (РАВЕНСТВА) РАМСЕЯ В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОГО ТРАКТАТА

К.А. Родин

Томский государственный университет
rodin.kir@gmail.com

Если требуется приписать некоторому определённом объекту-индивиду или определенному классу объектов некоторое свойство, то обычно используется следующая нотация: ϕa (в случае индивида) или ϕx (в случае класса). Например, ϕa и ϕb предикцируют a и b одно и то же свойство. Равенство также выступает в роли предикативной функции (в *Principia Mathematica* у Рассела). И здесь возникает проблема. Два индивида (две вещи) могут иметь общими все свойства, т.е. исполнять одинаковые предикативные функции, и тем самым, казалось бы, быть равными, но различаться – в чем нет логического противоречия – просто тем фактом, что имеют место два разных объекта. Тогда оказывается невозможным определение тождества через предикативные функции. Для решения данной проблемы Рамсей и вводит понятие экстенциональной функции ($\phi_e x$): «Такая функция от одного индивида проистекает из некоего одно-многозначного отношения по объёму между пропозициями и индивидами; другими словами, из соответствия, осуществимого или неосуществимого, которое к каждому индивиду присоединяет особую пропозицию, индивид является аргументом функции, пропозиция – её значением. Так ϕ (Сократ) может быть: Королева Анна умерла» [1. С. 75].

Используя экстенциональные функции, считает Рамсей, возможно задать определение тождества $x=y$. Действительно, (ϕ_e) . $\phi_e x \equiv \phi_e y$ в любом из сопоставлений означает, что пропозиция, соотнесённая с x , эквивалентна пропозиции, соотнесённой с y . Если $x=y$, то получаем тавтологию, так как выражение оказывается произведением значений $p \equiv p$, а если $x \neq y$, тогда хотя бы в одном из сопоставлений некоторое p будет приписано x , а $\sim p$ – y , и, значит, будет иметь место противоречие. Таким образом, $x=y$ есть экстенциональная функция от двух переменных. Кажется, что трудность с различением объектов преодолена: мы просто исключили их из рассмотрения. Такое решение, на деле, означает отказ от внутренних отношений в пользу внешних (подробнее, в связи с критикой Витгенштейна, об этом будет сказано ниже). Рассмотрим возражение Рамсею со стороны Витгенштейна:

Вы определяете $x=y$ как

$(\Phi_e) . \Phi_e x \equiv \Phi_e y \dots\dots\dots Q(x,y)$

и Вы оправдываете это Определение, утверждая, что $Q(x,y)$ является тавтологией всегда, когда « x » и « y » имеют одно и то же значение, и противоречием, когда они имеют разные значения.

Я попытаюсь показать, что это определение не выполняет того, для чего оно предназначено, пытаясь сделать $x=y$ тавтологией или противоречием.

Ясно, что $Q(x,y)$ является логическим произведением. Пусть « a » и « b » будут двумя именами, имеющими различные значения. Тогда среди членов нашего произведения будут такие, что $f(a)$ означает p , а $f(b)$ означает $\sim p$. Назовем такую функцию критической функцией f_k . Теперь, хотя мы знаем, что « a » и « b » имеют разные значения, сказать, что $a=b$, всё равно не может быть бессмысленным, если $a \neq b$ должно иметь какой-то смысл. Ибо, если $a=b$ было бы бессмысленным, то отрицательная пропозиция (т. е. отрицание того, что они имеют одно и то же значение) также была бы бессмысленной, ибо отрицание бессмыслицы также является бессмыслицей. Теперь ошибочно предположим, что $a=b$, тогда, посредством подстановки a вместо b , что должно быть вполне законным, если мы придали $a=b$ правильное значение, в нашем логическом произведении критическая функция $f_k(a)$ становится бессмысленной (будучи двусмысленной), а, следовательно, и всё произведение. С другой стороны, пусть « c » и « d » будут двумя именами, имеющими одно и то же значение, тогда истинно то, что $Q(c,d)$ становится тавтологией. Но предположим теперь (ошибочно) $c \neq d$; $Q(c,d)$ всё ещё остаётся тавтологией, ибо в нашем произведении отсутствует критическая функция. И даже если можно было бы предположить, что $c \neq d$, существования критической функции f_k (такой что $f_k(c)$ означает p , а $f_k(d)$ означает $\sim p$) предположить, конечно, нельзя, ибо знак $f_k()$ становится в этом случае бессмысленным. Следовательно, если $x=y$ является тавтологией или противоречием и корректно определяется посредством $Q(x,y)$, то $Q(a,b)$ было бы не противоречивым, а бессмысленным (поскольку это предположение, если оно является предположением, что « a » и « b » имеют одно и то же значение, делало бы критическую функцию бессмысленной). И следовательно, $\sim Q(a,b)$ также было бы бессмысленным, ибо отрицание бессмыслицы есть бессмыслица. В случае c и d $Q(c,d)$ остаётся тавтологией, даже если можно предположить, что c и d являются различными (ибо в этом случае нельзя даже предположить существования критиче-

ской функции). Мой вывод: $Q(x,y)$ является весьма интересной функцией, но она не может быть подставлена вместо $x=y$ ([2. С. 339–340]; цит. по: [3. С. 166–167], см. также [4]).

Онтология Трактата постулирует абсолютную простоту объекта, поэтому отличие а от b либо имеет место, либо нет. Если $a=b$, то, поскольку язык соответствует миру, «неверной» будет запись, в которой используются два различных знака. Но что если мы откажемся от онтологии и будем исходить из формального характера проблемы? Если нет логического противоречия в том, чтобы объекты, имея общими все свойства, отличались друг от друга в отсутствие какого-либо различия, то из-за возникающей в данном месте проблемы определения тождества откажемся от объектов вообще и будем говорить только о функциях, что и подразумевается в ϕ . Критический ход Витгенштейна обнаруживает здесь некоторую неадекватность и обусловлен не интересом к тем целям, которые преследовал Рамсей (устранение ряда затруднений в программе логицизма), но вопросом об онтологии, который совпадает с проблемой осмысленности предложения. Непонятно, о чем говорит та или иная функция, если она не подразумевает обращение к объектам. Обращение к объектам есть необходимое требование смысла, ибо положения вещей включают объекты, поэтому, рассматривая что угодно, в том числе формальную систему записи, мы вынуждены начинать с онтологии. Итак, допустим, что объекты различны¹. Положение вещей предполагает, что оно могло быть другим, т.е. возможное положение вещей необязательно в такой-то момент сбылось на уровне факта: p и $\sim p$ имеют дело с одним положением вещей, но отражают два различных факта. Предположим, что имена «a» и «b» имеют разные значения, следовательно, они могли бы иметь и одно значение (что в «правильной» нотации Трактата, понятно, исключено). Но тогда критическая функция оказывается бессмысленной, так как ее использование не предоставляет возможности опровергнуть ошибочное представление о том, что имеет

¹ Витгенштейн считает, что, даже когда объекты тождественны, мы должны иметь возможность предположить обратное. В противном случае бессмысленным будет само утверждение о тождественности объектов. «When one wants to show the senselessness of metaphysical turns of phrase, one often says «I couldn't imagine the opposite of that», or «What would it be like if it were otherwise?» (When, for instance, someone has said that my images are private, that only I alone can know if I am feeling pain, etc.) Well, if I can't imagine how it might be otherwise, I equally can't imagine that it is so. For here «I can't imagine» doesn't indicate a lack of imaginative power. I can't even try to imagine it; it makes no sense to say «I imagine it». And that means, no connection has been made between this sentence and the method of representation by imagination (or by drawing)» (5, 129).

место то, что на самом деле места не имеет. Определение тождества через экстенциональные функции, таким образом, ничего не говорит о мире (не имеет с ним ничего общего). Но ведь именно в мире «наблюдается» равенство или неравенство объектов. Логика, конечно, не говорит о том, какие объекты в действительности равны, а какие нет, но она, согласно Витгенштейну, должна отражать возможность объектов входить в такое-то положение вещей. Опять же, данное требование смысла неисполнимо вне онтологии, которая влечет за собой принцип изоморфизма мира/языка, понятие логической формы и внутренние отношения. Изоморфизм обозначаемого и обозначающего легко заметить, обращаясь ко второй части возражения. Если сперва мы брали различные по значению «a» и «b» и при неверном обратном абстрактах предположении получали, что критическая функция бессмысленна (бессмысленна она потому, что хотя она несомненно имеет место, в том, как обозначена, может и не иметь места (при предположении, что $a \neq b$), и, следовательно, непонятна её критическая роль), то сейчас предположим, что «c» и «d» суть два различных имени на одно значение. Если мы опять сделаем обратное абстрактное предположение, то получим, что сам знак критической функции не имеет смысла (ибо знак критической функции не просто не соответствует здесь положению вещей, тавтологии, но не имеет вообще никакой возможности ему соответствовать). Противоречие (его отслеживает критическая функция) и тавтология имеют или не имеют место уже после первого предположения, которое завязано на онтологии: либо объекты тождественны, либо нет. И мы возвращаемся к исходному пункту. Поскольку проблема определения тождества неразрешима (согласно Витгенштейну, если она неразрешима на уровне объектов, то неразрешима и где бы то ни было еще), постольку изначально бессмысленна сама попытка решения, то есть отношение тождества должно быть признано внутренним отношением объектов. Рамсей не принял идею внутренних отношений, на что Витгенштейн, конечно, мог только ответить, что подобный «ход» не имеет под собой онтологии, значит, должен быть признан бессмысленным. Такова суть возражения (подробнее о проблеме см. [3. С. 159–182 и 4]).

Тождество невозможно определить внешним образом, потому что оно само есть внутреннее отношение, или, по крайней мере, тесно с ним связано. Витгенштейн пишет: «Кажется, что логическое тождество между знаками и обозначаемыми вещами не является необходимым, но только внутренним логическим отношением между ними. (Существо-

вание такого отношения в известном смысле включает и существование некоторого вида фундаментального – внутреннего – тождества)» [б. С. 53–54].

Таким образом, критика Витгенштейном рамсеевского определения тождества при обращении к соответствующему контексту его ранней философии (она отчетливо реконструируется с опорой на онтологию и внутренние отношения) становится понятной и занимает свое место в истории логицизма.

Литература

1. *Рамсей Ф.П.* Философские работы / под общ. ред. В.А. Суровцева. – М.: Канон+, 2011.
2. *Ramsey F.P.* Notes on Philosophy, Probability and Mathematics. – Napoli: Bibliopolis, 1991.
3. *Суровцев В.А.* Ф.П. Рамсей и программа логицизма. – Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2012.
4. *Суровцев В.А.* Л. Витгенштейн об экстенциональных функциях Ф. П. Рамсея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2011. Т. 9, № 4. – С. 143–154.
5. *Wittgenstein L.* Philosophical Remarks. – Oxford: Blackwell, 1975.
6. *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916 / под общ. ред. В.А. Суровцева. – М.: «Канон+», 2009.

О СООТНОШЕНИИ ТЕОРИИ ТИПОВ Б. РАССЕЛА И ТЕОРИИ ТИПОВ Ф.П. РАМСЕЯ

В.А. Суровцев

Томский государственный университет
surovtsev1964@mail.ru

1. Б. Рассел разделяет технические вопросы развития теории типов и вопросы, связанные с её содержательной интерпретацией. Однако, как показали реформы, предпринятые Рамсем, философские вопросы в рамках этой теории не отделимы от технических деталей, поскольку содержательные соображения оказывают существенное влияние на технический аппарат. Несмотря на то, что по следствиям, связанным с решением семантических парадоксов, разветвлённая теория типов и теория типов Рамсея эквивалентны, конструктивный подход Рассела разительно отличается от реалистского подхода Рамсея. К тому же для Рамсея важную роль играют сугубо семантические соображения, которые совершенно отсутствуют у Рассела. Иной смысл приобретает и программа сведения математики к логике, поскольку по-иному трактуется такое важное понятие, как функция. Поэтому на некоторых содержательных

соображениях, которыми руководствовался Рамсей, реформируя теорию типов, следует акцентироваться несколько подробнее.

2. Ф.П. Рамсей отказывается от универсальной применимости принципа порочного круга при объяснении парадоксов и связанных с этим объяснением так называемых непредикативных определений. Рамсей выделяет три различных момента в этом принципе, которые отражаются на его теории типов. Первый непредикативный процесс, касающийся применимости функций к самим себе, хотя и содержит круг, но в этом круге нет ничего порочного. Более того, именно отказ рассматривать данный круг как порочный позволяет модифицировать понятие предикативной функции. Второй непредикативный процесс исключается простой теорией типов, которая трактуется Рамсеем как средство, позволяющее избегать бессмысленных выражений. Преодоление порочного круга, присутствующего в третьей разновидности непредикативного процесса, связано с обособлением семантической составляющей формальной теории. Осмысление данного непредикативного процесса и связанной с ним группы парадоксов впервые позволило осознать семантические проблемы как проблемы *sui generis*, т.е. проблемы функционирования символизма, с помощью которого формулируется теория, начинают трактоваться как отличные от проблем, касающихся объективного содержания самой теории. В этом отношении Рамсей является одним из родоначальников логической семантики как особой дисциплины, рассматривающей собственный круг проблем и использующей своеобразные методы.

3. Ф.П. Рамсей, хотя и осознаёт принципиальное различие двух видов проблем, всё-таки пытается объединить их в рамках единой теории типов. Эта мотивация более свойственна философу, нежели математику, поскольку Рамсей стремится не только описать, но и объяснить. Хотя Рамсей чётко осознаёт различие парадоксов группы *A*, обязанных плохой логике, и парадоксов группы *B*, обязанных неверно трактуемому понятию значения символов, он всё-таки объединяет решение математических и лингвистических проблем в рамках единой теории, что сближает его с подходом Рассела, на которого в данном случае он, возможно, ориентировался. Это серьёзно отличается от подхода, например, А. Тарского, который чётко разделяет язык-объект и метаязык, где в первом выражается содержание теории, а во втором принципы её символизма. Первое и второе не просто различаются как моменты в рамках единой теории, но представляют собой разные теории.

4. Указанная дифференциация непредикативных процессов очень тесно связана у Рамсея с важной философской предпосылкой. Имеется в виду позиция реализма относительно природы математических объектов. Рамсей рассматривает функции по их объективному значению, а не по тому, как они строятся с точки зрения возможностей используемого нами языка. При этом задействуется реалистский взгляд на функции, в корне отличный от конструктивистского, который ориентируется на возможности нашего их построения. С точки зрения объективного подхода функция может быть какой угодно, но лишь в том случае, если мы принимаем их объективное существование. Любой подход, подразумевающий, что функция зависит от возможностей нашего её символического выражения, ограничен возможностями действующего логика, т.е. конкретного человеческого существа, и не должен относиться к логике, если мы рассматриваем её как объективную науку, столь же объективную, сколь объективной должна рассматриваться математика.

5. Здесь руководящей идеей, по-видимому, выступает философское представление о том, что то, что мы должны выразить, может в корне отличаться от тех средств, которые у нас для этого есть. И нетрудно заметить, что эта идея является руководящей для всей западноевропейской философии, основной мотив которой определялся поиском средств для выражения того, что хотелось бы выразить. Точно так же поступает и Рамсей. С одной стороны, есть то, что мы хотим выразить, т.е. объективное значение функций, с другой стороны, есть средства, с помощью которых мы это можем сделать, т.е. конечные средства символического выражения. Эти средства у Рамсея трактуются не так, как у Рассела, но они всё равно реализуются в рамках единой традиции. Традиции, которая основана на противопоставлении того, что нужно, и того, что можно. Рамсей выбирает первую, Рассел – вторую. Конструктивные особенности разветвлённой теории типов Рассела снимаются объективистским подходом Рамсея, и это, вероятно, ведущая философская предпосылка, лежащая в основании рамсифицированной теории типов.

6. Реалистическую позицию Рамсея необходимо чётко осознавать, поскольку при её отрицании предлагаемое им техническое решение оказывается бессмысленным. Это особенно важно, поскольку в работах по математической логике и основаниям математики это часто игнорируется. Принимается позиция Рамсея относительно трактовки принципа порочного круга и достаточности простой теории типов для решения логических антиномий. Однако следует учесть, что вместе с этим при-

нимается и позиция математического реализма, трактующего математические объекты как существующие независимо от познавательных возможностей и конструктивных способностей логика. С принятием технического решения необходимо принять и философскую позицию Ф. Рамсея.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ Д. АРМСТРОНГА К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ЦВЕТА

Е.Б. Черезова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
Epoltorakova@mail.ru

Решения классической проблемы природы воспринимаемых объектов и их свойств обычно предлагаются в рамках дискуссии о первичных и вторичных качествах, получившей наибольшую известность благодаря трудам Дж. Локка. Применение иной методологии к решению этой проблемы представляется весьма продуктивным, особенно в связи с ростом популярности конструктивистских воззрений на природу восприятия и человеческого знания в целом. Таким новым подходом к решению старых проблем может быть вариант австралийской натуралистической школы в лице Д.М. Армстронга. Ключевую проблему работы «Восприятие и физический мир» Д. Армстронг [2] формулирует в виде вопроса: что суть непосредственные (прямые) объекты, осознаваемые нами в процессе восприятия? Проблематичность онтологического статуса воспринимаемых объектов особенно наглядно проявляется в дискуссии о природе цвета. Армстронг, разбирая вопрос о субъективности воспринимаемых качеств, к которым относится и цвет, приводит пример с болью Беркли из «Трёх разговоров между Гиласом и Филонусом» как классическим случаем субъективного ощущения и указывает на два важных момента. Во-первых, тождественность боли и температуры, которая и в самом деле может иногда иметь место, отнюдь не доказывает, что оба эти свойства суть субъективные ощущения. Возможны и такие условия организации опыта, когда для одной руки вода обжигает горяча, а для другой просто горячая без ощущения боли. Иначе говоря, возможно такое положение дел, когда можно развести температуру как внешнее свойство и боль как чисто субъективное переживание. Второй важный для Армстронга момент – это отождествление у Беркли ощущаемого качества и чувственного впечатления, что является ошибкой.

Анализируя эту ситуацию Армстронг предлагает проводить различие между ними, вводя понятие «непосредственное знание», т.е. знание, не выводимое более не из ничего, кроме восприятия, о внешних объектах и их свойствах, которое есть результат воздействия на органы чувств физических объектов. И оно может быть невербальным, но это всегда знание, которое логически возможно выразить словами и которое сопровождается знанием того, посредством чего оно получено. Процесс приобретения такого знания о положении дел в материальном мире есть процесс восприятия, т.е. процесс приобретения непосредственного знания есть событие со-временное положению дел. Тот эмпирический факт, что мы никогда не воспринимаем любое непосредственное знание прошедших состояний дел посредством органов чувств, обосновывает логическую необходимость временного совпадения непосредственно знания и положения дел. Объекты же и их свойства, которые непосредственно воспринимаются, имеют существование логически независимое от состояния воспринимаемости. Даже если в мире не будет ни одного субъекта, способного воспринимать видимую часть спектра, цвет как свойство объектов внешнего мира все равно существует. Это утверждение делает концепцию Армстронга реалистской. Цвет в его системе может быть рассмотрен не просто как некое свойство физических объектов, но как «положение дел». Это понятие заимствовано из философии Л. Витгенштейна в том же самом смысле: как ситуации, в которых оказываются вещи. Вещи выступают конституентами положений дел. Цвет может быть рассмотрен как конституируемое положение дел даже при отсутствии воспринимающего субъекта. И тогда он является не столько воспринимаемым свойством, что сразу ставит вопрос о том, свойством чего он собственно выступает – анализирующей системы субъекта или внешнего объекта, сколько отношением между объектами, которое определяется Армстронгом как описание внешних качеств объектов. Отношение как зависимость между объектами возникает в случае возникновения причинно-следственных, в физическом смысле, связей между ними. Мир строится из событий, происходящих со связанными между собой объектами, что, собственно, и образует «положение дел».

Описание взаимодействий объектов, носящих каузальный характер, определяется системой установок, суждений и мнений познающего субъекта по отношению к познаваемому миру. Для обыденного сознания «спелый апельсин – оранжевый», несмотря на то, что это только предложение повседневного языка и при беспристрастном рассмотре-

нии этого плода лунной ночью вы можете увидеть весь спектр холодных оттенков и ни капли оранжевого. Положение дел, которое заставляет нас употреблять это и подобные ему выражения, связано с обучением языку в рамках определенной культуры. Однако очевидность ежедневного употребления апельсинов склоняет нас к их характеристике именно как оранжевых и больше никаких. Вопрос заключается в том, какую систему описания мира и существующих положений дел принять в данном случае. В отличие от «положений дел» «Логико-философского трактата» Армстронг уточняет, что положение дел требует существования объектов, но не фактов. Общая структура объектов отражается в универсалиях, проекцией мира которых и выступает положение дел. Употребление понятий «физические объекты», «положение дел», исследуемых не как элементы языковых игр, в экстралингвистическом контексте требует использования метафизических методов. Так, «положения дел», вычленимые в качестве объекта философского анализа, рассматриваются как сущности, обладающие позитивным онтологическим статусом, основанием которого являются универсалии. Отличительная черта философствования Армстронга – это обращение к проблемам в их классической постановке. Так, проблема универсалий – одна из древнейших, хотя были мнения и о ее надуманности, например Л. Витгенштейн, возможно У. Куайн. Согласно Армстронгу, универсалия есть «положение дел» [1]. Каждое положение дел является основанием для существования определенного события, также имея при этом основание и т.д. Критерием, останавливающим бесконечное восхождение к основаниям оснований и различающим все возможные положения дел, служит такое описание положения дел, которое удовлетворяет условиям действительного события, имеющего место в пространственно-временной системе, т.е. происходящего в определенных координатах. Однако положения дел не тождественны вещам, существующим в пространстве и времени, скорее они отражают структуру, которая стоит за каждым событием. Например, свойство «быть оранжевым» для апельсина имеет истинностное значение, если и только если имеется собственно такое положение дел: апельсин – оранжевый. Любые другие условия, ведущие к тому, что наш фрукт приобретает другой цвет, меняют и истинностное значение высказывания. Высказывание не является чем-то дополнительным по отношению к самому свойству апельсина быть оранжевым, оно только описывает положение дел, позволяющее сказать, что апельсин имеет указанное свойство. Положения дел выступают условиями истинности,

подтверждающими наличие или отсутствие некоторого события в действительности. Положения дел обуславливают существования объектов в действительности, поскольку являются факторами истинности. Корреспондентная теория истины наилучшим образом соответствует такому методу описания, в котором используется схема, определяющая форму существования объектов возможного мира через положения дел. Однако существование отношений и свойств может допускаться и теориями, рассматривающими их не как универсалии, но как партикулярии, например номиналистическими теориями тропов. Термин «троп» употребляется так же, как и Д.С. Уильямсом, развивавшим теорию тропов как теорию связки: партикулярии сводятся к связкам сосуществующих тропов [3]. Хотя приоритет Армстронг отдает всё же субстанционально-атрибутивной позиции (атрибуты являются тропами), и основное возражение против позиции связки заключается в реальном несоответствии тропов субстанциям мира. По-видимому, оба варианта теории тропов, так же как и теория универсалий, должны обратиться к положениям вещей. Предположим, что a имеет свойства тропа F . Существование F в a влечет за собой существование a и тропа F . Но a и троп F могут существовать без существования F в a . Так, просто сумма $a+F$ оказывается недостаточным истинносозидателем для существования F в a . Таким образом, онтология теории тропов нуждается в состоянии дел как своей части.

При рассмотрении аргументов и оснований разных видов теорий тропов и универсалий самым надежным результатом Армстронг считает реальное существование свойств и отношений, а вот являются ли они универсалиями или партикуляриями есть деликатнейший вопрос [3]. Настоящий метафизик не ожидает определенных ответов на свои вопросы.

Литература

1. *Armstrong D.* A world of states of affairs. – Cambridge University Press, 1997.
2. *Armstrong D.* Perception and the physical world. – London, 1961.
3. *Армстронг Д.* Универсалии. Самоуверенное введение. – М., 2011.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «НОРМАТИВНОСТЬ» И «РАЦИОНАЛЬНОСТЬ»

А.А. Шевченко

Новосибирский государственный университет
shev@philosophy.nsc.ru

В современных философских дискуссиях важное место занимает так называемая проблема нормативности. В аналитической философии языка, например, рассматриваются проблемы нормативности значения, связанные с «нормативной приверженностью» (normative commitment), которая трактуется как один из феноменов языкового поведения. Условия употребления языковых выражений, проблемы, связанные с фиксацией этих условий в виде правил и норм, надежность и стабильность таких нормативных требований остаются в центре внимания не только философов языка, но и всех интересующихся функционированием норм в социальных системах.

Если говорить о человеческом поведении в целом, то в качестве нормативно должного оно часто определяется через понятие практической или инструментальной рациональности. Нормативно должным при этом считается действие, направленное на достижение некоторой цели в соответствии с постулатами практической рациональности, которые включают эффективность, оптимальность выбора средств для достижения поставленной цели и т.д. Такое «целевое» понимание рациональности сохраняется и там, где речь идет о чисто гипотетическом присутствии рациональности у идеализированных индивидов – именно так, например, понимает рациональность сторон Дж. Ролз: «Предполагается, что рациональная личность имеет согласованное множество предпочтений в отношении к доступным ей возможностям. Она ранжирует эти возможности в зависимости от того, насколько они служат ее целям. Она следует плану, который удовлетворит больше желаний и имеет большие шансы на успешную реализацию» [2. С. 132]. Разведение базовых, исходных норм как одного из источников рациональности поведения и подчиненных этим базовым нормам правил поведения в конкретной ситуации как раз и позволяет соединить нормативность и рациональность как некоторый сплав целей и средств, характеризуемый иногда понятием «целерациональность».

Однако критерии и постулаты, достаточные для признания действия инструментально рациональным, далеко не всегда обладают необходимой нормативной силой для субъекта действия. Действительно, норма-

тивно должное поведение в той или иной ситуации, включающей, например, когнитивные ограничения субъекта, может расходиться с тем, чего требует от субъекта инструментальная рациональность. Подлинная обязательность включает не только наличие субъективных оснований (мотивов, резонов для поступка), но и соответствие этих оснований действительности, природе вещей. Ситуация здесь во многом аналогична вопросу о соотношении истины и мнения. Как известно, восходящее к Платону классическое определение знания как обоснованного истинного мнения может вести к парадоксам. Примером такого парадокса является так называемая проблема Геттиера [1. С. 231–233], заключающаяся в том, что при определенных условиях даже истинное и обоснованное мнение может оказаться просто догадкой, несмотря на предложенное обоснование, а потому и не заслуживать высокого статуса знания. Можно по-разному относиться к тезису проблематичности классического определения знания, но отрицать наличие здесь концептуальных трудностей не приходится.

Таким образом, оставаться в сфере практических действий без учета эпистемических проблем не удастся, поскольку предпосылка практического действия – обоснованность, а в пределе, истинность наличного знания о ситуации субъекта действия. При оценке некоторого действия на его «долженствование» или «нормативность» сразу же встает такой вопрос: оцениваем ли мы резоны, основания для действия, средства для достижения цели с точки зрения реального субъекта, «прощая» ему неизбежные когнитивные ограничения, или же с позиции «действительного положения вещей» в мире? И здесь становится очевидным различие между понятиями «рациональность» и «нормативность». Большинство современных теоретиков придерживаются той точки зрения, что оценка действия на рациональность не предполагает строгого соответствия нормативных оснований этого действия положению дел в мире.

Другими словами, рациональность действия понимается как когерентность нормативных оснований, а не их корреспонденция действительному положению дел. Получается, что оценка на нормативность просто совпадает с оценкой на последовательность, которая представляет собой разновидность рациональности. Хотя в философских исследованиях нормативности встречаются обе трактовки источников нормативности (как «фактических», объективно существующих характеристик ситуации, так и субъективных представлений агента действия), преобладает все же первый подход [3. С. 14–35]. В каком-то отношении

трактуемая подобным образом нормативность ближе к классическому пониманию нормативности, в частности морали, как долженствования, основанного на знании. Очевидно, что здесь имеется в виду не позитивистское сведение долженствования к достоверно известным фактам, связь нормативности и знания о мире выражена отчетливо уже в самой идее блага как наиболее общей характеристике мира идей у Платона. Во всяком случае, нормативность часто предполагает не только и, возможно, даже не столько субъективную рациональность, а нечто большее, каким-то образом находящееся вне субъекта, значимое для субъекта и при этом требующее от субъекта фактически невозможного – восприятия этого источника нормативности, не искаженного ни когнитивными, ни психологическими, ни физическими ограничениями субъекта.

В первом приближении можно выделить по крайней мере три вида нормативности, по сравнительной силе рациональных (когнитивных) оснований. Сильная нормативность имеет место в том случае, когда рациональность требует выполнить действие А, и субъект должен поступить соответствующим образом, т.е. выполнить действие А. «Должен» – это стандартное выражение для идеи нормативности. Другая, менее строгая нормативность определяется так: если рациональность требует от субъекта некоторого действия А, то само это требование (рациональности) становится для субъекта мотивом или резонансом, т.е. основанием совершить такое действие, условием либо необходимым, либо достаточным. Это менее сильный вид нормативности, так как ослабляется осознанием мотивов, их принятием. В частности, в случае такой менее сильной нормативности требования рациональности могут вступать в конфликт с нормативными требованиями, порождаемыми другими источниками, например моралью, правом, личным жизненным опытом и т.д. Отдельный вопрос – насколько такие конфликты нормативных оснований распространены в реальной жизни, поскольку можно предположить, что в таких потенциально конфликтных ситуациях рациональность начинает регулировать эпистемическую сферу, обеспечивая непротиворечивость намерений, мнений и оснований, а практическое действие регулируется нормами, полученными из других источников. Наконец, еще более слабый вид нормативности может быть сформулирован следующим образом: если рациональность требует от субъекта некоторого конкретного поступка А, то у него появляется основание совершить А. Это самый слабый вид нормативности, поскольку этим основанием является не сама рациональность, а некоторые дополнительные,

возможно внешние, обстоятельства. В отличие от «умеренного» случая, рациональность не является здесь привилегированным источником нормативности, имеющим приоритет над другими поставщиками оснований и резонансов, ее можно квалифицировать в отдельных случаях только как повод для поступка. Рациональность выступает здесь лишь одним из источников, и такое основание может быть преодолено другими резонансами, поступившими из других источников.

Здесь и возникает проблема статуса фактов, устанавливающих обстоятельства, необходимые для нормативно определенного поведения. С одной стороны, мы имеем так или иначе заданное описание необходимых фактов в составе самой нормы. С другой стороны, это всего лишь модель обстоятельств, и определить, насколько действительные обстоятельства удовлетворяют этой модели, можно только с помощью когнитивных процедур. Таким образом, любое выполнение нормы всегда предполагает некоторую познавательную деятельность, и именно в ней происходит реализация нормы как идеально осознанного правила поведения, т.е. соединение нормативности и рациональности.

Литература

1. Геттнер Э. Является ли знанием истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия. Становление и развитие. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – С. 231–233.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
3. Raz J. From Normativity to Responsibility. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ОБЩНОСТЬ СТРАТЕГИИ ПРИ РАЗЛИЧИИ МЕТОДА

Р.А. Юрьев

Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк
yuriev2003@mail.ru

Сравнение аналитической и феноменологической философии, попытки их сближения стали в XX веке особой темой. Достаточно вспомнить работы Г. Райла, П. Рикера и Д. Фоллесдала. В настоящее время пристальный интерес вызывают исследования Е.В. Борисова, связанные с анализом текстов «позднего» Л. Витгенштейна и проекта «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера. Можно быть уверенными в том, что работы в данной практически не исследованной области будут появляться, даже несмотря на то, что один из наиболее известных

философов-аналитиков прошлого века Г. Райл отказывает в продуктивности и возможности подобного диалога, утверждая, что феноменология «не отвечает на беспокоящие вас вопросы» [5. С. 178].

Такого рода исследованием мог бы послужить анализ не только знаковых и наиболее репрезентативных концепций и контроверз (Хайдеггер/Витгенштейн; Витгенштейн/Гуссерль), но и анализ тех концепций, которые имеют «вторичную» природу и более специфическую сферу исследования, а именно, аналитической философии права (Г. Харт) и феноменологической философии права (А. Райнах).

Если, немного забегаая вперед, говорить об итогах, то аналитическая философия права на сегодняшний день является, пожалуй, самым значительным направлением в современной философии права. Что касается феноменологии права, то ее представители практически неизвестны широкому кругу исследователей, несмотря на свое более раннее появление. Феноменологическая философия права возникает практически сразу же после методологического и идейного оформления феноменологии у ее родоначальника Э. Гуссерля. В 1913 году выходят «Априорные основания гражданского права» Адольфа Райнаха, которые все-таки склоняются к программе логицизма, более характерного для «ранней» гуссерлевской философии. Герберт Шпигельберг, в частности, указывает, что такие впоследствии известные феноменологи, как Вильгельм Шапп, Дитрих фон Гильдебранд, Александр Койре и Эдит Штайн, в течение своего обучения ссылаются на Райнаха, а не на Гуссерля как настоящего учителя феноменологии, а Хедвиг Конрад-Мартиус вообще назвала его феноменологом *par excellence*. Поэтому, несмотря на свою относительную неизвестность, можно утверждать, что А. Райнах сыграл немаловажную роль в феноменологическом движении.

Аналитическая философия права берет свой отсчет после публикации Гербертом Хартом своего *opus magnum* «Понятие права». «Понятие права» Г. Харта опирается, прежде всего, как указывает В.В. Оглезнев, на философию языка, инспирированную «поздним» творчеством Л. Витгенштейна, где «смысл предложения, содержащего юридические термины <...> детерминируется теми условиями, которые неиндуктивно (то есть неэмпирически – с помощью «грамматических» конвенций) оправдывают употребление выражения» [6. С. 69–70].

Отсюда сразу же становится заметен контраст в методологических стратегиях у обоих направлений, который во многом продиктован генетическими истоками и исходными позициями. Как представляется,

сравнение этих позиций лучше проводить, опираясь поначалу на то общее, что им присуще.

Задачи у обоих мыслителей сходны. Согласно Райнаху, только феноменология права преодолевает «страх перед данностью», заключающейся в искусственности и невероятности конструкций в обосновании права, подстерегающих нефеноменологическую философию. Для постижения права феноменология избегает редукционизма идеальной правовой сферы как к материальным носителям, так и к неким фактам индивидуальной психической жизни. Подобного рода дуализм (материальное/психическое) может лишь давать случайные объяснения фактов, но постижение самой «идеи права» остается «за занавесом» интерпретаций.

Задача, которую ставит перед собой Г. Харт, – это прояснение языка права, освобождение его от эквивокаций как обыденного языка, так и метафизических и научных теорий, которые, по его мнению, только «затемняют» сущность права. В случае с Г. Хартом сюда относятся понимание права как приказа, совмещенного с угрозой; «молчаливого приказа» и «суверена, свободного от всяческих ограничений». Г. Харт рассматривает право как систему первичных и вторичных правил, понимая это как своего рода остов любых возможных правовых систем.

Хотя оба мыслителя и склоняются к необходимости избавления права от метафизических конструкций, способ и конечный результат различаются существенным образом. Влияние на А. Райнаха «Логических исследований» Э. Гуссерля четко прослеживается по всем пунктам его программы. Если обратиться к основным моментам «Логических исследований», то, как справедливо замечает Е.В. Борисов, гуссерлевская философия покоится на онтологии тождества, допущении существования универсалий, схватываемых в акте идеации [1. С. 8–9]. «Те образования, которые общепринято называть специфически правовыми, – пишет А. Райнах, – обладают бытием так же, как числа, деревья или дома; что это бытие независимо от того, постигается ли оно людьми или нет, что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права. Не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права <...> В действительности имеет место то, что так ревностно оспаривается: позитивное право преднаходит те правовые понятия, которые входят в него; оно ни в коем случае их не производит» [7. С. 156]. Первой причиной того, что право выступает подобной идеальной сущ-

ностью – как мы уже указывали – является преэминентность феноменологии права по отношению к ранней феноменологии Э. Гуссерля. Итог таков, что понимание права не может быть контекстным, а может быть лишь эйдетически схвачено. В качестве примера Райнах проводит анализ двух понятий – «обещание» и «обязательство», которые он называет «первичными социальными актами»: в самой их идее заложено все бесконечное многообразие их исполнения, естественно, при отсылке к образцу. Это аналогично тому, как «красный» цвет становится «образцом» всех оттенков «красного» (как в одном из излюбленных примеров Э. Гуссерля). Задачей философии права, по Райнаху, становится поиск тех определений мира права, которые бы образовали некое «царство сущностей», «априорных основоположений», независимых от постигающего их сознания [7. С. 157].

Второй причиной, по которой А. Райнах стоит на подобной позиции, является, по всей видимости, сама специфика предмета. В этом отношении строгая нормативность языка юриспруденции является наиболее подходящей для аргументации с помощью тезисов об эйдетической фундированности ее базовых понятий. Сфера права в своем «идеальном» состоянии – это сфера, где полностью, вполне возможно на первый взгляд, должна быть поглощена какая бы то ни было гетерогенность строгой нормативностью и стройностью.

Однако подобное положение расходится с практикой интерпретации правовых норм¹. В частности, как указывает Е.В. Борисов, в случае правовых прецедентов «отношение частного и общего имеет характер *взаимодействия*, имеющего следствием новую (уточненную, расширенную, суженную...) интерпретацию общего. Таким образом, закон в его универсальности – применимости к потенциально бесконечно разнообразным частным случаям – представляет собой *открытый проект* в том смысле, что его применение «за пределами известных примеров» *не предопределено*; оно определяется перформативно, в судебной практике, которая тем самым оказывается практикой проективной: принимая решение, судья тем самым предлагает некое *пробное* толкование закона, подлежащее дальнейшему утверждению правовым сообществом [1. С. 58].

¹ Вполне возможно, и профессиональная принадлежность Г. Харта и А. Райнаха (оба имели юридическое образование) к разным правовым семьям заслуживает отдельного внимания, и без рассмотрения данного вопроса любое сравнительное исследование может быть неполным.

В данном случае именно позиция Г. Харта отличается своей «практической составляющей», где он говорит о праве как об «открытой структуре» (open texture). Подобный постулат Г. Харта во многом определяется его принадлежностью к общим принципам аналитической философской традиции, идущей от Л. Витгенштейна: «Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением» [4. С. 7]. «Многое из того, что мы говорим, – пишет В.В. Оглезнев, – направлено в первую очередь не на передачу информации, но на подтверждение, актуализацию или внесение изменений в существующий институциональный *status quo*. Таким образом, язык начинает рассматриваться не как система обозначений, но как инструмент осуществления той или иной социальной активности» [6. С. 101]. Г. Харт проводит в этом смысле фундаментальное для его концепции различие между дескриптивными и аскриптивными высказываниями. Дескриптивные – это высказывания, которые описывают положение дел, а аскриптивные – это те, которые приписывают ответственность за действие, или, если более ясно выразиться, приписывают положению дел быть таковыми. Значение (в данном случае правовое значение) становится формой речевой практики. Тем самым традиционный упрек в адрес ранней гуссерлевской феноменологии в том аспекте, что из предложенных ею структур опыта невозможно вывести содержание практического действия, отличающегося своей контекстуальностью и известной долей исторической релятивности, может быть направлено и по отношению к феноменологии права А. Райнаха.

Но если говорить об итогах, то было бы преждевременным высказывать трюизм о том, что право создается человеком, а он распоряжается им по своему собственному усмотрению. Это было бы недостаточно в том смысле, что в основании права философы так или иначе вынуждены выделять некие инвариантные структуры: в случае с Г. Хартом, допускающие гибкость и пластичность, благодаря своей «открытой структуре», а в случае с А. Райнахом, такой гибкости не допускающей, но все же обосновывающей необходимость установления границ права от иных форм культурной жизни. Еще раз воспроизведя традиционные упреки в адрес феноменологической философии права А. Райнаха со стороны теорий «постметафизического» характера (Е.В. Борисов), можно только предполагать, какие бы очертания приняла бы феноменология права исходящей из предпосылок историчности «жизненного мира», к которой склонялся Э. Гуссерль в своем позднем творчестве.

Вполне возможно терминологический аппарат поздней феноменологии сыграл бы здесь довольно продуктивную роль [3].

В целом, как отмечают большинство исследователей, да и сам Г. Харт неоднократно говорит об этом, его позиция далека от феномена «машинной юриспруденции». Система права принципиально открыта: возможно возникновение таких свойств и фактов в мире, которые не будут подпадать под наши имеющиеся правила и имеющиеся цели. Источником права у Г. Харта выступает не суверен как какой-либо конкретный законодатель, но языковая юридическая практика. Язык создает границы применимости тех или иных действий. Абрисом системы права выступает логико-онтологическое деление на первичные и вторичные правила (изобретение которых Г. Харт сравнивает по масштабу с изобретением колеса). Отсюда, право имморально (внеморально) по своей природе. Фигура законодателя случайна в историческом смысле. Сложившаяся в конкретном социальном мире практика (прежде всего, речевая) в области права и воплощенная в системе первичных и вторичных правил и выступает фундаментом власти. Но не даром французский социолог Пьер Бурдьё говорит о том, что в социальном мире самая острая борьба разворачивается вокруг борьбы за права на «номинацию». В этом отношении аналитической философии права Г. Харта, несмотря на положение об «открытой структуре» права, необходимо ответить на вопрос о механизмах исторического процессуального характера условий ее производящих.

Литература

1. *Борисов Е.В.* Основные черты постметафизической онтологии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
2. *Борисов Е.В., Инишев И.Н., Фурс В.Н.* Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2008. – Т. 1.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
4. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/switt/01/01.html>
5. *Логика, онтология, язык / Сост., пер. и предисловие В.А. Суровцева.* – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006.
6. *Оглезнев В.В.* Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
7. *Райнах А.* Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собрание сочинений. М.: ДИК, 2001.

ПРОБЛЕМА ЗНАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

ОПТИЧЕСКОЕ И ОНТИЧЕСКОЕ¹

С.С. Аванесов

Томский государственный университет
iskiteam@yandex.ru

Онтология возникает и самоопределяется как *истинное знание о подлинно сущем*; мы обычно начинаем историю этой дисциплины с античных полумистических, полупозитических прозрений «истинно сущего» как лежащего где-то за пределами чувственной восприимчивости. Онтологическое познание как бы требует перехода от видимого к невидимому, от явного (низшего) к скрытому (высшему), от оптического к онтическому. Однако постижение реальности традиционно строится лишь по трём парадигмам, в основе каждой из которых лежит *визуальное* отношение: а) «наблюдение процессов», б) «усматривание форм», в) «созерцание бытия» [1. С. 51]. Первая познавательная модель ориентирует на связную дескрипцию эмпирически сущего как того, что происходит «перед глазами», что дано (или может быть дано) в непосредственном чувственном опыте. Систематическое наблюдение наличного выявляет его структуру и тем самым закладывает основу деятельной ориентации в сущем. Но и помимо практических приложений опыт оптического восприятия сущего имеет ценность потому, что просто сообщает субъекту достоверную информацию о ближайших обстоятельствах его эмпирического существования. Ещё Аристотель заметил: «Все люди от природы стремятся к знанию. Свидетельством тому – <наша> привязанность к чувственным восприятиям: помимо их пользы, восприятия эти ценятся ради них самих, и больше всего то из них, которое происходит с помощью глаз: ибо мы ставим зрение, можно сказать, выше всего остального, не только ради деятельности, но и тогда, когда не собираемся делать что-либо. Объясняется это тем, что чувство зрения в наибольшей мере содействует нашему познанию» (*Метафизика* 1 980 а 21–28). Но и Аристотель был не первым философом, обнаружившим пользу зрения. «По моему разумению, – говорит Платон, – зрение – это источник величайшей для нас пользы; вот и в нынешнем нашем рассуждении мы не смогли бы сказать ни единого слова о природе Вселенной, если бы никогда не видели ни звёзд, ни Солнца, ни неба. Поскольку же день и ночь,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-13-70001.

круговороты месяцев и годов, равноденствия и солнцестояния зрима, [постольку. – С.А.] глаза открыли нам число, дали понятие о времени и побудили исследовать природу Вселенной, а из этого возникло то, что называется философией» (*Тимей* 46 е – 47 а). Если *бытие* в самом прямом и простейшем смысле означает способ наличия сущего в нашем опыте (по схеме «нечто *есть*»), то первичное удостоверение в таком наличии сущего даёт именно оптическое восприятие.

Однако такое визуально-эмпирическое ориентирование в сущем, основанное на «поверхностном» осмотре вещей и регистрации физических прецедентов, далеко не исчерпывает собой человеческой способности понимания. Философская онтология основывается на переносе внимания с «поверхности» происходящего на его суть. Первым симптомом такого переноса выступает критика данного в непосредственном чувственном опыте, ревизия той картины мира, которая опирается исключительно на «видимое». На первой же фазе формирования философской онтологии формулируется радикальное недоверие «внешности» всего наличного, которая должна быть подвергнута деконструкции с целью проникновения к подлинной сути всего сущего. Обычно начала такой программы «девизуализации» связывают с именем Парменида. Действительно, в сохранившейся части поэмы Парменида ясно читается критика в адрес «физического» зрения, сообщающего человеку не истинную, а иллюзорную («доксическую») картину реальности: те, кто находится на пути мнения, а не подлинного знания, – «одновременно глухие и слепые» (28 В 6, 7 DK); они слепы в отношении истины *именно потому*, что зрячи в отношении неистинного мира, одержимы привычкой «глазеть бесцельным [=невидящим] оком, слушать шумливым слухом и [пробовать на вкус] языком» (В 7, 4–5 DK). Всего лишь пустым звуком, бессмысленным именем являются все те языковые формы, которые выражают видимое физическими глазами, например «менять место» или «изменять цвет» (В 8, 38–41 DK); такие высказывания не имеют отношения к истинному положению дел.

Такая коррекция визуального опыта трактуется, однако, у Парменида не как полная аннигиляция зрительной способности, но как перевод оптической функции разума на высший, мета-физический уровень. Конечно, реальным в подлинном смысле, согласно Пармениду, может быть названо только *физически невидимое*; именно оно-то и является предметом истинного познания: «созерцай умом отсутствующее [в чувствах. – С.А.] как постоянно присутствующее» (В 4, 1 DK). Но созер-

цать – значит (в том или ином смысле) *смотреть*. В одном из античных комментариев к парменидовой поэме (*Секст Эмпирик. Против учёных VII 111*) читаем: «“Девы”, ведущие его за собой, – это ощущения, из которых на слух он намекает в словах: “Ибо её подгоняли два вертящихся вихрем колеса”, то есть уши, которыми воспринимают звук. Зрение он называет “Девами Гелиадами”, покинувшими “дом Ночи” и “к свету гонящими”, так как без света оно бесполезно» (В 1 DK). Это, конечно, не обычная зрительная способность, порождающая лишь «доксу»: по «пути божества» ведёт человека, очевидно, не *физическое* зрение, ориентирующее только в эмпирическом мире; да и самой богиней эти девы именуются «бессмертными». Это *интеллектуальное созерцание*, возводящее мудреца от «ночи» эмпирического опыта к «свету» умозрительной истины. И всё же, как видим, здесь Парменидом использована именно *зрительная* аллюзия: истину надо в каком-то смысле «видеть», и этому-то видению способствуют управляющие конями «Коры Гелиады» (то есть дочери Солнца-Гелиоса, источника света), сбросившие со своих глаз покрывала и указывающие путь от Ночи к Свету (В 1, 8–10 DK).

Высшая познавательная способность характеризуется Парменидом как «созерцание умом» (В 4, 1 DK). Поскольку речь идёт о созерцании, т. е. *смотрении* на что-то (пусть не физическим зрением и не на физический объект), постольку приходится предполагать, что предмет созерцания имеет некую «поверхность». Действительно, у Парменида сущее в целом имеет форму шара (В 8, 42–43 DK); иначе говоря, оно всё же оформлено, т. е. обладает *внешностью*. О сущем в его целостности говорили как о шаре-Сфайросе и Эмпедокл (fr. 117 Bollack), и Платон. Последний утверждал, что «устроитель» космоса (демиург) придал вселенной такие очертания, «какие были бы для неё пристойны и ей сродны. <...> Итак, он путём вращения округлил космос до состояния сферы, поверхность которой повсюду равно отстоит от центра, то есть сообщил вселенной очертания, из всех очертаний наиболее совершенные и подобные самим себе» (*Тимей* 33 b). Таким образом, теоретическое «отвлечение» от визуально данного означает переход к некоей «высшей» оптике, предполагающей и какое-то «умное» усмотрение как акт разумного субъекта, и некую «форму» объекта такого интеллектуального созерцания.

Философская теория, согласно Платону, представляет собой «восхождение ввысь от способа познания, который характерен для повседневного мышления с его озабоченностью многими вещами» [2. С. 65].

Сама эпистемологическая парадигма «восхождения» (или «возведения») предполагает переход от рассмотрения мира вещей к созерцанию того «порядка», который этим миром управляет, или, выражаясь иначе, к созерцанию универсального «замысла демиурга» [6. С. 231]. При этом Платон (а затем и весь платонизм), выстраивая онтологические суждения, обращает внимание преимущественно на «вид», а Аристотель – на категории как части *речи* (см.: *Категории* 1 b 25; *Топика* 103 b 20–35); иначе говоря, первый строит визуальную онтологию, а второй – риторическую. Указывая на то, что эйдос (видимое) как-то *воспринимается* умом, Платон употребляет понятие «око (или очи) души». В частности, душевные очи большинства людей «не в силах выдержать созерцания божественного»; философ же «постоянно обращается разумом к идее бытия» (*Софист* 254 a–b), т. е. внутренним взором видит «облик» сущего как такового. Диалектика, которой пользуется философ, «высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь» (*Государство* 533 c–d). Понятно, что в данных случаях «око души» представляет собой метафору, с помощью которой Платон обозначает ум [7. С. 89]. Но и у Аристотеля мы встречаем ту же самую «оптическую» метафору. По утверждению Стагирита, «недоказательным утверждениям и мнениям опытных и старших внимать следует не меньше, чем доказательствам. В самом деле, благодаря тому, что опыт дал им “око”, они правильно видят» (*Никомахова этика* 1143 b 10–15). Изобретательность ума становится добродетелью рассудительности при наличии этого «ока души» (*Никомахова этика* 1144 a 30). Аристотель сам же и расшифровывает эту метафору, утверждая, что «ум в душе» – это то же (по аналогии), что «зрение в теле» (*Никомахова этика* 1096 b 29).

Итак, согласно уже самым первым опытам построения философской онтологии, физическое зрение играет свою роль на низшем уровне познания, формирующем практическую опытность; интеллектуальное созерцание (умозрение) сообщает человеку знание о сущности физически видимого, но при этом сохраняет «оптическую» организацию самого процесса познания. Своё завершение этот процесс должен получить при достижении уровня прямого созерцания бытия самого по себе.

Литература

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Coda, 1997. – 344 с.
2. Альберт К. О понятии философии у Платона. Владивосток: Изд-во ДФУ, 2012. – 120 с.
3. Аристотель. Метафизика. Ростов-н/Д: Феникс, 1999. – 602 с.

4. *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 688 с.
5. *Аристотель*. Этика. – М.: АСТ, 2002. – 496 с.
6. *Моисеев П.А.* Один аспект методологии познания у Платона и Дионисия Ареопагита // *ΣΧΟΛΗ*. – 2008. Т. 2, вып. 2. – С. 227–234.
7. *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2011. – 318 с.
8. *Платон*. Собрание сочинений. В 4 т. – М.: Мысль, 1994. Т. 3. – 656 с.
9. *Платон*. Федон. Пир. Федр. Парменид. – М.: Мысль, АСТ, 1999. – 528 с.
10. *Фрагменты* ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989. – 576 с.

САД И ЮМ: РАЗВЕНЧАНИЕ ИДЕИ Я

В.А. Бойко

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
vboyko100@gmail.com

Творчество маркиза де Сада органично вплетено в историю идей, стоящих на повестке дня века нынешнего, равно как и века минувшего. В качестве автора, принадлежавшего эпохе Просвещения, Сад предлагает нам серию тщательно сконструированных и доведенных до крайних пределов мыслительных экспериментов, направленных на понимание человеческой природы. Опираясь на этот метод, Сад устраняет тот изъян моральной философии Нового времени, на который указывал, в частности, его старший современник Д. Юм во Введении в «Трактат о человеческой природе»: множество затруднений, возникающих в ходе изучения природы человека, мы не можем разрешать, следуя по пути экспериментальной науки, «мы должны подбирать наши опыты путем осторожного наблюдения над человеческой жизнью; нам следует брать их так, как они проявляются при обыденном течении жизни, в поведении людей, находящихся в обществе, занимающихся делами или предающихся развлечениям» [4. С. 53]. Конечно, осторожное движение вперед в исследовании природы человека позволит моральной философии выглядеть не менее достоверной, чем какая-либо другая наука. Но если моральная философия, как ее понимает Юм, стремится превзойти любую науку «по ее полезности», то, может быть, следует пожертвовать осторожностью и позволить экспериментатору с большей решительностью вторгнуться в повседневную жизнь людей, предоставить ему возможность намеренно провоцировать всплески страстей, предумышленно вызывать конфликты?

Однако действия исследователя, стремящегося таким путем сделать человечество счастливым, обречены на неудачу. Право на социаль-

ный эксперимент сопряжено с осуществлением властных полномочий. Власть – эффект социального бытия. Обладание властными полномочиями ограничивает свободу действий «знатока человеческих душ», ибо результаты социальных экспериментов несут в себе потенциальную угрозу для той власти, которая позволяет их планировать и производить. Власть предполагает усилие по формированию лишь того знания, которое усиливает ее эффективность.

Таким образом, ориентируясь на просветительскую парадигму рациональности, мы приходим к выводу, что свобода и решительность в познании человеческой природы требуют не только отстраненности от властных структур, но и выхода за пределы правил и норм социальной жизни. Степень чистоты познания природы человека непосредственно зависит от способности познающего субъекта выйти за пределы «человеческого, слишком человеческого». И реализуется в полной мере эта способность лишь в пространстве вымысла, но вымысел этот не должен быть продолжением «человеческого, слишком человеческого». Этот вымысел обречен быть неадекватным поставленной проблеме, если за ним скрывается произвол фантазирующего субъекта. Этот вымысел оправдан лишь тогда, когда его фундаментом являются нередуцируемые к субъективной деятельности структуры.

Здесь мы оказываемся выброшенными из классической парадигмы рациональности. Адекватным поставленной задаче оказывается вымысел как естественный и необходимый фантазм языка. То первое впечатление, которое складывается у нас в результате знакомства с новаторскими текстами Сада – автора XVIII столетия – оказывается несостоятельным. Сад – автор XX века – нацелен не на понимание человеческой природы, а на деконструкцию человека. Приписывать «грязным» текстам Сада какие-либо эмпирические коннотации, редуцировать их к субъективным переживаниям и фантазиям – путь, ведущий в тупик непонимания и отрицания. Эти тексты сосуществуют с нами, читателями, лишь как акты совместной интерпретации фантазмагорических возможностей языка. Обращаясь к творчеству нашего современника маркиза де Сада, мы обнаруживаем возможность успешной трансформации процесса вымысла (создания) текста в текст вымысла (созидания). Вымысел текста и текст вымысла оказываются тождественными друг другу! «Грязные» тексты Сада не приближают нас к разгадке человеческой природы, наоборот, они позволяют с чистой совестью отказаться от антропоцентристских дискурсивных стратегий.

Последовательное уничтожение Другого во всех его обличьях с необходимостью ведет героев Сада к отрицанию собственного Его. Либертен должен быть свободен от всяких обязательств по отношению к другим людям, обществу, Богу. Природа ничего не запрещает людям. Наоборот, она предписывает человеку аморальность. Желание – это ключ к дискурсивной стратегии, утверждаемой Садам устами его просвещенных героев. Желание безлико, оно полностью отчуждено от субъекта действия. Сад не устает подчеркивать необходимую связь Желания и насилия. Желание не утверждает, а, наоборот, аннигилирует индивида. И тем самым освобождает его от власти Природы. Противоположность Желания – законы и нормы общественной жизни. Это путы и оковы, которые поработают индивида, одновременно утверждая его в качестве объекта истязания, в качестве жертвы.

В конце XVIII века, после философских изысканий Д. Юма, этот результат вряд ли мог удивить современников Сада. Интересно, что развитие садовского повествования в своих ключевых моментах совпадает с ходом размышлений Юма. Изначально либертен утверждает себя посредством все возрастающего наслаждения. Например, Дельбена – первая наставница Жюльетты – позитивно оценивает лишь те поступки разумного человека, которые доставляют ему удовольствие и наслаждение. «В целом мире нет счастливее того, в ком бьется сердце, закаленное страстями, кто на крыльях страстей воспаряет туда, где не существует ничего кроме наслаждения. И зачем ему ощущать что-то другое? – риторически вопрошает она. – Сама Природа открывает нам врата к счастью, так давайте же войдем в них!» [3. С. 86]. Аналогичную ставку делают и критикуемые Юмом философы, «воображающие, будто мы ежеминутно непосредственным образом сознаем то, что называем своим я». «Самое сильное ощущение, самая пылкая страсть, говорят они, – свидетельствует Юм, – не только не нарушают этой уверенности, но лишь сильнее укрепляют ее, открывая нам свое влияние на я при посредстве вызываемого ими страдания или наслаждения» [4. С. 344]. Факт существования Его вроде бы не нуждается в каких-либо доказательствах, сама попытка отыскать доказательства столь очевидного положения ведет к ослаблению его очевидности. Однако непредвзятый анализ впечатлений и страстей приводит скептически настроенного мыслителя, равно как и апатичного садовского либертена, к выводу, что очевидное для многих философов положение не имеет общезначимой силы. «Когда я, – пишет Юм, – самым интимным образом вникаю в нечто именуемое мной сво-

им я, всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое я как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия» [4. С. 345]. Юм делает акцент на том, что с идеей личности должны соотноситься многие наши впечатления или идеи. Я предполагается простым и непрерывным, неизменно тождественным, но где отыскать то гипотетическое постоянное и неизменное впечатление, служащее его основой? Такого впечатления нет. «Страдание и наслаждение, печаль и радость, страсти и ощущения сменяют друг друга и никогда не существуют все одновременно» (там же). Следовательно, нет и идеи я. Что же остается? Разрозненные единичные восприятия. Согласно Юму, люди «суть не что иное, как связка или пучок различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении... и нет такой душевной силы, которая оставалась бы неизменно тождественной, разве только на одно мгновение» [4. С. 346]. И далее шотландский мыслитель приводит любопытную параллель духа и театра: «Дух – нечто вроде театра, в котором выступают друг за другом различные восприятия: они проходят, возвращаются, исчезают и смешиваются друг с другом в бесконечно разнообразных положениях и сочетаниях. Собственно говоря, в духе нет *простоты* в любой данный момент и нет *тождества* в различные моменты, как бы велика ни была наша естественная склонность воображать подобную простоту и подобное тождество» (там же). И в этом пункте между Юмом и Садам намечается принципиальное расхождение. Философу нет дела до театра, ему важно сохранить дух, человеческое естество, и он указывает своим читателям на неточность предложенной им метафоры. Сад – сценограф, принимающий на себя роль того, кто «рассеивается в носителях, коих он насаждает и эшелонирует до бесконечности» [1. С. 13]. Сценографу же нет дела до человеческого естества и, тем более, духа – этого симулякра декораций к спектаклю страстей! «Естественная склонность», направленная на сохранение тождества в последовательности впечатлений, в текстах Сада уступает место вакханалии преступлений, безумию оргазмов, тотальному разрушению.

Садовский либертен стремится уничтожить Вселенную, но отдает себе отчет в том, что это стремление обречено на неудачу. Пиетет перед рациональным мышлением делает его существование трагичным.. «Центр садовского мира, – отмечает М. Бланшо, – это потребность в

господстве, утверждающаяся безграничным отрицанием. Это отрицание, которое свертывается в масштабе больших чисел; никакой частный случай его удовлетворить не может; по сути, ему суждено превзойти уровень человеческого существования» [2. С. 69]. Либертен вынужден низвести разум до роли инструмента и сделать ставку на тело. Тело либертена должно не только утверждать подлинность его существования в мире, оно должно превозмочь себя и в этом акте, питает надежду либертен, будет реализовано невозможное, произойдет разрушение телесности как таковой: воображение исчерпывает себя в теле, тело исчерпывается в оргазме, оргазм исчерпывает потенциал материи, материя превращается в небытие. Разум – лишь пробный камень небытия. Разрушение становится тотальным, когда сделана ставка на безумие, а безумие становится эффективным лишь посредством воображения, отдающего во власть тела либертена не только «подручное», но и то, что является предпосылкой всякой подручности – Природу, материю.

Литература

1. *Барт Р.* Сад, Фурье, Лойола / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. – М., 2007.
2. *Бланио М.* Сад / Пер. с фр. В. Лапицкого // Маркиз де Сад и XX век. – М., 1992. – С. 47–88.
3. *Сад Д.А.Ф. де.* Жюльетта: В 2 т. / Пер. с фр. В. Новикова, А. Новиковой. – М., 1992. – Т. 1.
4. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. Кн.1: О познании / Пер. с англ. С.И. Церетели. – М., 1995.

ЭПИКУРЕЙСКИЕ БОГИ И БОГ АРИСТОТЕЛЯ

В.П. Горан

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
goran@philosophy.nsc.ru

В докладе, подготовленном мной для конференции, которая была посвящена 20-летию философского факультета НГУ, обосновывался вывод, что представление о боге Аристотеля могло послужить прообразом стоического представления о мудреце [3. С. 130–132]. Теперь предметом моего внимания будет вопрос о том, не могло ли представление о боге Аристотеля быть в некотором отношении прообразом также и эпикурейского представления о богах. Чтобы ответить на этот вопрос, мне и сейчас (как и в упомянутом выше предыдущем докладе) придется обратиться к различению Аристотелем того, «что зависит от нас и осуществляется в поступках» [1. С. 102] и того, что от нас не зависит.

Идеальным вариантом ситуации, когда нечто зависит единственно от субъекта и, соответственно, совершенно независимо от чего-либо внешнего для такого субъекта, у Аристотеля является ситуация с его нематериальным [2. С. 314] богом, который есть субъект мышления. Действительно, аристотелевский бог имеет дело единственно со своей мыслью и ни с чем более: «Постигаемое мыслью и ум не отличны друг от друга у того, что не имеет материи ...они будут одно и то же, и мысль будет составлять одно с постигаемым мыслью» [2. С. 316]. И поскольку единственным предметом мысли этого бога является, как видим, он сам, т. е. его мысль о самой себе, то он и имеет дело исключительно с тем, что зависит от него самого.

Итак, аристотелевский бог нематериален, а именно, он – бестелесный ум, а потому единственное, на что он способен, это – мыслить. Поэтому же он совершенно лишен возможности как испытывать какое бы то ни было воздействие со стороны чего бы то ни было телесно-материального, так и оказывать физическое воздействие на материальный мир, т. е. быть действующей, по классификации самого Аристотеля причиной. Соответственно, Аристотель вполне последователен, приписывая, как мы только что видели, своему богу как субъекту единственного мышления обращенность этого своего мышления исключительно на самого себя. Словом, Аристотель специфицирует мышление бога как рефлексивное и только рефлексивное. Ни о чем ином, кроме самого себя, его бог мыслить просто не в состоянии. И это так и потому, что у него нет средств получать сведения о чем бы то ни было ином помимо себя самого. Ведь все реально существующее и по отношению к нему иное имеет материальную составляющую, а именно, является оформленной материей. А так как все материальное совершенно потусторонне, абсолютно недоступно восприятию аристотелевского бога, то оно для него как бы и не существует.

Но ситуация с взаимоотношениями бога и материального мира Аристотелю представляется совершенно иной, если брать не воздействие материального мира на бога, а, напротив, бога – на этот мир. Поскольку материальный мир и его составляющие мыслятся Аристотелем как единство материи и формы, то в силу наличия в материальных объектах формальной составляющей для них бог как чистая форма есть объект стремления, т. е. цель. И, соответственно, в качестве такого объекта бог, даже будучи совершенно обособленным от всего материального космоса, выступает целевой причиной этой устремленности к нему матери-

альных объектов. Именно в этом и только в этом смысле бог, по Аристотелю, является нематериальным перводвигателем объектов материального мира. Причем, будучи таковым, сам он неподвижен: «...Движущееся должно чем-то приводиться в движение, а первое движущее – быть неподвижным само по себе...» [2. С. 312].

Так как перводвигателем по отношению к материальному миру и всем его объектам бог выступает в качестве всего лишь целевой причины, то получается, что действующую причину, только и способную обеспечить реализацию этой целевой устремленности мира и его объектов к богу, следовало бы признать имманентно присущей самому материальному миру. Таковой, по-видимому, должна быть формальная составляющая объектов материального мира. На это как бы намекает и сам Аристотель, утверждая: «Ведь не материя же будет двигать самое себя...» [2. С. 308]. Вместе с тем, поскольку аристотелевская форма действительно есть нечто нематериальное, можно ли признать за ней способность быть источником, так сказать, силового воздействия на материю, т. е. быть причиной не только формальной и целевой, но и действующей? Разумеется, нет. Такой вывод приходится делать, исходя из жесткости противопоставления Аристотелем формы как совершенно бестелесной и материи как лишенной формы. Вышеизложенный вывод мой. Но и сам Аристотель в рамках своего противопоставления материи и формы в какой-то мере сознавал невозможность для формы быть действующей причиной по отношению к материи. Об этом можно судить по тому, что он не признал способности быть действующей причиной по отношению к материальному миру за своим богом, который у него есть рафинированное и, соответственно, показательное олицетворение формальной причины.

Таким образом, у Аристотеля концептуально, а не в виде деклараций, оформление его бесформенной самой по себе материи в оформленные тела оказывается беспричинным. Ибо какое бы то ни было оформление материи в рамках его концепции гилеморфизма может признаваться как результат активности формы в качестве именно действующей причины. А как раз такой способ активности формы и не представляется возможным в силу того, что Аристотель противопоставляет форму материи вплоть до признания возможности ее обособленного от материи самостоятельного существования в случае с его богом. А так как Аристотель все же декларирует оформление материи в тела, то, тем самым, он фактически постулирует беспричинность (в смысле именно

действующей причины) всех без исключения объектов материального мира, поскольку он утверждает, что они суть результат придания его самой по себе бесформенной материи той или иной формы.

Обратимся теперь к представлениям о богах Эпикура. Эпикур считал нужным неоднократно излагать и разъяснять эти свои представления даже в очень кратких и сжатых изложениях самых важных, с его точки зрения, положений своей философии, которые составляют содержание трех его писем своим последователям (Геродоту, Пифоклу и Менекею) и «Главных мыслей» [4. С. 407–442]. Эпикур не отрицает существования богов и наряду с настаиванием на их материальности и подчеркиванием того, что они бессмертны, особый акцент делает на то, что «божественная природа... должна пребывать, чужда забот и в полноте блаженства» [4. С. 424–425].

Если сопоставить эти представления о богах Эпикура и то, каким представлял себе бога Аристотель, то нельзя не отметить общую для эпикурейских богов и аристотелевского бога особенность. Это – их отрешенность от мира, полная отстраненность от каких бы то ни было забот о мире и, соответственно, сосредоточенность единственно на самих себе. Единственное занятие аристотелевского бога – мыслить исключительно самого себя. И эпикурейские боги тоже заняты только собой, своим пребыванием в полноте блаженства. Разумеется, это не означает, что нет никакого различия между пониманием функционального назначения бога в картине мира Аристотеля и роли богов у Эпикура. Ведь Аристотель утверждает, что бог играет важнейшую роль в функционировании мироздания. Он – перводвигатель, т. е. как будто первоисточник движения в мире, а следовательно, и всех результатов наличия в мире движения, а именно, всего многообразия событий и объектов, поскольку эти последние есть порождение соответствующих событий. А у Эпикура боги – откровенные бездельники и праздные сибариты, наслаждающиеся своей ненужностью никому, помимо, разумеется, их самих. Но ведь и аристотелевский бог на поверку только по видимости чрезвычайно полезная составляющая мироздания. А если судить по тому, чем он реально занят, то и он такой же бездельник в том, что касается его отрешенности от мира, как и эпикурейские боги. Более того, в отличие от эпикурейских богов, которые материальны, а потому, по меньшей мере, способны реально действовать, аристотелевский бог в силу его нематериальности лишен даже возможности оказывать какое бы то ни было активное воздействие на то, что происходит в матери-

альном мире. Он и мыслить-то способен исключительно самого себя, т. е. неспособен не только проявлять активность посредством реального воздействия на мир, но даже и всего лишь отрешенно мыслить о делах мира не в состоянии. Так что реально по отношению к миру аристотелевский бог действительно такой же бездельник, как и эпикурейские боги. Но видимость того, что он играет не просто полезную, но наиважнейшую роль в мироздании, Аристотель пытается создать своими сугубо словесными заверениями, что у бога, дескать, роль перводвигателя, т. е. первоисточника любой активности в мироздании.

И Эпикур, по-видимому, имеет в виду нестыковку в представлениях прежде всего Аристотеля о боге, когда в письме Пифоклу пишет: «... Правильность движения небесных тел следует понимать так же, как правильность иных явлений, совершающихся возле нас; божественная природа к этому не должна быть привлекаема, а должна пребывать чужда забот и в полноте блаженства» [4. С. 424–425]. Налицо, как видим, неприятие Эпикуром представлений о том, что правильность движений небесных тел обеспечивается влиянием «божественной природы». А именно таково представление Аристотеля о роли его бога в обеспечении правильности движения небесных тел. Тем самым Эпикур и фактически раскрывает нестыковку основных составляющих аристотелевского представления о боге, состоящую в том, что его бог и обеспечивает правильность движения небесных тел, и пребывает чуждым каких бы то ни было забот. Но при этом здесь же Эпикур и фактически солидаризируется с Аристотелем, когда утверждает, что божественная природа «должна пребывать чужда забот».

Итак, представления о боге Аристотеля и о богах Эпикура, как видим, во многом не просто близкие, но близки к полному совпадению, хотя в них имеются и значительные расхождения. Что касается их близости, то она и есть весомое основание предполагать влияние этой стороны учения Аристотеля на Эпикура. А расхождения в этих их представлениях вполне соответствуют специфике основополагающих онтологических позиций каждого из них: дуалистической (нематериальная форма и бесформенная материя) у Аристотеля и монистически-материалистической у Эпикура.

Литература

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 томах. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 53–203.

2. *Аристотель* Метафизика // Аристотель. Соч. в 4 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – С. 63–367.

3. *Горан В.П.* Стоический мудрец и аристотелевский бог // Инновационный университет: философия – наука – управление: Материалы всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2013. С. 130–132.

4. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – С. 407–442.

КРИТЕРИИ РАЗЛИЧИЯ РАССУДКА И РАЗУМА В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

А.В. Елашкина

Новосибирский государственный университет
Elashkina.anna@gmail.com

Платон первым дифференцирует *уровни* мысли. Определения этих уровней – более низкого *рассудочного* (*διανοια*) и высшего *разумного* (*νοησις*) – даны в шестой и седьмой части диалога «Государство» [1]. Кроме того, разумное мышление – это мышление философа-диалектика, поэтому должны быть учтены и все основные определения диалектики из поздних диалогов. Однако исследователь оказывается в ситуации неясности: о двух типах мысли или все-таки об одном говорит Платон, называя два разных имени для ступеней мышления. Сложности связаны с тем, что в определениях не удается выявить точный критерий различия рассудка и разума. Почему действия, приписываемые разуму (мыслить суть вещей; видеть одну идею во всем; знать свои основания; различать все по родам; идти к первоначалу, а не к завершению), нельзя совершать рассудком? Почему мышление должно выходить за рамки рассудка? Например, традиционный критерий отличия диалектической мысли – нарушение закона запрещения противоречия – может считаться лишь недостаточно критически осознаваемой логической ошибкой. Тем более, что сам Платон указывает на эвристику, как на поспешное соединение противоположных сущностей в речи [«Филеб», 16е – 17]. В чем же тогда состоит качественное отличие разума от рассудка? Исследователь оказывается в ситуации, которую сам Платон помечает как типичное начало мышления: неясно, с двумя предметами мы имеем дело или с одним [«Государство» VII, 523 b].

Непосредственное отношение к различию рассудка и разума имеет платоновский *миф о пещере*, который стал расхожей метафорой для того, чтобы отметить недалекость, узость мышления «человека, наблюдающего тени». Является ли описание «выхода на свет» метафорой

вообще развития человека, или он описывает какое-то специфическое интеллектуальное действие с очень конкретным способом перехода от одного состояния в другое? Диалектики называют это новое состояние мысли диалектическим, в отличие от предыдущих. Однако исследователи не восстанавливают, на наш взгляд, в достаточной мере тот вопрос, который влечет за собой переход мысли на новый уровень. Задача «мыслить идеи сами по себе» звучит слишком абстрактно. Не ясно, почему их нельзя мыслить рассудком и почему вообще их надо мыслить. Необходимо восстановление того затруднения, с которым столкнулся философ и которое с необходимостью ведет к новому типу мышления.

Именно такое затруднение мы обнаруживаем в диалоге «Софист» [2]. Платон ставит проблему самоопределения философа. Внешне софисты и философы очень похожи – они рассуждают, убеждают. И не было бы никакой проблемы, «если бы софисты не возражали правильно, или не казалось бы, что они правильно возражают» [«Софист», 233 b]. В чем тогда может состоять разница?

В ходе решения задача проходит через ряд тривиальных решений. Решение начинается с построения определений, подобно тому, как мы это видели в уже разобранных диалогах Платона: классификация по достаточно случайно подобранным основаниям. Основания классификации не обсуждаются. Так удается дойти до рабочего определения: софист *прекословит* и готов высказывать *мнение по любому поводу*, следовательно, он *лжет*. Но тривиальное решение разбивается о невозможность различить *ложь* и *истину*. Действительно, пусть софист – тот, кто порождает призраки, т. е. ложь. Софист мог бы ответить: «Ложь? То есть утверждение о несуществующем? Однако вы же сами вслед за Парменидом считаете, что небытия нет. Значит, невозможно быть несуществующему, и вместе с ним – лжи. Обратное, если ложь есть, значит, есть небытие, а значит, ваша мысль соединена с небытием, и, следовательно, ваша мысль и бытие не едины! В обоих случаях вы противоречите себе, то есть порождаете «призраки». И чем тогда философ отличается от софиста?» Задача теперь выглядит так: как вообще *в мире Парменида*, где есть только само бытие, можно хоть что-либо различить? Какова «природа» *различения*? Любой мыслитель оказывается перед угрозой оказаться софистом не только по видимости, но и по сути. Как возможна ложь? Какова природа призрачных подобий? Как можно мыслить небытие? Как вообще возможно отображение предмета мысли в речи, любое раздвоение, например на имя и объект.

Философу надо не просто найти ответ на вопрос, но *достроить* свое собственное мышление до такой полноты, в которой рассудок и софистические уловки остаются уже на преодоленных уровнях. Важно не только формальное получение определения софиста, но и изменение мышления самого философа. Философ начинает работу со своими собственными основаниями и делает попытку мыслить *небытие*: оно оказывается *несказанным* и *немыслимым*, оно не имеет признаков, оно даже не объект не что-то *одно какое-либо* и даже не направленность, не интенция мысли, поскольку любая направленность – это тоже нечто одно. Любая категория мышления бытийна и не применима к небытию. Однако мысль, проделав эти шаги, оказывается в противоречии: результат был получен о *небытии* в ходе *размышления* и *разговора*, а значит, результат противоречит факту своего получения. Это заставляет еще раз взглянуть на проделанный путь. Что произошло? Продвигаясь к небытию, мысль все время «разворачивается» от небытия и вновь оказывается в бытии, словно наткнувшись на препятствие, *границу*. Мысль при попытке мыслить *ничто* утрачивает всяческий предмет и обращает внимание с предмета мысли на собственное движение, на *саму себя*. Граница и тем самым *различение* даны мышлению не как черта между двумя объектами, а как *само действие разворота* мысли, как форма движения мысли при попытке мыслить небытие и как различие предмета мысли и процесса мышления, имеющего свою форму.

Появляются признаки нового рефлексивного типа мышления, которые мы полагаем *разумным* уровнем:

1) движение мысли – это не выведение всех следствий из заранее положенных аксиом, это движение к основаниям любой мысли;

2) основание присутствует в любой мысли не как образец, под который любую мысль можно подвести, но как постоянно совершающаяся операция различения и рефлексии;

3) знать свои основания в данном случае – это видеть не только предмет мысли и устройство знания о предмете, но и форму движения мысли;

4) строгостью, не случайностью рассуждения можно назвать теперь то, что мысль делает себя своим предметом и контролирует тем самым метод мышления;

5) форма движения мысли не совпадала с формой высказываний, поскольку возвращалась к уже проделанным тактам рассуждения, переопределяя их значение;

6) управление мыслью (рефлексивный управляющий уровень мысли) и сама мысль стали одним;

7) мысль, мыслящая саму себя, парадоксальна с точки зрения категорий *часть/целое* и с точки зрения *закона запрещения противоречий*, поскольку мыслимое и мыслящее становятся одним в одном и том же отношении.

О затруднениях в применении категорий часть/целое к идеям и к мышлению идей пишет *Harte* [4]. О парадоксах, связанных с попыткой мыслить небытие, пишут многие авторы, например *Mcdowell* [5]. Авторы рассуждают о *не-бытии* в смысле отрицательного вида, является ли не-бытие иным, а не противоречием, является ли не-бытие отсутствием предмета или отсутствием предикатов у предмета. Субъект-предикатная модель мышления во многом определяет результаты исследований: отмечается формально-логическая несостоятельность соответствующего фрагмента диалога. Форма субъект-предикатного отношения не позволяет описать те действия мысли, которые демонстрирует Платон.

Далее Платон вводит новую модель бытия: все сущее *действует*. Это сочетается с тем, что рефлексивный акт был направлен с предмета мысли на ее действие. Бытие – это не только *сущности*, но и *действие* как таковое. Интересно, что известное определение диалектики как различения всего по родам мы до опыта размышления на границе бытия легко можно принять за классификацию идей по разным аспектам, подобно тому, как это делалось при построении первых определений софиста. Если же исходить из того, что идея не просто объект мысли, но и само движение мысли, то различение по родам получается иначе. Наступает необходимость провести рассуждение об обеих идеях во взаимодействии, переопределив сами идеи и движение мысли в них. Это собеседники и делают далее в диалоге.

При анализе диалога, в том числе, использовались методы, получившие свое развитие в драматическом подходе к произведениям Платона [6]. Диалог содержит две части: рассудочную и разумную (начиная с рефлексии при мышлении небытия). Рассудочная часть необходима, чтобы продемонстрировать метод рассудка и показать недостаточность его средств для решения вопроса. В диалоге можно выявить две функции рассудка. В первой части – рассудок присутствует без предъявленного полного мышления, которое остается за текстом, как управляющий уровень. В первой части рассудок движется сам по себе. Во второй части – он лишь средство продвинуть мысль, которая к рассудку не сво-

дится. В первой части мы имеем дело с комбинированием отдельных аспектов классификации. Во второй части за отдельными словами стоят идеи, являющиеся не отдельными, а взаимодействующими между собой, взаимно проникающие друга в друга. *Композиция* диалога соответствует *содержанию*, которое хочет передать Платон читателю: разворачивание диалога должно инициировать у читателя и затруднение, и принятие философской задачи, и рефлексивный выход на новый уровень мышления. Важны не только аргументы в диалоге, но и его форма, и те акты мышления читателя, которые сопровождают чтение диалога [3].

Литература

1. Платон. Государство // Собр. соч. – М., 1971. Т. 3.
2. Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2.
3. Протопопова И.А. Государство Платона – идеальный мимесис? // Логос. – 2011 – № 4. – С. 89–101.
4. Harte V. Plato on Parts and Wholes. The Metaphysics of Structure. – Oxford, 2002. – 311 p.
5. McDowell J. Falsehood and Not-being in Plato's Sophist // Language and Logos Cambridge. – 1982. – P. 115–135.
6. Tejera V. Plato's Dialogues one by one (a dialogical interpretation). – University Press of America, New-York, 1997. – P. 477.

КРИТИКА ЭГОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ ЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА

И.В. Жигло

Новосибирский государственный университет
giglo_inna@mail.ru

Приверженность Ф. Достоевского к христианскому мировоззрению очевидна. Но вполне закономерно возникает вопрос: а как в эпоху теоретического социализма (в XIX веке) не только в России, но и в «образцово-показательной» Европе мог появиться писатель-мыслитель, который, вопреки общим настроениям, не принял этого социализма, не сделал его своим литературно-философским знаменем – Ф. М. Достоевский.

Действительно, ведь вполне логичным было бы продолжить традицию А. Герцена, Н. Чернышевского, В. Белинского и других русских социалистов. Что заставило Ф. М. Достоевского развернуться и «пойти против течения» – к христианской этике? Что самому писателю послужило опорой его нравственной концепции?

С самого начала ему как будто было начертано служить иным, на первый взгляд, не соответствующим его времени идеалам: отец, не при-

знающий «вольнодумство», мать – образ Девы Марии – идеальной женщины, не соответствующей нарождающемуся с середины «социалистического» XIX века идеалу женщины- феминистки.

Однако в молодости судьба столкнула Ф. М. Достоевского с «воинствующим» социалистом В. Белинским, перед обаянием которого не смог устоять: произошла внутренняя борьба между социализмом Белинского и христианским воспитанием семьи. Результатом стало появление, в качестве компромисса, некоего синтеза христианского социализма. Роман «Бедные люди» указывает на знакомство автора с идеями социалистов-утопистов и во многом солидарность с ними. Уже тогда он задумывается над неблагоприятием современной ему цивилизации и необходимости ее перестроить. Но уже здесь он выражает свою приверженность христиански окрашенным сторонам этих теорий.

Ф. М. Достоевский все же разошелся во взглядах с В. Белинским, взяв от него самое важное, – критический реализм, т. е. чувствительность к нравственной стороне реальности.

Затем 1849 год: суд, казнь, замененная на каторгу, ставшая для писателя той реальностью, о которой не подозревала интеллигенция, сидевшая в петербургских салонах и рассуждавшая о судьбах мира, России, ее народа...

Выйдя из Омского острога, Ф. М. Достоевский начинает поиск нового этического миропонимания, вырабатывает собственный взгляд на задачи русского писателя в России второй половины XIX века. Это тот самый христианский социализм, который стал компромиссным вариантом в спорах с В. Белинским в докаторжный период жизни писателя.

Все размышления писателя о Европе можно свести к главным тезисам: очарованность русского человека Западом и психология европейца, которой свойственны рационализм, эгоцентризм и культ революции. В своей публицистике он подчеркивает – Европа глубоко проникла в русское сознание и культуру, но она переживает «закат». Н. Бердяев указывает на то, что Достоевский отрицал современную ему европейскую цивилизацию, её «буржуазный, мещанский дух».

В 1862 году Ф. М. Достоевский впервые едет в Европу. Результатом поездки становятся «Зимние заметки о летних впечатлениях».

Он разделил историческое развитие человечества на три стадии, соответствующие прошлому, настоящему и будущему. Первая стадия: в первобытных патриархальных общинах, которые считаются по преданиям «золотым веком» человечества, люди жили коллективно, безогово-

рочно подчиняясь общим авторитетным и справедливым законам. Это позволяло человеческому обществу жить в мире и братстве.

Затем наступает вторая стадия, которую Ф. М. Достоевский называет «цивилизация». По мере развития общества в человеке появляется личное самосознание, и с его развитием – происходит отдаление и постепенное отрицание общепринятых законов. Человеческая личность противопоставляет себя общепринятому авторитету закона. Это приводит к обожествлению человеком себя самого, и, как следствие, к потере веры в Бога. Так, по мнению Ф. М. Достоевского, закончили все цивилизации: Отказ от бога и личностный эгоцентризм воспринимаются Ф. М. Достоевским как болезнь, причем очень опасная. Источником и эпицентром писатель считает Европу.

Но, по мнению писателя, человек все-таки создан так, что его духовное существование невозможно без существования в его сознании какого-либо божества. И для эгоистической личности таким «богом» становятся деньги. Происходит обуржуазивание человечества.

Этой болезнью заразилась через процесс европеизации и Россия. Потеря веры в Бога приводит к потере связи между поколениями «отцов» и «детей». «Распалась связь времен», написал У. Шекспир, еще в XVI веке. Старшее поколение, подобно Карамазову-отцу, Свидригайлову, опошлилось, опустилось до безудержного разврата. Поколение же «детей», в силу своей молодости, пытается самоутвердиться, лихорадочно ища выход из нравственного тупика. Не получив необходимого эмпирического наследия от предыдущего поколения, «дети» неизбежно зашли в тупик. Отсутствие каких-либо «идей» и личностный эгоцентризм привели к появлению многочисленных богозамещающих теорий. Отсюда знаменитая теория Родиона Раскольникова, которая, перекликаясь с европейскими буржуазными теориями-идеями, устанавливает, «разделение человечества на две категории и признание лишь за одной из них права на господство», прямо связанного со следующим шагом – «... с признанием себя самого, собственного «Я» центром мира и мерой всех вещей, то есть опять-таки с бесовским сознанием эгоцентризма» [2. С. 38].

Версилов в «Подростке» говорит о современном ему европейце как о не свободном: в основании европейской культуры лежат рационализм и индивидуализм, постоянные войны за господство и разрушающая классовая борьба. Отсюда образ Европы – «дорогое русскому сердцу кладбище».

Ю.И. Селезнев в книге «В мире Достоевского» подчеркивает, что в основу теории Раскольникова Ф. М. Достоевский положил философию эгосознания Макса Штирнера, изложенную им в книге «Единственный и его собственность».

Ю.И. Селезнев пишет: «Достоевский был свидетелем эпохи крайнего кризиса старых форм классического гуманизма, основная формула которого – «человек есть мера всех вещей» – необходимо вырожда-лась в крайность буржуазного сознания: «Я – есть мера всех вещей» [2. С. 221].

Итак, Ф. М. Достоевский считал цивилизацию причиной всех бед человечества, породившую отказ человека от бога и, как следствие, расцвет нигилистических теорий, в частности в России.

Литература

1. *Достоевский А.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Собр. соч. в 15 т. – Л.: Наука, 1989. – Т 4. – 784 с.
2. *Селезнев Ю.И.* В мире Достоевского. – М.: Современник, 1980. – 376 с.
3. *Шекспир У.* Гамлет (пер. А. Кронеберг) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet2.txt>

МОДЕЛИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ НАУКИ, ЭКОНОМИКИ, ТЕХНОЛОГИИ И ПОЛИТИКИ: КЛАССИКА – МОДЕРН – ПОСТМОДЕРН (ОТ ВЛАСТИ НАД ЗНАНИЕМ К ВЛАСТИ ЗНАНИЯ)

Н.П. Кнехт,

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва
nata_knecht@mtu-net.ru

П.А. Глебов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва

Теме взаимоотношений науки и политики, знания и власти посвящено немало исследований. В них раскрывается масштаб и механизм вмешательства государственной политики, властных структур и еще шире – экстранаучных предпосылок – в дела науки и жизнь ученых. В последнее время это стало особенно актуальным в связи с распадом тоталитарных государств, с глубокими изменениями в самой культуре в мировом масштабе. Это находит отражение в изменении методологии историко-научных исследований и характере независимой научной экспертизы, в появлении новых тем-проблем и междисциплинарных проектов.

Известный американский теоретик культуры Фредрик Джеймисон выделяет три существенные черты новой исторической ситуации: «возникновение глобализации, созревание потребительского капитализма, наряду с финансовым, и ... доминированием цифровых или информационных технологий» [1. С. 26]. Капитализм мимикрирует в свою новую стадию, в последнее десятилетие XX века и первое XXI века называемую по-разному: этап постиндустриального, постинформационного, посттрудового, когнитивного капитализма [2. С. 3–239], влекущего коренные изменения в образе жизни и порождающего, согласно концепции Ж. Дюмазедье «цивилизацию досуга» [3. С. 15].

Складывается новая система значений, происходит группировка старых понятий вокруг новых линий напряжения, что ведет к формированию нового образа науки. Понимание развития науки, степени автономии или ангажированности деятельности ученого будет зависеть от того образа науки, который складывается у методолога-исследователя-наблюдателя.

Так, например, обращаясь к науке XIX–XX вв., можно говорить о позитивистском образе науки, который затем начинает опровергаться постпозитивистами на основе их обращения к историческим реалиям и примерам из истории науки XVII в. [4. С. 7]. В совершенно ином – «харизматическом» образе науки: научные исследования – есть деятельность свободного и непредсказуемого научного гения.

Можно построить некоторые модели описания взаимовлияния знания и власти. В **первой** модели влияние власти описывается как нечто нарушающее нормальное течение научной жизни, приводящее к сугубо отрицательным результатам. Природа государственной власти приводит к экспансии, захвату все новых сфер своего контроля. Примером крайней формы тотального государственного контроля научно-исследовательской деятельности могут служить сталинские «шарашки», полностью уничтожившие автономию научного сообщества. Даже технологическая новизна знания рассматривается как результат требований новых глобальных стратегий власти.

Ярким примером всевидящей, всеведущей и все контролирующей власти-невидимки, как известно, является «Паноптикум» Иеремии Бен-тама (конец XVIII в.) как механизм управления всеми сторонами жизни, как наиболее концентрированное выражение принципов дисциплинарной власти [5. С. 1975].

Так, в дисциплинарной модели власти М. Фуко создание идеальной модели тюрьмы XVIII в. как идеальной модели послушания и надзора могло быть гарантировано лишь благодаря привлечению конкретных знаний из области геометрии, механики и оптики [6. С. 246].

Во **второй** модели власть выделяет круг компетентных ученых и наделяет их полномочиями и правами контролировать научное сообщество, поддерживать определенные стандарты, распределять полученные от государства финансовые и прочие ресурсы. Научная элита заинтересована в спонсорстве и централизованной государственной поддержке. Однако превращение научных исследований в профессиональное оплачиваемое занятие и институционализация подготовки научных кадров также несут угрозу для автономии научного сообщества.

В **третьей** модели отношения власти рассматриваются как конститутивный элемент нормального хода исследовательской деятельности (в основном на примерах науки модерна). Здесь описание науки, пронизанное отношениями власти, лишено оценочных суждений: «плохо – хорошо», «полезно – бесполезно», «правильно – неправильно».

С переходом к новой экономике – экономике знаний, когда создаются условия для превращения знания, информации и образования в товар, можно говорить о **четвертой** модели.

Сторонники тезиса о когнитивном капитализме (Вирно, Марацци, Негри) рассматривают языковые и коммуникативные виды деятельности как основные в когнитивном и реактивном поведении работников.

Главную роль начинает играть коллективный разум (*general intellect*) как инкорпорированность науки, коммуникации и языка в производительную силу [7. С. 104]. Аналитики говорят о новом способе производства знания, состоящем в подчинении научных исследований экономической логике. Иногда обращаются к «модели тройного винта» (Ицкович, Лейдесдорф), появившейся после Второй мировой войны, когда государство, университет и индустрия сближаются и образуют новую единицу [7. С. 86]. При этом трансформируется миссия университета, который становится не только традиционным очагом передачи знаний и навыков исследовательской деятельности, но и лабораторией технологических инноваций, напрямую связанных с экономико-управленческой деятельностью.

Литература

1. Джеймисон Ф. Репрезентация глобализации // Синий диван. – М., 2010. – Вып. 14. – С. 26.

2. *Когнитивный капитализм* // Логос. – 2007. – №4 (61).
3. *Колодий Н.А.* Новая экономика – экономика впечатлений: учебн. пособие. – Олборг; Томск, 2010. – С.15.
4. *Сокулер З.А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: РХГИ, 2001.
5. *Foucault M.* Surveiller et punir: Naissance de la prison. – P.: Gallimard, 1975.
6. *Подорога В.А.* Власть и познание (археологический поиск М.Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. – М.: Наука, 1989.
7. *Бернар Польерэ* Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. – 2007. – №4 (61).

ПОЭТИКА ГЁЛЬДЕРЛИНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБМЕНА» Ж. БОДРИЙЯРА

И.Н. Круглова

Красноярский государственный аграрный университет
victor_leoni@mail.ru

«Случай» Гёльдерлина в интеллектуальной истории европейской культуры уникален во многих отношениях: являясь боковым побегом веймарского классицизма, однако при этом пустив корни глубже самого дерева, Гёльдерлин вышел за рамки художественно-философской программы своего времени, опередив своих современников почти на столетие. Уникально место Гёльдерлина и в отношении восприятия античности: казалось бы, к моменту «переоткрытия» его творчества диапазон греческого бытия – от Винкельмана до Ницше – весь уже был измерен; тем не менее после гуманистического, политизированного и дионисийского образов греков представление об античности опять преобразуется. Благодаря гёльдерлиновской реанимации феномена трагического Эллада перестает нести на себе историко-географический отпечаток; она теперь олицетворяет собой центр мира, его начало и средоточие – духовный топос, где когда-то обитала и осталась сокрытой истина бытия: *«Ибо оттуда пришел бог и туда нас зовет»* – «Хлеб и вино» [З. С. 37]. Являясь соединительным звеном между мистериями Азии и Христом, символизируя гармоническое единство не только с природой, но и с богами, Эллада, по мысли Гёльдерлина, представляет собой не только некое «святое море», куда впадали первоначальные потоки народов, но и путь, следуя по которому можно добраться до утраченной современным человеком свободы.

Отсутствие свободы эпохи «после Христа» выражается, по Гёльдерлину, в двух взаимосвязанных процессах: утрате исторических форм божества и утрате коллективной человеческой гуманности. Этот разлад между богами и людьми есть также вопрос примирения старых богов и,

в большей степени грядущего, чем настоящего, христианского Бога: мир древних и «неустроенность» христиански-европейской души составляют вместе непостижимое бремя, которое должен нести современный человек, пребывающий, как и Эдип греческой трагедии, в состоянии нуминозного кризиса. Как и Эдип, современный человек выносит на себе опыт богооставленности. Гёльдерлин был первым, кто провозгласил «решительный поворот» для человека нового западного мира, кто разглядел и попытался осознать среди громогласно заявленного света Просвещения смысл надвинувшейся Темноты. Точнее – Ночи, *«посвященной безумным и мертвым»* («Хлеб и вино»).

Как день неизбежно сменяется ночью, точно так же неизбежно чередуются времена явления богов и времена их утраты. Гёльдерлин пытается повернуть современного человека, оторванного от своих истоков и из страха образовавшейся пустоты создавшего новый механизированный мир, к новому предназначению – «земному», удержав его на границе между высокой верой в богов, которых нельзя вернуть силой, и низкой, бес-человечно-мирской. Только так можно сохранить в незамутненном виде ту промежуточную область метафизического обитания человека, которая указывает на Отсутствующего, и только так можно, по слову поэта, сохранить Бога в чистоте отличия: *«Чтобы в ходе мира не было перерывов и память о Небожителях не стерлась, бог и человек вступают во взаимоотношения под видом измены, в которой забвение всего, поскольку измена – лучшее из возможного»* [1. С. 277]. Речь идет об опустошении сакрального пространства, которое в данном случае можно понимать как пространство преобразования человека; в результате этого опустошения именно *место* становится единственной достоверностью, указывающее на отсутствующих богов и потому – превышающее их своим постоянством.

Эллада для Гёльдерлина – это не прошлое, это – будущее, которое актуализирует наше настоящее, превращает покинутость в ожидание, где античность смыкается с Новым временем. В отличие от древних, современный человек перестал понимать язык сакрального – тонкие бесконечные взаимопереходы между богами и людьми он заменил «деловитостью», попечением о порядке и материальном благополучии, лишив себя источника, из которого можно было бы черпать богатство и приращение своей жизни. Так о чем все-таки сожалеет Гёльдерлин, о чем – его странная печаль? Что уважает он в языческих богах и что раз-

глядел он в их способности отворачиваться от человека, делая из него изменника, нарушителя границ, непристойного безумца?

Нам представляется, что концепция символического обмена, предложенная Ж.Бодрийяром, отчасти способна «перевести» метафоры немецкого поэта в область современных метафизических понятий. В самом деле, в рамках бодрийяровского учения обнаруживается тот необходимый ряд терминов и представлений, который может послужить в качестве «делосского ныряльщика» в отношении загадочных речей Гёльдерлина, как и у досократиков и великих греческих трагиков, слишком приближенных, втянутых в мистериальный язык вещей.

Точка зрения Ж. Бодрийяра определяется, прежде всего, пониманием природы «символического». *«Символическое, – пишет Бодрийяр, – это не понятие, не инстанция, не категория и не «структура», но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого»* [2. С. 243]. Для Ж. Бодрийяра «символическое» – это не психический регистр человека, как, допустим, у Лакана, а социальное качество, особый тип социального действия.

Согласно Ж. Бодрийяру, корнем, из которого произрастает символическая операция в архаической культуре, является ритуал инициации, позволяющий производить обмен между жизнью и смертью – фундаментальной структурой, матрицей всех остальных общественных отношений: молодые люди символически умирают, чтобы потом возродиться – по существу, чтобы включиться, войти в социальную жизнь общины полноправным членом. Прежде всего, это означает, что *«на месте голого факта устанавливается обмен»* [2. С. 242], в результате которого происходит переход от смерти природной, случайной и необратимой к смерти даримой и получаемой, обратимой и «растворимой» в ходе социального обмена. Одновременно исчезает и противоположность рождения и смерти; инициация магически обуздывает разрыв между ними, уничтожая через дар и возврат событие отдельного рождения и смерти в едином социальном акте обмена.

Отсюда вытекает бодрийяровская критика идеи бессознательного как фантазматического принципа не только психоанализа, но всей западной культуры, вытесняющей смерть из сферы жизни и сводящей ее к биологической необратимости, обреченной на угасание вместе с телом, и отчуждающей ее от души, сознания, «Я». Первобытные люди не знают представления о смерти как уничтожении. Небытие для них прежде

всего связано с социальной отверженностью; для них – это ситуация человека околдованного, проклятого, пропащего, асоциального, оставленного своими предками, поэтому смерть (как предел жизни) постоянно обменивается ими в ходе социального ритуала. Современные люди разорвали этот обмен и потому платят за него собственной смертью и смертельной тревогой: бессознательное всецело заключается в отклонении смерти от символического обмена к обмену экономическому, порождая такие феномены, как искупление, работа, долг, индивидуальность. Отсюда и существенная разница в наслаждении, пишет Ж. Бодрийяр: в то время как мы торгуемся с мертвыми под знаком меланхолии, первобытные люди живут с мертвыми в форме праздника и ритуала.

В противовес обществам «невротическим» (современным) общество «психотическое» (архаическое) имеет иной доступ к символическому порядку – не через первичное вытеснение, а через *«бесконечные циклические взаимопереходы»* [2. С. 253]: *«Символическое – это сам цикл обменов, дарения и отдаривания, порядок, рождающийся из самой этой обратимости и неподвластный юрисдикции двух инстанций – вытеснено-психической и трансцендентно-социальной»* [2. С. 249].

Формула, которую дает Бодрийяр символическому акту, вписывая его природу в процессы межчеловеческой динамики, звучит таким образом: *«Все дано, все обратимо, и все приносится в жертву»* [2. С. 259]. Другими словами, способность к символическому обмену – это жертвенность. Если сравнить эти тезисы с известной теорией жертвы Р. Жирара, то при всем согласии с Жираром в подходе к обоснованию жертвы как некоего социально-генетического кода развития антропологической реальности, у них различные оценочные знаки, обусловленные опять же нюансами в понимании «символического». Для Жирара «символическое», так же, как и для Леви-Стросса, – это нечто, санкционированное социальным порядком, структурами коллективного сознания, точнее, это и есть механизмы власти или насилия, которым поэтому и необходимо противостоять. Для Бодрийяра в первобытных культурах присутствует подлинное символическое, свободно циркулирующее между индивидами и потому не знающее «одностороннего отдаривания», в результате, как он считает, – не порождающее власти.

Так же, как и Жирар, Бодрийяр видит в жертвенном механизме возможность реализации символического акта, претворяющего существование человеческих особей в сообщество людей и «работающего», хотя и в разных режимах, но при любом состоянии социума, архаическом

или современном. Однако Жиран истолковывает феномен жертвы как проявление миметической природы человека, основанной на агрессии, и потому недопустимой в качестве фактора развития. Бодрийяр, наоборот, выводит отрицательные последствия процесса вытеснения жертвы, или, скорее, ее интериоризации, которая ведет, по его мнению, к состоянию неподлинности мира, его зараженности паразитарными, вторичными, идеологизированными, вытесненными смыслами – к превращению жизнотворного «символического» в «симулякр» – в единицу ложного фантома, функционирующего в культуре. Если у Жирара деструкция механизма жертвы отпущения ведет к подлинности существования, то у Бодрийяра – к двусмысленности и репрессивности социокультурной реальности.

После теории Жирара, раскрывшей в мифе и ритуале процессы камуфлирования как раз социальных стратегий насилия, очень трудно обольщаться насчет особой гуманности первобытных сообществ, но и нельзя не согласиться с Бодрийяром по поводу той цены, которую заплатил человек западной цивилизации в результате отчуждения от символического обмена, построенного на принципах коллективной взаимности.

Так о чем же все-таки печалится и к чему взывает душа Гёльдерлина? Не о том ли (о чем сожалеет и Бодрийяр), что изменился статус духов и богов, переставших представлять собой реальные живые и отдельные от людей иные существа, обменивающие и разыгрывающие в «празднике» смерть и жизнь, власть и подчинение, знание и безумие. Не о том ли, что их утрата на месте образовавшейся пустоты компенсировалась возникновением «новых» идеализированных сущностей, породивших отчуждение унифицированного субъекта от природы, от самого себя и себе подобных – субъекта, заброшенного в мир, в тело, преданного неотступной смерти и в страхе убегающего от нее в экономику влечений и желаний, в производство и потребление. Да и гёльдерлиновский поворот «к земному предназначению», несмотря на теологические коннотации, прочитывается как вариация все того же «антропологического поворота», как весть о том, что человеческое существо «созревает» в рискованной и полной опасностей игре с собственным образом, преумноженным и преломленным в несчетном множестве таких же, как и он сам.

Литература

1. Бланио М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
3. Гёльдерлин Ф. Сочинения. – М., 1969.

«ГРАНИЦЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОПРАВДАННОСТИ» СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Е.К. Кузнецова

Новосибирский государственный университет
ulybkakannon@gmail.com

В эпоху электронной информации люди получили возможность транслировать слова и образы в виртуальное пространство и черпать их оттуда практически без ограничений. Информация, поступающая в чрезмерном объеме и нерегулярном режиме, становится деструктивной силой. Во-первых, информация, полученная таким образом, уже не воспринимается человеком как ценность, во-вторых, ухудшается умение дифференцировать и запоминать необходимое, в-третьих, страдает способность человека к аналитическому мышлению в целом. Как мы полагаем, в совокупности данные факторы изменяют способность человека к эстетическому восприятию действительности, прежде всего посредством размывания этических границ. Новый тип культуры – «экранная культура», по терминологии К. Э. Разлогова: «На смену вертикальным представлениям о культуре, согласно которым культура есть все то лучшее, что создано человечеством, не без влияния новых медиа пришло представление о множественности равноправных культур, присущих тем или иным сообществам» [2. С. 20].

До массового распространения Интернет-коммуникаций литература оставалась наиболее «кровавым» из искусств. В силу подвластных ей художественных средств она имела преимущества при изображении боли и страданий. Г. Э. Лессинг, деятель эпохи Просвещения, в трактате «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» утверждал, что пластические искусства, в частности живопись и скульптура, воздействующие в большей мере на зрение, чем на остальные чувства, по самой природе своих изобразительных средств полагают ограничения изображению боли и страдания.

В поэзии и прозе, наоборот, допускаются развернутые изображения подобных сцен, поскольку, во-первых, они могут быть описаны последовательно, во времени, во-вторых, представлены в перечислении отдельных деталей. Раскрывая тему войны, художник находится в менее выгодном положении, чем писатель. Любой из офортов Гойи из серии «Бедствия войны» мы не в силах рассматривать долго; с более терпеливым вниманием читатель воспринимает батальные сцены в «Севасто-

польских рассказах» Л. Н. Толстого, ибо картина, стоящая перед глазами и недвижимая, и картина, разворачивающаяся в воображении, в нашем восприятии совсем не одно и то же.

Как в пластических, так и в словесных искусствах существует граница, в пределах которой страдание живого существа может остаться предметом искусства – это «граница эстетической оправданности» [термин мой. – Е. К.]. Эта граница проходит там, где эстетическое качество изображаемого переходит в сферу этики, затрагивает общечеловеческие вопросы нравственности и соблюдения этических норм. Как писал Г.Э. Лессинг: «Стоит только представить себе мысленно Лаокоона с раскрытым для крика ртом, чтобы судить о сказанном; заставьте его только кричать, и вы сами все поймете: раньше это был образ, внушавший сострадание, ибо в нем боль сочеталась с красотой; теперь это неприятная, отталкивающая фигура, от которой захочешь отвернуться, ибо вид боли возбуждает неудовольствие, а красота не приходит на помощь и не прекращает это неудовольствие в светлое чувство сострадания» [1. С. 388–389]. Г.Э. Лессинг совершенно справедливо замечает, что боль и страдания могут быть предметом искусства лишь в той степени, в какой они способны сочетаться с красотой и вызывать возвышенные чувства ужаса и сопереживания, служить инструментом для достижения катарсиса зрителя / читателя.

В XX в. кино нарушило эти эстетические границы. То, что было преимуществом словесных искусств – возможность развернутого описания военных сражений, убийств, пыток, казней без того, чтобы вызвать у читателя / слушателя / зрителя одни лишь страх и отвращение, – захватило пространство визуального восприятия. СМИ и Интернет в настоящее время добавляют свои усилия к расширению границ допустимого (жанры фоторепортажа, специфические интернет-жанры: демотиваторы, мемы и пр.). «Это привело к снижению порога критичности: человек, воспринимающий информацию, оказывается не в состоянии объективно и адекватно оценить ее содержание и целевую направленность» [4. С. 150]. В области искусства это выражается следующим образом: человеку начинает нравиться или восприниматься им как норма то, что по здравому размышлению ни при каких обстоятельствах не может нравиться и нормой ни в коем случае не является. Мы назовем это *нарушением границ эстетической оправданности изображения боли и страданий*. Это происходит посредством перенесения того, что раньше было достоинством лишь слова и человеческого воображения, на визуальный ряд.

На протяжении XX в. можно проследить, как именно развивалось это нарушение границ. Йохан Хейзинга в трактате «В тени завтрашнего дня» (1935 г.) писал, что «кинематограф гораздо больше письменной литературы обращается к старым и популярным нормам нравственного принципа в искусстве» [3. С. 435]. Печатное слово на тот момент было пока еще более сильным орудием, чем черно-белая и молчаливая, пусть и движущаяся картинка. Но по мере развития техники именно картинка, как самое простое средство преподнесения информации, как то, что влияет в первую очередь на чувства, является наиболее эффективным средством для нарушения границ эстетической оправданности.

В 40-е годы герой «Исповеди маски» (1949 г.) Юкио Мисимы признает влияние литературных произведений, они питают его фантазию, но не они являются ее источником, а его собственная «ненормальность», в которой он с горечью и демонической гордостью, порожденной отчаянием, признается: «В ту пору я еще не слышал о книгах де Сада, и мои кровавые фантазии (я называл их «Театром убийств») питались сценами из «Камо грядеши», где на арене Колизея казнили первых христиан».

В 70-е годы Аллен Роб-Гриيه в «Проекте революции в Нью-Йорке» фиксирует усиление роли телевидения в популяризации насилия. Тем не менее литературные аллюзии не утрачивают свою силу: «Надо отметить, что благодаря цветному телевидению репортажи такого рода смотрятся особенно эффектно; впрочем, этот фильм даже и называется “Красное и черное”». В данном произведении Роб-Гриيه оперирует в равной степени стилизацией как под тексты криминальных романов, так и под картинки с их обложек, отчасти и опыт кинематографии приговора: эффекты смены кадров, наплыва камеры, эффекты шумов.

Но кинематограф еще на протяжении какого-то времени сохраняет ограничения на демонстрацию страданий людей, до тех пор, пока осознается отсутствие художественной необходимости в данных сценах. В качестве примеров кино, где натуралистичность сцен пыток все же не противоречит эстетическому чувству зрителя, можно вспомнить фильмы «Храброе сердце» (1995, Мел Гибсон) и близкий по стилистике отечественный фильм «Тарас Бульба» (2009, реж. В. Бортко). Напротив, в нашумевшем фильме Мела Гибсона «Страсти Христовы» (2004) большая часть действия посвящена именно пыткам, показанным со стилизованным натурализмом, что обесценивает, на наш взгляд, смысл

евангельского сюжета, вместо того, чтобы поднять его на новую высоту, к чему, возможно, режиссер и стремился.

Таким образом, смещение границ визуального и словесного искусств выражается в том, что визуальные искусства демонстрируют то, что было прерогативой словесных искусств, оставаясь при своих художественных средствах. Ярче всего это выражается в нарушении границ эстетической оправданности показа боли и страданий человека. Это приводит к тому, что в современном обществе расширено понятие эстетической нормы: того, что приемлемо, нормально, допустимо в искусстве, того, что может служить объектом описания, изображения и показа. В результате информационного насилия через СМИ и Интернет человек становится более терпимым к нарушителю норм и даже начинает где-то в глубине души завидовать его «свободе». Это происходит на фоне все большего размывания границ между табуированным и дозволенным. Немалую роль в этом играют реклама и СМИ. Например, у добропорядочного обывателя телевизор зачастую стоит на кухне. В рекламе показывают средство для чистки унитазов или в новостях – кровавый репортаж с места теракта. И то и другое с равным успехом на правах нормы входит в жизнь этого обывателя, причем влияет своим визуальным рядом на метафизическое пространство кухни, где происходят жизненно важные и в традиционных культурах тесно соприкасающиеся со сферой сакрального процессы готовки и принятия пищи. Это, по сути, реклама каннибализма. Причем зритель этого не сознает – у него выработалась привычка автоматически смотреть новости по телевизору, чтобы «быть в курсе», или «отдохнуть», «разгрузить мозги», и он не чувствует необходимости ограничивать себя в потреблении информации.

В молодежной среде, среде основных потребителей Интернет-продукции, вырабатываются новые эстетические критерии, которые не имеют под собой никакой рациональной оценки, а сигнализируют о первичной эмоциональной реакции на увиденное/прочитанное: «ня», «круто», «+1», лайк и т.д. Возьмем в качестве примера демотиваторы – картинки с подписями, где картинка задает первоначальное впечатление, эмоциональную реакцию, формирует параметры восприятия, а подпись задает направление мысли. Например – «кавайная» девочка в белых перчатках и форме СС, подпись: «Такими, как ты, в Освенциме топили печи». Или мультяшный эльф, обнимающий окровавленную бензопилу: «О, бензопила! Только ты меня понимаешь». Оба персонажа улыбаются, и нам, потребителям продуктов «экранный культуры»,

тоже надо бы улыбнуться. Это считается смешным, но бензопила, даже стилизованная и «милая», сохраняет связь со своим прообразом. «Ибо перенос предмета из повседневной реальности в мир фантазии вовсе не означает отказа от зримой реальности как источника форм» [3. С. 481].

В настоящее время на границах визуального и словесного искусств главенствуют тенденции, противоположные тем, которые отмечал Г.Э. Лессинг. Проза вынуждена теперь быть более «целомудренной», меньше заостряться на сценах страдания, если хочет остаться читаемой. «Книжное насилие» зачастую выглядит скучным, нелепым и т. д. Если литература стремится воплотить ту же степень жестокости, что способно продемонстрировать кино, она неизбежно будет застревать в долгих описаниях, лишаясь динамики – основного привлекательного компонента любого искусства для широкой публики. Поэтому она вынуждена сохранять табуированные области нетронутыми, соответственно, утрачивает силу и влияние.

Искусства, использующие визуальные образы, в частности кинематограф, расширили область допустимого, нарушив «границы эстетической оправданности», а Интернет сделал это нарушение доступным и повсеместным. Данное явление в области эстетики ставит новые задачи перед сферой образования. В частности, задачи воспитания эстетического вкуса, в основе которого должно лежать самоограничение в потреблении информации.

Литература

1. *Лессинг Г.Э.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии // Лессинг Г. Э. Избранное / пер. с нем.; вступ. ст. и комм. А. Гулыги. – М., 1980. – С. 379–489.
2. *Разлогов К.Э.* Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. – М.: 2010.
3. *Хейзинга Й.* *Homo ludens.* В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. Ошиса. – М., 2004.
4. *Щербинина Ю.В.* Речевая агрессия. Территория вражды. – М., 2012.

ТРАНСВЕРСАЛЬНЫЙ РАЗУМ В ИННОВАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.А. Кузьмин

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород
59aak@mail.ru

Возникновение проблем рациональности в социально-гуманитарных науках не связывается ни с возникновением новых предметностей, ни с результатами применения нового типа методологий к уже

известным предметным сферам. Оно объясняется базисным значением познавательно-теоретического понятия разума. Оно разрушает фундамент социально-гуманитарных наук посредством непреодолимого раскола, который проходит внутри самого человека и делает сомнительным все задуманное предприятие по изучению самим человеком его разума. Конституирование рациональности в качестве предмета социально-гуманитарных наук парадоксальным образом исключает возможность полного самопознания разума, поскольку квазитрансцендентальные факторы необратимо и неустранимо детерминируют познающее сознание (рациональность) исследователя. Отсюда сами собой напрашиваются выводы о том, что человек никогда не сможет дать полностью позитивную картину представлений разума о самом себе.

В этой связи любопытно посмотреть на использование понятия трансверсального разума в философских штудиях постмодерна немецким философом Вольфгангом Вельшем [5, 6]. Для него теоретические импликации разума с давних пор под влиянием условий культуры модерна стали принципиально инверсированными, т.е. разнонаправленными. Как в настоящее время следует понимать разум, если в реальности современная эпоха по своему расположению духа может быть охарактеризована в терминах плюрализма, взаимосплетения и «рационального хаоса»? Для Вельша очевидно, что дробление единого разума на когнитивную, морально-практическую и эстетическую рациональности (предпринятое еще Кантом) – это только первый, но не самый важный шаг на пути к склонности плюралистического толкования разума. Напротив, главный аргумент Вельша в пользу плюрализма направлен на прояснение неизбежности дальнейшего распада каждого из измерений рациональности на еще большее количество дивергентных и конкурирующих «парадигм». Необозримая гетерогенность рациональностей, выражением которой служит у Вельша понятие парадигмы Куна как признак демаркации моделей и метадискурсов, стремящихся объединить в семейном сходстве радикализируемые рациональности, по содержанию не является автаркической, самодостаточной, а по структуре изобилует отсылками к интерпарадигматике. Таким образом, темой дискуссии у Вельша становятся рациональности, парадигматически демонстрирующие себя как прочное сплетение сетей, алогично соединяющих разнородные интенции, пересечения и переходные состояния. С этой точки зрения общего, инвариантного значения, которое можно было бы

приписать той или иной рациональности, не существует, т.е. они не обладают, в хорошем смысле слова, «рациональным порядком».

Согласно Вельшу, и разум применительно к данной ситуации должен измениться, он должен стать трансверсальным, учитывающим как различия, так и единства между рациональными комплексами. Стало быть, разум может иметь обычное и специфическое употребление, меняющее его привычное предназначение. Трансверсальным разумом пользуются тогда, когда оказывается недостаточным обычный, предметно ориентированный разум для выражения тех или иных специфических вопросов. Им тематизируются импликации, связи, глубинные структуры, поперечные взаимосвязи, различного рода заимствования и аналогии, которые образуются между рациональностями, настаивающими на своей партикулярной перспективе. При возникновении споров и разногласий между рациональностями обращаются к трансверсальному разуму, поскольку он ведет себя как гносеологически нейтральная способность, не касающаяся содержательных вопросов, а анализирующая лишь парадигматические взаимосвязи средствами логики. Трансверсальный разум поэтому является «чистым», не затронутым типикой предметно ориентированных сфер знания разумом. Он универсально владеет своими аналитическими и рефлексивными компетенциями по переводу рациональностей из просто рассудочной формы в разумную.

Из его собственной динамики вытекает и его отношение к тотальности. Он последовательно придерживается идеи целостности, причем ее прояснение к настоящему моменту наталкивается на диверсификацию или разнообразие, беспорядочность и непостижимость бесконечной конкретности разума. Поэтому вопрос о целостности разума вызывает весьма формальный ответ о природе его единства. Целое разума состоит не из тождественного ему, а из гетерогенного.

Таким образом, трансверсальный разум совершает переходы там, где исключена сама возможность для переходов. При этом он за гетерогенным оставляет право на гетерогенность без синтеза противоположностей и различий. И тем самым в своей находчивости, в своем умении прочувствовать ситуацию трансверсальный разум демонстрирует врожденные эстетические черты.

Если же рассматривать эту проблему как проблему опосредствования теории и практики, как продукт соответствующего развития истории философии, где она выступает одним из значимых критериев постоянно ведущихся споров с традицией и одновременно центральным во-

просом любого из возможных новых планов построения философской системы, то необходимость в трансцендентальном абсолюте, которым можно было бы опосредовать отношение теории и практики, отпадает сама собой. Как результат исторического развития философии она, проблема, есть тем самым и начало, несущее вместе с собой условия своего разрешения. Одним из таких условий может служить превращение форм мышления в формы деятельности или становление философского типа знания особым видом деятельности по формированию способов опосредования теории и практики. Это есть такое условие, согласно которому прежде всего изменяется суть понимания предметности.

Для понимания предметности важно разграничивать так называемые «объектные» и «концептуально-деятельностные» методологии, которые, в свою очередь, определяют различия в миропонимании и отношении к миру человеческой субъективности. Так, согласно «объектной» методологии, как отмечает В.П. Иванов, «предмет и его имманентные свойства – единственный источник и конечная причина качественной определенности всех модусов человеческих отношений, сознания и духа. Неверна идея предметной предопределенности, а не существования предметной формы. Эта идея есть ахиллесова пята всей методологии «объективного подхода» ... В ней виден методологический предел объективистского миропонимания, заключающийся в редукции человеческих отношений и свойств к объективно-абсолютным состояниям и качествам предметов и неспособности видеть в последних определенные состояния человеческой практики» [2. С. 22–23]. В наиболее резкой форме эта мысль была выражена уже Н.А. Бердяевым, когда он заявлял, что «наиболее враждебен я всякой натуралистической метафизике, которая объективирует и гипостазирует процессы мысли, выбрасывая их вовне и принимая их за «объективную реальность» [1. С. 277]. Так называемая гуманитарная точка зрения на предметность получила широкое распространение среди русских философов. Например, согласно Н.А. Бердяеву, предметность – «это и есть объективация познавательной способности личности, т.е. приписывание существованию такого устройства, которое человек в познании эманирует и экзистирует из себя и собой» [4. С. 43].

Итак, вопреки своему противопонятию «концептуально-деятельностная» методология видит в предметности форму «организации деятельности как целеполагающего процесса» [3. С. 30]. Вместе с тем предметная фиксация деятельности позволяет раскрыть механизмы

смены предметных форм. Деятельность, как проекция вовне, в реальность активности субъекта, посредством своих объективаций постоянно находится на пути открытия новых формообразований. Тем самым выявляется субъективный потенциал человеческой деятельностной природы, обнаруживая при этом свое свойство быть предметностью. Как таковой предметностью обладают «не только вещественные образования, занимающие место в пространстве /вещи/, но и их качества, отношения, равно как и нематериальные объекты – образы, понятия, идеи и пр. Быть предметом – значит предлежать перед деятельностной активностью, предпосылаться ей как данность, объект или условие» [З. С. 30–31]. Следовательно, не существует деятельности, которая не обладалась бы предметностью. Вместе с тем предметности теоретической деятельности образуются на основе идеализаций, абстрагирования и интуитивных смыслов, а предметности практической деятельности – на основе целеполагающих функций последней. Подобный холистический способ структурирования деятельности сказывается и на рефлексивности последней. В теоретической деятельности рефлексивность задается такой предметностью, где скорее господствует полиморфизм объективаций языка науки, нежели телеологическое начало. В практической деятельности мы наблюдаем обратный ход движения рефлексивности от целеполагающего начала к его трансляции в культуру, науку и историю. При этом возрастание роли рефлексивности в истории в первую очередь определяется все усложняющимися уровнями развития социальной практики.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. – М., 1990. – С. 277.
2. Иванов В.П. Культура и человеческая деятельность // Культура и развитие человека (очерк филос.-методол. пробл.) – Киев: Наукова думка, 1989.
3. Иванов В.П. Мировоззрение как форма сознания, самоопределения и культуры личности // Мировоззренческая культура личности / (Философские проблемы формирования). – Киев: Наукова думка, 1986. – С. 30.
4. *Философия* техники: история и современность. – М., 1997. – С. 43.
5. Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. 3 durchges. Aufl. Weinheim: VCH, Acta Humaniora, 1991.
6. Welsch W. Vernunft. Die zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ВАВИЛОНА И ЕГИПТА: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ И ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИКИ

И.И. Литовка

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
proton551@rambler.ru

В Вавилоне, Египте и Греции результаты познания фиксировались с помощью различных методологических подходов, и наиболее ярко эти различия видны на примере сравнения систем счисления и техники математических вычислений. Что касается Греции, то наша современная система счисления ведет свое происхождение от греческой и принципиально ничем не отличается от последней. Десятичная система счисления и основные методы элементарных математических вычислений со временем модернизировались и совершенствовались, но в общем виде та математика, которую мы имеем на сегодняшний день, является производной от греческих образцов.

В Вавилоне и Египте существовали принципиально другие, альтернативные нашей, системы исчисления, и методы вычислительных операций в рамках этих систем существенно отличались от греческих. Так, в Вавилоне использовалась совершенно иная величина основания числового ряда – не десять, как в Греции и современном мире, а шестьдесят. Видимо, на каком-то историческом этапе шестидесятичная система счисления, доставшаяся вавилонянам в наследство от культуры Шумера, ассимилировала в себе десятичную, но в так называемых математических текстах на протяжении всей истории развития математики Месопотамии продолжала преобладать шестидесятичная система. Для восприятия нашего современника вавилонская техника счета имеет феноменальный характер. Единицы всех чисел до шестидесяти фиксировались отдельными знаками, а начиная с шестидесяти счет начинался заново, так же как у нас возобновление счета происходит после десяти. Вместе с тем внутри шестидесятичного разряда десятка выполняла роль подразряда, а большие числа, больше десяти тысяч, обычно записывались десятичным способом.

Происхождение этой системы счисления, скорее всего, следует искать в области метрологии, в сфере практического применения [1]. Но впоследствии эта система развилась в свод методических предписаний

и принципов техники вычислений в математике, а затем и в астрономии. Мы не имеем ни одного письменного образца вавилонских методологических предписаний, но очевидно, что без подобного руководства обучение столь сложной системе вычислений было бы невозможно. Оригинальность принципа записи результатов вычислений можно продемонстрировать на примере из таблицы обратных значений. Для того чтобы получить искомую величину, мы последовательно делим шестьдесят – величину, которая одновременно рассматривается как единица разряда, на правильные числа от одного до шестидесяти. При продолжении деления шестьдесят будет выступать в роли новой единицы. Возьмем несколько значений из такой таблицы и проведем сравнение с нашим обычным делением:

$$1 = 60 : 9 = 6, 40 = 6 \frac{2}{3} (40 = \frac{2}{3} 60);$$

$$24 = 2, 30 = 2 \frac{1}{2} (30 = \frac{1}{2} 60);$$

$$36 = 1, 40 = 1 \frac{2}{3} (40 = \frac{2}{3} 60);$$

$$45 = 1, 20 = 1 \frac{1}{3} (20 = \frac{1}{3} 60);$$

$$50 = 1, 12 = 1 \frac{1}{5} (12 = \frac{1}{5} 60).$$

Запятой в таблице разделены целое число и дробная величина, хотя в самих вавилонских математических текстах отсутствуют знаки для выделения дробных величин и, более того, как уже упоминалось, в них отсутствуют какие-либо знаки отличия для 1 и 60*.

Из рассмотренного примера видно, насколько техника вычислений вавилонян отличалась от греческой и, соответственно, от современной. Тонкости выполнения всех вычислительных операций в рамках шестидесятеричной системы до сих пор досконально не изучены. Нет однозначного ответа на вопрос о том, как поступали месопотамские математики в случае с неправильным делителем (например, 7 и 11) для которого не существует конечного выражения в шестидесятеричных дробях. В таблицах эти значения просто пропускались. Возможно, все трудности понимания математических операций в рамках шестидесятеричной системы были бы несущественны, если она продолжала бы существовать и развиваться, но она исчезла вместе с закатом последних вавилонских империй.

Тем не менее мы до сих пор в рамках нашей десятичной системы исчисления пользуемся «отголосками» вавилонской математики. Вся наша геометрия базируется на делении пространства на 360 градусов

* Этот способ записи вавилонских дробных величин ввел О. Нейгебауэр, и в настоящее время такой метод перевода и интерпретации вавилонских числовых таблиц широко используется в научных работах по вавилонской математике.

и на этой шкале основана система измерений в астрономии и всех видах навигации. Время мы разделяем исходя из вавилонских представлений о числовом разряде: минута состоит из шестидесяти секунд, а час из шестидесяти минут. Иными словами, базовые пространственно-временные единицы измерения достались нам в наследство от шестидесятеричной системы вавилонян.

Египетская система счисления была десятичная, но и она нашему современнику представляется феноменальным явлением. Их метод арифметических расчетов радикально отличался и от греческого, и от вавилонского и был построен на принципах бинарности. Все математические операции осуществлялись при помощи удвоения числовых значений для их последующего сведения к процедурам сложения или вычитания. Мы не станем называть вслед за Нейгебауэром эту методику вычисления примитивной, так как она осуществлялась по оригинальному принципу. Очень просто с высоты нынешнего развития математических наук рассуждать о примитивности древних арифметических процедур, но при отсутствии какой-либо вычислительной аппаратуры именно египетская техника вычисления предлагает простой и в то же время не имеющий аналогов в современной арифметике принцип получения точных результатов.

В литературе часто встречается утверждение, что египетские методы вычислений были очень громоздкими и что египтяне только использовали когда-то и кем-то составленные таблицы, не производя самостоятельных вычислений. Это утверждение, на наш взгляд, неверное. Бинарный арифметический метод – действительно не самый короткий путь вычисления, но, наверное, более точный в отношении получаемых результатов в сравнении с параллельно существовавшими методиками. Заранее составленные таблицы, дающие числовой результат вычислительных операций, по-видимому, использовались в основном чиновниками с целью экономии времени, но, владея принципом бинарных вычислений, грамотный египтянин был способен составить их самостоятельно, так же как любой современный школьник при необходимости сможет составить таблицу умножения.

В основе бинарной арифметики лежит принцип сведения к целому, где целым является самое большое числовое значение, заданное в условиях вычисления и принимаемое за исходную единицу. И для деления,

и для умножения мы можем воспользоваться одной таблицей удвоения. Предположим, нам необходимо умножить 17 на 16 и разделить 400 на 16. Составим следующую таблицу:

1	16
2	32
4	64
8	128
16	256
32	512
64	1024

При операции умножения в первой колонке мы находим любую сумму или разность, дающую в результате 17, и соответственно сумму или разность чисел во второй колонке. Это будет: $16 + 1 // 256 + 16 = \underline{272}$ или $16 + 2 - 1 // 256 + 32 - 16 = \underline{272}$, т. е. $16 \times 17 = 272$.

Деление осуществляется точно так же, только теперь мы будем искать любую сумму или разность, дающую 400 во второй колонке, чтобы затем произвести аналогичные операции в первой колонке и получить искомую величину. Это будет: $16 + 128 + 256 // 1 + 8 + 16 = \underline{25}$ или $1024 - 512 - (128 - 16) // 64 - 32 - (8 - 1) = \underline{25}$, т. е. $400 : 16 = 25$.

При операциях с дробями главным методом была техническая процедура приведения дроби к виду единичной. Продемонстрируем этот метод на примере из таблицы деления 2 на нечетные величины от 3 до 101:

$$2: 27 \frac{2}{27} \times 2 = 4/54 = 1/54 + 3/54 = 1/54 + 1/18;$$

$$2: 65 \frac{2}{65} \times 3 = 6/195 = 1/195 + 5/195 = 1/195 + 1/39;$$

$$2: 77 \frac{2}{77} \times 4 = 8/308 = 1/308 + 7/308 = 1/308 + 1/44.$$

В данном случае множители подставлены нами для удобства восприятия. Египтяне же получали все значения методом удвоения, опираясь на положение, что, если необходимо получить из четного удвоенного числа нечетное, всегда можно вычесть или прибавить условную единицу. Формально этот принцип можно отобразить в виде следующего соотношения: $2x N \pm 2y N \pm N$, где x и y – коэффициенты удвоения, а N – величина удвоения. Процедура сведения всех дробей к виду единичных открывала перед египтянами «оперативный простор» для манипулиро-

вания дробными величинами как целыми числами. Об этом говорит и тот факт, что числители они даже не прописывали [2].

Оценочное восприятие этой бинарной арифметики, видимо, зависит от личных пристрастий, тем не менее следует отметить, что египетские математические принципы не исчезли бесследно. Это стало очевидным с появлением вычислительной техники, принципы работы которой базируются на бинарных числовых рядах, т.е., в сущности, соотносятся в какой-то мере с египетскими арифметическими методами бинарных вычислений.

Таким образом, несмотря на то, что первоисточники не донесли до нас методологических текстов египтян и вавилонян, очевидно, что их системы счисления, служившие когнитивным базисом для развития естествознания, содержали в себе некоторые методологические принципы, отличающиеся от греческой и современной математической методологии.

Литература

1. *Нейгебауэр О.* Лекции по истории античных математических наук. Т.1: Догреческая математика. – М.; Л., 1937. – (Глава III, § 4) – С. 109 – 125; а также Thureau-Dangin F. *Esquisse d'une histoire du système sexagésimal.* – Paris: Geuthner, 1932

2. *Ван-дер-Варден Б.* Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции / пер. И.Н. Веселовского. – М., 1959. – С. 84–110.

ВСЕОБЩАЯ СВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВА

А.В. Малинин

СЗН администрации Ленинского района в г. Красноярске

ale-malinin@mail.ru

Исследование всеобщей связи явлений на современном этапе выступает как одна из важнейших проблем научного познания. Во-первых, антропоцентристские принципы научного познания, формировавшиеся в контексте идеологии покорения природы, показали свою несостоятельность, что актуализирует необходимость разработки новых – антропокосмических оснований, с учетом всеобщей связи явлений. Во-вторых, современные научные исследования показывают, что именно на базе научного познания, основывающегося на положении о единстве мира, возможно дальнейшее развитие человечества. В-третьих, происшедшее в наше время осознание ученым сообществом необходимости мыслить и действовать в планетарном масштабе не могло не привести к существенной переориентации философии, заключающейся в изменении гносеологических оснований научного познания.

В русской традиции идея совершенства реализовалась посредством идеи соборности, которая приобретает важное концептуальное значение в работах древнерусских философов. Так, в работах Нила Сорского и Иосифа Волоцкого осмысление соборности воплотилось в раскрытии значения совершенствования общественных отношений. В древнерусской философии понятие «соборность» выступает как одна из характеристик всеобщей связи социальных явлений. Взятые вместе, эти явления раскрывают творческое совершенство. Оформление этого совершенства философы находили в упорядоченности, сложности, разнообразии человеческого мира, в противоречивости, в гармонии, красоте и т.д. Философское осмысление соборной личности выражается в том, что она раскрывается в диалектике отношений индивидуального и общественного, части и целого. Во-первых, каждая часть (индивидуальная личность) напрямую через себя соединяет любые другие, притом так, что именно без этой части соединение в принципе возможно. Во-вторых, ни одна часть не вбирает в себя всю полноту смысла так, как если бы другие были излишни или необязательны. Полнота смысла реализуется лишь в единстве всех частей: «Личность – единство – множество и множество единства. Она – всеединство, внутри которого нет места механическим и причинным связям, понятие которых уместно и удобно лишь в применении к познанию материального бытия» [1. С. 356]. В-третьих, в соборной личности раскрывается содержание не только индивидуальной личности, но и множества индивидуальных личностей – социальной группы, народа, государства. Одним из важных свойств личности является ее взаимодействие с другими личностями, вхождение в те или иные сообщества. При общности личностей имеет место взаимопроникновение: в таком случае не только личность – часть общества, но и общество – часть личности, соответственно, совершенствование личности способствует совершенствованию общества и общественных отношений [2. С. 111].

В данном случае соборная личность как правящий слой, правящий авангард раскрывается через практическое освоение: «Так правительство чрез посредство правящего слоя становится носителем народного мирозозерцания и народной воли; и вне его – это мирозозерцание остается невыраженной системой трудно даже определенных тенденций, эта воля – бессознательною» [3. С. 245].

Диалектический подход к проблеме диалектического двуединства субстанции и акциденции (сущности и явления) представлен в трудах выдающихся русских философов начала XX века. Среди них следует

особо выделить Е. Н. и С. Н. Трубецких. Согласно их концепции всеединства (единства мира), целостность бытия обусловлена двуединством (диалектикой) его духовно-материальной субстанции и акциденции, представленной в единстве противоположностей логоса (идеи) и вещи (материи). Как пишет Е. Н. Трубецкой, «эта реальность мира несовершенного, неполного, становящегося и, стало быть, находящегося в состоянии перехода от небытия к бытию всецело отлична от абсолютной реальности Бога, которая пребывает вне времени, вне всякой возможности изменения и определяется как безусловная полнота бытия» [4. С. 114].

Принцип бесконечности распространялся К.Э. Циолковским и на мир как целое, и на свойства пространства и времени, и на строение элементарных частиц вещества, и на структурную иерархию уровней космических систем, и на ритмы космической эволюции, и на возрастание могущества космического разума, и на отсутствие пределов для его возможной экспансии во Вселенной. Вселенная, по Циолковскому, бесконечна в пространстве и времени и включает в себя бесконечную иерархию космических структур – от атомов до «эфирных островов» разного уровня сложности. Мысль Циолковского о возможности сосуществования во Вселенной множества космосов намного опередила своё время, и теперь она нашла своё развитие в квантовой космологии [5. С. 715].

Течение русского космизма охватило довольно широкое направление русской культуры, однако важно уяснить, что это учение имеет универсальный характер. Идеи русских космистов не носили отвлеченный характер, ведь многие гениальные гипотезы русских космистов реализовались в 60-е годы, в период начала освоения космоса. Вспомним первый полет Юрия Гагарина в космос, как этот смелый шаг перевернул нашу науку и мировоззрение. Это подвиг, которым гордится вся наша страна. Поддерживаем ту точку зрения, что «будущее мира связано с космосом», а значит, каждый человек должен способствовать нашему общему будущему.

Принципиальные положения русского космизма как реализации идеи совершенства и всеобщей связи явлений проявляются в следующем:

- состояние живого космоса свидетельствует о торжестве творческих начал жизни над разрушительными тенденциями;
- человек не считается венцом природы, завершенным ее творением;
- отношения «человек – окружающий мир» представлены как взаимодействие открытых самоорганизующихся систем.

В условиях современного глобального мироустройства русский космизм выполняет мировоззренческую и методологическую функции, способствуя постижению и обоснованию естественнонаучной и философской постановки проблем всеобщей связи явлений.

Единство сущности и существования раскрывается в единстве сущности и явления, субстанции и акциденции. В данном случае можно утверждать, что, согласно принципу единства мира, в «сердцевине мира» лежит диалектическое противоречие духовного и материального – логосов и материи (сущности и явления, субстанции и акциденции). Это фундаментальное положение обосновывал выдающийся русский философ А. Ф. Лосев, который утверждал, что диалектика является «последней сущностью античного космоса» [6. С. 305]. Субстанция (сущность, основа) и акциденция мира диалектически противоречивы, представляют собой единство (двуединство) противоположных сторон (сфер) – духовной и материальной, которое и образует единство мира.

В рамках диалектического материализма проблема субстанции решалась на основе монистического подхода (единство мира определяется его материальностью). Необходимо отметить, что монизм в любой из своих версий (неоминалистской-материалистической или же неореалистской-идеалистической) в своей сути не может быть диалектическим учением, поскольку в нём изначально отрицается единство противоположностей в рамках субстанции, её диалектическая противоречивость, комплексный, системный подход к её природе.

Диалектический подход к проблеме совершенства предполагает всеобщую связь всех элементов социального и естественного миров, основой которой должно быть единство противоположностей. Как пишет Н.М. Чуринов, «...согласно космическому проекту науки, у материального и идеального, у физического и психического одна и та же «последняя сущность» – диалектика...» [7. С. 87]. В.Г. Афанасьев в этом контексте подчеркивает: «Поскольку основным отношением объективной действительности является отношение материи и сознания, объекта и субъекта, это отношение является основным содержанием философии, её основным вопросом... практика утверждает единство материального и идеального...» [8. С. 94–95].

Всеобщая связь явлений имеет следующие основные проявления:

1. Единство (связь) сознания и объективной действительности. На основе данного принципа была разработана диалектическая теория познания – теория отражения действительности. Отражение действительности – способ познания, в соответствии с которым в процессе познания создается точная теоретическая «копия» (образ) объекта. Данный образ (отражение) представляет собой существование сущности (объекта), включающие в себя следующие гносеологические стандарты: мир познаваем; объективизм; единомыслие.

2. Связь между явлениями действительности как элементами единой системы. Это проявление всеобщей связи отражено в принципе системности. Мир предстает как гигантская система (точнее, иерархия систем), в которой все элементы сущностно связаны друг с другом. Каждый элемент – это также система, но меньшего порядка сложности; элемент выполняет определенную функцию, что позволяет объекту в целом сохранять свою определенность.

3. Связь между причиной и следствием, отраженная в принципе детерминизма (причинности). Принцип детерминизма указывает на всеобщую причинную обусловленность, действующую в материальном мире. В рамках этой обусловленности Сущность понимается как Причина всего в мире и самого мира (существования). В материальном бытии причиной (сущностью) каждого конкретного объекта или явления является частный логос (закон или идея).

Таким образом, в соответствии с философским подходом к проблеме совершенства, содержание науки предстает как отражение мира, его образ, при этом универсальность всеобщей связи явлений раскрывается на основании таких космических оформлений, как системность, гармония, организованность, упорядоченность и т.д.

Литература

1. *Евразийство*. Опыт систематического изложения // Пути Евразии / под ред. И.А.Исаева. – М., 1992. – С. 356.
2. *Фомина Н.В.* Власть лучших. – Красноярск, 2006. – С. 111.
3. *Тихомиров Л.А.* Демократия либеральная и социальная // Антология мировой политической жизни: в 5 т. – М.: Мысль, 1997. – Т. 4. – С. 245.
4. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни // Е. Н. Трубецкой. Избранные произведения. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 512 с.
5. *Чижевский А.Л.* На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. – М.: Мысль, 1995. – 715 с.
6. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // Бытие, имя, космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 305.

7. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода: философские очерки. – 3-е изд., доп. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

8. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – С. 94–95.

ПРОПЕДЕВТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ТЕРМИНОГЕНЕЗА МЕДИЦИНЫ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЗНАНИЯ

М.Б. Мусохранова

Омская государственная медицинская академия
margo_coop@mail.ru

В медицинском образовании пропедевтическая (προπαιδεία – «предварительное обучение, подготовка» [1. Т. 2. С. 1393]) функция терминологии реализуется в обучении основам греко-латинской терминологии, подготавливая первокурсников к освоению профессиональных дисциплин. Иными словами, посвящение в профессию начинается с изучения ее начал – терминов, которые являются духовным наследием поколений врачей. Часть этого наследия собрана профессором М.Н. Чернявским в его учебниках латинского языка, на базе которых традиционно ведется обучение основам медицинской терминологии в ее трехчастном делении на анатомическую, клиническую и фармацевтическую, с акцентом на лексико-грамматические знания. Поскольку современный ФГОС в области высшего медицинского образования обращает внимание на значимость общекультурных компетенций, постольку особое значение приобретает знание истории медицинских терминов, корнями уходящей в архаичные культуры. В этом ракурсе актуализируется принцип преемственности знания, сформулированный Аристотелем: «Всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания» [2. С. 257]. Ключевое слово здесь – размышление, способствующее овладению терминами, которые суть концентрат знания, полученного в опыте противостояния болезни поколений врачей. Существующая тенденция зубрежки лексических единиц и грамматических конструкций далека от развития мыслительных способностей будущих специалистов и имеет серьезные следствия в образовательной и профессиональной практике в виде терминологической путаницы.

За последние десятилетия в российской медицине наблюдается множество новшеств, которые, наряду с их положительной стороной, сделали очевидной проблему терминологической путаницы, метафорически соотносимую с эффектом «Вавилонской башни» [3. С. 3], затрудняющим

профессиональную коммуникацию [4. С. 7–8; 63–70]. Контуры этой проблемы, диагностированной врачами как «эпидемия терминоворчества» [5], были обозначены еще Аристотелем, который речь, состоящую из необоснованных заимствований, назвал варваризмом [6. С. 57]. Ее следы отмечены Ф. Бэконом, обратившим внимание на ошибки в произношении, письме и в понимании латинских слов, за которыми следуют ошибки в суждении, доказательстве, выводе и соответствующих действиях [7. С. 175], внося трудности во взаимопонимание людей. Проблема терминологической путаницы соотносима со «злоупотреблением словами», отмеченным Г. В. Лейбницем, которое обусловлено личностными качествами (невежество, небрежность, тщеславие, лживость) и недостатками обучения. Он указывает шесть случаев «злоупотребления»: 1) употребление слов, с которыми не связывают никакой ясной идеи (бессмысленность; пустые слова); 2) неточность слов, используемых для придания «внешнего лоска» речи; 3) искусство затемнения слов или «умышленная непонятность, возникающая либо от присвоения обычным словам необычных значений, либо от введения новых терминов без объяснения их (прикрытие невежества непонятностью применяющихся слов)»; 4) несоответствие слова реальной сущности субстанций (т. е. считать истинным то, что таковым не является); 5) некорректное использование слов для определения вещей, которыми они не обозначаются и никоим образом не могут обозначаться; 6) нежелание объяснять слова по причине долгого употребления их в связи с известными идеями, считая, что эта связь очевидна и что все ее признают [8. С. 75–84].

Последний случай соотносим с «термином» – базовым понятием терминологии. Поскольку в настоящее время нет однозначности в определении «термина», постольку следует обратиться к Аристотелю, который ввел это слово в научную речь в качестве средства суждения, устанавливающего истинность высказывания, т. е. соответствие действительности, либо ложь, искажающую восприятие действительности. Сохранив первичный знаковый смысл «термина» как видимой границы чувственно воспринимаемого объекта, Аристотель поставил его промежуточным звеном между его именем и знанием о нем, так как невозможно знать то, что не имеет имени. Иными словами, аристотелевский «термин» включает следующую последовательность: понимаю, что вижу; размышляю над тем, что вижу; знаю, что вижу – результат, который получает имя. Следовательно, любой медицинский термин выступает в качестве имени, которое открывает логику размышления,

констатируя существование названного им реального объекта («есть»), данного для познания («если..., то...») и уникального в своей данности («суть»), т.е. имя должно соответствовать сущности объекта. В аристотелевском «термине» как философской категории, согласно П. Флоренскому, сохранены границы мысли, которой определялся и осознавался как сконцентрированный высший порядок синтетичности реальности [9. С. 179–209] и которая исходила из мировоззренческих установок, сохранившихся в значениях этимона медицинского термина, в совокупности выражающих грани восприятия реального объекта.

В этом плане социально-философский подход к основам греко-латинской медицинской терминологии позволяет вывести ее на пропедевтический уровень, на котором термины становятся для студентов средством мыслительной деятельности, подготавливая их к профессиональному владению понятийным аппаратом медицины. При данном подходе лексико-грамматический материал поддерживается этимологическим аспектом терминов, сформировавших предметную область медицины. Этимология (древнегреч. ἔτιμο-λογία – «первоначальный, истинный смысл слова» [1. Т. 1. С. 680]), по словам В.Н. Топорова, тесно связана с культурно-историческим контекстом [10. С. 26]. Следует подчеркнуть, что этимология, направленная на восстановление истинного смысла слова, соответствующего сущности обозначаемого им факта действительности, появилась в социокультурном пространстве архаических культур, в котором проходило становление медицины в качестве социального института, открывающегося как особый путь познания действительности, продуцировавший, соответственно, названную деятельность.

Эта особенность обусловлена событием, которое воспринималось как особый вид несчастья по сравнению с прочими и сознавалось как «природа зла, которую люди называли болезнью» [1. С. 16]. Болезни присваивались имена, которые во врачебном сообществе стали специальными словами, маркирующими знание о «природе зла». Здесь значимость приобретает слово «специальный», латинский этимон [12. С. 719–720], которого обращает внимание на оценочный нюанс восприятия какого-либо факта в проживаемом событии действительности как «особый случай». Согласно Л. Витгенштейну, «особый» – производящий впечатление [13. С. 225–240], т.е. в момент встречи с болезнью обнаруживалось нечто, что становилось образцом, «увиденным» при размышлении над пережитым впечатлением, оставленным при соприкосновении с тем, что сознавалось как добро или зло – кардинальные темы индивиду-

ального и социального бытия. В этом плане сознать, согласно Е.Н. Трубецкому, значит «найти общезначимое мысленное содержание, которое выражает смысл сознаваемого, или, что то же, его истину»; сознать – значит «не гадать о смысле воспринимаемого, а обладать им», а потому «со-знающий есть знающий» [14. С. 17]. Имена болезни сохранялись в социальной и индивидуальной памяти как печать значимого, с точки зрения последствий, события, разрушающего жизнедеятельность человека и влияющего на состояние общества [4. С. 266–274]. Часто эти имена связаны с мифами, иносказательно объясняющими взаимосвязь духовного, социального и природного. В опыте противостояния болезни осуществлялось познание человека, представляемого в ранних культурах как малый аналог вселенной, а также природного мира с целью изучения лекарственных свойств растений, минералов, продуктов животного происхождения, форм их применения, чем объясняется метафорический путь формирования медицинской терминологии. Врачеватель в этом противостоянии учился распознавать истину: «Когда верят, то мыслят, когда мыслят, то познают» [15. С. 128]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что когда познают, то называют, когда называют, то знают, т.е. знающий становился называющим специальным словом (именем) реальный объект, которое служило для передачи маркированного им знания в пространстве и времени в социокультурных условиях становления профессиональной деятельности, направленной на восстановление целостности человека и получившей соответствующие имена: *iatreia*, *cheirurgia*, *peidagogike* и *therapeia* [4. С. 18–40].

Таким образом, пропедевтическая функция терминогенеза медицины актуализирует преемственность знания о действительности во взаимосвязи реальных объектов (человек–болезнь–природа). В результате медицина предстает как многовековая мудрость, полученная в опыте противостояния «природе зла», тогда как терминогенез выступает в качестве летописи становления медицины как особого пути познания действительности, результаты которого выражены терминами. В этой летописи термины, являясь одновременно источниками знания, средствами познания и выражения познанного, выступают средством воспитания и научения во взаимосвязи мировоззренческого и профессионального, которое обеспечивает становление будущего врача.

Литература

1. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / подред. С. И. Соболевского. – М. : Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1958.

2. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 685 с.
3. *Коржавых Э.А.* Упорядочение фармацевтической терминологии: технология и практические примеры. – М., 2004. – 118 с.
4. *Мусохранова М.Б.* Терминогенез: летопись медицины в социально-философском контексте. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 312 с.
5. *Шкарин В.В.* О культуре использования научной медицинской лексики (терминологии) [Электронный ресурс] // Нижегород. мед. журн. – 2004. – № 2. – URL: <http://www.medicum.nnov.ru>.
6. *Аристотель*. Поэтика. Риторика : пер. с древнегреч. / пер. В. Апельрот, Н. Платонова. – СПб. : Изд. дом «Азбука-классика», 2007. – 352 с.
7. *Бэкон Ф.* Избранное : пер. с англ. – М. : Изд-во Францисканцев, 2005. – 480 с.
8. *Лейбниц Г.В.* О словах / пер. с фр. П. С. Юшкевича. – М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 96 с.
9. *Флоренский П.А.* Имена : сочинения. – М. : Эксмо, 2006. – 893 с.
10. *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. – М. : Яз. славян. культуры, 2005. – 814 с.
11. *Froment A.* Maladie. Donner un sens. – Paris : CPI éditions des archives contemporaines, 2001. – 235 p.
12. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – М. : Рус. яз., 1996. – 846 с.
13. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» / пер. с англ. – Новосибирск : Сиб. университет. изд-во, 2008. – 256 с.
14. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни / сост., послесл. и коммент. В. В. Сапова. – М. : Канон+, 2005. – 480 с.
15. *Чхандогья* Упанишада / пер. с санскр., предисл. и ком. А. Я. Сыркина. – М.: Наука, 1965. – 255 с.

АНТИ-МЕРТОН: НАУЧНЫЕ ПОПУЛЯЦИИ, ИДЕИ И НЕРАВЕНСТВО¹

А.В. Нехаев

Омский государственный технический университет

A_V_Nehaev@rambler.ru

С тех пор как Роберт Мертон представил свое собственное видение этоса науки² и тем самым фактически открыл новый, доселе не изученный, концептуальный объект академического мира, в социологии науки не утихают споры и дискуссии, волнообразно инициируемые то ярост-

¹ Материалы доклада подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00010а

² Взгляды Роберта Мертона на то, что им было названо «этос науки», изложены в двух его работах. Первая из них – статья «Наука и социальный порядок» [13] – была написана в 1938 г. и включала в себя исследование конфликтов между институциональными ценностями науки и ценностями других социальных институтов. Но именно во второй статье, опубликованной под заглавием «Нормативная структура науки» [12] в 1942 г., им была сформулирована знаменитая четырехэлементная система норм поведения ученых. Любопытно отметить, что столь знаковый для социологии науки концептуальный объект, как мертоновский этос науки, на деле является типичным примером “случайного открытия”, сделанного в ходе исследования совсем иных проблем (в частности, в этом признавался и сам Роберт Мертон [1. С. 5]).

ными критиками (Роберт Богуслав [6], Иен Митроф [14], Майкл Малкей [2], Бруно Латур [9], Стив Фуллер [8]), то фанатичными апологетами (Бернард Барбер [5], Норман Сторер [15], Джонатан и Стивен Коулы [7], Джон Зиман [7]) вызванного им к жизни *spiritus scientiae*¹.

Несмотря на все эти продолжающиеся споры, в ходе которых неустанно подыскиваются аргументы *pro et contra* для предложенных Робертом Мертоном норм поведения ученых, главная интрига, связанная с этосом науки, так и не стала предметом серьезного обсуждения. Вопрос о том, «как связаны между собой поведение ученых, предлагаемые ими идеи и наблюдаемое в их среде неравенство?», так и не попал в центр пристального внимания социологов науки, оставшись на периферии их исследовательских интересов².

Канонический набор предложенных Робертом Мертоном норм, которые регулируют поведение ученых в научном мире, хорошо известен и включает в себя четыре императива, легитимированных в качестве институциональных ценностей науки: 1) коммунизм (идеи должны свободно обращаться среди ученых и быть доступными для каждого из них); 2) универсализм (оценки предлагаемых идей должны быть деконтекстуально обоснованы и независимы от любых связанных с характеристиками самого ученого параметров – его научной репутации или академической родословной); 3) внезаинтересованность (идея, предложенная ученым, должна быть плодом бескорыстного действия); 4) организованный скептицизм (идея должна быть открыта и доступна для критики и самокритики).

Образуемый мертоновским этосом науки *frame* содержит в себе живописную картинку «идеальной» популяции ученых (понимаемых как производители деконтекстуализованных идей), предлагая нам описание научного мира как не содержащего в себе никаких внутренних препятствий ареала, на котором расселены исследователи, свободно вступающие в коммуникацию и активно обменивающиеся идеями. Отнюдь не случайно, что предпринимаемый Робертом Мертоном анализ процесса «накопления преимуществ» (или «эффекта Матфея») сосредоточен, прежде всего, на его негативных последствиях для эволюции научного знания, фиксируя, как ему кажется, «институциональные перегибы академической системы» [3. С. 262] и «латентные социальные проблемы

¹ В частности, в одной из своих работ Наталья Демина дает хороший детальный обзор этих споров и дискуссий [1].

² Хотя, стоит напомнить, что сам Роберт Мертон в своих исследованиях, посвященных так называемому «эффекту Матфея» [11; 3] и амбивалентности поведения ученых [10], наметил контуры этой вне сомнения узловой для научного мира проблемы.

науки» [3. С. 264]. Наблюдаемые в науке реальная социальная стратификация и неравенство в среде ученых скорее должны нами восприниматься как кумулятивный эффект от действия сложившейся в науке системы поощрения, чем прямое следствие действий самих ученых, разделяющих веру в этос науки. В «идеальной» мертоновской популяции *homo scientificus* проблем, связанных с тем, что неравенство в накоплении преимуществ оказывается способным порождать дифференциацию в научной эффективности [3. С. 266], как кажется, не должно возникать вовсе. Но так ли это? Действительно ли строгое следование этосу науки соответствует интересам филиации идей и эволюции науки?

Развивая предложенную нами выше «биологическую» метафору¹, стоит сделать два важных (впрочем, и открытых для полемики) замечания, которые позволяют усомниться в безусловной способности мертоновского этоса науки так эффективно влиять на эволюцию научного знания, как на это можно было бы надеяться.

Первое замечание имеет концептуальный характер. Анализируя влияние этоса науки на институциональные практики ученых, Роберт Мертон был склонен существенным образом недооценивать эволюционную значимость неравенства в их среде, в том числе и для стимуляции роста научного знания. Неравенство отнюдь не досадный «социальный осадок» институциональных практик, принятых в среде ученых, что вполне для нас представимо, если мы исключим из жизни научного мира все возможные формы внутривидовой борьбы. Наоборот, ученые пристально следят друг за другом для того, чтобы определить, какие именно идеи позволят их создателям успешно занимать выгодные исследовательские ниши, наделяя осваивающие их популяции *homo scientificus* соответствующими социальными статусами и гарантируя им определенные репутационные выгоды². Это значит, что, вопреки тре-

¹ Кстати, сам Роберт Мертон был не чужд использованию подобного рода метафоры в своих исследованиях (например, в рассуждениях о виде *homo scientificus* [3. С. 272]).

² Вполне очевидно, что здесь речь идет не только о признании и борьбе за приоритет, как это делает сам Роберт Мертон. Забавно, но в качестве аргумента, подкрепляющего наше замечание, мы можем использовать пример, приводимый самим Робертом Мертоном. Так, им особо отмечалась роль редактора первого научного журнала в Англии «Труды Королевского общества» Генри Олденбурга в деле искоренения устоявшейся к XVII в. привычки ученых никогда открыто не публиковать свои работы и стремления держать их в тайне [3. С. 272]. Трудно поверить, что усилия одного, или даже всех, редакторов были способны возыметь такое действие на ученых. Объяснение этому иное: как только идеи становятся серьезным адаптационным преимуществом среди представителей *homo scientificus* в бурно меняющейся в этот период институциональной среде, так сразу же и возникает практика открытой публикации, а также ныне популярная идеология *public or perish*.

бованиям этоса, научная идея служит интересам неравенства. Новации в виде научных идей и неравенство в среде ученых на деле оказываются намного более тесно связанными между собой, чем это принято полагать вслед за Робертом Мертоном. В противном случае, если вдруг новация не формирует неравенства внутри вида *homo scientificus*, она превращается лишь в простой рудимент институциональных практик ученых, эволюция которых рано или поздно оказывается абсолютно независимой от роста научного знания.

К сожалению, сам Роберт Мертон не особенно обременял себя эмпирическими проверками собственных концептуальных находок, полагая, что «разработка теории... более сложное и важное дело, чем эмпирика» [1. С. 6]. Однако как его критики, так и апологеты немало сделали в этом отношении, и некоторые из полученных ими данных позволяют нам высказать второе – эмпирическое замечание.

Вполне очевидно, что этос науки, составленный из четырех канонических институциональных норм, предложенных Робертом Мертоном, должен с весьма разной степенью приверженности разделяться конкретными представителями вида *homo scientificus*. При этом эмпирически ожидаемым результатом должна стать наблюдаемая положительная корреляция между приверженностью мертоновским институциональным нормам со стороны ученого, с одной стороны, и его научной продуктивностью – с другой. Однако эмпирические исследования норм поведения в научном мире [17] скорее свидетельствуют нам об обратном. Как это ни странно, но именно «непродуктивные и слабомотивированные ученые более привержены нормам этоса, чем их более успешные коллеги» [1. С. 21]. Это лишний раз демонстрирует нам то, что неравенство в среде ученых есть не только чисто институциональный эффект, но и важнейшее условие эволюции вида *homo scientificus* и, как следствие, необходимый параметр, определяющий скорость и темпы роста научного знания.

Иными словами, «идеальная» мертоновская популяция ученых, в которой среди ее представителей отсутствуют неравенство, накопление адаптационных преимуществ и любые формы внутривидовой борьбы, оказывается совершенно неспособной к эволюции¹.

¹ Не стоит забывать, что любая так называемая «идеальная популяция» с биологической точки зрения неизбежно подпадает под действие закона Харди-Вайнберга. Впрочем, связь «биологии» интеллектуального мира и «экологических» стратегий его представителей, нацеленных на приобретение и максимизацию адаптационных преимуществ и прежде всего тех, что связаны с выдвижением оригинальных идей, зачастую выпадает из поля зрения социологов науки [4]

Литература

1. Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 5–48.
2. Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983.
3. Мертон Р.К. Эффект Магфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 256–276.
4. Hexaев А.В. On the Origin of Academic Species: формирование идейных ниш и цитируе среди научных форм жизни // Антропологический форум. – 2013. – № 19. [в печати]
5. Barber B. Science and the Social Order. – Glencoe, Illinois: The Free Press, 1952. P. 60–100.
6. Boguslaw R. Values in the Research Society // The research Society. – New York: Gordon & Breach, 1968. – P. 51–66.
7. Cole J.R., Cole S. Social Stratification in Science. – Chicago: University of Chicago Press, 1973.
8. Fuller S. Science. – Buckingham: Open University Press, 1997.
9. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Cambridge: Harvard University Press, 1981.
10. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // R.K. Merton Sociological Ambivalence and Other Essays. – New York: The Free Press, 1976. – P. 32–55.
11. Merton R.K. The Matthew Effect in Science: The Reward and Communication Systems of Science are Considered // The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. – Chicago & London: Chicago University Press, 1973. – P. 439–459.
12. Merton R.K. The Normative Structure of Science // The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. – Chicago & London: Chicago University Press, 1973. – P. 267–278.
13. Merton R.K. The Science and the Social Order // The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. – Chicago & London: Chicago University Press, 1973. – P. 254–266.
14. Mitroff I.I. Norms and Counter-Norms in a Select Group of the Apollo Moon Scientists: A Case Study of the Ambivalence of Scientists // American Sociological Review. – 1974. – Vol. 39, № 4. – P. 579–595.
15. Storer N.W. The Social System of Science. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1966.
16. West S.S. The Ideology of Academic Scientists // IRE Transactions on Engineering Management, 1960. Vol. EM-7, № 2. – P. 54–62.
17. Ziman J.M. Public Knowledge. An Essays Concerning the Social Dimension of Science. – Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АВСТРИЙСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Л.В. Низьева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина,
г. Екатеринбург
l.nizyeva@mail.ru

Возникновению австрийского позитивизма способствовали особые культурные и исторические обстоятельства, сложившиеся в Австро-Венгерской империи на рубеже XIX–XX веков. В состав этого «локутного» [4. С. 144] государства входили Зальцбург, Штирия, Тироль,

Богемия, Моравия, Силезия, Буковина, Далмация, Венгрия, Галиция, Словения, Сербия, Босния, Герцеговина, а также ряд других областей. Двуетническая монархия объединяла огромные территории, на которых проживало не менее 15 этнических групп, 12 языков, 5 религиозных течений и по меньшей мере 5 самобытных культурных традиций.

Многонациональный состав способствовал закреплению в австрийском национальном сознании принципиальной внутренней неопределенности. Процесс осмысления австрийцами своей национальной принадлежности был обусловлен и отягощен кризисными явлениями, охватившими на рубеже веков все сферы общественной жизни: политическую, экономическую, социальную.

Центральным вопросом австрийской культуры становится преодоление национальных распрей в многонациональном государстве, поиск национальной идентичности как избавления от комплекса неполноценности у австрийцев, которые чувствовали себя в это время «немцами второго сорта» в Европе. «К концу прошлого – началу нашего века чувством неприкаянности страдали не только чешские немцы, но и германо-австрийцы вообще, убедившиеся в крахе своих либеральных идеалов. Австрийцы чувствовали пустоту своей национальности, а немцы – то, что быть немцами неприятно и неудобно», – пишет Криштоф Нири в своей книге «Философская мысль в Австро-Венгрии».

В такой непростой ситуации расхождения культурно-национальных и государственных интересов в Австрии с 70-х годов XIX века начинается расцвет философии. Большое распространение получают эмпиризм и позитивизм, происходит углубление в область психического как единственной реальности. Австрийский позитивизм отличало в первую очередь неприятие метафизики, что вдохновляло физиков обращаться к философии. Самым известным среди них был Эрнст Мах, один из наиболее влиятельных мыслителей Австрии.

Хотя имя Эрнста Маха стало известным в связи с рядом важных баллистических открытий в аэродинамике и выдающихся достижений в области термодинамики, оптики, акустики и механики, а сам ученый дорожил в первую очередь отношением к нему естествоиспытателей, мнение профессиональных философов волновало его куда меньше, считается, что на рубеже XIX–XX веков он разработал настоящую философию человеческого познания. Благодаря своим философским трудам Мах приобрел популярность и стал пользоваться большим влиянием

не только среди профессиональных философов, но и современных ему поэтов, писателей и литературных критиков.

По мнению таких исследователей, как Петер Кампиц и Криштоф Нири, главная причина, по которой знаменитый физик вместо проблем экспериментальной физики обратился к проблемам философского толка, кроется в основном в определенных политических событиях и их последствиях, особенно в некоторых последствиях политических столкновений между чехами и немцами Праги.

В пятнадцать лет прочитав «Пролегомены ко всякой будущей метафизике» Иммануила Канта, он напишет в своей автобиографии, что «вещь в себе» показалась ему «совершенно бесполезной, тогда как он воспринимал мир и Я как единую массу ощущений» [2. С. 116]. Так он описал основные принципы своего сенсуализма и позитивизма, метафизики и своих монистических установок.

В 1879–1880 годах он был ректором Карлова университета и яростным противником разделения факультетов на немецкий и чешский, как бы он ни старался оставаться аполитичным, но как ректор он вынужден был оказаться в гуще событий. Мах тяжело переживал раскол Пражского университета, официально заверченный в 1882 году, и отказался от переизбрания на пост ректора, сравнивая борьбу чехов с немцами с религиозными войнами, поскольку «его космополитический либерализм был в принципе далек от борьбы национальностей» [2. С. 116].

В это время Мах и начал писать свое главное философское произведение «*Beiträge zur Analyse der Empfindungen*» («Анализ ощущений»), изданное в 1886 году. В этой работе он утверждает, что единственными элементами опыта являются ощущения, которые называются элементами, обладающими нейтральным характером. При этом понятие «Я» Мах отбрасывает как бесполезную гипотезу.

Учение Маха об элементах представляет «Я» лишь как «функциональную взаимосвязь элементов» [3. С. 83]. Сознание – это комплекс ощущений, поступающих упорядоченным непрерывным потоком и связанных между собой особым образом, а мышление – как преобразование этих комплексов. И хотя наш сенсорный аппарат искажает воспринимаемое, у людей отсутствуют средства, позволяющие различать впечатления и реальность. Таким образом, кажущееся и действительное, впечатление и реальность по сути неразличимы и одинаково имеют право на существование.

Через разложение действительности на элементы, которые встречаются в виде делимых на части комплексов, появляется также возможность количественно описать свойства. Их взаимную зависимость не следует понимать как случайную, а рассматривать лишь с функциональной точки зрения. Она может быть определена математически, при таком представлении можно достичь всеобщей универсальности.

Лекция Маха на открытии новой кафедры теории индуктивных наук в Вене, руководить которой его пригласили в 1895 году, была посвящена соотношению физики, психологии и эпистемологии. Задачу философии он определили «как критический анализ, используемый для унификации данных в частных науках» [1. С. 274]. Ученый полностью отрицал априорную трактовку чисел, принятую Кантом, и утверждал, что система целых чисел возникла в целях экономии – для простоты системы обозначений и быстроты вычислений.

Мах настаивал на том, что в физике измерение должно заменять живописание. Он резко осуждал теорию атомов и гипотезы, подобные гипотезе эфира, считая их метафизическими конструкциями, которые без необходимости лишь умножают сущности. Мах опровергал также и теорию относительности А.Эйнштейна отчасти на том основании, что она предполагает существование законов вне разума.

После затишья во время Первой мировой войны, философы, близкие к Венскому кружку, снова взяли за его учение. Представители «Венского кружка» основали «Общество Эрнста Маха», которое связало просветительские и объединяющие народ тенденции с приверженностью к научному мировоззрению.

Позитивизм или эмпириокритицизм Эрнста Маха был созвучен традиции эмпирически и научно ориентированной философии, которая неоднократно была отмечена как характерная особенность австрийской философии. По крайней мере, основная антиметафизическая установка Маха, равно как и просветительская социально-критическая направленность его мышления, определенно влияли на становление теоретических установок «Венского кружка».

Литература

1. *Джонстон Уильям М.* Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. Московская школа политических исследований. – М., 2004.
2. *Kampits P.* Zwischen Schein und Wirklichkeit. – Wien, 1984.
3. *Нипу К.* Философская мысль в Австро-Венгрии. – М., 1987.

МЕЖДУ ПАТРИСТИКОЙ И СХОЛАСТИКОЙ: VI–XI ВВ. В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

А.С. Самарин

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
synthsas@gmail.com

В данной статье мы обратимся к вопросу о периодизации средневековой философии, а также к тому, каким образом связаны между собой два основных периода в развитии данной эпохи.

Традиционно периоду Средневековья в истории философии отводят около тысячи лет, по-разному определяя его начало и конец. Условно все датировки лежат между II–XV вв. Также Средневековье делят на периоды господства двух основных течений – патристики, учения отцов церкви (II–VII вв.), и схоластики (VIII–XV вв.), при этом между периодами не существует зазора – патристика плавно переходит в схоластику. Этот зазор между патристикой и схоластикой привлекает наше внимание и требует рассмотрения.

Эта периодизация не представляется единственно возможной. Осматривая интеллектуальный ландшафт Средневековья с доступной нам высоты, мы можем заметить, что основная масса оригинальных идей сконцентрирована на сравнительно малом промежутке – в III–VI вв. и в XI–XIII вв. При этом в период между творчеством Боэция (6 в.) и Ансельма Кентерберийского (XI в.) видим затишье, которое было ненадолго прервано Иоанном Скотом Эриугеной (IX в.)

Ситуация, при которой практически половина из указываемых тысячи лет эпохи Средневековья выпадает, довольно парадоксальна. Предложения к разрешению парадокса могут быть разнообразными. Одним из очевидных является следующий: ограничить средневековую философию периодом схоластики, а более ранние попытки философствования в контексте христианства обозначить как предварительный этап. С позиций социальной и культурной детерминации историко-философского процесса можно назвать VI–XI вв. периодом становления феодальных отношений.

Можно предложить ещё одно объяснение этого парадокса. Периоды патристики и схоластики действительно связаны единой тематикой и вместе представляют собой христианскую философию в эпоху

Средневековья. Различие, которое выявляется между ними, проистекает из среды философствования, в которой они развивались. Этот момент представляется нам принципиально важным, поскольку, опираясь на него, становится возможным объяснить парадоксальное выпадение VI–XI вв.

Каждый из выделяемых в истории философии периодов созидает особую «текстуру» философствования – то, что впоследствии называют ведущей проблематикой данной эпохи. «Текстура» диктует и стиль философствования: к примеру, в Средневековье было бы неприемлемым светское философствование, претендующее ещё и на новизну в содержании и анализе рассматриваемых проблем, а в современности будет как минимум архаичным стремление к организации интеллектуальной деятельности по средневековому образцу, с опорой на Писание и авторитетные тексты как на непререкаемые источники, по отношению к которым возможно только комментирование. «Текстура» же задаёт основные стратегии разрешения философских проблем и ответов на интересующие вопросы. Помимо этого, следование духу философствования своего времени предопределяет вероятность понимания, рецепции его идей философским сообществом.

В связи с «текстурой» (духом философствования, основной проблематикой эпохи) можно попытаться прояснить интересующий нас вопрос со своеобразным «межвременьем», возникшим между патристикой и схоластикой. Патристика развивалась одновременно с неоплатонизмом и под сильным его влиянием [1. С. 36]. Ранний период развития христианской философии пришёлся на II–V века н.э. Здесь мы видим «наложение» двух эпох – «новое вино» христианской философии «бродило» в «старых мехах» поздней античности. Стиль философствования отцов церкви нередко близко приближался к стилю поздних стоиков, скептиков, к неоплатонизму. Отмечается, к примеру, значительное влияние неоплатонических воззрений на Августина Аврелия [2. С. 437].

В случае патристики мы видим положение христианской философии ещё до наступления собственно Средневековья. Патристика развивалась в «текстуре» Античности и по необходимости использовала внешние структуры античного философствования. Для символического перехода от одной эпохи к другой в истории идей можно выбрать закрытие Академии по указу Юстиниана в 529 г. Это событие тем более вписывается в мировоззренческий контекст, поскольку было закрыто

защитником христианства по причине трансляции Академией устаревшего языческого мировоззрения.

Обратной стороной крушения философской античности было торможение развития христианской философии. В ситуации, когда прева­лировавшая в предшествующую эпоху «текстура» распалась, христианская философия оказалась в противоречивой ситуации. Враждебный ценностным ориентирам христианского мировоззрения способ философствования был по необходимости демонтирован, а свой собственный (который в дальнейшем и будет назван «средневековым») ещё не был полностью сконструирован. Указанный период (условно – от Бозэция до Ансельма Кентерберийского) ушёл на изготовление «текстуры» средневекового философствования, что предопределило характерные особенности и время возникновения схоластической философии.

Следует отметить, что единство христианской философии произрастает из рассматриваемых проблем (догматы христианской веры, а также критика философов и течений, отклоняющихся от «генеральной линии»), но не из стиля философствования, который стал в поздней средневековой философии значительно строже, хотя, возможно, обед­нел содержательно.

Литература

1. *Коплстон Ф.* История философии. Средние века / пер. с англ. Ю.А. Алакина. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. – 494 с.
2. *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней и средневековой философии: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1991 – 512 с.

ЗНАНИЕ И КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ В СТОИЦИЗМЕ¹*

А.А. Санжеников

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sanzhenakov@gmail.com

Для античной теории познания корреспондентная (или классическая) теория истины являлась парадигматической. Понимания истины как соответствия мысли (высказывания) объективной реальности придерживались Платон [4. С. 615] и Аристотель. К приверженцам классической теории истины можно отнести и представителей Расписного Портика. Основанием для такой квалификации служит тот факт, что критерием истины они полагали «постигающее впечатление» (*phantasia*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-33-01007а1 «Онтологические предпосылки иррационализма и рационализма в эллинистической философии»).

katalēptikē), т. е. впечатление, которое возникает от реального объекта и полностью соответствует ему [7. С. 57]. Однако не все так однозначно.

Прежде всего эта неоднозначность связана с тем, что сами стоики наряду с этим критерием называли и другие, например, так называемый верный разум (*orthos logos*). Прибавим к этому еще специфическое понимание истины в стоической традиции. Последователи Зенона полагали, что истина телесна и представляет собой определенное состояние «ведущего начала» души, при этом истина не суть нечто простое и единовидное, но, напротив, «образуется как упорядоченное знание, существующее в виде совокупности множества истин» [7. С. 71]. Наконец, стоиков нельзя отнести к чистым последователям корреспондентной концепции истины еще и потому, что для них знание характеризовалось не только адекватностью по отношению к объективности, но и своим практическим приложением. Для них знание это то, на основании чего возникает так называемое искусство (*technē*) жизни. В этом смысле их можно причислить к сторонникам прагматистской концепции истины, в рамках которой истина рассматривается как практически полезное знание [1].

Вышеописанные неувязки возникают потому, что «постигающее впечатление» (и «постижение» как результат согласия познающего субъекта на «постигающее впечатление») является необходимым, но не единственным условием получения знания. Стоическая точка зрения, которой придерживались, по-видимому, все члены школы, состояла в том, что знание – это «устойчивое и надежное постижение, неколебимое разумом (*hupo logou*)» [6. С. 39]. Для развернутого понимания этой дефиниции стоит прояснить, что значит «неколебимое разумом (*hupo logou*)». В этом нам поможет свидетельство Ария Дидима, в котором он приводит несколько стоических определений знания. «Знание же есть безошибочное и достоверное постижение разумом (*hupo logou*) [сути вещей]; другой вид знания представляет собой совокупность таких умений, как, например, умение делать умозаключения относительно единичных вещей, которое свойственно человеку, взыскующему мудрости; третий вид знания представляет собой совокупность профессиональных (*technikon*) знаний, совокупность, устойчивую благодаря себе самой, как и в случае с добродетелями; четвертый вид знания представляет собой способность получать представления, способность, достоверную благодаря разуму (*hupo logou*), которая, по их словам, заключена в напряжении и силе [души]» [2. С. 101]. Предлог *hupo* относится к слову *logou*, которое стоит в родительном падеже, следовательно, он обозначает не-

что действующее (ср. *англ.* by), в переводе обычно опускается, при этом существительное переводится творительным падежом, иногда же может быть передано выражениями «из-за, через посредство, благодаря» [3. С. 1684]. Следовательно, и «неколебимое разумом», и «достоверное благодаря разуму» есть переводы равнозначно правомерные, однако последний вариант указывает нам более короткий путь к смыслу стоической дефиниции. Действительно, знание есть неизменное постижение только благодаря разуму, так как последний соотносит постижение со всей совокупностью знания (см. выше третий вид знания у Ария Дидима) и, убедившись в верности постижения, включил его в эту систему (эту сторону определения отразил в своем переводе В. Б. Черниговский), и, будучи уже элементом системы знания, это постижение никак не может быть поколеблено разумом (эту смысловую составляющую отразил в своем переводе А. А. Столяров). На первый взгляд это рассуждение может показаться спекулятивным, но, мы полагаем, во многом оно адекватно отражает процесс познания, каким его видели стоики. К тому же в его пользу говорит одна из интерпретаций стоического учения о «верном разуме» (*orthos logos*), согласно которой верный разум – это «та конечная инстанция и вместе с тем упорядоченная система знаний, с которой должна быть соотносена всякая истина первого порядка, чтобы в свою очередь стать *знанием* (*epistēmē*)» [5. С. 64]. В рамках нашего сообщения важно то, что такое истолкование теоретико-познавательных взглядов ранних стоиков позволяет обнаружить в их учении явные тенденции к когерентной теории истины. Если критерием истины выступает разум как самосогласованная система, а впечатления (пусть даже самые наивернейшие) становятся знанием только после согласования с этим разумом, тогда знание представляет собой не просто соответствие данности, но самосогласованную систему. Вместе с тем не стоит забывать об особенностях стоического мировосприятия. В современном понимании когерентная концепция истины подразумевает самосогласованность *высказываний*, в то время как в стоической традиции речь идет о *разуме*, который мыслился как нечто телесное (высказывания же, по мнению стоиков, бестелесны).

Таким образом, раннестойическая теория познания базировалась на сочетании классической и когерентной теории истины. Данное обстоятельство не должно вызывать удивление, в истории философии существуют подобные примеры. В частности, И. Кант, «по современным оценкам, развивал когерентизм, но следуя классической концепции» [1].

Что касается стоиков, то «гибридность» их теории познания объясняется различными стадиями познания [5. С. 60]. В целом же то понимание знания, которое представлено в учении ранних стоиков, свидетельствует об их рациональном настрое.

Литература

1. *Анисов А.М.* Что есть истина? // Credo new. – 2005. – № 1. (<http://credonew.ru/content/view/453/57/>).
2. *Арий Дидим.* Этический компендий // Человек. – 2006. – № 1. – С. 100–112. (Пер. В.Б. Черниговского).
3. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. – М., 1958. – Т. 2.
4. *Платон.* Собрания сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1.
5. *Столяров А.А.* Стоя и стоицизм. – М.: АО «Ками Групп», 1995.
6. *Фрагменты* ранних стоиков. Т. I: Зенон и его ученики: пер. и ком. А.А. Столярова. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. – 229 с.
7. *Фрагменты* ранних стоиков. Т. II. Ч. 1: Хрисипп из Сол: логические и физические фрагменты / Пер. и ком. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. 272 с.

ПРОБЛЕМА ЗНАНИЯ В ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФИИ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА)

А.А. Слесарев

Новосибирский государственный аграрный университет
a-a-slesarev@yandex.ru

Вследствие ряда специфических черт иррационалистической философии проблема знания приобретает иное звучание, чем в рационализме. В нашей работе мы рассмотрим эту проблему. Рационализм и иррационализм являются мировоззренческими позициями, находящимися в отношениях взаимного отрицания друг друга, несовместимости друг с другом. «Если рационализм есть признание доступности мира самостоятельному постижению разумом человека, то для иррационализма, напротив, исходным пунктом является положение, будто универсум таков, что познавательные возможности человеческого разума имеют непреодолимые границы, за пределами которых как раз и находится то, что составляет подлинную первооснову мироздания, так что эта самая глубокая сущность мира мыслится как принципиально недоступная самостоятельному разумному постижению со стороны человека» [2. С. 113]. Естественно, каждая из этих позиций предполагает определенные онтологические и гносеологические концептуальные основания. Из сказанного выше можно заключить, что рационализм тяготеет к онтоло-

гическому монизму, так как, только опираясь на положение о единстве сущего, можно полноценно обосновать гносеологическую установку на познаваемость мира. Суть «рационалистической позиции это – онтологическое положение о том, что природа единой (монизм) реальности такова, что эта последняя доступна естественным познавательным способностям человека, поскольку в рамках монистической картины мира признается, что человек есть органичная составляющая этой единоприродной реальности и в нем, включая его разум, нет ничего радикально иноприродного ей» [2. С. 114]. А значит, нет принципиально непреодолимых границ между ощущениями и разумом познающего и объектом познания. Тезис о познаваемости мира в силу единства природы реальности и субъекта познания является, соответственно, гносеологической основой рационализма.

Если рационализм предполагает монистическую, «то иррационализм – дуалистическую картину мира, причем доведенную до крайней ее формы, когда, помимо признания существования посюстороннего природного мира, постулируется существование и трансцендентного, запредельного, потустороннего «мира», причем принципиально непостижимого для естественных познавательных способностей человека, но тем не менее при особых условиях доступного сверхъестественному, т. е. мистическому восприятию» [1. С. 91]. Что это, собственно, за восприятие, мы уже говорили выше. Дуалистическая картина мира определяет гносеологические представления. Иррационализм не отрицает рациональное познание, но роль ему отводится второстепенная. Разум постигает только внешнюю часть мира, его оболочку. Подлинная сущность мира скрыта от него в силу своей природы. Следовательно, любое знание, которое мы получим о мире, будет неполным, здесь и заключена основная проблема знания в иррационалистической философии. «Но декларации относительно недоступности разуму некоей «реальности» – это только, так сказать, негативная сторона гносеологической составляющей позиции иррационализма, то, что в рамках этой позиции отрицается» [2. С. 113]. Позитивная же сторона иррационалистической позиции состоит в утверждении, что, помимо разума и ощущений, человек располагает еще и сверхъестественными познавательными способностями. «А точка зрения, согласно которой, с одной стороны, существует некая запредельная посюстороннему миру сверхъестественная «реальность», абсолютно недоступная естественным познавательным способностям человека (разуму и ощущениям), и, с другой – в душе человека имеются иные,

превышающие естественные возможности ощущений и разума способности (соответственно, способности тоже сверхъестественные), благодаря которым душа человека может достигать интимной близости с этой «реальностью», такая точка зрения составляет специфическую особенность мистицизма» [2. С. 113]. «Гносеологической составляющей оснований иррационализма является совокупность следующих двух пунктов. Во-первых, жестко агностическая установка относительно естественных познавательных способностей человека – его чувственных восприятий и разума – применительно к познанию той «реальности», которая с позиций онтологического дуализма оценивается как потусторонняя, сверхъестественная. Во-вторых, приверженность мистической позиции, состоящей в декларации доступности потусторонней «реальности» особым познавательным способностям «души» человека» [2. С. 114].

В силу раздвоения гносеологических способностей раздваивается и знание, получаемое человеком о мире. Одно из них основано на чувственно-рациональном познании, другое – на «сверхъестественных» способностях или интуиции. Пример такого разделения знаний о мире мы находим в философии Шопенгауэра.

Мир изначально разделен Шопенгауэром на представление и волю. Мир как представление лишен самостоятельной реальности, он существует только для субъекта. «То, что все познает и никем не познается, есть субъект. Он, следовательно, носитель мира, общее всегда предполагаемое условие всего являющегося, всякого объекта; ибо только для субъекта есть все, что есть» [3. С. 20]. Основой познавательных способностей человека в философии Шопенгауэра является сформулированный им самим закон достаточного основания. Суть этого закона в том, что ни одно явление в мире представлений не существует само по себе, а обязательно связано с другими, и если что-то происходит, то для этого должны быть соответствующие основания. Познание по закону основания предполагает раздробление мира на отдельные вещи и явления, между которыми потом выстраиваются связи. Связь между вещами и явлениями принимает три формы, которые также есть и формы человеческого познания. Это время, пространство и причинность. В этой части своего учения Шопенгауэр почти полностью копирует трансцендентальную эстетику Канта.

Итак, мир как представление зависим от субъекта и не является подлинной сущностью, «этот чувствам являющийся мир не имеет истинного бытия, а есть лишь вечное становление; он одновременно и существует, и не существует, и познание его есть не столько познание,

сколько призрачная мечта» [4. С. 507]. Познавая мир по закону основания, человек видит только внешнюю сторону, а их суть остается скрытой. «Мы уподобляемся человеку, который, бродя вокруг замка, тщетно ищет входа и между тем срисовывает фасад» [3. С. 98]. Но Шопенгауэр вовсе не считает, что вход в замок для нас закрыт бесповоротно.

Реальной стороной должно быть нечто от мира как представления отличное, – именно то, чем являются вещи сами по себе. Как видно из всех предшествующих рассуждений, эта реальная сторона задачи никогда не может быть разрешена путем объективного познания; когда исходной точкой берут представление, отталкиваясь от нее, никогда не получится выйти за грань мира представлений. Но ведь путь объективного познания – не единственный доступный для человека путь, считает Шопенгауэр. «Мы не только познающий субъект, но, с другой стороны, и сами представляем собою вещь в себе; и, следовательно, к той подлинной внутренней сущности вещей, до коей мы не можем проникнуть извне, для нас открыта дорога изнутри, – словно подземный ход или потайная галерея, которая как бы изменою сразу вводит нас в крепость, совершенно недоступную для внешнего натиска» [3. С. 253]. Если бы человек был только чистым субъектом познания, «крылатой головой ангела без тела» [3. С. 98], то ему роковым образом было бы суждено вечно бродить у входа загадочного замка и ограничиться срисовыванием фасада. Искомый смысл мира остался бы для него навеки скрытым. Но внимательный анализ проблемы обнаруживает, что положение совсем не так безотраднo. Существует верный и надежный ключ к разгадке всякого явления в природе. Этот ключ – сам человек, или, правильнее, человеческое тело. В самом деле, «субъекту познания, который в силу своего тождества с телом выступает как индивидуум, это тело дано двумя совершенно различными способами: во-первых, как представление в воззрении рассудка, как объект среди объектов, подчиненный их законам; но в то же время оно дано и совсем иначе, именно – как то каждому непосредственно известное, что обозначается словом воля. Каждый истинный акт его воли сейчас и неминуемо является также движением его тела. Волевой акт и действие тела – не два объективно познанные различные состояния, объединенные связью причинности; они не находятся между собою в отношении причины и действия: нет, они одно и то же, но только данное двумя совершенно различными способами, – во-первых, совсем непосредственно и, во-вторых, в воззрении для рас-

судка» [3. С. 98]. Здесь налицо двойственность познавательных способностей в философии Шопенгауэра.

Два рода знаний, чувственно-рационалистическое и интуитивное, не противопоставляются, а дополняют друг друга. Внешняя сторона предметов познается рассудком, а внутренняя доступна только интуитивному познанию. Причем, как мы можем убедиться, подлинная сущность вещей познается именно интуицией.

Литература

1. Горан В.П. Рационализм и иррационализм в истории западной философии: онтологические и гносеологические основания // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2007. – Т. 5, вып. 1. – С. 89–98.
2. Горан В.П. Рационализм и иррационализм в истории западной философии: (1) методологическое введение // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2007. – Т. 5, вып. 2. – С. 110–117.
3. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений: в 6 томах. – М.: ТеРРА – Книжный клуб, Республика, 1999. – Т. 1. – 496 с.
4. Шопенгауэр А. Собрание соч.: в 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – 605 с.

ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ЭМОЦИЙ К РАЦИОНАЛЬНОЙ КОГНИТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

М.Н. Чистанов

Хакасский государственный университет, г. Абакан
maratc@ngs.ru

Начало XXI века застало человечество на перепутье. Системный экономический кризис оказался сопряжен с накопившимися в течение длительного времени противоречиями в области межэтнических и межконфессиональных отношений. В этой ситуации опыт, накопленный человечеством для решения данного класса задач, оказался явно недостаточным, а предпринимаемые международным сообществом и национальными правительствами меры напоминают лихорадочное латание тришкиного кафтана. Проблема в том, что действия, направленные на поддержание относительной стабильности в сфере отношений между этническими и религиозными группами, оказываются заложниками однобокого понимания самой сущности таких конфликтов. Наше представление о том, что в основе конфликтной ситуации лежит проявление экстремистских настроений отдельных личностей или социальных групп, создает иллюзию того, что данную проблему можно решить хирургическим путем, применяя жесткие полицейские методы или методы военных операций. Однако экстремизм – лишь верхушка айсберга,

и увеличение количества экстремистских поступков ясно указывает на системность самого заболевания.

Очевидно, что данная проблема не является специфически российской или, например, ближневосточной. В той или иной степени эта беда затрагивает весь мир, периодически напоминая о себе взрывами, террористическими актами и военными конфликтами. Можно, конечно, радоваться, что данные несчастья не касаются нашего общества напрямую, но можем ли мы считать себя застрахованными от них навсегда?

В теоретическом плане столкновение и взаимодействие культур пытались описать многие авторы, однако все их многочисленные попытки можно условно свести к трем основным подходам:

а) концепция «плавильного котла» (“melting pot”) – пожалуй, наиболее древняя из всех существующих, предполагает, что снятие межкультурных противоречий возможно через активное перемешивание культур, нивелирование расовых, этнических и конфессиональных различий, то, что у Маяковского называлось «жить единым человеческим общежитием». Несмотря на определенную архаичность, продолжает в явном или неявном виде применяться по всему миру. Самый наглядный результат применения данной модели в современных условиях – Соединенные Штаты Америки, для которых эта концепция в начале двадцатого века была объявлена чуть ли не официальной идеологией. На практике, наряду с интеграционными процессами в обществе всегда присутствуют сепаратистские тенденции, которые и в обычных то условиях способствуют дифференциации внутри единого культурного пространства, а в условиях слияния различных культур могут привести к полной дезинтеграции социальной реальности;

б) концепция мультикультурализма – в основе методологии лежит идея культуры как органической целостности, уникальной комбинации множества факторов, заложенная еще немецкими романтиками и противостоящая примитивным представлениям о неизбежности общемирового прогресса. Различные культуры и цивилизации не только имеют различную природу, но даже не могут быть объектом оценки, поскольку каждая культура становится безусловной ценностью сама для себя. Единичным носителем культуры была провозглашена нация как специфическая общность. Важно отметить, что, если на первом этапе развития мультикультурализма в качестве субъекта коммуникации рассматриваются культуры и цивилизации (в форме национальных государств), то на втором этапе в качестве таких субъектов рассматриваются

простые люди, которые в обычной жизни сталкиваются с проявлениями иного языка, поведения, хозяйственной деятельности. Такая постановка проблемы таила в себе ростки последующего кризиса мультикультурализма: внутреннее неустранимое противоречие между политическим устройством современного мира в форме национальных государств и индивидуальным характером межкультурной коммуникации в современном глобализирующемся мире.

в) концепция «салатной чашки» (“salad bowl”) – более мягкий вариант межкультурного взаимодействия, в котором признается право на существование внутри большой социальной общности множества относительно автономных этнических, конфессиональных и иных сообществ. В этом случае взаимодействие социальных групп уподобляется взаимодействию продуктов в салатной чашке, где вкус всего блюда зависит от сочетания и совместимости всех ингредиентов. Гармония в обществе – результат взаимного сотрудничества и партнерства различных общин. Очевидно, что данный подход свободен от излишней прямолинейности предыдущего и действительно нацелен на достижение согласия через компромисс. В то же время и этот подход не может считаться универсальным, поскольку разработан с прицелом на формирование оптимального соотношения этнических групп в ходе осознанно проводимой миграционной политики. На практике это оказывается возможным лишь в условиях массового целенаправленного заселения пустынных территорий, которых на данный момент на Земле не так много. Неудивительно, что данная модель получила популярность в Канаде и Австралии, где миграционные потоки регулируются властями. В условиях Европы или России такая продуманная политика заселения становится фикцией, поскольку здесь мы скорее сталкиваемся с последствиями массовых миграций, а не с реализацией некоторого плана. Поэтому вместо смешивания тщательно продуманных ингредиентов приходится копаться в достаточно хаотичном нагромождении различных культур.

Как представляется, основным недостатком всех перечисленных подходов оказывается их чрезмерная абстрактность, поскольку этническая или конфессиональная культура в них рассматривается с позиций своеобразного средневекового реализма: как некоторый идеальный тип, лишенный всяческой индивидуальности. Возможным выходом из сложившейся проблемной ситуации может стать рассмотрение конкретной культуры с позиций ее включенности в естественную среду. Идея неразрывной связи среды и культуры лежит в основе этнической эко-

логии, науки, синтезирующей в себе строгость естественнонаучного подхода и индивидуализирующий описательный характер социально-гуманитарного знания.

Очевидно, что конфликт этнических и религиозных групп с позиций этнической экологии приобретает совершенно иной вид и смысл. Источником конфликта в этой связи оказываются процессы унификации и глобализации, приводящие к тому, что цивилизации, ранее занимавшие различные экологические ниши, начинают играть на одном поле и соперничать за одни и те же ресурсы. В этих условиях вопрос о сохранении этнической и конфессиональной идентичности и традиционного для этих культур хозяйственного уклада становится ключевым не только для поддержания политической и социальной стабильности, но и для поддержания экологического равновесия на планете.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
2. Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 49–61.
3. Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. – М., ИЭА РАН, 1994. – 230 с.
4. Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде / отв. ред. Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1989. – С. 86–107.
5. Куропятник А.И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 332 с.
6. Ле Коадик Р. Бретонские контрасты // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 6.
7. Роллз Дж. Право народов (лекция) // Вопросы философии. – 2006. – № 9. С. 79–105.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д. В. Складнева, послесл. Б. В. Маркова. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
9. *The Rights of Others: Aliens, Residents and Citizens.* By Seyla Benhabib. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – xii + 251 p.
10. *Singer Milton.* “The Melting Pot: Symbolic Ritual or Total Social Fact?” Symbolizing America. Ed. Herve Verrene. Nebraska: University of Nebraska Press, 1986. – P. 97–118.

ОБРАЗЫ МИРА И ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ СМЫСЛОВОМ КОНТЕКСТЕ

Н.Г. Щербинина

Томский государственный университет

Sapfir.19@mail.ru

Для ментальности Средневековья характерна метафора «отражения» в ее соотношении с понятием «образа реальности». Наиболее полно данная идея прописана у Дионисия Ареопита, оказавшего влияние

как на европейскую средневековую культуру в целом, так и на византийскую традицию в частности. Поскольку концепция образа Дионисия выражена не только в доступном нам трактате «О небесной иерархии», но и в других сочинениях данного автора, то сошлемся сначала на Г.В. Флоровского, разобравшего его произведение в целом. Итак, средневековый мир человека существовал как «образ» или «изображение» Божие. Это, в свою очередь, предполагало наличие божественных сущностных «прообразов» или «предопределений» тварного мира. «С другой стороны, эти “прообразы” не суть сами вещи, но именно про-образы вещей или парадигмы. В каком-то смысле вещи им причастны и подобны, но как чему-то высшему и иному» [1. С. XXII]. Тем самым мир «отражает», в смысле «отображает», прообраз, являясь человеку в функции «подражания». В данной связи Божество, по мысли Дионисия Ареопита, изымалось из сферы окончательного познания, а образы полагались грубыми и приближительными копиями совершенного образца. В целом же, согласно средневековым представлениям, мир человеческого опыта служил набором символических образов для отражения верхней сакральной реальности. «И вместе с тем каждый объект – принадлежит ли он к первому или ко второму миру – служит символом высочайшего, предельного объекта, всеохватывающего единства, совершеннейшей реальности – Божества, которое является источником всех прочих реальностей и, будучи отражено в бесчисленных символах, само уже не символизирует более ничего и обладает бытием в себе» [2. С. 14]. В наших терминах речь идет о формировании «картины мира», но средневековый человек представлял ее символической «книгой», которую надо не просто прочесть, но разгадать ее смысл.

Выражаясь и далее метафорически, мир виделся человеку средних веков еще и зеркалом, отражающим, конечно, искаженно и неадекватно, божественную реальность. Тем не менее именно символическое творчество позволяло человеку приблизиться к высшей истине и совершенному порядку. В качестве модели такого миропорядка Дионисий Ареопит и рассматривает небесную иерархию, полагая иерархический канон принципом божественной космологии. Итак, образ мира у Дионисия формируется на основе идеи иерархической гармонии и триадичности, которая позволяет пройти символическую лестницу от образа к его значению, от чувственного партикулярного к духовному сакральному. Тем самым становится очевидным, что универсум един, ведь он символ или образ сакральной реальности. «Итак, цель иерархии – по возможности

уподобляться Богу и соединяться с Ним, полагая Его наставником всякого священного как знания, так и действия, неуклонно взирая на Его божественнейшее великолепие, по мере сил *его* запечатлевая и участников своих делая божественными подобиями – зеркалами прозрачайшими и чистыми, – приемлющими светоначальный и богоначальный луч и священо преисполняемыми даруемого света, его же затем щедро на других изливающими по богоначальным законам» [3. С. 33]. Таким образом, система символов доводилась с помощью принципа иерархии до Бога, связывая мир в единую структуру смысла. При этом сама иерархия служила и своего рода дидактической моделью коммуникации и когнитивной матрицей. Метафора же «отражения» свидетельствовала не о творческом, но о подражательном характере и познания, и мира: креатив сводился к разгадыванию кода, т.е. опять же к коммуникации с Богом.

Интересно в данной связи провести сущностные параллели с последовательно выдержанной объективистской концепцией отражения. С точки зрения, к примеру, советской марксистской трактовки объективный мир, т.е. «реальность», это тоже самодостаточное бытие, которому противостоит отражающая его вторичная функция сознания. При этом сознание делилось на «ложное» (западную идеологию как извращенное отражение) и «истинное» (марксистско-ленинскую науку как адекватное отражение, на которую опирается и истинная идеология «марксизм-ленинизм»). Тем самым истина принадлежала как будто миру-объекту и таковым же, но уже высшим объектом, по сути, становился марксизм-ленинизм, а познающий субъект мог лишь стремиться к истинному знанию в рамочных пределах марксизма. Именно для приближения к истинному знанию и изучались труды классиков марксизма-ленинизма, как подчеркивалось, априорно дошедшие до истины в последней инстанции. Данная схема, по сути, переворачивала идею отражения и напоминала средневековый концепт предопределения: символический опыт мог лишь приблизить человека к божественной истине, но другого пути нет, и отсюда предпочтение отдавалось мистическому выращиванию в себе Христа. В советском же мире надо было стать подлинным марксистом-ленинцем в любой сфере, и особенно в сфере познания.

Тем самым понятия «мир» и «отражение» тесно взаимосвязываются как когнитивные обобщающие понятия. И средневековое представление трансформируется в современный научный концепт. Это значит, что сознание, постигая универсум, способно творить его подобие – отражение. Собственно, здесь и возникает еще одна теоретическая проблема,

остроумно подмеченная У. Эко в его книге «Имя розы». Герой данной книги Адсон (ученик) вопрошает Вильгельма Баскервильского (учителя): можно ли считать конкретное аббатство отражением мира, ведь именно тогда будет виден путь спасения мира вообще? Ответ Вильгельма весьма характерен: «Чтоб существовало отражение мира, мир должен иметь форму» [4. С. 143]. Именно в этом и состоит основной логический просчет объективистов: отражение предполагает наличие изначального символического оформления, т.е. первичного действия сознания по конструированию мира, а это, в свою очередь, противоречит базовому принципу первичности материи, т.е. объекта.

В противоположность объективистской трактовке мы утверждаем, что генетически реальность (или мир) всегда субъективна. Понятие же «объективная реальность» относится к системе знаков, которая уже отделена от интенций субъекта и принадлежит интерактивному миру культуры. Потому универсум и является «символическим», по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, как матрица всех реальных для субъекта и объективно доступных ему значений [5. С. 158]. То есть отражение невозможно по сути, ведь мир имеет другой онтологический статус, и «механизмом» соотнесения миров выступает конструирующая деятельность сознания. Потому образ и принадлежит к ментальным символическим сущностям, т.е. он бытует как символический комплекс в пределах универсального же символического смыслового контекста. Тем самым символический мир состоит из образов, и именно символический обмен вовлекает нас в общий ментальный мир. Но человек творит политические образы преимущественно в своем родовом виде, и даже конкретные криэйторы этих образов опираются на универсальные модели культуры. В данной связи в политической коммуникации мы имеем дело с имиджами, т.е. уже готовыми к употреблению образами. Имидж это не просто «одномерный» виртуальный политический лидер, партия, страна, регион. Имидж – это сложное представление, целая концепция, т.е., в свою очередь, ментальный мир, состоящий из фактов-конструктов политического сознания.

Как и откуда является образ власти, и каким он должен быть? Здесь надо сразу оговориться, что в конструировании образа форма важнее содержания, более того, содержание сущностно зависит от формы. И характерный пример можно привести тоже из средневековой символической практики. Когда возникли варварские королевства и короли, они не могли явиться миру в образе, так сказать, самих себя. Для репрезентации политической власти существовала лишь одна форма и модель –

римское государство: «И именно поэтому римская система репрезентации – единственная наличествовавшая *система* выражения того рода власти, которую мы называем государственной, – неизбежно должна была лечь в основу репрезентации варварских государей» [6. С. 81]. Вот почему Атиллы и Хлодвиг изображались в императорском пурпуре, причем Атиллы, так сказать, задним числом. Тем самым все упиралось в образ репрезентации, и, согласно данной модели, символически конструировался мир легитимной политической власти – псевдоримский мир во главе с императором. От такого рода представлений и родилось парадоксальное номинирование государства германцев «Римской империей германской нации». Вообще римская форма могла мистически передвигаться по миру и перевоплощаться: так, Константинополь осмысливался как Второй Рим, а Москва – как Третий Рим.

Почему же искусственно сконструированный образ замещает лидера, партию, регион, страну? Почему при этом сам лидер репрезентирует партию, регион, страну и почему вообще образ так важен для сознания? Корни данного феномена мы тоже находим в средневековой ментальности, но теперь для примера мы выберем российский средневековый контекст. Здесь мы будем опираться на идеи С.С. Аверинцева, признанного специалиста по духовности Византии и Московской Руси. Для московского царя византийский император выступал иконой или архетипом, и особенно тщательно данный идеальный образ на практике реконструировал царь Алексей Михайлович. Итак, в чем же состояла суть архетипического образа монарха? Аверинцев подчеркивает, что византийский император как конкретный властный субъект был заменен обезличенной схемой или образом. Это, к примеру, отличало его от Цезаря или Александра Великого, которые хотя и претендовали на божественное происхождение (и впоследствии были обожествлены), но при жизни воспринимались как великие по своим деяниям люди. В результате вместо политического лидера, каковым формально являлся император в Византии, в политической коммуникации был задействован его образ, который и стал символическим репрезентантом, представителем смысла и значений. При этом личность императора-человека выражалась в многочисленных символических знаках – изображениях на монетах, живописных портретах, в виде «живой статуи» (монарха, неподвижно сидящего на троне в ритуальной одежде и позе), а также в еще более схематизированной форме – эмблеме, монограмме, флаге, печати и т.п. вещественных символах персональной верховной власти. Не

удивительно, что позднее в подобном же символотворческом сознании портрет заместил короля Людовика XIV, или портрет Сталина превратился в вождя, которого знали массы. Отсюда, с другой стороны, в российской символической атрибутике закрепился портрет официального руководителя как своего рода репрезентант и даже сохранился в обиходе представителей постсовременной политической бюрократии.

Но вернемся к примеру Византии, где образ (или схема) репрезентировал политическую власть. Сущность данного феномена состояла в том, что бытие мира и его значения, тяготевшие к сакральности, не мыслились идентичными данностями. Это положение касалось, по мнению Аверинцева, и государя, который был иконой или подобием Бога. «Как поясняли компетентные византийские теоретики образа, “образ есть подобие, знаменующее собой первообраз, но при этом *разнствующее* с первообразом; ибо не во всем образ подобится первообразу”» [7. С. 71]. Другими словами, экзистенция здесь носила формальный характер и главное – все сводилось к символической форме. Эта форма заключала в себе, по сути, легитимацию политической власти монарха через собственную образную сопричастность абсолютной власти Бога. С образом императора коррелировал и образ монархического государства – это образ священной державы. Отсюда понятен и пафос политической идеологии Московского царства, где царь есть живой знак или образ, отражающий через свое подобие византийскому архетипу сопричастность божественной власти. При этом в феноменологии христианской миссии, изменившая православие и затем павшая как держава, Византия содержательно замещалась истинным Московским царством и истинным царем, но схема или оформление власти мыслились по-старому. Тем самым византийский прообраз власти был воспроизведен и в концепции власти (формула, включающая царя и патриарха, царство и священство), и в визуальной репрезентации власти, особенно в ритуализированном и статичном облике царя, подобно монументу, сидящему на троне. Вся эта символическая деятельность была нужна Москве ввиду решения проблемы легитимации государственной власти. Так, вербальные риторические формулы «истинное царство» и «истинный царь» свидетельствовали о причастности земного государства и государя абсолютной легитимности христового царства и самого Христа. Потому царь московский это, в первую очередь, православный царь (с главной политической функцией охранения православия), а Московское царство есть Третий Рим, Святая Русь, священная держава и т.п. Тем самым мо-

сковская политическая символика как бы манифестировала о присутствии Христа и его святого царства на конкретной московской земле.

Ввиду наших рассуждений о значении средневековой ментальности для всей российской политической культуры, этого общезнакового контекста, уместно будет обратиться и к отечественному эквиваленту понятия «образ». Таким синонимическим понятием является «икона». «Слово “икона” происходит, как известно, от греческого слова “образ”; в языке православной традиции это ключевое слово с исключительным богатством коннотаций» [8. С. 272]. В терминах данного культурно-исторического понятия все, что видит человек, суть иконы или образы, все мироздание тоже икона, сотворенная по божьему образу и подобию. Отсюда и царь и царство представляют собой иконы или образы. Если адаптировать данный символический термин к сфере политики Московского царства, то станет очевидным, что создание иконы и традиция иконопочитания в широком смысле слова связаны с практикой легитимности. При этом образ или икона являют собой легитимное выражение истины, отсюда опять же следует выражение «истинный царь», т.е. легитимный. Таким образом, «изображение» в нашей средневековой и позднейшей символической политической традиции приобретает характер легитимации, уже само изображение легитимно. Но каждый такой легитимный визуальный феномен неизбежно тяготеет к схеме, превращается в изобразительный канон, редуцируется. И пример тому дает канонизация изображений тоталитарных вождей: оформляется поза, жесты, образ закрепляется в статичном состоянии, определяется костюм, мелкие детали тоже жестко фиксируются (кепка, трубка), окаймления образа напоминают атрибуты православной иконы. Эта традиция визуальной «схимы», имеющая христианские и монархические корни, распространялась и на все советское руководство, являвшееся политическому миру в официальном костюме и официальном образе.

Конечно, сегодня политический лидер России не связан столь жестко протоколом и может презентировать себя и без галстука. Но дело не в визуальном каноне, который сам по себе противоречит духу постсовременности, суть состоит в значимости образов для политики и политического сознания. Итак, мы рассмотрели ментальные основания репрезентации: искусственно сконструированный образ замещает лидера, партию, регион, страну потому, что именно образ представляет собой коммуникативный феномен в пространстве символического поля политики во все времена. И поскольку политический лидер традиционно выступал и вы-

ступает репрезентантом, постольку он и сегодня символически замещает партию, регион, страну. Это особенно заметно в отечественной практике конструирования партий по типу формулы «Ленин и партия – близнецы-братья»: удачные примеры (Жириновский, Путин) / неудачные («Правое дело»). Итак, политический лидер – это по-прежнему не человек, а абстракция, идея, икона, образ, коррелирующий с какой-то высшей реальностью. Вот почему он вынужден говорить о ценностях (и все политические идеологии включают в себя похожие ценности), заниматься пророчествами (сценариями, стратегиями, планами, проектами) и оценивать, в смысле «судить», прошлое и настоящее. И до сих пор, хотя постсовременный лидер может в принципе вести себя как захочет, его конкретные поступки обсуждаются и соотносятся с идеальным прообразом власти.

Литература

1. *Флоровский Г.В.* CorpusAreopagiticum // Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. Тексты: пер. с древнегреч. – СПб.: «Глаголь», РХГИ, «Университетская книга», 1997.
2. *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. – СПб.: Мифрил, 1995.
3. *Дионисий Ареопагит.* О небесной иерархии. Тексты: перев. с древнегреч. – СПб.: «Глаголь», РХГИ, «Университетская книга», 1997.
4. *Эко Умберто.* Имя розы. – СПб.: Symposium, 2004.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат о социологии знания. – М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995.
6. *Бойцов М.А.* В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти: Сб. в честь профессора Н.А.Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2007.
7. *Аверинцев С.С.* Символика раннего средневековья (К постановке вопроса) // Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. – СПб.: Амфора, 2005.
8. *Аверинцев С.С.* Образ Иисуса Христа в православной традиции // Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. – СПб.: Амфора, 2005.

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

М.П. Яценко

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
ymp1957@ Rambler.ru

Рационалистическая система ценностей, со становлением и развитием которой связаны величайшие достижения западноевропейской цивилизации, к началу XXI столетия оказалась исчерпанной. Обнаружилось, что рационалистический подход к действительности содержит в себе наряду с созидательным разрушительное, деструктивное начало. При этом стало ясно, что кризис рациональности – это всего лишь

феноменология глубинных конфликтов, затрагивающих внутреннюю архитектуру западной культуры. Отсюда – потребность не только по-новому взглянуть на природу рационального сознания и механизмы его воспроизводства, но и осмыслить пути формирования новой духовности (новой рациональности в том числе), которая может послужить отправной точкой в социокультурном развитии человечества в XXI веке.

Технологическая деятельность человека обусловила появление глобальных проблем, включая угрозу экологического, демографического и других кризисов. Вместе с тем реальный процесс социального развития представляет собой единство прогрессивных и регрессивных составляющих. Социальное развитие представляет собой естественно-исторический процесс, где наряду с усложнением, нарастанием разнообразия, дифференциацией элементов общественных структур происходит упрощение ряда явлений. В этих условиях необходим поиск оптимальных форм социального прогресса [1. С. 14].

Для понимания сущности глобализации важно определиться с категорией «всеобщее». Всеобщее, которое для Сократа служило целью субъективно-ученого исследования, было возведено Платоном в объект и приняло образ чистой идеи. Гегель мог считать избранную им задачу вполне решенной, когда убедился бы, что окрепшее в его духе воззрение на замкнутую целостность вселенной слилось с предложенной Фихте отвлеченной схемой самопознания; задача была бы решена в самом начале, если бы «Все» было представлено как мыслящая себя сущность, если бы понятие любви перешло в понятие духа и изящная целостность и вечная жизнь мира были бы изображены как «абсолютный», т.е. не как разъединенный, но как в себе замкнутый, не как бессодержательный, но как наполненный, не как конечный, но как бесконечный дух; наконец она была бы решена, если бы этот «абсолютный дух», как живущий теперь в вечности, мог быть представлен в самом процессе его проявления во внешности и возврата к себе [2. С. 70–71].

В этой связи важно отметить, что современный стиль научного мышления имеет ряд отличительных черт, в основе которых – отсутствие существовавших традиционно крайностей между: объективизмом и релятивизмом; сциентизмом и герменевтикой; метафизикой и диалектикой. Вполне естественно, что это особо ярко отразилось на уровне исторической гносеологии. Специфика гносеологии по отношению к гуманитарному познанию вообще и истории в особенности состоит, как уже отмечалось, в постепенном уничтожении границ между научным и

ненаучным познанием. Вот как оценивает современную ситуацию профессор М. Латтанзи (ЮНЕСКО): «Вместе с новыми возможностями экономического роста и социального прогресса глобализация привела к серьезной утере этических и моральных ориентиров. Как никогда ранее и в основном в промышленно развитых странах люди столкнулись с быстрым распадом и разложением интеллектуальных ценностей ... ценностей, которые заменяются ныне хаотической гонкой за индивидуальным экономическим успехом, который вместе с достижением материальных благ часто приводит к глубокому чувству недовольства, несчастья, неуверенности и дезориентации» [3. С. 6].

В настоящее время утверждение принципов неолиберализма в «конце истории» (Ф. Фукуяма) означает окончательную победу западных общественно-политических форм (демократия – права человека – правовое государство – рынок). В данном случае либерально-демократический проект, утверждающий общечеловеческие свободы, относят к достижениям исключительно западного мира в процессе его исторического развития. Политическая свобода оказывается высшей политической ценностью западного мира. «То, чему мы, вероятно, свидетели, – пишет Ф. Фукуяма, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение политической эволюции человечества и универсализации западной демократии как окончательной формы правления» [4. С. 134–135]. В этом случае можно говорить о том, что Запад принимает на себя функции абсолютного субъекта либерально-демократического дискурса, т. е. выступает от имени всего мирового политического сообщества. Особенность современного дискурса неолиберализма заключается в том, что он устанавливает новые правила, «политические игры», регламентирующие способы интерпретации политического мира.

При рассмотрении базовых понятий, характеризующих вопросы организации жизни общества, первостепенное значение приобретают вопросы устойчивости социальных структур, устойчивости социального развития. Опыт истории говорит, что эта устойчивость обуславливается рядом оснований – решением вопросов о социальной справедливости, целях и ценностях развития. Представления о социальной справедливости весьма деликатны, но без их приемлемого решения нельзя надеяться на устойчивое развитие общества.

А. Панарин представляет глобализацию как процесс становления единого взаимосвязанного мира, к которому народы и государства подошли

неодинаково подготовленными в экономическом, военно-стратегическом и информационном аспектах [5]. Поэтому она чревата новыми потрясениями и коллизиями. Самые развитые и могущественные страны тяготеют к социал-дарвинистской концепции глобального мира, где наиболее приспособленные расширяют свои возможности за счет менее приспособленных. Возникла асимметрия в отношениях двух частей глобального мира, грозящая расколом человечества на приспособленную культурную расу и неприспособленную, к которой принадлежит большинство. Требуется смена парадигм отношений между Западом и Востоком, Севером и Югом, Центром и Периферией. Поэтому необходимо пересмотреть и парадигму модернизации. Если раньше путь развития указывали успешные первооткрыватели, за которыми следовали отстающие, то теперь ввиду невозможности вступить всем на путь лидеров возникает коллизия социального пессимизма и исторического оптимизма.

Глобализация возникла из лавинообразного распространения мирового рынка и информации. Вместе с тем она порождает невероятный разрыв в уровне жизни и планах развитых и менее развитых стран. Во-первых, эта интеграция национальных экономик в мировую экономику, которая структурирована в виде глобальной пирамиды с лидерами, середняками и аутсайдерами. Во-вторых, интеграция национальных сред обитания в мировую среду, что предполагает установление локальной ответственности за состояние мировой среды. В-третьих, политическая интеграция стран в локальные блоки и мировое сообщество с механизмом глобального управления. В-четвертых, интеграция информационных национальных пространств в единое мировое пространство, где унифицируются потоки информации, их идеологическое наполнение, отбор и интерпретация сообщенных фактов.

Существенным пробелом многочисленных исследований по проблемам глобализации является отсутствие прогнозов и сценариев ее дальнейшего развития. Необходимо отметить, что лишь ряд авторов выходят в своих работах на уровень моделирования перспектив глобализации. В настоящее время глобализация идет за счет ухудшения природы человека, поэтому ее необходимо развернуть в гуманистическое русло, сориентировать на построение грядущего глобального общества с доминирующей сферой социокультурных услуг.

Глобализация как объективно-субъективный процесс, осуществляющийся за рамками естественной интеграции в рамках локальных цивилизаций, тесно связана с насилием и может рассматриваться в качестве

«тотальной войны» мировой финансовой олигархии против остального населения планеты, прежде всего незападного. Субъективная составляющая глобализации заключается в насильственной реализации интересов мировой финансовой олигархии, транснациональных корпораций, политической и экономической элиты США и Западной Европы. Пока разворачиваются глобализационные процессы, проблема насилия будет сохранять свою остроту и актуальность.

Поскольку будущее неразрывно связано с прошедшим, то субъекты глобализации часто используют историю для формирования соответствующей идеологии, которая пытается оправдать искусственное глобализационное давление. Может показаться странным тот факт, что идеологи глобализации довольно часто используют постулаты марксизма, однако, как свидетельствует практика, методы попыток унификации мирового пространства довольно схожи, в частности: 1) единство исторического процесса и неизбежность прогресса; 2) объективность процесса, его независимость от воли и сознания людей; 3) стадийность этого процесса, прохождение человечеством в целом ряда «научно» установленных стадий (формаций); 4) эконоцентризм, представление о производительных силах и производственных отношениях как о движущих силах прогресса и факторах, определяющих все остальные проявления нашей жизни; 5) классовый подход к анализу всех постлепервобытных обществ, преимущественное внимание к проблемам эксплуатации и любым формам протеста; 6) насилие как основной метод решения социальных проблем и основной механизм прогрессивного развития.

Стадийность исторического процесса базируется фактически на идее единства человечества, которая пока не доказана, оставаясь аксиомой, принятой рядом исследователей. С нашей точки зрения, ее доказать невозможно.

Таким образом, реально противодействовать давлению глобализма возможно только на базе объективных исторических исследований, основанных на традициях конкретного этноса.

Литература

1. *Глевацкая Н.В.* Социальные проблемы устойчивого развития как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Красноярск, 2002.
2. *Гайм Р.* Гегель и его время. – СПб.: Наука, 2006.
3. *Канаев Н.М.* Глобализация как угроза культурному разнообразию и социально-устойчивому развитию // Культура информационного общества: Сборник научных трудов. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2003.
4. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3.
5. *Панарин А.С.* Глобализация // Глобалистика. Диалог. – М., 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ ЗНАНИЯ

Ардашкина О.М. Единство традиционной и нетрадиционных функций архива как технология управления в обществе знания	3
Гордиенко А.А. Институциональные инновации посткризисного Новосибирского научного центра: предпосылки формирования современной инновационной системы.....	8
Данилова Е.А. Инструменты позиционирования инноваций в Российской Федерации на примере технологических платформ.....	15
Диев В.С. Управление в «обществе знаний»: организации, риски, решения	18
Кудашов В.И. Рефлексивное управление обществом знания: проблема когнитивных ограничений.....	21
Кузь С.В. Коррупция как социально-философская проблема современной России.....	26
Куликов М.Н. Управление информационными потоками в глобальном образовательном пространстве.....	31
Максимов С.В. Неоднозначность военного прогресса в глобальном мире	35
Петров В.В. Организационная культура вуза и степень поощрения риска в обществе инновационного типа	40
Пирогов С.В. Управление развитием города в обществе знания	45
Сидоренко Е.В. Геополитические трансформации современности и особенности воспитания патриотизма	50
Скомский Л.В. Современное образование: от технологии к фундаментально-гуманитарному статусу	54
Трубицын О.К. Обоснование необходимости развития сетевых технологий управления	58
Тюгашев Е.А. Модель информационного рынка Геродота в анализе генезиса философского знания	61
Цуканова О.А. Проявление нормотворческих процессов в образовательной сфере.....	65
Щербинин А.И. Проблема экспертного знания в условиях инновационного поворота (политологический аспект)	70

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Аблажей А.М. Наука как элемент «общества знаний»: сохранение и воспроизводство	76
Бармашова Т.И. Научное познание как единство осознанного и неосознанного	80
Буковская Н.В. Онаученное общество: технократическая и гуманитарная модель инновационного развития	84
Волкова Т.И. Роль образования и научных знаний в карьерном росте молодых специалистов г. Челябинска	89
Ганаба С.А. Сложность в социокультурном измерении: постановка проблемы	93
Денисов С.Ф. Смыслы науки	96
Минченко Т.П. Проблемы философии науки в контексте новых требований к подготовке специалистов высшей квалификации	99
Разумов В.И., Сизиков В.П. Опыты синтеза философии, физики, математики	103
Розова С.С. Идеальные объекты в свете теории социальных эстафет	108
Рузанкина Е.А. Наука в феминистской перспективе	112
Семибратова Н.В. Парадигма – форма предпосылочного знания?	115
Соловьева Л.Н. От информационного общества к обществу знаний.	118
Сторожук А.Ю. Методологические основания исследований темной материи	122
Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Что мы имеем в виду, когда говорим об обществе знания	126
Сычева Л.С. Социокультурные факторы осознания специфики математики	129
Черникова И.В. Динамика научности в западной культуре и трансформация концепта «знание»	133
Чистанова С.С. К проблеме формирования языковой личности в инновационном образовании	138

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

Ардашкин И.Б. К вопросу о специфике организации образовательного процесса в условиях когнитивного поворота и становления общества знания	143
Атрошкина А.А. Влияние педагогических и технологических факторов на формирование информационно-образовательной среды.	148
Вишина Г.В., Ашмаров И.А. К вопросу о функциях кураторов вузов	153
Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Система высшего образования как сфера формирования новой гуманитарной парадигмы	157
Бурмага С.В. Проблема отчуждения как следствие информационных	

инноваций в образовании	162
Бут О.А. Основные направления процесса формирования конкурентоспособной личности современного студента	166
Зинченко В.В. Трансформации ценностной среды образовательно-воспитательного процесса в современном общественном развитии и моделях философии образования	169
Кириленко Ю.Н. Проблема интерпретации смысла концептов «эффективное образование» и «неэффективное образование»	176
Найман Е.А. Институт высшего образования в системе обмена знаниями в регионе	180
Никитин А.П. Знание как товар: общество знания в обществе потребления	184
Очилов А.О. Знание – решающий фактор управления человеческим капиталом в подготовке высококвалифицированных кадров	188
Петренко В.В., Зинченко Е.В. Идея «открытого образования» и коммуникативная онтология социальности	193
Петрова Г.И., Ленкина Л.Л. Возможности когнитивного менеджмента в образовании	195
Тихонова Е.В. Новые подходы к философии образования в глобальном мире	199
Эннс И.А. «Обучающийся регион» как модель инновационного развития в обществе знания	203

СОВРЕМЕННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ОНТОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Берестов И.В. О логической связи аргументов в аналитической истории античной философии	209
Борисов Е.В. Дистинкция Доннелана: семантический аспект	215
Бутаков П.А. Аналитический подход к изучению истории патристической философии	217
Вольф М.Н. Возможна ли аналитическая история античной философии: к вопросу о некоторых историко-философских дискуссиях	222
Головко Н.В., Хлебалин А.В. Частичная теория указания и молекулярная концепция значения	228
Гончаренко М.В. О некоторых аспектах дискурсивной природы факта: роль и значение исследовательских программ И. Лакатоса в процессе обнаружения новых фактов	232
Горбатов В.В. Перформативные доказательства и «смешанные истины»	236
Горбатова Ю.В. Что значит в наше время быть всемогущим Богом? Семантика возможных миров в приложении к теологическому вопросу	240

Ладов В.А., Нявро Р.И. О понятии парадокса в контексте дискуссии вокруг парадокса «Лжеца» в современных логико-семантических исследованиях	243
Ламберов Л.Д. Дефляционные условия истинности и факты	247
Мальчукова Н.В. Психофизическая проблема в современной аналитической философии и отечественной философской традиции ..	251
Мерцалов А.В., Логинов Е.В. Философский призрак	255
Нестеров А.Ю. Прагматический поворот в свете эволюционного трансгуманизма.....	260
Оглезнев В.В. Г. Харт и Дж. Питчер о действии и ответственности... ..	263
Родин К.А. Критика Витгенштейном определения тождества (равенства) Рамсея в общем контексте логико-философского трактата	269
Суровцев В.А. О соотношении теории типов Б. Рассела и теории типов Ф.П. Рамсея.....	273
Черезова Е.Б. Опыт применения методологии положения дел Д. Армстронга к проблеме онтологического статуса цвета	276
Шевченко А.А. О соотношении понятий «нормативность» и «рациональность»	280
Юрьев Р.А. Аналитическая и феноменологическая философия права: общность стратегии при различии метода	283

ПРОБЛЕМА ЗНАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аванесов С.С. Оптическое и онтическое.....	289
Бойко В.А. Сад и Юм: развенчание идеи Я.....	293
Горан В.П. Эпикурейские боги и бог Аристотеля.....	297
Елашкина А.В. Критерии различия рассудка и разума в философии Платона.....	302
Жигло И.В. Критика эгосознания современного Ф.М. Достоевскому европейского человека	306
Кнэخت Н.П., Глебов П.А. Модели взаимовлияния науки, экономики, технологии и политики: классика – модерн – постмодерн (от власти над знанием к власти знания)	309
Круглова И.Н. Поэтика Гёльдерлина в контексте теории «символического обмена» Ж. Бодрийяра.....	312
Кузнецова Е.К. «Границы эстетической оправданности» современного искусства.....	317
Кузьмин А.А. Трансверсальный разум в инновационном обществе ..	321
Литовка И.И. Математическая методология древнего Вавилона и Египта: опыт сравнения и поиск методологических истоков современной математики	326
Малинин А.В. Всеобщая связь явлений и проблема совершенства....	330

Мусохранова М.Б. Пропедевтическая функция терминогенеза медицины в решении проблемы преемственности знания	335
Нехаев А.В. Анти-Мертон: научные популяции, идеи и неравенство	339
Низьева Л.В. Культурно-исторический контекст возникновения австрийского позитивизма	343
Самарин А.С. Между патристикой и схоластикой: VI–XI вв. в истории средневековой философии	347
Санжеников А.А. Знание и критерий истины в стоицизме	349
Слесарев А.А. Проблема знания в иррационалистической философии (на примере философии Артура Шопенгауэра)	352
Чистанов М.Н. Этническая и конфессиональная идентичность: от эмоций к рациональной когнитивной стратегии	356
Щербинина Н.Г. Образы мира и власти в средневековом смысловом контексте	359
Яценко М.П. Особенности анализа глобализации как формы исторического процесса	366

Научное издание

**ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: ФИЛОСОФИЯ,
УПРАВЛЕНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ**

**Материалы III Сибирского философского семинара
Всероссийской научной конференции с международным участием**

Редактор *В.С. Сумарокова*

Верстка *А.С. Маркушенко*

Подписано в печать 26.08.2013 г.

Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 23,5; усл. печ. л. 21,9; уч.-изд. л. 22,4.

Тираж 300. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск,

ул. Высоцкого, 28, стр. 1